

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. О. ЩЕРБИНЫ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. О. ЩЕРБИНЫ.

Стихотворенія. — Новогреческія мелодіи. — Пѣсни о природѣ. — Либы и элегіи. — Пѣсни Русомаго на чужбинѣ. — Эпиграммы. — „Совнѣяъ Русской Литературы“. — Доморощенныя наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика у себя и за границей. — Сатирическая лѣтопись.

1841 — 1869 гг.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Беннѣ),
по «онтанкѣ» № 99.

1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Н. Ѳ. Щербина и его сочиненія.

XXIII

I.

I. Южная ночь. — (1843 г. *) .	6
II. Идиллія. — (1851 г.) .	5
III. Сапфѣ. — (1852 года)	1
IV. Тѣнь. — (1862 г.)	4
V. Женскія рѣчи. — (1853 г.)	3
VI. Невольная Вѣра. — (1844 г.)	18
VII. Вѣнки. — (1852 г.)	—
VIII. Загорѣвшая дѣвушка. Идиллія. — (1851 г.) .	7
IX. Пиръ. — (1850 г.) .	9
X. Весенняя пѣсня. — (1850 г.) .	10
XI. Желанье. — (1852 г.)	11
XII. Герой. I—II. (1846 г.)	12
XIII. Волосы Береники. (Посвящается кв. А. Д. О.) I—IV. — (1853 г.)	13
XIV. Вакханка. — (1852 г.) .	17
XV. Стыдливость. — (1847 г.)	19
XVI. Въ деревнѣ. — (1847 г.) .	—
XVII. Купанье. — (1847 г.)	20
XVIII. Дѣтская игра. — (1846 г.) .	21
XIX. Плачущей у гробницы. — (1847 г.) .	—
XX. Осенняя элегія. — (1851 г.)	22
XXI. Диеирамбы. I—II. — (1850—1852 г.)	23

*) Порядокъ расположенія пьесъ въ оглавленіи уаазавъ Щербиною. —

XXII. Статуя Елены. — (1846 г.) .	25
XXIII. <i>«Ложь изъ лилий и розы приоткрыла тебѣ я.»</i> (1851 г.)	26
XXIV. Элада. — (1846 г.)	28
XXV. Мигъ. — (1846 г.) .	29
XXVI. Два титана: Океанъ и Прометей.—(1851 г.) .	—
XXVII. Женщина. — Идилія. — (1853 г.) .	30
XXVIII. Гермесъ-привратникъ. — (1846 г.)	31
XXIX. Воспоминаніе. — (1853 г.) .	32
XXX. Скрываемая страсть. — (1844 г.)	33
XXXI. На зарѣ. — (1851 г.) .	—
XXXII. Танталъ. — (1845 г.)	35
XXXIII. Уединеніе. — (1842 г.)	36
XXXIV. Свиданіе. — (1844 г.) .	—
XXXV. Письмо. — (1847 г.) .	37
XXXVI. Въ портикѣ. — (1846 г.) .	—
XXXVII. Туника и поясъ. — (1847 г.) .	38
XXXVIII. Вяель и натурщица. — (1847 г.) .	89
XXXIX. Пѣсня у Тенарп. — (1847 г.)	40
XL. Просьба художника. — (1847 г.)	41
XLI. Erisedium. — (1843 г.) .	—
XLII. Афродитѣ-Ураніи. — (1846 г.)	43
XLIII. Софокловой Антигонѣ. — (1846 г.)	—
XLIV. Изъ Бакхлида. — (1847 г.) <i>Переводъ</i>	44
XLV. Дѣвушкѣ. (34-я ода Анакреона). — (1844 г.) . <i>Переводъ</i>	44
XLVI. Тимонъ Аѳонскій. — (1846 г.) .	45
XLVII. Незнакомка. — (1848 г.)	46
XLVIII. Чувство Художника. — (1852 г.) .	—
XLIX. Весталка. — (1853 г.)	47
L. Фессалійская идилія. — (1843 г.) .	48
LI. Ифигенія въ Тавридѣ.—Лирическая сцена.— (Посвящается памяти матери п брата;—1852 г.)	49

VII

Послѣсловіе и примѣчанія въ «Ифгенія въ Тавридѣ». — (1862 г.) .	62
LII. Идеалы. — (1852 г.) .	68
LIII. Иронія въ Искусствѣ. — (1852 г.) .	60
LIV. Плачущей дѣвушкѣ. (Въ альбонѣ кн. Е. Н. В. 1852 г.)	70
LV. Скульптору. — (1851 г.)	71
LVI. И. В. Айвазовскому. — (1862 г.) .	72
LVII. Древняя колонна. — (1844 г.)	—
LVIII. Творчество. — (1846 г.)	74
LIX. Концертъ. (А. П. Б.).—(1847 г.).	75
LX. Поэту. — (1845 г.) .	76
LXI. Живнѣ и искусство. — (1847 г.)	—
LXII. Красавицѣ. — (1853 г.) .	77
LXIII. Стихъ. — (1845 г.).	78
LXIV. Предъ древней статуей. — (1851 г.)	79
LXV. Дѣвочки.—(1853 г.)	80
LXVI. Предъ статуей Венеры Таврической.—(1852 г.)	81
LXVII. Моя Богиня. — (1851 г.)	82

II.

I. Сила пѣсни. — (1843 г.) .	83
II. Айлуда.—(1856 г.)	84
III. Дѣвушка у Харона. — (1854 г.) <i>Подражаніе Ново-греческому.</i> (Посвящается гр. Анастасіи Ив. Толстой) . .	86
IV. Телонія. — (1843 г.)	88
V. Умиращій матросъ.—(1843 г.)	89
VI. Воспомяніе. — (1844 г.) .	91
VII. Отплывающему. — (1843 г.)	92

III.

I. Природа. — (1851 г.)	93
II. Нимфа Вьюги. — (1856 г.) . .	94
III. Nottigno. — (1846 г.)	97
IV. Просьба Весны. — (1864 г.) .	98
V. Зимнее чувство. — (1846 г.) .	100
VI. Голоса ночи. — (1854 г.) .	101
VII. Лѣсъ. — (1853 г.) .	103
VIII. Отрада Осени. — (1854 г.) .	105
IX. Симпатія. — (1852 г.) .	106
X. Даръ Прометея. I—II. — (1842 г.) .	107
XI. Жизнь. — (1847 г.)	108
XII. Счастье. (Л. С. II.) — (1848 г.)	109
XIII. Сказки. — (1843 г.) .	—
XIV. * * * <i>Чѣмъ я больше знаю...</i> — (1848 г.) .	111
XV. Уженье. (А. Н. М.) — (1854 г.) .	112
XVI. Утреннее впечатлѣніе. — (1854 г.) .	114
XVII. Предсмертное чувство. I, II, III. — (1844 г.) .	115
XVIII. Узникъ. — (1851 г.)	117
XIX. <i>Наши очи малы...</i> — (1848 г.) .	118
XX. Монологъ на высотѣ. — (1854 г.) .	—
XXI. Мысль о смерти. — (1844 г.)	120
XXII. Туча. — (1846 г.) .	—
XXIII. Пустыня. — (1847 г.) .	121
XXIV. * * * <i>И здѣсь, и тамъ, и даже гробница</i> — (1846 г.) —	—
XXV. Болѣзни. — (1845 г.)	122
XXVI. Сердцу. — (1846 г.) .	123
XXVII. Утро въ горахъ Фокнды. — (1861 г.) .	—
XXVIII. Земля. — (1854 г.) .	125
XXIX. * * * <i>Когда съ высокія минуты бытія</i> — (1848 г.) 126	126
XXX. Мысль и дѣло. — (1854 г.) .	—

IX

XXXI. Не въ ведро-ль тилгое на ясной глади водъ....—	
(1847 г.)	127
XXXII. Ночь и день. — (1854 г.) .	128
XXXIII. Миръ. — (1850 г.) .	130
XXXIV. Пѣсни міра. — (1854 г.) .	131
XXXV. Подозрѣніе. — (1854 г.) .	133
XXXVI. Свиданье съ моремъ.—(1843 г.) .	—
XXXVII. Передъ бурей.—(1852 г.)	135
XXXVIII. Весенній гимнъ.—(1852 г.)	136
XXXIX. Природѣ.—(1854 г.)	138

IV.

I. Современная Дума.—(1848 г.)	139
II. Человѣву.—(1848 г.)	140
III. Женщинѣ —(1848 г.) .	141
IV. Въ обществѣ.—(1845 г.) .	143
V. Поэтамъ.—(1856 г.)	145
VI. Ямбъ.—(1848 г.)	147
VII. Нашъ Демонъ.—(1855 г.) .	148
VIII. Къ Поэту.—(1855 г.) .	149
IX. Битва —(Октавы). — (1856 г.)	150
X. Поелъ бала. — (1849 г.) .	156
XI. Поколѣвию. — (1848 г.) .	158
XII. Пѣсня Прометея. — (1848 г.) .	159
XIII. Современная Вакхическая пѣсня.—(1843 г.) .	170
XIV. Признаніе Пророка. — (1845 г.) .	162
XV. Селену.—(Памяти кн. А. И. М.)—(1853 г.) .	163
XVI. Свѣтъ.—(1852 г.) .	165
XVII. Иронія. — (1843 г.) .	166
XVIII. Будущее.—(Посвящается М. П. К.)—(1849 г.)	167
XIX. Путешествіе въ Грецію.—(1853 г.)	168

Х

XX. Пѣсня Вѣва.—(1848 г.) .	169
XXI. * * * <i>Кода дамо съ преста иврѣчно прощяе.....</i>	170
XXII. Желанье.—(1848 г.)	171
XXIII. Миньйонѣ.—(1854 г.) .	172
XXIV. Слово юношѣ. —(1856 г.) .	173
XXV. Оправданіе. —(1848 г.) .	174
XXVI. Волѣвнѣ.—(Н. Д. Х.) —(1853 г.) .	175
XXVII. Поэтѣ. —(1852 г.)	176
XXVIII. Смерть весны.—(1859 г.)	178
XXIX. Бальныя грѣзы.—(Октавы).—Посвящено А. Ө. К.—(1856 г)	—
XXX. Тосты. —(1855 г.)	182

Новогреческія пѣсни.—Историко-критическое изслѣдо-
ваніе и переводы образцовъ пѣсень. — (1843 г.) . 183

V.

I. Hôtel «la Sirena» въ Сорренто. — (Неаполь 8 мая 1861 г.)	231
II. На островѣ—(Лондовѣ, 4 августа, 1861 г.) .	234
III. Гладіатору въ Капитоліи. — (Ринѣ, 14 мая 1861 г.)	234
IV. Лѣто на островѣ Уайтѣ.— (Вентнорѣ, 7 іюля 1861 г.)	235
V. Переѣздъ черезъ границу.—(Берлинѣ, 14 марта 1861 г.) .	236
VI. Въ Трибунѣ.—(Флоренція, 1861 г.) . .	237
VII. Смилонская дорога.—(Бригѣ, въ Швейцаріи, 7 іюня 1861 г.)	238

VIII. Вельведеръ.—(Рвизъ, 18 пая, 1861 г.)	239
IX. Въ уединеніи.—(Вилла у Лаго Маджіоре 1861 г.)	240
X. Пѣсня ратникамъ Московсваго ополченія.— (1855 г.)	242
XI. Великая панихида. — (Изъ Челяквскаго, съ Чешскаго)	244
XII. Йово и Мара. — (Сербская народная поэма 1860 г.).	245

VI.

I. Тишина. — (1846 г.) .	261
II. Встрѣча. — (1848 г.) .	262
III. * * * <i>Когда любовь моя смущаетъ ваше счастье.</i> — (1843 г.)	—
IV. O Rimembianza! — (1846 г.)	263
V. Прмиренье. — (1848 г.) .	264
VI. * * * <i>Созданье милое! Мнѣ грустно за тебя.</i> — (1844 г.) .	—
VII. Дубъ и Ліана. — 1846 г.	265
VIII. Notturmo. (1851 г.)	266
IX. Мнѣ Японѣ. (М. П. К.) — (1854 г.).	267
X. Безмовіе. — (1853 г.)	268
XI. Въ Альбомѣ С. А. С-вой. — (1856 г.).	269
XII. * * * <i>Не внамлешь ты сужденьямъ сѣтя.</i> — (1851 г.) .	270
XIII. Человѣкъ поколѣнія	272

VII.

I. Альбомъ Иптохондрика: собраніе эпиграммъ, всеній, ямбовъ и всякаго сатирическаго школьничества.

I. Ехрiatio. — (1863 г.) .	277
II. Аттестаты студіозусамъ семинаріи. I. — II. — (1841 г.)	279
III. Сказаніе о нѣкоемъ боголюбивомъ юношѣ Тертин. (1855 г.) .	287
IV. Таганротскіи грѣхамъ. Ямбъ—(1843 г.) .	289
V. Выдержанъ изъ книги, подъ названіемъ: «Мечты и звуки». — (1846 г.)	290
VI. Современная поэзія. — Пародія. — (1850 г.) .	292
VII. Эпитафія русскому купцу.—(1851 г.) .	292
VIII. Двойное горе. — (У гроба Гоголя, 21-го февр. 1852 г.) .	293
IX. Хвалебная пѣснь блаженному борзописцу NN, литературы ради юродивому. — (1852 г.) .	294
X. Въ часовнѣ Иверсаой. — (1853 г.)	295
XI. Физиологія Новаго Поэта.—Фельетовъ въ стихахъ. — (1853 г.)	295
XII. Превращеніе Оаддея въ Новаго Поэта. (Дополненіе къ «Овидіевымъ превращеніямъ»).	297
XIII. Напутственное посланіе къ нѣкому бвзсребреннику и Московскому книгочю, отправляющемуся на казенный счетъ изучать Монголовъ на мѣстѣ. — (1854 г.)	299
XIV. Послѣ чтенія одной «Эллеги - Оды - Сатиры».—(1854 г.) .	300
XV. Автору «Всевоможныхъ Пустячковь». (1854 г.)	302

XVI. Четверостишіе, сказанное блзворукой завистью (1853 г.)	302
XVII. Всеобщій благопріятель.—(1854 г.) .	303
XVIII. Загадка.—(1855 г.) .	—
XIX. * * <i>Вико ярає! В круовращеньи....</i> —(1855).	304
XX. По взятіи Севастополя. — (1855 г.).	—
XXI. Эпиграммы: 1. <i>*Ты мнны востывалъ....*</i> 2. <i>«Лестивый рабъ, судьбой забытый...»</i> (1854—1855 г.) .	305
XXII. Автору «Книги Печалей» (Н В. Сушкову.— 1855 г.) . .	306
XXIII. Астрономическая проблема. — (1854 г.) .	—
XXIV. По поводу одной оплеухи.—(1855 г.) . .	308
XXV. «Москвитянинъ». —(1841—1855 г.) .	308
XXVI. «Русская Бесѣда».—Посвящается Аполлону Григорьеву (1857 г.).	309
XXVII. * * <i>Не уколола никого.</i> —(1857 г.).	—
XXVIII. Новое слово.—1857 г.) .	310
XXIX. «Молва».—(1857 г.).	310
XXX. Въ альбомъ ребенка.—(1857 г.) .	—
XXXI. Общій Другъ.—(1858 г.).	311
XXXII. Кто Онъ?—(1858 г.).	—
XXXIII. Н. В. Бергу и другимъ нѣмцамъ-славянофи- ламъ.—(1858 г.).	312
XXXIV. Московскимъ Краснымъ.—(1858 г.) .	—
XXXV. Невозможность эпиграммы.—(1858 г.).	313
XXXVI. Молитва современныхъ Русскихъ писателей.— (1858 г.) .	—
XXXVII. Журналь «Весельчакъ». — (1858г.)	314
XXXVIII. Петербургъ. — (1858 г.).	—
XXXIX. Четверостишіе исключеннаго семинариста. — (1859 г.)	—
XL. Фигура поправленія. 1. Обь одномъ критикѣ. 2. Еще о томъ же критикѣ. — (1859 г.) .	315

XLI. * * <i>Хоть теперь ты эко-писатель.</i> —(1859 г.).	316
XLII. Русская Исторія. (Посвящается отечественнымъ дѣятелямъ, 1869 г.) .	316
XLIII. Эпитафія А. А. Григорьеву. — (1859 г.) .	317
XLIV. Roma l'Antica. (Отрмвокъ въ «Одиссея послѣд- наго сумасброда», 1859 г.).	—
XLV. Ужасающая догадка. — (1859 г.).	318
XLVI. * * <i>Пулая стаю ястребиную</i> — (1859 г.) .	—
XLVII. Доморощенный либерализмъ. — (1869 г.).	—
XLVIII. Издателямъ «Искры». — (1859 г.) .	319
XLIX. * * <i>У русской власности прося.....</i> —(1859 г.). —	—
L. Любонная пѣсня Двокаменной Киргизки, аропѣтая Н. А. Сѣверцову. — (1859 г.)	—
LI. Отвѣтъ Грека на эпиграмму Русскнхъ.—(1859 г.)	321
LII. * * <i>Либерализмъ онъ свесъ и въ руки.</i> — (1860 г.) —	—
LIII. Предъ памятникомъ Петру I. — (1859 г.) .	—
LIV. Реформа Петра I. — (1860 г.).	322
LV. Рнѣмь. — (1860 г.) .	—
LVI. * * <i>О, еслибъ также вдозволенно въ отицать ты взятки обличалъ.</i> — (1860 г.) .	322
LVII. * * <i>О, еслибъ также вдозволенно ты казвонра- довъ обличалъ....</i> — (1859 г.) .	323
LVIII. Отвѣтъ на тупую эпиграмму.—(1859 г.)	—
LIX. Экспромтъ.—(1860 г.) .	324
LX. Мы. — (1860 г.) .	—

II. Сонникъ современной русской литературы,
расположенный въ алфавитномъ порядкѣ и служа-
щій необходимымъ дополненіемъ къ известному Сон-
нику Мартына Задеки 325—336

III. Формулярный списокъ о службѣ нѣкоего
титулярнаго литератора и пннты.—(1858 г.). 337

IV. Доморощенные наброски русскаго лѣтннца и тохондрика. — (1857—1867г.)

I. Портреты русскихъ писателей въ журналѣ «Смѣль Отчества.»	339
II. О вредѣ и опасности журнала «Москвитянинъ» для народнаго здравія въ государствѣ.—(1856г.)	340
III. Изъ будущаго учебника Исторіи Русской Литературы.	342
IV. Русское горе.	343
V. Комета и комедіи	—
VI. Самое точное философическое опредѣленіе, что такое челоувѣкъ?—(1859 г.).	344
VII. Гегелическая призрачность.—(1859 г.).	346
VIII. Еще анекдотъ о П. Л. Кисельниковѣ.—(1861 г.)	351
IX. Литературный слухъ объ изданіи энциклопедическаго лексикона-чудовища.—(1859 г.).	352
X, Обраачивъ статьи въ энциклопедію.—(1851 г.)	356
XI. Финансовая замѣтка.—(1861 г.).	356
XII. Потасовка.—(1861 г.).	357
XIII. Эпическое начало въ народѣ и стрѣльба въ этотъ эпосъ.—(1861 г.).	358
XIV. Опредѣленіе любви.—(1861 г.).	359
XV. Современный эпосъ.—(1862 г.).	359
XVI. Парадоксы.—(1861—1862 г.г.)	361
XVII. Пѣсни для простонародныхъ школъ: «Russisches Schülerslied»	363
XVIII. Еще открытіе!	366
XIX. Меню обѣда въ русскомъ національномъ и архангелскомъ вкусѣ, который хотѣлъ дать М. П. Погодинъ Славянамъ. (31 мая 1867 г.)	367
XX. Свобода	—

*V. Путевыя наброски за границей русскаго лю-
тисца и упохондрика.—(1861 г.)* 369—388

*VI. Сатирическая лѣтопись. Ямбы, всеніи и
эпиграммы.*

I. Эпиграфъ къ повѣстямъ NN и къ новой «Сѣ- верной Пчелѣ». — (1861 г.). .	391
II. На кончину газеты «Вѣкъ». (1861 г.).	392
III. Эпитафія.—(1862 г.).	—
IV. Про современное.—(1862 г.)	393
V. Редактору NN.—(1862 г.)	394
VI. Графу Межеумкову-Безразсудко.—(1862 г.).	—
VII. Нигилистамъ.—(1862 г.).	—
VIII. Театральное извѣстіе.—(1862 г.).	395
IX. Нынѣшніе преступники.—(1863 г.).	396
X. * * Я тебя твое значенье....(1863 г.)	397
XI. * * Краснотой своей мѣрем....(1864 г.)	—
XII. Н. А. Сѣверцову въ Киргизію. (1864 г.).	—
XIII. Отчего я не женюсь.—Элегія.—(1865 г.).	398
XIV. И. С. Аксаковъ.—(1865 г.)	—
XV. Москва 25 сентября въ «Днѣ».—(1865 г.)	399
XVI. * * Собою забавную не тпость... (1865 г.)	399
XVII. Французская революція на русскій ладъ.— (1866 г.)	—
XVIII. Sapienti sat. — Подражаніе Фету. (1866 г.).	400
XIX. Современное ожиданіе.—(1867 г.).	401
XX. «Смерть Іоанна Грознаго» на сценѣ (1867 г.).	—
XXI. Земская Реторика.—(1867 г.)	402
XXII. Поездъ чтенія Исторіи.—(1867 г.).	—
XXIII. Графу Межеумкову-Безразсудко.—(1867 г.).	403
XXIV. Европа и мы.—(1867 г.).	—
XXV. Рецензія.—(8-я книжка «Русскаго Вѣстника» 1867 г.).	404

XXVI. Русская Идиллія.—(1867 г.).	404
XXVII. Изъ одной проповѣди.—(1867 г.).	405
XXVIII. Наше богатство.—(1867 г.)	—
XXIX. Ильѣ—(Экспромтъ, 1867 г.)	—
XXX. Стихи, сказанные въ сновидѣніи.—(1867 г.)	406
XXXI. Наше время.—(1867 г.)	—
XXXII. Новое назначеніе.—(1867 г.)	407
XXXIII. Воишь Ѡ. И. Тютчева.—(1867 г.).	408
XXXIV. Отечественный почетъ.—(1867 г.)	—
XXXV. Замятка ретрограда—пессимиста.—(1867 г.)	—
XXXVI. Современная Элегія.—(1867 г.)	409
XXXVII. Тарифная Коммиссія.—(1868 г.)	410
XXXVIII. Членамъ-фритредерамъ Тарифной Коммиссіи.—(1867 г.)	—
XXXIX. Теперь.—(1867 г.)	—
XL. * * <i>Изъ двое будутъ вслѣдъ въ литературу про- ситъ....</i> (1867 г.).	411
XLI. Эпиграмма на самого себя.—(1867 г.)	—
XLII. Наши Титаны.—(1867 г.)	—
XLIII. Японской Академіи Наукъ по избраніи ею но- ваго члана.—(1868 г.) . . .	—
XLIV. Редакторамъ «Искры».—(1868 г.).	412
XLV. Исходъ.—(1868 г.)	—
XLVI. Святые Безсребренники.—(1868 г.)	412
XLVII. Пустыня.—(1868 г.)	413
XLVIII. * * <i>Какъ всякій мѣдный лобъ....</i> —(1868 г.).	—
XLIX. По прочтеніи IV-го тома «Война и Миръ».—(1868 г.). . .	—
L. Замятка.—(1868 г.)	—
LI. * * <i>Чуждѣ интриги и обмана....</i> (1868 г.).	414
LII. Признаніе П. И. Якушкина.—(1868 г.).	—
LIII. * * <i>Будяковъ все слышу кланки я....</i> —(1868 г.)	—
LIV. Причина пьянства.—(1868 г.)	416
LV. Дѣвъ Кветенія.—(1868 г.).	—

ХVIII

LVI. Замятка.—(1868 г.). .	415
LVII. Судебная реформа.—(1868 г.)	416
LVIII. Замятка.—(1869 г.).	—
LIX. Васьмъшнику.—(1869 г.). .	417
LX. Адвокату *.*—(1869 г.). .	—
LXI. Литія по усопшемъ рабѣ божіенъ *.*.—(1869 г.).	418
LXII. *.* <i>Россійской пустоты, фразёрству Петрограда</i>(1869 г.).	—
LXIII. Газетѣ.—(1869 г.)	419
LXIV. Петербургская журналистика.—(1869 г.). .	—
LXV. Прозать о кочевникахъ.—(1869 г.).	—
LXVI. Юношамъ - членамъ Славянскаго Комитета— (25 марта 1869 г.).	420

П р и о ж е н і я :

I. «Сонникъ современной Русской Литературы», дополненія и варьянты по списку 1856 г. . .	423
II. Варьянты къ стихотвореніямъ Н. О. Щербинны, изд. 1857 г.	430
III. Эпиграммы передѣланныя для печати въ 1859 г.	431
IV. Письма Н. О. Щербинны въ О. В. Миллеру. 1859 г.	484
V. Списокъ эпиграммъ Н. О. Щербинны вепомѣщенныхъ въ это собраніе его сочиненій. (1859 — 1869 г. г.)	438

Н. Ѳ. ЩЕРБИНА.

1821 — 1869.

I.

«Я, Николай Щербина, происхожу, съ отцовой стороны, изъ дворянъ Харьковской губерніи, а съ материнской— изъ дворянъ Войска Донскаго. Родился 2-го декабря, 1821-го года, въ степномъ помѣстьѣ матери своей, Грузво-Еланинскомъ (Миусскаго округа), въ землѣ Войска Донскаго, находящемся въ 60-ти верстахъ отъ города Таганрога.

«Съ 8-ми-лѣтняго возраста началъ постоянно жить съ родителями въ Таганрогѣ, и обучался въ тамошнемъ училищѣ и гимназїи. Будучи еще гимназистомъ, я напечаталъ первое свое стихотвореніе («Къ морю») въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1838 года, № 10. — Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ поѣхалъ учиться, частнымъ образомъ, въ Москву, а оттуда въ Харьковъ, гдѣ, чрезъ четыре года поступилъ въ университетъ. По тяжелымъ житейскимъ обстоятельствамъ, въ вторюя впали мои родители, я вынужденъ былъ выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ деревняхъ у помѣщиковъ. По временамъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ. Въ это время

я печаталъ свои стихотворенія въ мѣстныхъ литературныхъ сборникахъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ, а также и статьи въ провѣ *).

«Переѣхавъ въ 1849 г. изъ Харькова въ Одессу, я издалъ таиъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ: «Греческія Стихотворенія». Эта книга была благосклонно принята и публикою, и критикою, и доставила мнѣ извѣстность. Въ Одессѣ же я былъ представленъ Л. С. Пушкинымъ, братомъ поэта, князю П. А. Вяземскому. Изъ Одессы я отправился въ Москву, въ 1850 году, гдѣ опредѣлился на государственную службу—въ московское губернское правленіе, въ должность помощника редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ Москвѣ же занимался преподаваніемъ дѣвкамъ изъ высшаго тамошняго общества; участвовалъ въ журналѣ «Москвитиниъ» и печаталъ стихотворенія въ разныхъ петербургскихъ журналахъ; собиралъ и запи-

*) Таковы, между прочимъ, стихотворенія: «Блазны» (От. Зап. 1841 г.); «Ночь въ Венеціи» и «Эллада» (Москвитиниъ 1845 г.). Въ издававшемся тогда украинскомъ литературномъ сборникѣ «Молодикъ» (изд. Вейнаго, вышло 2 яв.) помѣщено довольно много стихотвореній Щербиниъ — нѣкоторыя съ его подписью, другія — подписаны псевдонимомъ. Въ тому-же времени (1843 г.) относится статья Щербиниъ въ провѣ: «Новогреческія пѣсни», съ переводомъ въ ней въ провѣ-же 44 пѣсень. Изъ аетербургскихъ журналовъ особенно много печаталось соч. Щербиниъ въ журналѣ «Современникъ». Такъ, въ немъ были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія его пронаведеанія: Дополненіе къ греческимъ стихотвореніямъ (шесть стихотвореній) Томъ XXII. Слов. 141.—Эпиллогъ къ греческимъ стихотвореніямъ. XXIII. Слов. 5. — Счастье. Стихотвореніе. XXII. Слов. 43. — Свиданье съ моремъ. — «Я не прошу покоя у судьбы». XXV. Слов. 115. — Муванъ. — Notturmo. XXVI. Слов. 141. — Послѣ бала. — Нашъ геній. Т. LVII. и друг.

сывалъ съ устъ простонародья русскія народныя пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

«Переѣхавъ (въ мартѣ 1855 г.) изъ Москвы въ Петербургъ, я поступилъ вновь на службу—по министерству народнаго просвѣщенія—чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, и былъ дѣлопроизводителемъ одного еврейскаго ученаго комитета.

«Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ мною изданы: 1, Полное собраніе моихъ стихотвореній, въ 2-хъ томахъ (С.п.б. 1857 г.) 2, «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи», и 3, «Пчела», сборникъ для народнаго чтенія и употребленія—при народномъ обученіи; этой книги напечатано въ 1869 г. *третье* изданіе. Кромѣ того, я печаталъ статьи въ журналахъ и отдѣльными брошюрами, по части простонароднаго образованія. Во французскомъ журналѣ «Le Nord» помѣщена мною статья о медали въ память «19 февраля 1861 года, исполненной графомъ Ѡ. П. Толстымъ. Путешествовалъ по Европѣ и помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свои путевыя письма и стихотворенія, а также и въ «Днѣ».

«Въ настоящее время (1869 г.) находится у меня ненапечатаннымъ довольно большое собраніе сатирическихъ стихотвореній.

«Мною пожертвовано двѣ тысячи экземпляровъ моей народной книги «Пчела» на бѣдныя сельскія школы, учрежденныя при церковныхъ приходахъ, на сумму 2,225 рублей; также пожертвовалъ я эту же книгу во всѣ воскресныя простонародныя школы при духовныхъ семинаріяхъ; ее-же пожертвовалъ и на славянѣ.

«При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія я остался за штатомъ; былъ годъ

безъ мѣота; потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати, для составленія «Обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ», представляемаго ежедневно Его Величеству Императору. Во время этой послѣдней службы, я заболѣлъ (въ 1864 г.) тяжкою хроническою болѣзнію: но должность свою, однако, продолжалъ исполнять неукоснительно, какъ-бы былъ совершенно здоровымъ (1869 г.)

«Еще я писалъ, по порученію Академіи Наукъ, критическіе разборы сочиненій, поступающихъ на Уваровскія преміи, и былъ награжденъ за это Академіею, которая присудила мнѣ золотую медаль. Кромѣ того, я писалъ критическія статьи и рецензіи въ разныхъ періодическихъ издаваніяхъ. Болѣзнь моя продолжается болѣе четырехъ лѣтъ.....“

Апрѣль 1869 г.
Петербургъ.

Николай Щербина.

Приведенная автобіографическая записка составлена Щербиною за нѣсколько дней до его мучительной кончины: онъ умеръ 10 апрѣля 1869 года, отъ адушенія-наросомъ въ горлѣ.

Смерть Щербины была скоропостижная. Друзья и врачи давно совѣтовали ему оставить Петербургъ, вредно дѣйствовавшій на здоровье и переселиться на югъ Россіи, но поэтъ, хотя и сознававшій, что это необходимо, медлилъ оставить городъ, гдѣ ему всетаки жилось лучше, чѣмъ въ провинціи. Наконецъ въ 1868 году, черезъ одного изъ своихъ друзей, онъ сталъ хлопотать о зачисленіи его въ штатъ генералъ-губернатора Новороссійскаго края въ Одессу. Князь Вяземскій принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ изъявилъ полную готовность испол-

нить желаніе поэта. Щербина уже собрался уѣхать изъ Петербурга. 10-го апрѣля 1869 г. его осмотрѣли извѣстнѣйшіе хирурги, изъ которыхъ Е. И. Богданевскій предложилъ ему тутъ-же сдѣлать операцію: вставить въ разрѣзъ горла дыхательную трубку и затѣмъ вырѣзать полиппъ, начиннавшій его душить. Щербина не согласился на это, подшучивая надъ страстью хирурговъ—рѣзать. Весь этотъ день онъ провелъ въ обычныхъ занятіяхъ, читая и занимаясь служебной работой. Отдалъ также, по совѣту докторовъ, наставленіе своему слугѣ что дѣлать, еслибы съ нимъ начался припадокъ удушенія. Еще въ 10 ч. утра онъ говорилъ со слугою, а въ 10^{1/2} вбѣжалъ въ слугѣ, въ кухню, уже безъ голоса, показывая знаками, что съ нимъ началось удушье.... Потомъ онъ бросился въ спальню, упалъ на кровать и черезъ нѣсколько минутъ умеръ. Слуга привезъ докторовъ черезъ часъ, когда всѣ средства въ оживленію были уже напрасны. Умеръ онъ въ домѣ Карачарова, близъ Владимірской церкви, въ Поварскомъ переулкѣ, въ крошечной квартирѣ четвертаго этажа, наполненной только шкапами съ книгами. Тѣло его погребено на старомъ кладбищѣ александровской лавры, гдѣ погребено нѣсколько извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей. На югѣ Россіи остались у него родные братъ и сестра.

II.

Щербина—поэтъ антологическій и въ этомъ родѣ можетъ смѣло стать на ряду съ лучшими поэтами, вдохновенными красотами древняго міра, начиная съ Шиллера и кончая А. Майковымъ. Бабка Щербины, со стороны матери, была природная гречанка, пріѣхавшая изъ Морей въ Таганрогъ, въ царствованіе Екатерины II. Съ

семи лѣтъ отправленный въ Таганрогъ учиться, будущій поэтъ попалъ тамъ въ волонію грековъ, и ознакомился съ ихъ предашіями и языкомъ. Въ тамошней гимназіи Щербина ревностно занимался греческимъ языкомъ и бралъ частные уроки, чтобы изучить произведенія древней Эллады. Подъ этими впечатлѣніями классическаго міра, тринадцати лѣтъ, онъ написалъ свою первую поэму «Сафо», уничтоженную имъ въ послѣдствіи. Съ „греческими стихотвореніями“ поэтъ явился впервые и передъ публикой, произведя на нее сильное впечатлѣніе. Журналы 1850 года отозвались объ нихъ съ большою похвалою. *А. В. Дружининъ* — въ «Современникѣ» (кн. VI), *А. Майковъ* — въ «Отечественныхъ Запискахъ» (кн. VI.) *Сенковский* — въ «Библіотекѣ для тенія» (кн. VIII.), а также журналы «Москвитянинъ» и «Сынъ Отечества» — встрѣтили чрезвычайно сочувственно молодого поэта. И дѣйствительно: сильный и звучный стихъ, пластичность образовъ, картинность выраженій въ этихъ стихотвореніяхъ замѣчательны въ высшей степени. Стоитъ вспомнить его: «Сафѣ», «Идиллія» «Южная ночь», «Загорѣвшая дѣвушка», «Пиръ», «Невольная вѣра», «Эллада», начало «Ифигенія въ Тавридѣ», чтобы убѣдиться, что такой гармоническій стихъ не часто встрѣчается въ русской поэзіи. Къ лучшимъ изъ этихъ пьесъ покойный знаменитый художникъ графъ Ѳ. П. Толстой составилъ превосходные рисунки, помѣщенные въ Иллюстраціи 1857 года. Стихотворенія Щербина проникнуты такимъ знаніемъ древняго міра, что навсегда останутся образцами въ нашей поэзіи.

Отъ древнихъ эллиновъ поэтъ перенесъ свою симпатію и въ новѣйшимъ грекамъ; онъ передалъ въ этикахъ и прозѣ лучшія изъ новогреческихъ пѣсень и разобралъ критически ихъ значеніе. Еще въ своихъ

эпидемиологических проявлений Щербина высказывал пессимистические мысли, перемешиваемые с учением современного рационализма, и это направление, в соединении с стремлениями къ идеалу устройства общественной жизни и, волнующаго от этого, негодованія въ современнымъ недостаткамъ и неправдамъ, сильнѣе всего выманивается во всѣхъ послѣдующихъ его стихотвореніяхъ, и въ особенности «Пѣсняхъ о природѣ» и «Ямбахъ и Элегіяхъ». Явившійся въ 1857 году, въ собраніи его стихотвореній, пьесы этого «гражданскаго» направленія обратили на себя вниманіе вѣрнѣе всѣмъ стихомъ и неподдѣльнымъ вдохновеніемъ. Журналы отоввались о музѣ Щербина еще съ большимъ сочувствіемъ.

Такъ въ III-й книгѣ «Современника» 1857 г. о сочиненіяхъ Щербина напечатана замѣчательная рецензія *).

*) Авторъ этой статьи замѣчаетъ, что «уже небольшой по объему сборникъ стихотвореній, издаваемый г. Щербиню въ 1850 году, показываетъ въ немъ поэта съ замѣчательнымъ талантомъ. Многія изъ послѣдующихъ пьесъ его были прекрасны,—но известность г. Щербина мало возвышалась до того, когда начали появляться его «Ямбы». Благородная мысль, одушевлявшая эти пьесы, живо вымывала еочувствіе каждаго порядочнаго человѣка». — Приславляя Щербину — «человѣкомъ истинно-даровитымъ» — и полагая, что «если такой талантъ не сдѣлаетъ всего, что можетъ сдѣлать, то это будетъ уже потерей для литературы» — критикъ находилъ, что «Щербина стѣсняетъ себя или принужденностью «орія» или принужденностью тона — и боится отдаться естественному влеченію своего таланта». — Подтвердивъ это положеніе и указавъ на односторонность музы Щербина, критикъ «Современника» приводитъ приѣры нѣкоторыхъ слабыхъ стихотвореній Щербина; затѣмъ, въ доказательство силы таланта этого поэта унаимываетъ на слѣдующія пьесы: «Дѣвушка у Харона, новогреческая пѣсня» (въ настоящемъ изд. стр. 86); «Просьба Весны» (стр. 98); «Земля» (стр. 125); «Notturmo» (стр. 97). «Такия

В. О. Корни въ «Московевихъ Вѣдоностяхъ», *В. Р. Зотовъ* въ «Сынѣ Отечества», *И. Л.* въ «Библиотекѣ для чтевія» отдали также въ своихъ статьяхъ полную справедливость поэту. Стихи эти повторялись вездѣ и получили громкую извѣстность, особенно: «Голоса ночи», «Ночь и день», «Женщинѣ», «Въ обществѣ», «Поэту», «Битва», «Послѣ бала», «Пѣсня Прометея», «Современная вахическая пѣсня», «Пѣсня вѣла», «Оправданіе», «Болѣзнь» и нѣкоторыя другія. Если-би Щербина написалъ только эти пьесы, да поименованныя выше греческія стихотворенія, то и тогда бы онъ занялъ почетное мѣсто въ исторіи русской повѣи....

Щербина любилъ русской народъ и видѣлъ необходимость его развитія въ практическомъ, реальномъ направленіи. Это довазываютъ труды его по составленію для народа полезной книги, которая могла-би его учить и въ тоже время развивать его занимательными разсказами,

Еще въ 1861 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ печаталъ свой «опытъ о книгѣ для народа», по образцу которой составилъ въ послѣдствіи свою «Пчелу», не вполне практическую и недостигающую своей цѣли, но всетаки книгу далеко не бесполезную. О томъ, какъ онъ заботился познакомить западную Европу съ русскимъ народомъ и его пѣснями свидѣтельствуютъ его путевыя замѣтки (см. въ этомъ изд. стр. 369—388).

вещи—замѣчаетъ вритивъ «Современника»: можетъ писать только человѣкъ съ истиннымъ и сильнымъ талантомъ,—а въ томъ, что г. Щербина обладаетъ талантомъ, никогда не сомнѣвался никто изъ людей, внимательно изучавшихъ его произведенія». («Современникъ». 1857 г., томъ LXII, библиограф. стр. 1—19).

III.

Предчувствуя близкую кончину, Н. Θ. Щербина тщательно озаботился подготовкою къ изданію полного собранія своихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ.

Исполненіемъ воли и желанія покойнаго является настоящее изданіе: оно напечатано по экземпляру — изданныхъ Щербиною стихотвореній въ 1857 году, но весьма значительно дополненныхъ и исправленныхъ авторомъ; затѣмъ присоединены, также по собственноручнымъ указаніямъ покойнаго, нѣкоторыя его статьи въ прозѣ и впервые напечатано большое собраніе сатиръ, эпиграммъ, ксеній, ямбовъ, анекдотовъ, замѣтокъ и курьезовъ.

Собраніе сатирическихъ и шуточныхъ произведеній Щербины уцѣлѣло въ одномъ большомъ альбомѣ въ листъ, и въ записной объемистой книжкѣ, въ 8-ю долю. Обѣ рукописи, въ особенности первая, тщательно подготовлены покойнымъ Щербиною къ изданію и помѣщены въ указанные имъ отдѣлы настоящаго посмертнаго собранія его сочиненій.

Собраніе сочиненій Н. Θ. Щербины, въ этомъ изданіи, раздѣлено самимъ авторомъ на слѣдующіе отдѣлы:

I. Въ первой отдѣлѣ вошло шестьдесятъ семь стихотвореній (стр. 1—82).

II. Во второмъ отдѣлѣ помѣщено семь стихотвореній: «Новогреческія мелодіи» (стр. 83—92).

III. Третій отдѣлъ составляютъ — «Пѣсни о природѣ», тридцать девять стихотвореній (стр. 93—138).

IV. Въ четвертый отдѣлъ вошли Ямбы и алегіи, тридцать стихотвореній. (стр. 139—182).

Какъ дополненіе и весьма существенное разъясненіе стихотвореній I, II и IV отдѣловъ — авторъ ввелъ въ собраніе поэтическихъ сочиненій обширную свою статью, особое изслѣдованіе, въ прозѣ, «о Новогреческихъ пѣсняхъ» (стр. 183 — 230). Это изслѣдованіе значительно исправлено и передѣлано самимъ Щербиною, съ какими измѣненіями оно и напечатано.

V. Въ пятый отдѣлъ «Русскія пѣсни на чужбинѣ» вошло девять стихотвореній, написанныхъ въ бытность автора за границей въ 1861 г. Въ этотъ же отдѣлъ авторъ помѣстилъ: «Пѣсня ратникамъ Московскаго ополченія» (1855 г.), «Великая панихида» (съ Чешскаго), и «Ново и Мара,» прекрасная сербская народная поэма, съ примѣчаніями (стр. 231 — 260).

VI. Шестой отдѣлъ состоятъ изъ тринадцати стихотвореній, (стр. 261 — 272).

Большинство стихотвореній первыхъ шести отдѣловъ, написаны Щербиною въ періодъ времени съ 1843 по 1856 годъ; въ послѣдующему времени съ 1857 по 1869 г. относятся лишь нѣкоторые его переводы и переложенія поэтическихъ произведеній западно-славянской литературы, и русскія пѣсни на чужбинѣ (1861 г.)

VII. Седьмой, обширѣйшій, отдѣлъ въ настоящемъ изданіи составляютъ впервые появляющіяся въ печати, хотя весьма давно извѣстныя въ обществѣ по рукописнымъ спискамъ, — сатирическія произведенія Щербины. Сюда принадлежать:

1) «Альбомъ Ипохондрика: собраніе эпиграммъ, всеній, ямбовъ и всякаго сатирическаго ералаша и школьничества, — принадлежащее (какъ назвалъ себя Щербина):—греку Николаки Омега». Въ альбомъ вошло семьдесятъ шуточныхъ и сатирическихъ произведеній Щербины 1841—1860 гг., изъ которыхъ многія, какъ

ми сказали выше, давно уже разошлись въ обществѣ въ многочисленныхъ рукописныхъ спискахъ и въ такихъ же сборникахъ.

Авторъ хотѣлъ напечатать «Альбомъ ипохондрика» еще при жизни, но изданіе это почему-то тогда не состоялось, хотя въ его бумагахъ сохранился даже списокъ альбома, одобренный цензурой къ печати еще въ 1859 году.

Вотъ предисловіе въ нему, тогда же написанное Щербиною:

«Редакція приобрѣла этотъ «Альбомъ» отъ таганрогскаго грека Николаки Омега, уѣхавшаго на днѣхъ, и, какъ кажется, навсегда въ Аркадію—отчизну его предковъ.

«Разсматривая «Альбомъ», мы нашли, что большая часть помѣщенныхъ въ немъ эпиграммъ и другихъ сатирическихъ пьесокъ взята изъ литературнаго быта Москвы и Петербурга послѣдняго десятилѣтія. (1849—1859).

«Видно, что господину Омега близко знакома закулисная сторона нашихъ литературныхъ и журнальныхъ кружковъ и что онъ внимательно слѣдилъ за явленіями текущей словесности.

«Лучшихъ, или болѣе интересныхъ, по содержанію, пьесокъ «Альбома Ипохондрика» пока неудобно печатать по разнымъ причинамъ. Въ этомъ случаѣ, мы беремъ изъ него нѣсколько эпиграммъ, а также извлеченія и отрывки, иногда съ необходимыми измѣненіями.

«Собственно говоря, г. Николаки Омега, казалось, несомнѣнно охотно рѣшился отдать его въ печать въ такомъ видѣ. Онъ говоритъ, въ письмѣ своемъ къ намъ, что его эпиграммы могутъ быть воиной понятны только людямъ болѣе или мѣтѣ соприкосновеннымъ литературѣ или-же меньшинству публики особенно интересующейся нашимъ литературнымъ міромъ во всѣхъ подробностяхъ его обстановки». 9 октября, 1859 г. С.-Петербургъ.

Въ послѣдствіи, въ 1863 году — Щербина вновь намѣревался напечатать свое собраніе эпиграммъ и шу-

токъ и написалъ къ нему предисловіе «Eхрiatio», которое помѣщено въ настоящемъ изданіи на стр. 277.

«Сохраняю нѣсколько эпиграммъ потону,—говоритъ между прочимъ авторъ въ своемъ «Eхрiatio» — «что онѣ были относительной правдой души моей въ извѣстный моментъ, хотя между правдой души и объективной истиной нерѣдко бываетъ огромное разстояніе.—Онѣ тогда были не богѣе, какъ лирической вспышкой отъ извѣстнаго рода современныхъ впечатлѣній, разговоровъ, взглядовъ литературныхъ кружковъ и т. п.»

«Альбомъ Ипохондрика» переданъ въ настоящемъ изданіи вполнѣ, но мы признали необходимымъ почти вездѣ опустить имена лицъ, въ которыхъ относилась та или другая эпиграмма (стр. 273—324).

2) «Сонникъ современной Русской литературы» (1857 г.) напечатанъ (на стр. 328—338) съ небольшими сокращеніями, отмѣченными въ подлинникѣ самимъ авторомъ.

«Сонникъ» этотъ давно извѣстенъ въ обществѣ по весьма значительному числу разошедшихся съ него списковъ. Лучшій изъ нихъ — со многими поправками самого *Щербина* — сохраняется у *В. Р. Зотова*. Изъ этого списка мы приводимъ варианты и дополненія — въ приложеніяхъ (стр. 423—430).

Любопытно, что *Щербина* въ 1858 или въ 1859 году намѣревался самъ издать свой «Сонникъ» и уже написалъ къ нему предисловіе въ высшей степени желчное, бранное и если не совсѣмъ несправедливое, то исполненное крайнихъ преувеличеній; оно помѣщено, какъ курьезъ, въ приложеніяхъ въ настоящему изданію. (стр. 423—425).

3) «Доморощенные наброски русскаго лѣннца и ипохондрика» 1857—1867 г.г. (стр. 339 — 368). Это записки, наброски, шутки — изъ записной книжки покойнаго, изъ которой однако, въ настоящемъ изданіи,

воспроизведены лишь нѣвторне отрывки; прочія же мѣста, какъ совершенно необдѣланныя, терновые и включающія въ себѣ слищивонъ рѣвкїя, притомъ не столько остроумныя, сколько влыя и преувеличенныя нападки на современныя поэту явленія русско - общественной жизни и литературы, оставлены въ рукописи.

4) «Путевые наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика во время поѣздки за границу въ 1861 г.» (стр. 369—388)

и 5) «Сатирическая лѣтопись: янбы, всенїи и эпиграммы». Въ эту «лѣтопись» вошло шестьдесятъ шесть сатирическихъ произведеній Щербина 1861 — 1869 гг. (стр. 389—420).

При печатанїи «Лѣтописи», также какъ и «Альбома ипохондрика», опущены имена лицъ и кромѣ того тридцать восемь эпиграммъ оставлено въ рукописи*).

Относительно «Сатирической лѣтописи» вообще нельзя не замѣтить, что на ней вполне отразилось то тяжкое, болѣзненное состояніе, въ какое впалъ Щербина за нѣсколько лѣтъ до своей кончины. Всегда желчный, впечатлительный, въ послѣдніе годы своей жизни, онъ впадалъ по временамъ въ совершенное озлобленіе; во всемъ, что совершалось вокругъ него, поэтъ видѣлъ только однѣ дурныя или смѣшныя стороны, крайности и увлеченія. Щербина нивакъ не хотѣлъ понять, что увлеченія вполне естественны въ молодомъ обществѣ, только что вышедшемъ изъ желѣзныхъ пеленъ долготной неподвижности и переживавшемъ въ истекшее десятилѣтіе многозначательныя коренныя реформы всего государственнаго и общественнаго строя.

*) Перечень не вошедшихъ въ это изданіе 38-ми эпиграмъ помѣщенъ въ приложенїяхъ, стр. 439.

Раздраженіе поэта объясняется многими причинами: неудовлетворенное, болѣзненно развитое самолюбіе, — тяжкая нужда — изъ которой Щербина вышелъ лишь незадолго до кончины, — а всего болѣе тягчайшая, неизлечимая болѣзнь, все это вмѣстѣ, за нѣсколько лѣтъ до кончины, настроило его унѣ и воображеніе самымъ мрачнымъ образомъ. Въ слабыхъ лучахъ свѣта и свободы — въ вонцѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ оживявшихъ русскую мысль и русскую печать — «лѣннивцу и ипохондрику», какимъ называлъ себя Щербина, — мерещились кровавыя призракы революціи и онъ нападалъ на нихъ съ желчью и сарказмомъ. Тѣмъ не менѣе сатирическія произведенія пера Щербины и изъ послѣдняго, вполне печальнаго въ его жизни періода, не лишены явнотвораго значенія: въ нихъ замѣтны, хотя иногда крайне преувеличенныя, комическія или тенныя стороны современныхъ ему общественныхъ явленій....

Портреты Щербины помѣщены въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» 1858 г., въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1869 г., въ «Всенірной Иллюстраціи» 1869 г., № 18, и въ «Портретной Галлерей» изд. Мюнстера, съ біографическими статьями о поэтѣ, (въ «Портретной Галлерей» авторъ, между прочимъ, приписалъ Щербинѣ стихи Мей!)

«Воспоминанія о Щербинѣ» Ольги Н. были напечатаны въ «Зарѣ» 1870 г. № 5. Обстоятельные неврологи помѣщены въ «Голосѣ» (1869 г. № 106, статья Г. П. Данилевскаго), въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Петербургской Газетѣ», «Сѣверной Пчелѣ», «Днѣ» (органъ евреевъ) и «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ засѣданіи славянскаго комитета, 27-го апрѣля 1869 г., Т. И. Филишовъ прочелъ свою статью «въ память Н. Ѳ. Щербины».

Н. О. Щербинъ.

*Ню-миа полатно миа значеняе
Твоей болтавцннмой мечты,
Твоея борбн, твою страданья,
Твое тревожноя служеняе
Прядь идеаламъ красоты ...*

*Така узникъ Эллинекїи порою,
Забывшнсь снамъ среды степей,
Водь Скимоской вьюной снаювою,
Свободой бреднль золотомъ,
И небожъ Грецьнмъ своей.*

О. Тютчевъ

1857 г.

Donc il fallait, pour que l'humanité arrivât à la complète harmonie de ses fonctions, que la chair et la matière fussent réhabilitées.

L. R.

Sur des pensées nouveaux faisons des vers antiques
André Chenier.

I.

С а п ф ђ .

Не могу, о, мать родная
Въ руки взять веретена,
Какъ бывало, распѣвалъ,
Въ виноградникѣ пряла я,
И пряла я не одна!

Онъ всегда бывалъ со мною,
Онъ готовилъ пряжу мнѣ,
И пушистою щекою
На плечо мое съ мольбою
Прилегалъ наединѣ....

Не могу, моя родная,
Бросить нпти въ челнокѣ,
На коврѣ изображая,
Какъ царевна Навзикая
Моегъ пурпуръ на рѣкѣ.

Не стучится гость желанный
Въ портикъ сада моего.
Не идетъ онъ, долго жданный...
Мой вѣнокъ благоуханный
Вяветъ ночью безъ него.

Я давно съ нимъ не сидѣла,
Вдругъ него я не видала,
И давно ему не пѣла,
Какъ Бебтянка Семела
Ложу Зевса отдалась;—

А теперь я пѣснь иную,
 Одинокая пою,
 Пѣсню грустную такую,
 Что я плачу и тоскую
 Въ ночь бессонную мою.

Гесперь всѣмъ приноситъ счастье
 На серебряныхъ лучахъ:
 Ярвій пламень сладострастья,
 Иль сердечное участие
 Зажигаетъ онъ въ очахъ;

На покой зовётъ въ ложницу
 Мужа съ юною женой,
 Возвращаетъ съ поля жницу
 И вудравую ягницу
 Съ луга влажнаго домой...

Я-жъ мечусь по изголовью,
 И—мнѣ грезится—звѣзда
 Облилась и свѣтитъ кровью:—
 Я одна съ моею любовью
 Благамъ Геспера чужда;

А его нетерпѣливо
 Ждетъ соперница моя,—
 Но не съ граціей стыдливой,
 Не съ уловкой прихотливой,
 Какъ ждала когда-то я!

Не умѣть такъ прекрасно
 Грудь она полураскрыть,
 И подь ритмъ живой и страстный
 (Какъ привыкла я всечасно)
 Рѣчь восторга говорить.

Въ пляскѣ бѣшено-игривой
 Незнакома тайна ей—
 И небрежно и красиво
 Бросить вѣтру для извива
 Складки туники своей.

II.

Женскія рѣчи.

Говори, ни на мигъ не смолкая,
 Безконечно, мой другъ, говори:
 Насъ заставитъ молчать, разлучая,
 Суета восходящей зари!...

Ужъ отъ моря несется прохлада,
 Ужъ блѣднѣетъ звѣзда за звѣздой,
 И роса на кистяхъ винограда, —
 Мы разстанемся скоро съ тобой!..

И ползутъ по колоннамъ туманы,
 Поднимаясь клубами съ ручья,
 Раскрываютъ свой вѣнчикъ лiани,
 Просыпается пѣснь соловья..

Не убьешь-же напрасно минуты
 Безъ восторженныхъ мыслей и словъ!
 Не спиши торопливо ко сну ты:
 Ихъ такъ много обманчивыхъ сновъ!

Мнѣ потребна въ такіа мгновенья
 Та мелодія женскіихъ рѣчей,
 Что мнѣ въ душу вливаетъ забвенье
 Всѣхъ тевущихъ безжизненныхъ дней.

Понявъ ты, что я негодую
 Отъ избытка широкой любви
 На неправду и мелочь людскую, —
 Примиренье ко мнѣ призови!...

Но остались намъ только мгновенья
 До лучей повседневныхъ зари...
 Изливай мнѣ на раны дѣхенье:
 Говори, говори, говори!

О, мой другъ! Такъ любовь утасаетъ,
 Мимолетная юности дочь,
 Какъ предъ нами теперь отлетаетъ
 Эта ночь, невозвратная ночь!

 III.

Т Ъ Н Ъ.

Ярко на пирѣ веселомъ горѣли лампы;
 Прелести женъ полногрудыхъ онѣ освѣщали:
 Юношамъ много завѣтной и тайной отрады
 Въ тѣмъ вождельной безсонныхъ ночей обѣщали.
 Но предъ одной красотою въ смущенья стоялъ я,
 Чуждою власти Гимена и власти Киприды;
 Весь созерцанье, безмолвно и жадно внималъ я
 Рѣчи ея равнодушной и полной обиды.
 Тѣнь отъ лица моего трепеща упала
 На близину ея груди упругой и снѣжной:
 Грудь на волненья своемъ мою тѣнь колыкала, —
 Будто колышется тучка на зыби прибрежной...

О, не бѣги отъ меня! О, побудь же со мною!...
 Хоть на мгновенье продли мои сладкія муки!
 Ты какъ раба оковала меня красотою...
 Сжался: — къ тебѣ простираю моления и руки!
 Пусть погостить у тебя хоть на груди прекрасной
 Легко-трепещущей тѣни моей отраженье: —
 Правда-ль, что было-би дерзко желать и напрасно
 Въ сердцѣ желѣзномъ твоємъ промелькнуть на мгновенье?...

Искры любви изъ тебя мнѣ извлечь невозможно:
 Но предъ тобой безкорыство склоняю колѣни,
 Зная, что всякая страсть или больна или ложна,
 Зная, что чувства — лишь мимобѣгущія тѣни.

IV.

Идиллія.

О, не тронь её, 'Аркасъ, мохю я:
 То въ роспуколкахъ розовый кустъ...
 Не спали-же огонь поцелуя
 Этой утренней свѣжести усть!

Ей природа и мать, и игрушка,
 Для нея чуть блеснула весна —
 Пусть-же бѣгаетъ въ волю рѣзвуха,
 Пусть, болтая, хохочетъ она.

Еще ягода эта не спѣла, —
 Въ ней и соковъ пурпуровыхъ нѣтъ,
 И на туникѣ дѣвственно-бѣлой
 Лишь цвѣтовъ да кустарниковъ слѣдъ.

Она съ братомъ-малюткой играетъ,
 У нея столько дѣтскихъ затѣй,
 Что не видитъ она и не знаетъ
 Ни желаній твоихъ, ни страстей.

Передъ нею дрожишь ты и мгѣшь,
 И, краснѣя, смущаешься ты...
 Чтб-же дѣтски любить не умѣешь
 Это дѣтство ея красоты!

Жди... Настанетъ пора золотая,
 И созрѣетъ желаемый плодъ:
 Своей тяжестью вѣтку склоняя,
 Онъ въ корзину Киприды падеть.

V.

Южная ночь.

На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
 И листки серебрятся оливъ;
 Дикой воли полна,
 Заходила волна,
 Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта чудная ночь и тенна, и свѣтла,
 И огонь разливаетъ въ крови;
 Я мастику зажгла,
 Я цвѣтовъ нарвала: —
 Поспѣшай на свиданье любви!...

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна
 При сияньи безстрастнаго дня,
 И, заботой полна,
 Буду я холодна:
 Ты тогда не узнаешь меня!...

VI.

Вѣнки.

Въ толпѣ межъ юношей прошелъ я незамѣтно,
 И взоръ красавицы далѣкъ былъ отъ меня,
 Тотъ взоръ, что для другихъ свѣтился такъ привѣтно,
 Похожій на раасвѣтъ безоблачнаго дня...
 И грустно стало мнѣ, и свой вѣнокъ поэта
 Я сбросилъ съ головы и въ прахъ растопталъ:
 Томимый завистью и страстію согрѣтымъ,
 Лишь адонисова вѣнка я пожелаю...
 И лавръ вонтели съ гражданственной оливой
 Безъ смысла, блѣдные, цвѣли передо мной,
 Незанѣчаемы Кипридой горделивой...
 Я обнаженною поникнулъ головой.

Но ожилъ снова я съ зеленою весною,
 И пѣсни новыя народу я сложить:
 То ихъ гармоніей, то вѣгой и тоскою
 Непобѣдимую нежданно побѣдилъ...

И вотъ ужъ спитъ она, ниѣ на руки склоняся,
 Ея усталая прохлады просить грудь;
 Пурпурная заря надъ мореньъ разлилася;
 Взиралъ на неѣ, не смѣю я дохнуть...
 По складкамъ полога пробрался лучъ денницы,
 Играя и скользя по груди молодой,
 То золотомъ лился на длинныя рѣсницы,
 То тѣнью упадалъ подъ выпуклой красой:
 Тогда въ душѣ моей желаніе иное,
 Желанье новое я страстно ощущалъ
 И недовольствіе какое-то больное...
 Опять я свой вѣнокъ поэта изорвать,
 И плакалъ какъ дитя, безсильно и напрасно
 Желая Фидіа вѣнокъ себѣ стяжать...
 Я чувствовалъ тогда, что этотъ мигъ прекрасный
 Лишь мраморъ да рѣзецъ способны передать.

VII.

Загорѣвшая дѣвушка,

Идиллія.

Хлѣбородной нивы жницы!
 Какъ сіяютъ предо мной
 Въ золотыхъ волнахъ пшеницы
 Ваши бронзовыя лица
 Загорѣвшею красой!

Вотъ, съ корзиной винограда,
 Отъ подругъ вдали, одна,
 Этихъ волнъ земныхъ наядя,
 Дикой гордости полна...

И опущены рѣсницы
 На загаръ ея ланитъ,
 Закрывая блескъ денницы.
 Чорныхъ глазъ стыдливой жницы
 И харити изъ харитъ...

Солнце! вѣтеръ! вы счастливы:
 Слѣдъ вашъ видѣнъ на поляхъ,
 Слѣдъ любви на алакахъ нивы
 И у дѣвы горделивой
 На щекахъ и на плечахъ.
 Ваши страстные желанья
 На лицѣ у красоты
 Пылокъ жаркаго лобзанья —
 Смуглымъ цвѣтомъ разлиты:
 А мечты мои и грѣзы,
 И бессонницы ночей,
 И признанія, и слѣзы
 Безъ слѣда прошли у ней!..

Но, исполненный прохлады,
 Вѣтеръ всѣхъ счастливей насъ,
 Что за тунику наяды,
 Испивая всѣ отрады,
 Онъ пропархивалъ не-разъ;
 Я-жъ цѣвой моею печали
 Не осифлялся-бъ желать
 И ремни ея сандалій
 Раболѣпно развязать.

VIII.

Л и р ъ.

На пурпурныхъ мы ложахъ сидѣли,
 Раземпѣли намъ женщины ласки,
 Ионійскія пѣсни мы пѣли
 И милетскія слушали сказки.
 Ужъ не-разъ разносился въ амфорахъ
 Оживляющій сердце напитокъ,
 И въ немолчныхъ шумѣль разговорахъ
 Откровеній веселыхъ избытокъ;
 И блистали свѣтильники пира,
 И туманъ благовоній носился...
 Издали намъ слышалась лира,
 И серебряный голосъ разлился.

Колыхался въ легеньхъ движеньяхъ,
 Въ полубѣгѣ или въ полуплясѣ,
 Выступали подъ тавтъ пѣснопѣнья
 Плясуны, скоморохи и маски.
 Съ ними мальчижь явился прекрасный,
 Будто Эросъ — цитерскій малютка:
 Онъ то пѣлъ, то плясалъ онъ такъ страстно,
 То шутилъ граціозною шуткой...

«Что ты спрятагъ на грудь подъ гиматій?...
 Что такъ выпула грудь молодая!...
 Онъ, клянусь я, рожденъ для объятій...
 Онъ-бы твой былъ женихъ, Навзикая!...
 Или спрятагъ ты кисть винограда?...
 До тебя — призываю Зевеса! —
 Красоты не видала Элада,
 Не писала рука Аполлеса!
 Осязать ее просятъ руки,
 И желаютъ глаза осязанья!...
 Мнѣ съ тобою и Тантала муки,
 И боговъ золотыя желанья!»

— «О, невѣрный, холодный, жестокий!
 Разлюбилъ ты свою Автоною...

Цѣлый годъ я жила одинокой:
 Цѣлый вѣкъ не видалась съ тобою.
 Я къ толпѣ скопороховъ пристала,
 Не боялась глухой этой ночи...
 Наконецъ-то тебя увидала! —
 Не посмотрятъ жадныя очи,
 Не налюбится сердце съ тобою!
 Я не мальчижъ.... Сними мой гиматій:
 Посмотри на свою Антоною...
 Я хочу подѣлуевъ, объятій!...>

IX.

Весенняя пѣсня.

Всѣ, сокрытое въ нѣдрахъ творенья,
 Все душѣ отвѣчаетъ на зовъ;
 Изъ земли возникаютъ растеся,
 Пробуждаются струны пѣвцовъ...

И въ груди такъ легко а отрадно!...
 Безконечно хотѣлъ-бы я жить,
 И, весной упивался жадно,
 Я хотѣлъ-бы лишь пѣть да любить!

И у лона жены русокудрой,
 Молодой, полногрудой жены
 Наслаждаться бесѣдою мудрой,
 Увѣчавшись цвѣтами весны.

На неё, какъ на образъ природы
 Горячо и разумно взирать: —
 Съ нею воздухъ, свѣтила и воды
 Будутъ мыслью и страстью дышать...

Иль подъ говоръ ея тихострунный
 Всѣ дремать, не смыкая очей,
 Иль заснуть, и косою алаторунной
 Свои вѣки закрыть отъ лучей.

X.

Желанье.

О, прости коему невенчанью!...
Ты дагуешь мена горячо:
Твоему я не вторю желанью,
Наклонившись къ тебѣ на плечо...
Не смущай меня словомъ упрѣка,
Подозрѣваемъ ревнивимъ не мучь,
И, повѣрь, что люблю я глубоко,
Что я чувствомъ высокъ и могучь;
Но, любя ненасытно и страстно,
Когда сердце тобою полно,
Отгонять я стараюсь напрасно
Одну мысль и желанье одно!...
И — какъ это безумно желанье!...
Наслаждаясь твоей красотой,
Испивая весь нектаръ лобзанья,
Я своей недоволенъ судьбой:
Я хочу тогда юности вѣчной
И безсмертья хочу я тогда...
О, далуй-же мена безконечно: —
Задалуй мою грусть навсегда!...
Я въ смѣшныхъ изливаюсь проклятьяхъ:
Гимномъ жизни ты ихъ заглуши...
О, сжимай мена въ страстныхъ объятыхъ,
И желанье мое задуши!

XI.

Герой.

I.

Лежу я на полѣ швроконѣ
Въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ полевыхъ,
Забитый завистливымъ рокомъ
И алобой согражданъ номъ...

Какъ сядко на перси природы
Приникнуть усталой главой!
Здѣсь царствуетъ гений свободы,
Сюда пріютился покой...

Вотъ пчелы роятся надъ тинномъ,
Корзины плетутъ пастухи,
Бѣгутъ стада по долинамъ,
И пахарь поѣтъ у сохи.

Мнѣ слышится пѣснь Теокрита
Сквозь грѣзы спокойнаго сна...
Здѣсь прошлая жизнь позабыта,
Здѣсь жизнь настоящимъ полна.

II.

Заснулъ я въ тѣни сикоморы:
Но видѣлъ ущелія скалъ;
На нихъ опиралися горы,
Орелъ надъ горами леталъ,

И грозныя тучи носились,
И буря ревѣла въ горахъ,
И гибкою тростью клонились
Столѣтніе дубы во прахъ...

И жаждалъ иной я свободы,
И жаждалъ иного вѣнца
Въ объятіяхъ бурной природы,
На лонѣ Зевеса-отца...

XII.

Волосы Береники. *)

Посв. Кн. А. Д. О.

Invita: o regina, tec de vertice cessi,
 Invita: adjoro teque tuumque omni.
Catullus.

I.

Влещуть новыя свѣтила
 Краше всѣхъ свѣтлъ ночныхъ:
 Ихъ Киприда помѣстила
 Въ хоръ созвѣздій золотыхъ.

Превратили въ звѣзды боги
 Прядь волосъ земной жены;
 Новынь блескомъ ихъ чертоги
 Въ небесахъ озарены.

То любовь супруги страстной
 Тамъ безсмертїемъ горить,
 И съ зоря ночью ясной
 Намъ о страсти говорить...

*) Береника, жена Птолемея - Эвергета, отправлявшагося въ Авію для завоеваній, дала обѣтъ богамъ отъязвить свои волосы имъ въ жертву, если мужъ ея возвратится побѣдителемъ, — что и исполнилось. Волосы была положены въ храмъ Венеры-Зевфриты: но жрецы сказали, что они ночью исчезли изъ храма, и Вононъ, знаменитый александрійскій астрономъ, вѣроятно, по наущенію жрецовъ, объявлялъ, что открытое имъ въ это время новое созвѣдіе—волосы Береники, превращенные богами въ звѣзды, подобно вѣнку Ариадны.—Въ сочиненіяхъ Ватулла находится прекрасное стихотвореніе «De coma Berenices». Ученые утверждаютъ, что оно переводъ изъ греческаго повѣта Каллимаха, воспѣвшаго апотеозу волосъ своей граціозной царицы.— Эта пьеса не дошла до насъ въ подлинникѣ.

Кто-же любящая эта?...
 Пусть всё знают, что она
 Птоломея - Эвергета
 Русокудрая жена.

II.

Я лежу ночной порою
 У потока на травѣ,
 Весь очами и душою
 Въ лучезарной синевѣ.

Я на лонѣ мирной страсти,
 Мысли сердца полонъ я;
 Красотѣ въ объятя власти
 Отдана душа моя:

Вижу яркій образъ всюду
 И прекрасныя черты...
 Я всегда поэтому буду
 И любви, и красоты!

Вамъ, художники другіе, —
 Горе дня и ложь людей,
 Вамъ — мечтанія больныя,
 Стонъ и жалобы страстей!

То моя отвергла лира,
 Что проходить съ каждымъ днемъ,
 Что изгонится изъ міра
 Вѣчной правды торжествомъ....

Вѣрите, молча я страдаю,
 И больнѣй страдаю васъ,
 Сокрушаюсь, наблюдаю
 Каждый жизни нашей часъ:

Но того, что недостойно
 Я искусству не даю,
 И въ душѣ горячквой знойной
 Зло безъ образовъ таю.

III.

Рѣчь веду я со звѣздами,
 Говорю свои имъ сны,
 И люблюсь волосами
 Эвергетовой жены...

И они съ небесъ запѣли
 Пѣсню жалобы своей:
 Ихъ мелодіи летѣли
 Съ неба золотомъ лучей.

IV.

«Возліянья и обѣты
 Отъ земли несутся къ намъ,
 Мы величіемъ одѣты,
 Жены, дѣвы и поэты
 Причисляють насъ къ богамъ.

Намъ въ зенитѣ неотрадно
 Семизвѣздіемъ сіять,
 Гдѣ сіяетъ Аріадна,
 Упиваться славой жадно,
 Оніміамъ обонять:

Съ головы холодной сталью
 Мы какъ жертвы снесены
 Беренкиной печалью,
 И такой безмѣрной далью
 Отъ нея отдѣлены....

О, зачѣмъ любимъ тобою
 Мужъ воинъ Птоломей!...
 Онъ досталъ себѣ войною
 Плѣнницъ съ новою землею, —
 Но цѣной твоихъ кудрей...

Какъ ты руку погружала
Въ нашу ваткую волну,
Насъ роскошно умащала,
Мелко въ косы заплетала
Отходившая ко сну!

Наполнялась вся палата
Благовоніемъ отъ насъ,
Оттѣняли мы когда-то,
Лоснясь масломъ аромата,
Снѣгъ чела и краски глазъ...

Но преступною женою
Предъ Искусствомъ стала ты,
Разлучая насъ съ собою,
И забывъ своей рукою
Стройность женской красоты...

Преклони-жь боговъ слезами,
Даромъ жертвы дорогой,
Чтобъ съ паучьями звѣздами
Мы скатились волосами
Надъ твоею головой.

Чтобы мы не раздѣляли
Въ небѣ любящихъ друзей:
Чтобъ, какъ прежде, заблестали,
И свѣтить-бы рядомъ стали
Оріонъ и Водолей».

XIII.

В а к х а н к а .

Ты жаркія страсти скрываешь
 Подъ гордо-холодной осанкой:
 Казаться Діавой желаешь,
 Когда рождена ты вакханкой...
 Не вѣрю, что бурей желаній
 Въ груди твоей сердце не бьется:
 Я вижу, какъ жажда лобзавій
 На губкахъ зоветъ и смѣется.
 Восторги болѣзненно пышутъ
 На этомъ румянцѣ широкомъ,
 Изъ глазъ они льются, и дышутъ
 Горячій дыханья потокомъ,
 Трепещутъ въ прерывистой рѣчи,
 Въ движеніи, рукахъ и осанкѣ,
 И полныя смуглыя плечи
 Тебѣ измѣняютъ, вакханкѣ...
 Весеннею нѣгою ночи
 Притворству разставлены сѣти...
 Давно говорить наши очи: —
 Съ тобой мы далѣко не дѣти!...
 Я смѣло раскрою объятія,
 И знаю, — ты примешь ихъ жадно...
 Какъ стану тебя цѣловать я,
 Глядѣть на тебя ненаглядно!...

XIV.

Невольная вѣра.

Какъ я радъ, что оставилъ Акрополь!
 Тамъ лишь башни висятъ надо иной,
 Да лепечеть безтѣнная тополь,
 Да летаютъ щуры надъ стѣной;
 Мнѣ и слышать, и видѣть докучно,
 Какъ сова-мышеловка поѣтъ,
 Какъ ворота скрипятъ однозвучно,
 И зѣя по цитернѣ ползѣтъ...
 Но въ лѣсу, но средь поля — иное...
 Я не-въ-силахъ, друзья, рассказать!...
 Здѣсь отраднo воскресло бывшее,
 Осѣнила меня благодать...
 Здѣсь меня обнимаетъ природа,
 И все тихо, покойно кругомъ...
 Только слышимъ: — свобода, свобода!
 Пролепечетъ листокъ съ вѣтеркомъ.
 Мѣдьяница, повиснувъ на вѣткѣ,
 Померанецъ лѣннво сосѣтъ.
 Не бояся ни змѣя, ни сѣтки,
 Соловей беззаботно поѣтъ.
 Надо мною склонилась олива,
 Льютъ прохладу съ утѣса ключи,
 И горятъ разноцвѣтнымъ отливомъ
 На волнахъ голубого залива
 Заходящаго солнца лучи,
 И бросаютъ развалинъ колонны
 На холмы свою длинную тѣнь,
 И мою полусонную лѣнь
 Освѣжаютъ росой анемоны...
 Я всему здѣсь повѣрять готовъ,
 Въ этомъ чудномъ ялинцѣ боговъ,
 Подсмотрѣвъ, какъ клонились цѣаны,
 Будто смятыя ножкой Діаны,
 Пробѣжавшей незримо на ловъ...
 Я всему здѣсь повѣрять готовъ!

XV.

Стыдливость.

Я лукаво смотрѣлъ на неё,
 Говорилъ ей лукавыя рѣчи,
 Пожирая глазами ея
 Непривычныя бѣлыя плечи.
 Я её не любилъ; но порой,
 Когда, взоръ свой склоняя стыдливо,
 Грудь и плечи дрожащей рукой
 Одѣвала она торопливо
 И краснѣла, и складки одеждъ
 Такъ неловко она разбирала,
 И, готовая пасть изъ-подъ вѣждъ
 На рѣсяицу, слезинка дрожала,
 И аттическій звукъ ея словъ,
 Какъ на лирѣ струна прерывался,
 Развязаться былъ поясъ готовъ,
 И нескоро каней замыкался:
 Въ этотъ мигъ всѣ движенья ея
 Какъ невольникъ безмолвно слѣдилъ я,
 И полно было сердце моё...
 Въ этотъ мигъ безпредѣльно любилъ я!

XVI.

Въ деревнѣ.

Какъ-то привольнѣй дышать мнѣ подъ этимъ живительнымъ небомъ
 Какъ-то мнѣ лучше живется въ тиши деревенской:
 Гаснутъ мечты честолюбья, тревожные сны улетаютъ;
 Мыслей о будущемъ нѣтъ,—настоящимъ я полонъ.
 Будто младенецъ прильнулъ я къ широкому лону природы,
 Съ нею живу, ея тайнымъ велѣньямъ послушный:
 Музамъ я утро свое посвящаю, вставая съ Авророй;
 Зиониаго полдня часы провожу подъ намѣтомъ

Темнопрохладныхъ деревь, и на ложѣ забывчивой нѣги
 Сладко дремлю я, вкусивши эдоровихъ и сытныхъ
 Блюдь деревенскихъ, облитыхъ крѣпительной влагою Вакха.
 Ночью я весь отдаюсь Афродитѣ-богинѣ:
 Полною чашей восторги любви испиваю во мракѣ;
 Тонуть уста моя въ жаркихъ устахъ Левконой,
 Руки по мрамору тѣла скользятъ, красоты ощущая
 Гибкаго стана и груди упругой и полной.

XVII.

К у п а н ь е.

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
 Мбя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
 Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
 Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной...
 Кто-бъ любовался красавицей этой порою,
 Какъ надъ потоконъ она будто лотосъ склонилась,
 Змѣйкою станъ изогнула, и бѣлой ногою
 Стала на черный обрывистый камень, и мылась,
 Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока,
 Кто-бъ посмотрѣлъ на нее, облитую лучами,
 Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
 Прядали волны на грудь ей толпами,
 И, какъ о мраморѣ кристаллъ, разбивались, блѣднѣя:
 Тотъ пожедалъ-бы, клянусь я, чтобъ въ это мгновенье
 Въ мраморъ она превратилась какъ мать-Нюбея,
 Вѣчно-бъ здѣсь мылась грядущимъ вѣкамъ въ наслажденье.

XVIII.

Дѣтская игра.

Дѣти рѣзвятся, бросая свой налѣнькій дискъ по дорогѣ;
 Личики свѣтлы у нихъ и румяны, подъ туникой ножки
 Живо бѣгутъ, и, колеблясь зефиромъ, по мраморной шейкѣ
 Черныя кудри струятся; смѣются уста ихъ и глазки.
 Рады они и хохочутъ въ безумномъ весельи, малютки:
 Весело имъ, что кузнечнику ножки они оборвали...
 Прыгать съ дороги въ пшеницу ужъ больше не станеть,
 Дѣти себѣ разсуждаютъ, смѣясь отъ чистаго сердца.
 Чуждый товарищъ, стоялъ я межъ ними, и слѣзы смочили
 Старыя вѣки мои, и на сердцѣ теплѣй становилось:
 Дѣтямъ завидовать я съ умилениемъ полнымъ отрады;
 Годы сѣдые хотѣлось мнѣ сбросить и юностью милой
 Снова зажить, и безопасно рѣзвиться, какъ прежде рѣзвился.

Долго я грезилъ тѣмъ сновидѣньемъ, когда-жъ пробудился
 Стали мнѣ милы прожитыя лѣта, и дороги стали
 Жизнью опытъ стяжаный и свѣточъ высокаго знанья...
 Гордо вѣнецъ свой колючій на лобъ обнаженный,
 Крона косою изрытый опять я надвинулъ, и молча
 Въ путь свой собрался... но — стыдно признаться — съ печальною думой.

XIX.

Плачущей у гробницы.

Что ты рѣжешь для этой могилы
 Благовонныя пряди кудрей,
 Перси, полныя женственной силы,
 Надрываешь рыданьемъ надъ ней!

Къ-чему эти печальныя платья,
 Къ-чему ливъ свой прекрасный терзать,
 И горячія жизни объятъ
 На безжизненный трупъ расточать!

Ты рвала дорогія одежды,
 Красоту свою страшно вела:
 Но еще впереди есть надежды,—
 Ихъ могила не всё унесла...

И что въ ней тебѣ, въ этой гробницѣ,
 Безотвѣтной на звучный твой зовъ,
 Тебѣ, пламенной страсти царицѣ
 И земному подобью боговъ!

Поспѣши ей отдать возліанья,
 Её плачемъ обычными почти;
 Схорони тамъ на-вѣки страданья,
 И отъ смерти ты къ жизни иди,

Гдѣ отвѣтъ есть на радость и горе
 Въ дуновенья нѣмомъ вѣтерка
 И въ немолчно-враждующемъ морѣ,
 И въ роскошномъ дыханьи цвѣтка...

Поспѣшай-же творить возліанья:—
 Слышишь, въ городѣ хоры поють,
 И поють, что мгновенно страданье,
 Что отъ слѣзъ тебя пѣсни зовуть...

XX.

Осенняя элегія.

Жарко-блестящее солнце, помедли!.. Зачѣмъ оставляешь
 Эти счастливыя страны, все ниже и ниже
 По небу нашему ходишь: не такъ, какъ бывало весною,
 Прямо надъ нами горѣла, и долгое утро
 Съ долгамъ сіяющими днемъ выводило съ собою изъ моря...
 Иль тебѣ милы песчанья степи Ливійцевъ!...
 Будто-бы лучше ихъ мѣдное небо, чѣмъ небо Элады,
 Гдѣ твои сестры-красавицы вѣчно сіяютъ:

Кассіопелъ алмазная и Андромеда золотая...

На небосводѣ ливійскомъ Центавръ или Гвдра
Могутъ-ли встрѣтить тебя, какъ царя подобаеть—съ любовью!

Не покидай насъ, отрадно свѣтящее солнце!

Вотъ ужъ и падаютъ желтые листья съ печальныхъ растений,

И виноградъ уже блѣкнетъ, и сокъ свой теряетъ,

Сыростью въ воздухъ пахнетъ, и изморозь утромъ на дѣрнѣ;

Вѣтеръ порывистый съ воемъ тоскливымъ и свистомъ

Прахъ подымаетъ клубами, иль съ юга намъ дождь нагоняетъ,

Иль того хуже, что пасмурно-сѣрымъ и хмурымъ

Дѣлаетъ наше веселое небо...

О, доброе солнце!

Ты хоть для милой моей погостило-бъ подольше:

Скоро полюбуются дожди, а тамъ придутъ за ними морозы,—

Будетъ, бѣдняжка, она въ епанчу шерстяную

Прятать лицо свое бѣлое, носикъ очертанный стройно,

Иль одѣвать непрозрачною, грубою тканью

Полнолифѣйный, но забкій, трепещущій въ холодѣ локоть...

И не увижу я долго всѣхъ престестей этихъ;

Негдѣ, притомъ, и видаться намъ будетъ въ такое ненастье...

Не покидай насъ, отрадно-свѣтящее солнце!

Съ нами останься, пока я въ любви ей откроюсь:

Лѣтѣиъ еще и въ любви не успѣлъ я открыться...

XXI.

Д и е и р а м б ы.

I.

Сладка мнѣ любовь за волненья,

Чѣмъ движется сердце мое;

Люблю ея всѣ опасенья

Заботы и тайны ея!

Минутой запретнаго счастья

Хочу насладиться какъ тать,

И въ бурную пору ненастья

Подругу во тьмѣ ожидать...

А этот прерывистый шопоть,
 Пожатые дрожащей руки,
 Упрямство и ласка, и ропоть,
 Уста на лилѣяхъ щеки,

И ихъ подалунъ безъ звука,
 И трепеть боязни за звукъ,
 Къ восторгамъ ведущая мука,
 Покой исходящій изъ мукъ,

Незримо-летающее время
 И каждый считаеый нпгъ: —
 Не въ нихъ-ли скрывается сѣмя
 И жизни, и пѣсенъ моихъ?...

Не въ нихъ-ли отрада забвенья
 Вседневности грустной людей,
 Что сердцу вѣтъ оскорбленья
 Житейской неправдой своей?...

II.

Наполнивъ-же звонкія чаши, Никол,
 Душистымъ накосскимъ виномъ!
 Тебя ожидалъ съ нетерпѣньемъ давно я...
 Возляжемъ на ложе вдвоемъ.

На это пурпурное шитое ложе
 Мы бросимся жадно съ тобой,
 И пестро-златистая барсова кожа
 Обниметъ насъ тѣплой волной!...

Пусть наши сердца загорятся, забьются,
 Вволнуется юная кровь,
 И крѣпко уста подалуенъ замѣнутся,
 И вздохомъ раскроются вновь...

Мы будемъ, восторговъ забывчивыхъ полны,
 Въ истомѣ и въ сладкой борьбѣ,
 И, слившись, двѣ бѣлыя груди, какъ волны,
 Взаимно утонуть въ себѣ...

Дай страсти, Киприда, дай больше мнѣ страсти,
 Восторговъ и жара въ крови:
 Всего-жъ не предай одуряющей власти
 Больной и безупной любви...

Но пусть я спокойно, свѣтло и здорово
 Предстану предъ жертвенникъ музъ, —
 Да снова свѣрѣнится, да здравствуетъ снова
 Труда съ наслажденьемъ союзъ!

XXII.

Статуѣ Елены.

Стою какъ рабъ предъ дивнымъ изваяньемъ,
 Проникнутый нѣмыми очарованьемъ;
 Едва дыша, взираю на черты
 Возвышенной античной красоты.

Скажите мнѣ, — кто дерзкій тотъ художникъ,
 Что божество съ Олимпа къ намъ низвѣлъ,
 Которому вселенная треножникъ
 И блескъ небесъ достойный ореолъ?..
 Не тукъ тельцовъ, не свѣтлый тукъ елея
 Обычный даръ на алтарѣ тооёмъ,
 Но челоуѣкъ восторгомъ пламенѣя,
 Блаженствуя, приноситъ на нѣмъ...
 Какой Паросъ твой мраморъ возлелѣялъ?
 Ктò Прометей, воздвигнувшій твой ликъ,
 Чтобы на всё онъ жизнію повѣялъ,
 Чтобы во всё магически провѣялъ?
 Какая мысль чело его падила,
 Какъ на тебя рѣзецъ онъ свой вознёсъ,
 И какъ она его не сокрушила,
 И надъ тобой онъ сколько пролилъ слезъ?..
 Но долу ты свои склонила очи...
 Не подымай, молю, ихъ на меня! —
 Подъ ними всё сокрылись тайны ночи
 И весь огонь тропическаго дня.

Въ нихъ блещетъ всё прекрасное природы,
 Въ нихъ міръ души съ природою сляня,
 Въ нихъ озера недвижимиы воды
 И бурю изрытый океанъ...

Стою какъ рабъ предъ дивнымъ изваяньемъ,
 Проникнутый нѣмыми очарованьемъ;
 Едва дыша,зираю на черты
 Возвышенной античной красоты.

XXIII.

Ложе изъ лилій п розъ приготовилъ тебѣ я,
 Розы и лиліи эти покрывъ живописно
 Тканью пурпурной, обшитой кругомъ бахромою...
 Бросься на мягкое свѣжедушное ложе,
 Бросься, какъ рѣзвый ребѣнокъ, и дѣтскія рѣчи
 Смѣхомъ обычнымъ своимъ прерывай граціозно.
 Жарко тебѣ... Я достану воды изъ питерны,
 Я оболью тебя влагою Зевса прохладной...
 Стану смотрѣть ненасытно, какъ струйки и капли
 Будутъ по тѣлу скользить, обвивая любовно
 Станъ твой и плечи, и груди, и всю тебя, нимфа!
 Только условье одно предлагаю за это. —
 Вдругъ вавилонскихъ одеждъ, персепольскихъ саидалій,
 Тирскихъ запястій—всѣхъ этихъ прикрасъ безобразныхъ
 Не надѣвай ты, пока не изсохнетъ на тѣлѣ
 Капля за каплей, которыя выиетъ самъ воздухъ...
 Да и къ-чему-жъ измочить дорогія одежды!...
 Другъ мой! Хочу посмотрѣть я глазами поэта,
 Какъ отдѣляется выпукло тѣло отъ ложа,
 Какъ этотъ пурпуръ волнистый отдѣлится ярко
 Отъ бѣлизны легкопѣнной скульптурнаго тѣла...

Душно тебѣ,— и я вижу, что хочешь облиться
 Свѣжей водою: но только условье наше

Твёрдо держи... а не тб — взорву а одежды,
И, по колючимъ кустамъ разметавши запястья,
Брошу сандали въ ручей... Но не вѣрь мифъ:—шучу я ..

Въ это мгновеніе смертный, тебя созерцал,
Какъ олимпійцы блаженные станеть блаженнымъ...

О, хорошо намъ!... Не правда-ли? Яворъ столѣтній
Сѣнью прохладной раскинулся густо надъ нами,
Такъ-что едва пробивается солнце сквозь зелень;
Мягкое ложе; на немъ возлежитъ аоннянка,
Бѣхые члены раскинувъ изящно, привольно,
Какъ ей удобнѣй и какъ ей внушаетъ природа.
Возлѣ насъ портикъ, а въ портикѣ видимъ картину
Славнаго мастера Аттики нашей прекрасной.
Солнце её освѣщаетъ такъ ясно, что видно
Даже отсюда всю строгость рисунка, замѣтны
Мелочи всѣ и подробности всѣ обстановки.
Статуи грацій и музъ у колоннъ размѣстились,
И улыбаются нашему счастью оттуда...

Небо Эллады, какъ-будто-бы тѣя надъ нами,
Смотритъ сквозь воздухъ пахучій на насъ, издалѣка.
Это Эгейское море, слегка подымаясь,
Тихо поѣтъ про себя безковечную пѣсню. .
Видится, плаваетъ островъ зеленый на морѣ,
Будто зеленый корабль, и, намъ кажется, хочеть
Къ гавани нашей пристать, и принести намъ въ подарокъ
Сладкія фиги свои и миндаля съ виноградомъ...

Вотъ, посмотри-ко на сѣверъ: — иловыя горы,
Бѣловершинныя скалы и мраморъ утѣсовъ...

Что-же забылъ про тебя я, о, богъ вѣчно-юный,
Вакхъ-Діонисъ!... Принесу поскорѣ амфору
Съ чистымъ Фазосскимъ виномъ, и съ подругой немного
Выпьемъ мы, чтобъ поддержались подольше весѣлость,
Живость въ умѣ да и въ тѣлѣ пріятвая свѣжесть...

Нимфа, богиня, подруга, малютка, Никбя!
 Чтобы дополнить еще наслаждение наше
 Жизнью, искусствомъ и всей красотой созданья:
 Буду играть я на флейтѣ лидійскія пѣсни,

Буду читать я творенья Хіосскаго старца...
 Но передъ тѣмъ воздадимъ мы богамъ благодарность
 За два равно намъ любезные, сладвіе дара:
 Первый нашъ гимнъ мы споёмъ жизнедавцу-Зевесу,
 Гимнъ-же второй Прометею за пламя искусства.

XXIV.

Э л л а д а .

Окружена широкими морями,
 Среди оливъ покоится она,
 Развалина, покрытая гробами,
 Въ ничтожествѣ великая страна.

Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи,
 При ропотѣ таинственномъ валовъ...
 Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
 Я чувствовалъ присутствіе боговъ...

И видѣлъ я усыпанный цвѣтами,
 Рельефами покрытый саркофагъ:
 Въ нихъ граціи поникли головами
 И Аполлонъ, и вѣчно-юный Вакхъ;

А въ гробѣ томъ красавица лежала
 Нетлѣнная, печальна, но ясна...
 Казалось, она не умирала,
 Казалось, безсмертной рождена...

И пѣснь ея носилась надъ могилой,
 Когда уже замоленули уста; —
 И всё вокругъ собой животворила
 Усопшая во гробѣ Красота.

XXV.

М и г ъ.

Чудный былъ вечеръ весенній. Ужъ солнце въ волнахъ потонуло
 Искрились тѣхія волны, и зацадъ въ послѣднемъ сіяньи
 Медленно гаснулъ надъ ними, и Гесперь уже теплился ярко.
 Робкой стопой среброногая дѣва-Селена изъ тучки
 Въ теннолазурное поле небесъ выходила.

Всѣ было тихо, прохладно, темно и прозрачно подъ небомъ;
 Небо съ землей и съ душой человѣка дышало одною
 Сладкой гармоніей, будто-бы звучною грудью одною...
 Счастливы мы, что живемъ, что родились, друзья-человѣки!...
 Горе нежившимъ и горе отжившимъ!

XXVI.

Два титана.

(Океанъ и Прометей).

Ты разлился безконечно
 Крѣпко-грудый Океанъ,
 Злое думающій вѣчно,
 Вѣчно ропчущій Титанъ!
 Власть твоя сильна отъ вѣва,
 И идетъ изъ рода въ родъ:
 Но предъ мыслью человѣка
 Поблѣднѣть и падѣть...

Необузданная сила!...
 Не склонюсь я передъ вей:
 Пусть гордится, какъ могила,
 Что такъ много поглотила
 Мощно-мыслившихъ людей!

Есть другой титанъ могучій,
 Твой соперникъ, Океанъ!
 Равенъ молніей гремучей;
 На скалѣ, покрытой тучей

Зевсомъ скованный Титанъ.
 У него живой любовью
 Сердце страстное полно,
 Истекающее кровью,
 Крѣпко мыслию оно...
 И не можетъ Дій суровый
 Навсегда, на-вѣкъ замкнуть
 Въ некрушимыя оковы
 Адамантовую грудь!

Онъ, всемірной власти полный,
 По валамъ твоимъ пройдесть,
 И рукой своей объ волны,
 Твой трезубецъ разобьётъ.

 XXVII.

Ж е н щ и н а .

(Идиллія).

Онъ.

Въ полдень скрываюсь отраднo
 Въ широколиственной сѣни,
 Воздухъ влпвая прохладный
 Въ сладкой, забывчивой лѣни.
 Камень лежитъ красносѣрый,
 Мхомъ онъ обросъ надъ потокомъ:—
 Здѣсь я встрѣчаюсь съ Неэрой
 Какъ-то всегда ненарокомъ...
 Гдѣ ты, вѣжливая, гдѣ ты?
 Страстно тебя призываю...
 Пѣсни мной всѣ не допѣты:
 Ихъ еще много я знаю...

Она.

Сердце вѣщуетъ мнѣ что-то,
 Бьется и дышетъ тревожно...
 Въ немъ ожиданья забота:—
 Сердцу не ждать невозможно!...

Я начала-бъ съ подалюя...
 Но не придётъ, не придётъ онъ!...
 Все-жъ соннѣваюсь и жду я...
 Слышется шелестъ... Ахъ! Вотъ онъ...

Онъ.

Что-жъ далеки мы признанья,
 Робкимъ смущеньемъ объята?
 Полонъ я былъ ожиданья:—
 Встрѣчи-ль обычной ждала ты?..

Она.

Матери ягодъ нъ кошницу
 Здѣсь по-пути набрала я,
 Въ поле гоняя ягницу...
 Здѣсь никого не ждала я.

XXVIII.

Гермесъ-привратникъ.

Въ портикъ меня пропусти благосклонно, всевидящій Гермесъ
 Сторожъ дверей, неизмѣнный покоя жплцовъ охранитель,
 Хищниковъ хитрый ловець, сберегатель богатыхъ стяжаній,
 Мирно меня пропусти въ гинекей Калигены прекрасной!...
 Гермесъ, не воръ я ночной, но я рабъ Афродиты-богини,
 Страстно-любимой тобою сестры!... Ничего не возьму я:
 Даже и сѣрдца, что билось когда-то въ груди моей жаркой,
 Что я оставилъ у ногъ Калигены, съ собой не возьму я...
 Тамъ, на пурпурномъ одрѣ кареагенскомъ она ожидаетъ
 Часа свиданья и треплетъ въ досадѣ собачку, и будитъ
 Спящихъ на арфѣ, любимцевъ своихъ, голубей сицилійскихъ.
 Перлы срываетъ съ прически, и мнѣтъ на груди воспаленной
 Юнця розы, и слушаетъ что-то, и смотритъ на двери.

Я не возьму ничего изъ хранимаго дома тобою:
 Въ немъ я оставляю еще и надежды свои, и желанья,
 Лучшіе помыслы сердца, радости всѣ и мученья...
 Сжалившись, Гермесъ вивнулъ головой благосклонно и въ портикъ
 Робко взошелъ я... За мною послышался Гермеса хохоть.

XXIX.

Воспо м и н а н і е.

Люблю я край заброшенный и дикій,
 Гдѣ вѣтса по скаламъ ползучій виноградъ
 Съ побѣгани плюща, съ кудрями повилики:
 Тамъ въ сумерки прозрачныя глядятъ,
 Таинственно-знакомые мнѣ лики,
 И грустенъ ихъ краснорѣчивый взглядъ.

Всѣ, чтб меня съ младенчества плѣняло,
 Въ чемъ видѣлъ я родство съ моей душой,
 Гдѣ сердце послѣ бурь житейскихъ отдыхало—
 О, Греція, всё связано съ тобой!
 Мнѣ дорого въ тебѣ воспоминанье,
 Какъ назарѣ открылъ мои глаза
 Внезапный лучъ начальнаго сознанья,
 И вырвалась болѣзненно слеза...
 Разладъ души съ общественнымъ застоємъ,
 Съ текущимъ днемъ тогда я ощущалъ;
 Являться стала мысль то съ холодомъ, то съ зноємъ,
 И первые стихи невольно я слагалъ.

Прими-же мой привѣтъ отъ любящаго сына!...
 Хоть ты разсѣялась, какъ мимолѣтнй сонъ,
 И въ край чужой пошла твоя Аѳина,
 Повинувъ свой завѣтнй Парѳенонъ;
 Но мысль твоя не умерла съ тобою,
 И завѣщала намъ въ васлѣдье столько благъ;
 Вѣка бѣгутъ отъ ней какъ побѣжденный врагъ,
 И юность говорить съ завистливой тоскою —
 Что наша жизнь предъ смертію такою!

XXX.

Скрываемая страсть.

Ты недоступна была, какъ богиня Діана,
 Робкій мой взоръ ты встрѣчала и гордо, и строго.
 Я трепеталъ за себя и любви я боялся...
 Больно мнѣ стало за чувство, высокое чувство,
 Что ты сердечнымъ привѣтомъ почтить не хотѣла.
 Думы мои и мечтанія страсти безплодной,
 Эти цвѣты, что взрастить я въ безсонныя ночи,
 Ты, не замѣтивъ, прошла невниманьемъ жестокимъ.

Пальцы твои тетрахорда случайно коснулись:
 Пламенемъ страстные звуки меня охватили,
 И разлились ароматомъ любви благовонной...
 Звуки тебѣ измѣнили, и ты измѣнилась:
 Взоры горѣли твои, и роскошныя вудри
 Падали мнѣ на плечо, и уста дорогія
 Слиться хотѣли, я видѣлъ, съ моими устами.
 Силился я отомстить тебѣ взглядомъ холоднымъ,
 Взглядомъ презрительно-гордымъ, какъ слѣдуетъ мужу...
 Но вредъ тобою неволью я палъ въ обожаньи,
 Страстно давая, моля о любви униженно.

XXXI

На зарѣ.

Я не знаю другого моленья,
 Не скажу я другого привѣта:
 Сохрани на лицѣ выраженье,
 Что похоже на небо разсвѣта,
 Полузрѣлыхъ красоть очертанье,
 Полудѣтскихъ рѣчей лепетанье!

О, сестра и подруга Авроры!
Не у ней-ли румянецъ взяла ты,
Не у звѣздъ-ли похитила взоры,
Что таинственнымъ свѣтомъ богаты?...
Все величїи жизни послушно:
Только ты къ немъ одна равнодушна.

На тебя и гляжу молодѣя...
Для меня ты богиня Природы,
И, здоровьемъ ея пламенѣя,
Ты полна ея дѣтской свободы...
Ты и свѣта, и тѣни сияея,
И покой, и тревога желанья!

Эпизодъ Одиссеи читалъ я, —
Ты его полюбила, и пѣла...
Но поэму когда-бъ созерцалъ я
Твоего олимпійскаго тѣла:—
Какъ художникъ, весь пылъ наслажденья
Испыталъ-бы я въ эти мгновенья...

Отчего-же стыдливости краской,
Твои снутыя щеки покрыты,
И за ласку не платишь мнѣ лаской?...
Отвѣчай на призывъ Афродиты,
На стремленья души молодья:
Да законы исполнятся Дїя!

XXXII.

Т а н т а л ь .

Съ трепетомъ юнаго сердца мучительно-сладкимъ,
 Ждать я мгновенья, когда моя милая скажетъ
 Слово «люби», чтобъ вкусить обаянье блаженства
 Первому мнѣ на землѣ далевъ отъ Олимпа...

Дій всемогущій, каратель дѣтей Прометея!
 Дерзкому сыну его ты прости; онъ подумать:
 Дій не блаженъ, не извѣдавъ верховнаго блага,
 Дій никогда не услышитъ въ надзвѣздныхъ чертогахъ
 Музыки слова «люблю», чтобы мувиной этой
 Вѣчно дышать въ упоенія вѣчныхъ восторговъ.

Съ трепетомъ юнаго сердца мучительно-сладкимъ,
 Жду я мгновенья, когда моя милая скажетъ
 Слово признанья въ любви, возжелѣнное слово...
 Катятся слезы, и сердце горитъ ожиданьемъ...
 Слушаю сердцемъ и слухомъ:— она говоритъ мнѣ «люблю»...

Дій всемогущій, каратель дѣтей Прометея!
 Ты наказать меня: муки отца земнородныхъ
 Сносны предъ мукой моею... Чтб воршунъ! чтб дѣни!...
 Знай, для любви я для счастья мнѣ нужно безсмертья:
 Вѣчности счастье просить, вѣчности требуетъ жизнь...
 Эта тяжелая мысль надо мной тяготѣетъ,
 Сердце грезеть, какъ змѣя, отравляетъ блаженство...
 Я не безсмертенъ, Зевесъ...

Но зачѣмъ я, Зевесъ, не безсмертенъ?..

XXXIII.

Уединенье.

Струями звонкими по роцѣ разливаясь,
 Мой слухъ легчали напѣвы соловья;
 Проснулася лебедей прибрежная семья:
 Она внимала имъ, задумчиво плескалась
 Въ вѣмьхъ волнахъ уснувшато ручья.
 Одежды разметавъ, Хіотка молодая
 Пришла во мнѣ неслышною стопой;
 Вдымалась грудь ея нагая,
 И кудри сыпались каштановой волной.
 На гибкій станъ прозрачные покровы
 Наканула красавица слегка.
 Моей руки коснулася сурово
 Ея дрожащая горячая рука...

Зачѣмъ слѣдишь меня, Хіотка молодая!
 Несносенъ мнѣ ревнивый твой укоръ:
 Я здѣсь веду спокойный разговоръ
 Съ природой мирною, пѣвцу весны внимая,
 И жаждетъ звуками и вѣтервомъ дохнуть
 Паеосскимъ пламенемъ истерзанная грудь...

XXXIV.

Свиданье.

Страстно просить я безсмертныхъ боговъ олимпійскихъ
 Дать мнѣ минуту, одну-лишь минуту свиданья
 Съ чудно-прекрасною смертною дѣвой. Настало
 Это мгновенье. Увидѣвъ ее, у безсмертныхъ
 Началъ просить я, чтобъ мигъ вождегѣнный свиданья
 Въ вѣчность продлили они. Красоту моей милой
 Я созерцалъ, и, какъ Танталъ, все жаждалъ и жаждалъ,
 Въ очи ей глядя, лобзая, томяся и плача,
 Въ очи глядѣть ей, лобзать и томиться, и плакать...

XXXV.

Л и с ь м о.

Я теперь не въ Аеннахъ, нои другъ:
 Въ беотійской деревнѣ живу я.
 Мнѣ ая глѣню писать недосугъ...
 Не подъ портикѣи храма сижу я,
 Не гляжу на кумиры боговъ,
 Не гляжу на Зевекса картины:
 Я живу подъ наметомъ дубовъ,
 Средь широкой цвѣтущей долины;
 Я забылъ объ истмійскихъ вѣнкахъ,
 Агорѣ мнѣ волненія чужды;
 Какъ до пыли у васъ въ городахъ,
 Мнѣ въ народномъ избраннѣ нѣтъ нужды.
 Будто въ море я весь погруженъ
 Въ созерцанье безбрежной природы
 И въ какой-то магической сонъ,
 Полный жизни, ума и свободы.
 Здѣсь отъ рѣчи отвыкли уста:
 Только слухомъ живу я, да зрѣньемъ...
 Красота, красота, красота! —
 Я одно-лишь твержу съ умиленьемъ.

XXXVI.

Въ портикѣ.

— Вспомни, Теано, ту пору, когда утомившись
 Жаромъ весенняго солнца и долгой прогулкой,
 Въ портикѣ сѣлъ отдохнуть я съ тобою!...
 Намъ были видны оттуда и гермесовъ рядъ безконечный,
 И агорѣ съ суетливой толпою, и храмы...
 Вспомни, чтб ты говорила, гетера!

—«Пахнуть чудесно твои ушащенья, мой милый,
 Слившись съ мои ми, и я ихъ вливаю
 Въ трепетъ сладкомъ, въ забывчивой нѣгѣ,
 Лежа головкой на персяхъ твоихъ илечно-пѣняныхъ,
 Близко устами къ устанѣ и къ очамъ недалеко...
 Чтб-же припомнить могу я въ такіа мгновенья! —
 Нѣтъ ни градушаго, нѣтъ ни былого въ блаженствѣ...
 Не прерывай его: я такъ блаженна!...»

XXXVII.

Туника и поясъ.

Te, dea, te fnginat venti, te nubilia coeli
 Adventamque tunc; tibi suaves duodala talinae
 Summittit flores tibi rident aequora ponti,
 Placatomque nitet diffuso laminae coelum.

Lucretius.

Въ тотъ часъ, какъ изъ пѣны жемчужной
 Въ волнахъ Красота родилась,
 И влажною грудью воздушно
 Надъ моремъ она вознеслась,
 Богиня, въ боязни стыдливой,
 Красы не скрывала своей
 Подъ складкой одежды ревнивой,
 И поясъ не нуженъ былъ ей;
 Прозрачныя капли сіяли
 Какъ перлы у ней на грудяхъ,
 Недвижимо волны лежали,
 И каждый онъ цаловали
 Богинею пройденный шагъ.
 Дилейной ступила ногою
 На берегъ кремнистый она:
 И берегъ покрылся травю
 Зыбучею будто волна.
 Какъ слѣдъ у нея подъ ногами

Мгновенно ростялись цвѣты,
И хвыи преклонялись главами,
Не смѣя коснуться очами
Возникшей изъ воды Красоты.
На все она дѣтски взирала,
И мирно все было предъ ней:
Стыдливыхъ смущеній не знала
Въ красѣ безмятежной своей...

Но, въ сонмѣ боговъ, Афродита
Предстала богиней иной:
Властительной душой повита,
Блестающей гордой красой,—
И туника станъ покрывала,
И поясъ сжинать ея станъ...
Богиня предчувствіемъ знала,
Что даръ всеобщій ей данъ,
Что, мыслью стораю одною,
Падутъ предъ ея красотою
Диварь безобразный Гефестъ,
Губитель, Арей безсердечный
И Бахусъ, сей юноша вѣчный...
Ей нужны покровы и цесты

XXXVIII.

Ваятель и натурщица.

Свѣтлымъ, правдивымъ художника взоромъ окинь, Афинянка,
Статую эту... Я знаю, что ты согласишься со мною:
Скажешь, что правъ онъ, художникъ, созданный своимъ недовольный...
Правда-ль, богиню мою какъ вакханку одѣлъ я безвкусно,
Даже ее безобразно одѣлъ я?—Гармонію линий
Чуднаго тѣла богнап разстроили эти покровы?
Правда-ль, неловко на сгибъ ея легкаго стана упали
Этихъ тяжелыхъ одеждъ переломы, и въ складкахъ волпиствъ хъ
Скрыта отъ взоровъ прекрасная выпуклость бедеръ и лядвій?...
Кажется, будто собою насильно стѣснили застежки

Вольное груди ея очертанье, и будто сдержали
 Пылкіѣ, широкій размѣтъ чародѣйныхъ движеній богини...
 Грубыя складки сокрыли досадно-ревнивою тѣнью
 Лучшіе перлы краем и высокаго поляне смысла...

Сбрось-же, красавица, сбрось, умоляю, одежды и поясъ!
 Прелестамъ тѣла они безобразіе, а не прикраса...
 Чтб ты стыдишься напрасно!... Оставь предразеудви и мнѣнья
 Суетно-глухой толпы предъ лицомъ чловѣка-поэта!...
 Чтб ты ему созерцать позволяешь лишь-только отдѣльно
 Части прекраснаго тѣла... Зачѣмъ-бы тебѣ не явиться
 Творческимъ взорамъ его въ наготѣ нестыдливой и чистой!...
 Только порокъ-лишь стыдится, скрываясь отъ яснаго свѣта...
 Иль тебѣ больно, что драхмой наемщицы бѣдной
 Я заплатилъ за безцѣнность, твою красоту покупая?...
 Въ жизни намъ должно разумно мирить все земное съ небеснымъ,
 Должно равно уважать намъ потребности Олимпа и дола...
 Разоблачись предо мною, и примешь ты плату безсмертья,
 Плату изъ всѣхъ дорогую...

О, какъ ты чиста непорочно
 Разоблачись! и я срѣжу со статуи этой одежды:
 Первую мысль измѣнивъ—изваять красоту Афродиты,
 Я изваяю, тебя созерцая, нагую Діану—
 Дѣвственность въ блесвѣ своей чистоты не стыдливой.

XXXIX.

Пѣсня у Јенара.

Не боялся-бъ я власти Шутона,
 И легко-бъ мнѣ проститься съ землей!...
 Безъ проклятья, безъ страха и стона
 Я-бъ оставилъ Коцятъ за собой:

Еслибъ зналъ, что не духи, не тѣни
 Въ безвозвратномъ андѣ живутъ,
 Что со мною въ подземныя сѣни
 Всѣ земныя желанья сойдутъ,

Что земной оболочкой прекрасной
 Тамъ очертаны прелести женъ,
 Что тамъ юность горитъ неутасно,
 И хучь жизни на-вѣки зажженъ...

XL.

Просьба художника.

О, не стыдись, не бойся, не краснѣй
 Своихъ одеждъ изорванныхъ и бѣдныхъ:
 Отъ пурпура и льна не будешь ты милѣй,
 Не нужно лили для персей темноблѣдныхъ...

Бойшься-ль ты, что я не полюблю
 Твою красу подъ этой епанчю?...
 О, нѣтъ, дитя!... Но я тебя молю
 Художника восторженной мольбою:

Полна невинности, явись ты предо мной,
 Чтобъ не была ничѣмъ краса твоя покрыта,
 Какъ вышла нѣкогда богиня-Афродита
 Изъ пѣны волнъ, блистая наготой.

XLI.

Epicedium.

Тѣ-жъ соловьи и тотъ же садъ,
 Съ деревъ несетъ аромать,
 Мастика калеть и мелись
 Зазеленѣль, и разрослись
 Моей заботою цвѣты;
 Платана влажные листы
 Прохладой сладкою манить,
 Храня невидимыхъ дриадъ

Отъ зноя жаркою весной;
 Ручей студеную водой
 Въ хучахъ какъ радуга горить,
 Спадавъ звучно на гранить...
 Все то-же небо, та-жъ весна,
 Горячей юности полна,
 Все тѣ-же думы у людей:
 Лишь новая въ душѣ моей,
 Досель мнѣ чуждая печаль...
 И плакать хочется, и жаль
 Тревожить воплемъ въ мирный день
 Мою возлюбленную тѣнь.

Я буду плакать про себя,
 И на холоднаго тебя
 Польются пламенныя слѣзы,
 Какъ на листки увядшей розы
 Напрасно падаетъ роса...
 Но теплая моя слеза
 Въ холодномъ сумракѣ могилы
 Не возмутитъ тебя, мой милый!

Доску надгробную твою
 Плющомъ зеленымъ обовью,
 Разсыплю пурпуръ я и злато,
 Зажгу куренья аромата,
 Вѣнками розы молодой
 Я кипарисъ украсу твой.
 Съ себя сорву я украшенья:
 Я буду вся печаль, моленье...
 И проведу я ключъ воды
 Къ твоимъ стопамъ, чтобъ утронъ ты
 Смывалъ въ струяхъ прохладно-чистыхъ
 Могильный прахъ съ кудрей волнистыхъ...
 А я, какъ сторожъ гробовой,
 Какъ памятникъ передъ тобой,
 Я буду, преклонивъ колѣни,
 Ждать появленья милой тѣни.

XLII.

Афродитѣ-Ураніи.

Доступно все, что свѣтло и высоко
 Моей душѣ, поникшей въ пустотѣ:
 Къ ничтожеству презрѣнье въ ней глубоко
 И безпредѣльно въ ней служенье красотѣ.
 Въ священномъ трепетѣ восторга подхожу я
 Предъ жертвенникъ богини красоты,
 Духовные плоды ей робко подношу я
 И сердца чистаго нетлѣнные цвѣты.
 Не бхажь себѣ просить предстать я предъ богиней...
 Нѣтъ! силою невѣдомой предъ ней
 Поверженъ я, какъ грѣшникъ предъ святыней,
 Чтобъ на нее взирать въ восторгѣ, безъ рѣчей!

XLIII.

Софокловой Антигонѣ.

Судить тебѣ ровъ непреклонный
 Подъ бурями жизни раздвѣсть,
 И розы любви благовонной
 Подъ своды ада увести...

И эти роскошные розы
 У насъ не распустятся вновь:
 Росили ихъ жгучія слезы
 И грѣла не паша любовь.

Зачѣмъ ты взяла ихъ съ собою!
 Но мы недостойны любви:
 Мы бросили грязью земною
 На чистня розы твои,

И стали мы жадной толпою
 Лобзать на груди красоты
 Облитые пѣной морскою
 Паясской богини цвѣты.

XLIV.

Изъ Факхилида.

Честный приходитъ въ хозяину гость и стоитъ на порогѣ;
Тотъ порою готовится скромная трапеза въ домѣ.

Рѣчью такою встрѣчаетъ хозяинъ пришедшаго гостя:

«Честные съ честными любятъ дѣхаться бесѣдой...

Нѣтъ у насъ дѣлхъ бивовъ угостить дорогого намъ гостя,
Нѣтъ ни амеоръ золотыхъ, ни ковровъ нѣтъ пурпурныхъ;
Мы только можемъ ему предложить свою теплую душу,
Сладкую музыку, Вахха нанитокъ прохладный и вкусный
Въ нашихъ простыхъ беотійскихъ сосудахъ...»

И гость благодарный,

Брашенъ касаясь свободной рукою, привѣтныя рѣчи
Молвить хозяину, сытныя сѣднъ вкушаетъ...

XLV.

Дѣвушкѣ.

(XXXIV еда Анширеени).

Зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня,
Когда съ тобой встрѣчаюсь я,
И, на зарѣ своей весны,
Боишься мудрой сѣдины?...
Или, зачѣмъ не любишь ты
Огня и жизни въ старикѣ?...
Вглядись, какъ много красоты
Въ благоухающемъ вѣнкѣ,
Гдѣ возлѣ яркихъ розъ видна
Лилій сребристыхъ бѣлизна.

XLVI.

Тимонъ Аѳинскій.

Все вдетъ, и проходитъ чредой...
 Я одно за другажъ пережилъ:
 Не по-дьянъ, по-часаяъ предо мной
 Шире кругъ становился могилъ.

Ненавижу я жизнь и людей:
 Миръ гробовъ меня обналъ всего;
 Межъ людьми и душою моею
 Будто общаго нѣтъ ничего...

Но зачѣмъ-же ночью порой
 Я бываю вниманія полнъ,
 Когда шепчется вѣтеръ съ травой,
 Или всплески мнѣ слышатся волнъ?

Но зачѣмъ-же я взоромъ слѣжу
 За полетомъ могильной совы,
 И при мѣсяцѣ жадно гляжу
 На сіянье волнистой травы,

И гляжу на огонь свѣтляка,
 Чтбъ зажегся, какъ-будто въ отвѣтъ
 Той звѣздѣ, чтбъ блеститъ съ далека,
 На привѣтъ посылая привѣтъ?..

И люблю, когда, двигаясь, тѣнь
 Оживляетъ волшебною траву...
 Нѣтъ! Не твой я, могильная сѣнь:
 Я живу, я живу, я живу!

XLVII.

Незнакомка.

Какъ люблю я встрѣчаться порою,
 На зарѣ, средь цвѣгущихъ полей,
 Съ незнакомкой моею молодою
 И не видѣть старухи при ней!..

И зачѣмъ она вмѣстѣ гуляетъ
 Со старухой сѣдой иногда:
 Ея видъ красоту оскорбляетъ,—
 Мнѣ за молодость грустно тогда!

Меня мыслью смущаетъ ужасной
 Проходимость всего подъ луной, —
 Что природа скелетъ безобразный
 Облекаетъ на мигъ красотой!..

XLVIII.

Чувство художника.

Зачѣмъ-лишь подъ пологомъ ночи
 Могу я тебя ожидать,
 Уста и ланиты, и очи
 Украдкой во тьмѣ цаловать!..

Красавица! Сердцу обидно
 Въ высокихъ стремленьяхъ его,
 Что оку во мракѣ не видно
 Ни мысли чела твоего,
 Ни какъ ты прекрасна въ смущенья—
 Въ стыдливости женской своей,
 И въ каждомъ воздушномъ движенъи
 Въ порывѣ невнимныхъ затѣй!..

Молчать подь ревнивою мглою
 Языкъ всечарующихъ глазъ:
 Слѣпцомъ я томлюсь предъ тобою,
 Рошцу и... цалую сто разъ!

XLIX.

В е с т а л к а .

— «Другъ! Мой возлюбленный другъ, отпусти, умоляю!
 Скоро Діана взойдетъ, полнолунная дѣва,
 Зорко подсморгнетъ мой путь запоздалый и скрытный:
 Взоромъ прозрачно-лучистымъ она проникаетъ
 Все сокровенное ночи, и людямъ освѣтитъ
 Тайну запретной любви для погибели нашей...

Чтѣ-же ты держишь такъ крѣпко меня за одежды!
 Должно во храмъ мнѣ спѣшить потаенной тропою:
 Можетъ погаснуть огонь безъ меня предъ кумиромъ...
 Знай: — я погибла тогда!... Отпусти-жъ благодушно,
 И отпусти, навсегда распростившись со мною»...

— Хоть на мгновенье прости ты свиданіе наше!...
 Иль ты не любишь меня!... О, когда-бы любила,
 То позабыла-бъ и вестникъ огонь, и Діану...
 Бѣдна ты душой и восторгами страсти,
 Сколько богата роскошною своею красотою.

— «Нѣтъ! Ты не знаешь меня, и слѣпою любовью,
 Грубой любовью прозрѣть неспособенъ мнѣ въ душу...
 Я укрожу, и прощаюсь на-вѣки съ свиданьемъ!
 Этихъ немногихъ минутъ для меня ужъ довольно:
 Въ нихъ полнота бытія разцвѣла и созрѣла
 Цвѣтомъ возможнаго счастья, мелькнувшего счастья;
 Ихъ не изжить нѣтъ во всю мою жизнь остальную,
 Въ нихъ бытія моего и конецъ, и начало!»

L.

Фессалийская идиллия.

«Виновать, признаюсь, Зоя!..
 Оботри мудрами слезы..
 У вершины Ахелоя,
 На горѣ пасутся козы».

— Правда-ль это?... Но далеко
 Надо мнѣ идти на гору..
 Мать осталась одинока,
 И боюсь я въ эту пору:

Ночью тамъ блуждаютъ духи,
 Ходить волкъ, чекалка рыщетъ,—
 Да и жаль моей старухи,
 Что меня напрасно ищетъ...

«Виновать, прости мнѣ, Зоя!
 Стадо выгнать я на гору,
 Чтобъ къ вершинѣ Ахелоя
 Намъ идти въ ночную пору».

— Еслибы не ты, мой милый..
 Мой остеръ винжалъ шпровой:
 Но нѣтъ воли, но нѣтъ силы
 Наказать тебя, жестокий!..

«Тише, воды Ахелоя!..
 На щекахъ зардѣлись розы..
 Ты въ любви призналась, Зоя!—
 Обмануль я.. Дома возы».

II.

Ифигенія въ Тавридѣ.

ЛИРИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

(молвацнштм кмнштм ннчррв н брвту).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Ифигенія, дочь аргосскаго цари Агламеннон, шрнца Таврнческои Артекендн.

Хоръ греческихъ конщнкъ, нрн-
олумннцъ нрн крнлѣ.

(Дѣнштм нн нолуостровѣ Таврнческомѣ, нн стнрннн Тавросскнсоосѣ).

Снннн крѣдъ нортнномъ крннн Артекендн, нн утесногосъ берегу Заненн-
скаго Понн. Вдннн Таврнческнн торн н гнсс. Нн оцѣнъ Ифнгенн н Хоръ.

Ифигенія.

У нрнбоевъ я чуждаго моря стою...
 Ннпрнвѣтно холодное море!
 Я печальную гнссню пою,
 Вспомннаю отчнзну мою,
 И твержу я: — О, горе мнѣ! горе!

Занесло меня, юнную птнчу, сюда,
 На утесы дыханье борея,
 Оторвавъ отъ родногосъ гнвзда...
 Я аргосскаго неба звѣзда,
 Я отцовскаго сада лнлѣя!

И рабнней у варваровъ царская дочь!...
 Здѣсь другнн н люди, н море,
 И страшна здѣсь туманная ночь...
 Я не въ силахъ судьбы превозмочь,
 И твержу я: — о, горе мнѣ! горе!...

А когда-то, а когда-то
 Я цвѣла въ тѣни дворца,
 Гдѣ колоннами богата
 Золоченая палата
 Спящроноснаго отца,
 Гдѣ стоять боговъ кумиры,
 И несутся звуки лиры
 Вдохновеннаго пѣвца...

Помню — то давно бывало —
 Какъ я съ матерью вдвоемъ
 Твять любила покрывала
 И на нихъ изображала
 Олимпійцевъ челокомъ.

Пробудившись, грудь и вѣжды
 Освѣжала я водой,
 И ходила мыть одежды
 Вешней утренней зарей.

Легкокрылою ногою
 Зыбкихъ водъ касалась я,
 И Инахъ (*) передо мною,
 Волнъ одѣтый чешуею,
 Пресмыкался какъ змѣя,
 Обвивал пѣной ясной
 Полноту ноги прекрасной,
 А потомъ и всю меня...

Я съ подругой хохотала
 Надъ любовью старика,
 Мячпекъ на воду бросала,
 И его намъ подавала
 На хребтѣ своемъ рѣва.

Наши рѣзвыя затѣн
 И на днѣ, и на волнахъ,
 Какъ любовникъ Галатеи (*),
 Полюбилъ сѣдой Инахъ.

Въ царекій пирѣ, на праздникъ Геры —
 Было то давно, давно! —
 Въ ладь подъ звуки лирной мѣры,
 Наливала я въ кратеры
 Старцанъ Аргоса вино,
 Мудрой рѣчи ихъ внимая,
 И кудрей ихъ лобызая
 Серебристое руно.

Царь-отецъ мой горделиво
 На меня имъ указалъ,
 И красѣ моей стыдливо,
 Дѣтскихъ дней порѣ счастливой,
 Богомольно возліалъ:

И слезою умиленья
 Просвѣтѣли ихъ черты,
 И раздалися пѣснопѣнья
 Въ честь богини-Красоты...

Не правда-ли, — эта волна голубая
 Несется изъ родныи милой?...
 И, кажется, чайка морская,
 Надъ нею лета и рыдая,
 Мнѣ цѣсною вторить унылой...

О, еслибъ ты, чайка, была въ Арголидѣ,
 И видѣла брата-Ореста,
 Печально пропѣвъ Тяндаридѣ, (*)
 Что я въ отдаленной Тавридѣ
 Осталась безбрачной невѣстой!

Не вѣдаютъ Греки мои, что жива я,
 И жрицей въ скалахъ Кіаней... (*)
 Но плачетъ-ли мать родная,
 Клянеть-ли жену Менелая, (*)
 Пергамъ сокрушили-ль Ахея (*)?...

Лети, и скажи ей, что дочь твою мнимо
 Отецъ ея предалъ закланью:

Богиней — для смертных незримо —
 Она спасена невредимо
 На жертвенникъ брошенной ланью...

Но здѣсь безъ надеждъ, безъ друзей и отрады,
 И въ рабствѣ у скиѳа Тоанта (7),
 Гдѣ бьется волна въ Синплегадн, (8)
 Живетъ далеко отъ Геллады
 Спасенная жертва Калханта...

И скиѳскій обычай должна исполнять я:
 На жертву должна Артемидѣ,
 При вопляхъ и столахъ проклятыя
 Священную кровь проливать я
 Гелленовъ, приставшихъ къ Тавридѣ!

Не слышать мнѣ радостныхъ пѣсней Гимена,
 И, чуждая ложу двойному,
 Изною средь вѣчнаго плѣна,
 И новыхъ героевъ колѣна
 Не дамъ я державному дому!

Не слышу здѣсь рѣчи и гимновъ Геллады,
 Я съ прошлымъ въ нѣмомъ разговорѣ...
 Такъ пойте-жъ, Эвксина наяды,
 Таврическихъ дебрей цикады:
 О, горе! о, горе! о, горе!...

Жоръ,

Отпрыскъ розы, гордость дома
 Внука Леды (9) — ты раба!
 На зарѣ тебѣ знакома
 Всеразаящая судьба...

Силѣ вѣчнаго закона
 Покоряюсь предъ тобой,
 Дій, величье бросивъ трона,
 На твое склонися-бъ лоно
 Многодумной головой.

За красу жеан-Елены
 Встали распри и борьбы:
 И Азіяцы (10) и Гехлены
 Ждутъ рѣшенія судьбы...

И за насъ сіанье стали
 Побагровѣло-бъ порой,
 Греки-бъ пѣсни намъ слагали,
 А тебя-бы называли
 Олимпійскою жеңой...

Ифигенія.

Въ нашемъ горѣ — прочь гордыня! —
 Будь смиреніемъ горда;
 Будь рабынею рабыня,
 Въ униженіи чиста.

Вспомнимъ, дѣвы, какъ Латона (11)
 Гордость смертныхъ низвела!...
 Не боговъ въ величьи трона, —
 Пастуха Эпдимиона (12)
 Артемида избрала...

Нѣтъ!... Пойте, подруги, мнѣ пѣсню печальную:
 Душа на плачевный настроена лады,
 Какъ вспомню въ чужбинѣ я родину дальнюю,
 И на море жадныя очи глядятъ!...

О, пойте, подруги, мнѣ пѣсни мученія,
 Тѣ пѣсни, что любятъ подземный Андъ:
 Въ ихъ звукахъ таятся зерно облегченія,
 И будто съ печалью печаль говоритъ!

(Пауза).

Этою ночью я видѣла сонъ; —
 Много я въ грѣзахъ страдала!
 Страшно и ясно мнѣ видѣлся онъ...
 Солнцу его рассказала. (13)
 Снилось мнѣ, будто-бы въ царствѣ отца
 Я межъ подругъ разцвѣтаю,

И у преддверій родного дворца
 Въ дискъ быстробѣжный играю.
 Хохоть нашъ звонвій идетъ по рѣкѣ:
 Нимфы ему отвѣчаютъ,
 Скрывшись въ осокѣ отъ насъ вдалекѣ,
 На рѣку насъ вызываютъ.
 Вдругъ застонала земля подо мной,
 И затряслась, задрожала...
 Вижу я, рушится домъ нашъ родной:
 Крыша съ карнизомъ упала,
 Сдвинувшись съ крѣпкихъ высокихъ столповъ.
 Груды развалинъ лежали: —
 Въ нихъ красоты первобытной слѣдовъ
 Очи мои не узнали...
 Только осталась колонна одна,
 И возвышалась вадъ прахомъ;
 Какъ-то печально стояла она,
 Вкругъ ея вѣяло страхомъ:
 И капитель той колонны моей
 Русыя кудри вѣнчали,
 Вопли, какъ смертные вопли людей,
 Нѣдра ея потрясали...
 Кажется, будто она привяла
 Голосъ и видъ человѣка;
 Жрицей богини я къ ней подошла:
 Жертву узнала въ ней — Грека...
 Жертву свою я неволью должна
 Вспрыснуть водой очищенья,
 Смерти обречь... О, для этого сна
 Нѣтъ и у Леты забвенья!
 Знайте, ряды крѣпкозданныхъ столповъ,
 Отчаго дома опоры —
 Племя мужей и могучихъ сыновъ...
 (Указываетъ гору на грани).

Храма раскройте затворы,
 И поспѣшимъ возіянья творить,
 Мертвымъ отдать приношенья...
 Я по колоннѣ могу объяснить
 Смыслъ моего сновидѣнья!...

(Об отледе).

Брата смерть меня лишила...
 Нѣтъ Ореста! Брата нѣтъ!...
 Вижу, вотъ она, могила,
 Вотъ жестокой Парки слѣды!

Плачемъ, плачемъ, плачемъ, дѣвы,
 Срѣжемъ росеюшь нашихъ косъ!
 Подъ могильные напѣвы
 Пусть потоки льются слезъ.

(Опускаетъ на лицо покрывало, и, тихо рыдая, сползаетъ опершись на жертвенникъ. — Хоръ раздѣляется на два полужоръ).

1-й Полужоръ.

Сокрушился домъ Атрида,
 Палъ танталовъ домъ...
 Подъ десницею Крониды
 Все проходить сномъ!

Тѣнью все мимобѣгущей
 На земли идетъ....
 Носить смерть въ груди живущей:
 Вѣчно мѣръ живетъ.

Развѣ ты не сонъ прекрасный?
 Развѣ мы не сонъ?—
 Здѣсь лишь радость ненапрасна,
 Не беземысленъ стонъ.

И не плачь такъ горько, дѣва!
 Пусть нашъ гаснетъ родъ:
 Сѣмя новаго посѣва
 Послѣ насъ взойдетъ....

2-й Полужоръ.

Далека отъ утѣшенья
 Рѣчь холодная твоя,

Не уснетъ подъ это пѣнье
Душу рвущая змѣя.

Правду разума не любить
Человѣвъ — дитя скорбей...
Насъ Судьба родить и тубить:
Ей игрушка жизнь людей!

Въ этой пѣснѣ нѣтъ цѣленья:—
Ею торя ты не множь!...
Все у смертныхъ заблужденье:
Нинѣ — правда, завтра — ложь.

Нѣтъ!... Страданье любить слезы
И сочувствіе людей,
И младенческія грѣзы...

(Упавшая на Ифигенію).

Мы заплачемъ вмѣстѣ съ ней!

Ифигенія.

Пусть онъ прійметъ благосклонно
Возліянье этихъ слезъ,
Многоколмный, многовоонный,
Вѣчнопамятный Аргось!

Не дождаться мнѣ возврата
Въ возжелѣнный домъ родной,
Не видать могилы брата,
Умереть въ землѣ чужой!

Предъ лицомъ его гробницы
Мнѣ одеждъ не разорвать,
И надъ нею голубицей
Я не буду ворковать.

И любимую тѣнями
Не оставлю я на вей,
Орошенную слезами,
Прядь отрѣванныхъ кудрей! (14)

2-й Покухорь.

Пѣсню отвѣтную, пѣснь вопиющую
 Мы запоемъ тебѣ, дѣва!
 Тѣни родныя изъ ада вовущую,
 Пѣсню иного нагѣва,

Чуждую музамъ и лиры созвучію,
 Близкую сердецъ болящимъ,
 Пѣсню споешь твоему алополучію,
 Милую пѣсню скорбющимъ...

О, теперь твой братъ далеко,
 Въ царствѣ мрака и тѣней,
 И его не видитъ око
 Нашихъ нлачущихъ очей!...

И Аргось теперь — могила,
 И въ Аргосѣ счастья нѣтъ!
 Парка жадная скосила
 Лучшій молодости цвѣтъ!

И его не видать взоры
 Феба яснаго лучей,
 Златопурпурной Авроры
 И серебряныхъ ночей.

Смертью сомкнуты вѣжды
 Не откроются въ пыли
 За предѣлами Надежды —
 За предѣлами земли.

Отсіѣла незамѣтно
 Дома царскаго звѣзда,
 Закатилась беззавѣтно,
 Невозвратно, навсегда!...

1-й Полужорь.

Жизнь... то плодъ, гдѣ зрѣя сладость
 Заглушаетъ горькій ядъ...
 Отдадимъ мы жизни—радость,
 Смерти—почесть и обрядъ!

Мы безсильны предъ Судьбою...
 Будемъ жить... О, будемъ жить!
 Ни слезами, ни тоскою
 Намъ безсмертья не купить!

И себѣ въ успокоенье
 Да позваемъ мы законъ:
 Жизни — вѣчное волненье,
 Вѣчно-мирный смерти сонъ.

Ифигенія (младше).

Все погибло!... Я — жертва страданія вѣчнаго.
 Отнялъ все у меня безъ возврата

Плутовъ!

Соутробнаго мнѣ и сомлечнаго
 Никогда не увижу я брата...

О, сонъ!

За Коцитомъ мой братъ среди мрака глубокаго...
 Понесись, полети туда, стонъ мой,

Гдѣ онъ,

Въ подземелья Эреба далѣкаго,
 И скажи, какъ я страдаю... О сонъ мой!

О, сонъ!

1-й Полужорь.

Навожденія Гекаты ⁽¹⁵⁾
 И исчадія нѣдръ земныхъ,
 Сны обманами богаты,
 И измѣнчивъ образъ ихъ,
 Данный адскими богами...
 Чтб-жь тревожишься ты снами?

Ифигенія.

Не прервете слёзъ теченія
 Доброй силой вашихъ словъ!..
 Говорить, — дано цѣлевіе
 Милосердіемъ боговъ:
 Горечь слёзъ — намъ облегченіе,
 Забытье — въ истомѣхъ своихъ.

1-й Полухоръ.

Чтобъ продлилась жизни сладость,
 Боги горемъ насъ дарятъ!..
 Отдадимъ мы жизни — радость,
 Смерти — почесть и обрядъ!

*(Ифигенія протосвѣщаетъ ереміанія тѣни брата и приношенія богами
 Аида.— Два полухова соединяются въ одинъ хоуъ, который въ это вре-
 мя поетъ „тѣни Смерти“).*

Хоръ.

(гимнъ Смерти) (16).

Внемли намъ, внемли намъ, царица людей,
 Конецъ всего сущаго въ мірѣ!
 Подъ мощною властью твоей
 И то, что есть долу, и то, что въ эфирѣ!..

О, Смерть! ты для всѣхъ безпристрастна равно,
 Ты всѣхъ примиряешь собою;
 Тебя никому не дано
 Склонить приношеваемъ, слезой и мольбою!

Въ тебѣ на землѣ разрѣшенъе всему,
 Всѣ жизни загадки ты знаешь,
 Издревле къ концу одному
 Рожденное жизнію ты направляешь.

Тебя умоляемъ мы: позже прійди
 Сомянуть намъ усталыя вѣжды,
 Дай радости намъ впереди,
 Но лучше дай вѣчный свѣтильникъ Надежды!..

И долгую жизнь наизъ, и старость пошли
 Въ довольствѣ, въ блаженномъ покоѣ:
 Но юность наизъ дольше продли,
 Чтобъ отдали юности все молодое!

Ифигенія (*теперь возліяла.*)

Смолените, вопли страданья,
 Гнитесь на землю, колѣни!...
 Братъ мой! Прійми возліанья —
 Жертву возлюбленной тѣни.
 Перси земли увлажжаю
 И молокомъ, и водою,
 Вакховы соки мѣшаю
 Съ влагой пчелы золотою. (17)
 Все посвящаю я Аду,
 (Гдѣ ничему пѣтъ возврата,)
 Все, что приноситъ отраду,
 Тѣни усопшаго брата!

(Валекъ салищными сосуды, Ифигенія идетъ со храма, и, уходя, говоритъ хоръ)

Я сокроюсь подъ сѣнію храма,
 Гдѣ все вѣетъ отрадой и миромъ...
 О, я много сожгу ениіама,
 Много слезъ я пролью предъ кумиромъ!

(Уходитъ).

Хоръ.

Здѣсь боговъ о счастья проситъ!...
 Имъ противенъ зтотъ храмъ:
 Люди жертвы здѣсь приносятъ
 Неудобны богамъ...

(Игнация на храмъ и лежащую подлѣ него груду костей).

Безобразная божица,
 Черепъ и прахъ людей,
 И бессмысленна лица
 Этихъ скнескихъ дикарей
 Возмущаютъ ежечасно
 Наше чувство глубоко:

И летить въ странѣ прекрасной
 Память сердца далеко,
 Гдѣ теперь другое время,
 Гдѣ на небѣ такъ свѣтло,
 Въ землю брошенное сѣмя
 Яркимъ цвѣтомъ возрасло;
 Гдѣ природа прихотлива,
 Хитроумень челоуѣкъ;
 Въ полѣ пальма и олива, —
 На горахъ холодный свѣгъ,
 Гдѣ, цвѣтя, лѣса Геллады
 Шлютъ богамъ свой ароматъ
 И даютъ сердцамъ отрады
 Виды храмовъ и палатъ.
 Циклопическія зданья (¹⁰)
 Поражаютъ робкій взоръ
 И воздушныя сліянья
 Съ облаками синихъ горъ...
 Пина стройная и тополь
 Къ небесамъ летать стрѣлой,
 И облить Микенъ Акрополь
 Блѣдно розовой зарей...

Тамъ немрачны сами боги,
 Населяя свѣтлый храмъ,
 И привѣтны, и не строги,
 И доступны мольбамъ,
 И не слышатся тамъ стоны,
 Въ храмахъ радость разлита
 И дорической колонны
 Красота и простота...
 И метоны у триглифовъ (¹¹)
 Чистымъ мраморомъ блестать —
 Изваяніями грифовъ;
 На ступеняхъ статуй рядъ,
 И, какъ поясъ, стоколонный
 Перистиль (¹²) обводитъ храмъ.

(Пауза).

Смолкни пѣсня!... Отдаленной
 Не видать Геллады намъ!

(Выходятъ за отраду жреца).

ПОСЛѢСЛОВІЕ

и

Примѣчанія къ «Ифигенія въ Тавридѣ»

Предлагая своимъ читателямъ пьесу: «Ифигенія въ Тавридѣ» — опытъ въ объективномъ лиризмѣ, авторъ счелъ необходимымъ объяснить эту сцену, которая, по его понятіямъ, составляетъ законченное цѣлое, какъ воопроизведевіе наивѣстнаго момента въ жизни Ифигеніи, время пребыванія ея въ Тавридѣ до отплытія съ братомъ Орестомъ на родину.

Для поясненія содержанія прилагается буквальный переводъ перваго монолога изъ Эврипидовой трагедіи «Ифигенія въ Тавридѣ», въ которомъ Ифигенія авансомитъ зрителей съ своимъ прошедшимъ и настоящимъ:

«Пелопезъ, сынъ Тантала, пришедши къ Пелоу, чрезъ бастроту своихъ жонъ иступилъ въ бракъ съ дочерью Олономъ, отъ которой Атрей родилъ. Атреювъ же сннкомъ—Нелеелъ и Агамемнонъ. Отъ послѣднлаго родились и (Ефемид)л, Тандероной дочери дочь (т. е. Клеветшестри). Мени въ-къ дѣда Клеви заллазъ отецъ (какъ онъ, ошлбаловъ, дукаетъ) въ жертву Артемидѣ, у тѣхъ нучилъ, вторыми Эврипидъ приводитъ къ кругогретнее дажешее свнее море, задинала его лютини кт-рени къ алаинихъ книгбахъ Аялди, куда флотъ къ тмелчу ворибдеи привлазъ царъ Агамемнонъ, желалъ, чтобы йхен стлмалъ прекраснопобидни йлюкъ идионскій, и наиѣрналъ отнелтъ, къ угоду Моналаю, за наельзетнелно ресторгутки бракъ Клеви.

Но случалось страшное бѣдѣтріе.

Дѣло дошло до гадннй ко жертванъ, и омавалъ Балкантъ (шрече прорнцателъ) талое слою. — «О, икстнувший надъ койонойъ Галлади, Агамемнонъ! И не думай отъ этой страны отчалитъ кораблей до гѣвъ норъ, нона Артемидѣ (Дѣана) не получать наикншою твою дочь Ифигенію; оттого, что ти далъ нѣкогда обѣтъ: то, что тебѣ принесетъ съ собою юдъ самаго прекраснаго, отдать въ жертву снѣтоюной богинѣ (т.-л. Артемидѣ, Дѣанѣ)... Ти икшою: — дочь родина тебѣ къ тлоемъ доиѣ сузруга тлол Блнтоишеофра (ету нельпу праооти ннѣ онъ отдала). Кето тебѣ оѣдудетъ ирнелтъ въ жертву»...

И меня ухикреліки Одиссею отпавъ у матери, какъ будго-би дна брава съ Ахиллою. По прибитіи въ Ахилду, мена несчастную подмилъ нисово надъ востроиъ и нечотъ уертннн... Но похитила мена Артемидѣ, даини Ахилтъ нѣлсто мени ланъ, и, поомашн чрезъ ойтлми оепуръ, кересалла мена къ эту оемлю Тамронъ, гдѣ надъ страшою у парароръ царстнууетъ царнаръ Тоамтъ, второній, ннѣи ногу бнструю, ваъ крндо итедн, оиисаехъ ото ннл по оиороски оиокхъ ногъ, в онъ поставнлъ мени ирелю въ егояъ храмѣ. Оттого-то по авоаннъ, вторале лнбнть богини (по авоаннъ праднннн, къ ченъ прекрасно одно только ннл... о прочеъ-на уналчннамъ, странаъь богини) и крншоу въ жертву—но обнчалю еше в пряде сущестно-

вашему въ городѣ — наждаго Гелленскаго Вужа, который только ступить на ету землю. Я начинаю жертвоприношеніе: уважаю-же завлание совершаютъ другія кутри этого царственаго чертога богини (т. е. храма):

Вѣзменіа съ Таврида, трагедія Эврипида. —
Стх. 1—41.

Строгое соотношеніе между метромъ и содержніемъ въ греческой трагедіи, гдѣ каждое состояніе духа принимаетъ особенный свойственный ему ритмъ въ стихѣ, каждый оттѣнокъ чувства и мысли переходитъ въ соответствующій его свойствамъ размѣръ, авторъ, по мѣрѣ возможности, соображаясь съ духомъ новаго искусства, характеромъ нашего языка и сложенія, старался перенести въ свою сцену, что читатели могутъ звѣдѣть по его техническимъ присмамъ въ переходахъ отъ одного метра въ другой, въ извѣстныхъ расположеніяхъ частей въ строфѣ, въ расстановкѣ совзучій и въ теченіи стопы.

Въ Эврипидовой «Ионгеніи въ Тавридѣ», въ пѣснѣ хора, начинающейся съ 392 стиха, идетъ одинъ извѣстный метръ и одно расположеніе стиховъ въ строфахъ и антистрофахъ: но онъ вдругъ перемѣняется, принимая ритмъ марша во 2-ой антистрофѣ, начиная отъ стиха 456, когда хоръ, увидѣвъ идущихъ къ храму, въ сопровожденіи стражи, пльнниковъ—Ореста и Пиллада, говоритъ:

«... Но вотъ добычки, осланине вмѣстѣ во ружьяхъ уаки — новак добыча богини... Молчите, водруга!... Ужъ близко подходитъ ко храму обреченные на жертву Геллакв» и проч.

(Стх. 456 — 460).

Такимъ образомъ, въ своей «Ионгеніи», въ строфахъ, начинающихся стихомъ:

«Все поглыблѣ.. Я — жертва еградаша вѣчивго...»

авторъ предположилъ себѣ составить стихъ, сообразный стону и плачу женщины — хиріологу, такъ-называемому въ просторѣчій причитанію (женщинѣ), чему есть примѣры въ Иліадѣ, въ другихъ произведеніяхъ древней литературы и въ народныхъ пѣсняхъ нынѣшнихъ гревовъ.

Печальный раснавъ, сопровождаемый слезами, и жалобы Ионгеніи переданы вѣдсь особеннымъ стихомъ—влегическимъ метромъ, въ которомъ всѣ стиха женскіе съ тремя совзучіями въ окончаніяхъ, вьобилующіе короткими слогами: подобнымъ размѣромъ передавалось у грековъ вто-же чувство и состояніе души.

Междометія фѣѣ, фѣѣ,— оѣмо, и т. п. (увы, улы мпѣ! и проч.),

такъ часто встрѣчающіяся въ греческихъ трагедіяхъ, которыхъ иногда одни составляютъ цѣлый стихъ, авторъ позволилъ и себѣ употребить, заимъивъ ихъ кждометіями: о, горе и нѣ! горе!

Онъ также предположилъ себѣ составить нѣчто похожее на строфу и антистрофу древней трагедіи, или лирики, по крайней мѣрѣ, нѣчто могущее, нѣкоторымъ образомъ, ей соответствовать въ новомъ извоотвѣ, чтб служило-бы хоть навѣстному раскату, расположенію и теченію стиховъ для большаго благозвучія и равнообравія. Каждая строфа его раздѣляется на три неравныя части, или куплеты: первый куплетъ состоитъ изъ 8-ми стронъ, второй-изъ 5-ти, и третій-изъ 4-хъ строкъ, съ навѣстнымъ расположеніемъ мужескихъ и женскихъ стиховъ, тройныхъ совучій и проч. Эти строфы идутъ начиная отъ стиховъ:

«А когда-то, в когда-то
И цѣла въ тѣни дюрка...»

до слѣдующей за ними перемены метра.

Хоръ въ второй сценѣ, составляя одно цѣлое, раздѣлился потому на два полухора, когда идея, имъ выражаемая, распалась на двѣ своихъ стороны. Въ религіозномъ чувствѣ, во время жертвоприношенія Смерти, онъ соединился опять въ одинъ хоръ, удерживая это соединеніе и при воспоминаніи о роднѣхъ въ послѣдней своей пѣснѣ.

Соображаясь съ предпосланию второй сценѣ мыслью автора читатель, вѣроятно, оправдаетъ въ своихъ художественныхъ соображеніяхъ частыя перемены метра, или повтореніе въ родѣ слѣдующаго:

«Братъ Смерть нею лишилъ!
Нимъ Ореста, брата нѣтъ!»

и почему именно словомъ братъ начинается стихъ, при переходѣ въ другой метръ.

Еще нужно замѣтить, что авторъ старался, по мѣрѣ возможности, избѣгать частаго употребленія греческихъ собственныхъ именъ, нисовъ и равныхъ деталей греческой древности, пользуясь въ гелленіяхъ однимъ только общечеловѣческимъ, болѣе или мевѣе воимъ навѣстнымъ, вичуждымъ намъ и непротиворѣчивымъ характеру и техникѣ новаго искусства, также и для того, чтобы это не могло вредить впечатлѣніямъ читателя, часто отвлекая его отъ пьесы къ прииѣчаніямъ.

При глубокомъ внутреннемъ содержаніи драмы нашего вре-

меня, ей, может быть, недостает только, для полноты в совершенства художественности, того строгого соотношения между идеею и формою во всех ее каноничнейших отблесках, той, так сказать, виртуозности формы, которыми богата драма греков. Можно полагать, что подобное дело в новой драме предстоит будущему драматическому гению.

Известно, что лирическая поэзия греков по преимуществу находится не у лирических поэтов, а у греческих трагиков, в их хорах, принимая, по самой сущности драматического искусства, объективный характер.

Опыт в подобном роде лирики представляет «Иенгения в Тавриде», предлагаемая теперь суду читателей.

- 1) Инахъ, рѣка въ Арголидѣ, и дѣвствъ съ тѣмъ богъ той рѣки, отецъ извѣстной нимфы Ио.
- 2) Галатея, нимфа, въ которую былъ влюбленъ циклопъ Полиемъ, и которая платила ему за страсть равнодушіемъ. — Смолр. XI идиллія Теокрита.
- 3) Тиндарида, т.-е. дочь Тиндара — Клитемнестра — мать Иенгения.
- 4) Кіаней, значить то же, что и Симплегады, и происходитъ отъ слова Κίανος — голубой. Подробно о Кіаней можно читать въ поэмѣ Аполлонія Родосскаго подъ названіемъ: «Походъ Аргонавтовъ», во 2-й пѣснѣ, гдѣ описывается, какъ Аргонавты перешли опасныя скалы Кіаней и пристали къ острову Фініадѣ, — въ орѣической «Аргонавтикѣ» и въ «Аргонавтикѣ» рижскаго поета Валерія Флашка. — Книга IV, стих. 637—666.
- 5) Елена, жена спартанскаго царя, за которую, по преданію, возгорѣлась троянская война.
- 6) Ахеи — Греки. Такъ они большею частію называются въ Илиадѣ.
- 7) Тоавтъ, царь Тавровъ, или Тавро-Скиевоу, древнихъ обитателей Тавриды. — Въ IV книгѣ исторіи Геродота подъ названіемъ: «Мельпомена», гдѣ описываются разными племена Скиевоу, въ § 103 говорится о человѣческихъ жертвахъ, которыя Тавро - Скиеи приносили своей богинѣ дѣвственницѣ ивъ тѣхъ иностранцевъ, Грековъ по преимуществу, которыхъ непогода или кораблекрушеніе прибивали къ берегамъ Тавриды.

- 8) Сии плеяды — произведение фантазии Грековъ, страшными скалы на какомъ-то далекомъ горѣ, безпрестанно расходившіяся в сталкивающіяся, окруженныя бурными пучинами, водоворотами и вѣвни укасами.
- 9) Леда, жена Тиндара, царя Оперты, прекраснѣйшая изъ женщинъ, которую любилъ Зевсъ подъ видомъ лебеди. Елена, Клитемнестра, Касторъ и Поллукъ — дѣти ея отъ Зевса.
- 10) Аавійцы — Трояне. Такъ они называются иногда у греческихъ писателей, равно какъ называются еще Фригійцями и Дарданцями.
- 11) Латона, мать Аполлона и Артемиды. Раазгнѣванная на Нюбею, имѣвшую прекрасныхъ дѣтей, которыхъ красоту она ставила выше красоты Аполлона и Артемиды, Латона велѣла дѣтямъ своимъ поразить стрѣлами дѣтей Нюбеи.— Боги, смалившись вадъ несчастіемъ и страданіями Нюбеи, превратили ее въ камень.
- 12) Эндиміонъ, юноша-пастухъ, втораго любила Діана-дѣвственница.
- 13) У греческихъ женщинъ былъ обычай равскаивать свои сновидѣнія солвцу. Объ втомъ обычѣ упоминается въ вврипидовой «Гекубѣ» и «Иелгеніи въ Тавридѣ», также и въ сооокловой «Электрѣ».

Этотъ сонъ ваетъ изъ Эврипида. Вотъ буквальный переводъ его изъ вврипидовой трагедіи «Иелгеніи въ Тавридѣ»:

Кваалоо ишъ во снѣ, будто я, оставилъ эту страну (*Тавриду*), живу въ Аргосѣ, и покуюсь поореди дѣтъ, и что хребетъ немалъ потрясъ отъ еелетрисеи. Я ии-обледа, и, стоя ишъ дона, увидѣла падающій нарналъ дворца и рушащуюся иршу, ввиринутуу съ иионимъ столбомъ... Видѣлось ишъ, что одна тодло селнилась нелонии отъ отцовоюго дона. Съ еи нѣятели опускалась русне волосы, и прилжа она голосъ челоука... Я-же, соблюдаи своимъ обязанноотъ губительными чувзаощемъ, стала обнивать его, налкъ обреченнаго на смерть, и плавать...» и проч.

- 14) Въ ввакъ печали и жертвы мертвому, у Грековъ было въ обычаѣ отрѣивать доконъ волосъ и класть на могилѣ.
- 16) Сны, по вѣрованію Грековъ,—порожденіи адскихъ (подаемныхъ) боговъ, выходящія изъ бѣднѣ и ивдръ земли, исчадіи темной ночи, навожденія мрачной богини Гекаты, которую иногда смѣшивають съ Діаной.
- 16) Гимны, приписываемые Огею. Эти оренческіе гимны написаны почти каждому изъ боговъ. Иотивъ одной изъ втихъ молитвъ авторъ воспроизвелъ въ своемъ Гимнѣ Смерти.

- 17) Жертва богамъ мертвыхъ, вовлiанiе, приношенiе жертвацъ, состояли изъ мучной лепешки, смiшанной съ медомъ, вина, воды и молока.
- 18) Зданiя, сооруженiе которыхъ преданiе приписываетъ циклопамъ, наприм. стiны города Микенъ. ихъ акрополь (цитадель), ворота; сокровищница Атридовъ. Стiны этихъ зданiй сложены изъ камней огромнiйшей величины.—Развалины ихъ и теперь видны въ Пелопонесъ.
- 19) Триглифы и метопы — части дорическаго фриза, или поля между архитравомъ (эпистилемъ) и карнизомъ, Триглифы утверждены въ надстолпiи на верхней линiи архитрава. Они подпираютъ края потолка и составляютъ нiчто похожее на продолженiе колонны. Образуя отверстiя, они открываютъ внутренность храма.
- Метопы, это — отверстiя между спускомъ потолка, архитравомъ и триглифами. Метопы служили въ храмахъ вмiсто оконъ, какъ доказалъ навiстный берлинскiй архитекторъ Бёттихеръ.
- Грифы, какъ архитектурные орнаменты, употреблялись чаще въ храмахъ Аполлона и Геры, божествъ покровительственныхъ Аргоса — родины Ионгевiи.
- 20) Перистиль — рядъ колоннъ, окружающiй всi стороны зданiя, параллельный стiнамъ его, что составляетъ какъ-бы галлерею вокругъ зданiй, поддерживаемую множествомъ колоннъ.

ЛП.

Идеалы.

Прекрасное — там-же гудитъ и кипитъ сна,
накъ летитъ и правосудіе.

Ксерамъ.

Своею ревностью докучной
Не возмущай ни въ ясныхъ дней:
Средь этой жизни однозвучной
Ихъ нало въ памяти моей!
Единство стройное я знаю
Въ разнообразы красоты,
И какъ художникъ я срываю
Вездѣ, гдѣ только обрѣтаю,
Искусству свѣжіе цвѣты.

Незрѣлость формъ полуразвитыхъ,
Печали блѣдность на лицѣ
И пухъ ланить, зарей облитыхъ,
Родить сострастіе въ пѣвцѣ...
Горять-ли краскою стыдливой
Въ смущенія дѣтскія черты,
Иль блещетъ строгость горделивой,
Себя сознавшей красоты,
Иль эта грація движеній,
Иль обаяніе рѣчей: —
Ужель пройдутъ безъ впечатлѣній
Въ душѣ восторженной моей!

О, не ревнуй, когда люблю я
Прекрасный міръ, что ни въ меня:
По идеалѣ все тоскуя,
Родные образы ловлю я
Во тьмѣ ночей и въ свѣтѣ дня...
Я къ нимъ влекусь, я ихъ лобзаю:
Въ нихъ раздробленное мое
Въ себя я сердцемъ принимаю —
Свое дополнить бытіе.

LIII.

Иронія въ искусствѣ.

Орицавъ етъ и ложью глубоко
 Возмущень, негодуеть поэтъ,
 Увазуа искусствомъ далеко
 Между тьмою мерцающій свѣтъ...
 И, въ пылу раздраженнаго чувства,
 Недовольствія мѣлой томимъ,
 Онъ раждаетъ созданье искусства,
 Свое чадо вручая другимъ...
 И такой полнотою блаженства,
 И отрадной такой тишиной,
 Углубляясь въ его совершенство,
 Проникается смертный порой...

Но открылъ я въ часы просвѣтлѣнья,
 Что въ спокойномъ творенья пѣвца
 Затаились всѣ оскорбленья
 И всѣ боли и вопли отца,
 И сказанъ въ немъ, будто ошибкой,
 Безобразію жизни упрёкъ,
 И, съ таинственно-горькой улыбкой,
 Въ немъ художникъ сокрытъ не могъ.

Въ размышляющій мигъ наслажденья,
 Созерцаа кумиры боговъ,
 Я прочувствовавъ грусть впечатлѣнья,
 Какъ отъ прерванныхъ радостныхъ сновъ;
 Мнѣ казалось, съ насмѣшкой упрёка
 Изваянья слѣдили за мной,
 И надъ нашею долей жестоко
 Надѣвались они межъ собой.

LIV.

Плачущей дѣвушкѣ.

(Въ альбомѣ Ен. К. Н. В.)

Чувство грудь тебѣ вздымало,
 За слезой текла слеза,
 Будто въ лиліяхъ играла
 Утра вешнего роса.

Будто Грація Печали
 И невинный дѣтскій стыдъ
 Предо мною превращали
 Въ розы лиліи ланить...

Ты головку опустила,
 Отуманивъ блескъ очей,
 И лицо твое покрыла
 Прядь волнистая будрей...

А художникъ любовался
 И печалью, и тобой...
 Въ этотъ мигъ въ немъ зарождался
 Образъ близкій, но другой:

Видѣлъ онъ, какъ при восходѣ
 Первыхъ утреннихъ красотъ
 На прозрачномъ небосводѣ
 Тучка легкая идѣтъ,

LV.

Скульптору.

Какъ у себя я въ твоей мастерской, о, ваятель-художникъ!
 Какъ-то привольно душѣ нежъ боговъ и героевъ;
 Молодь я сердцемъ тогда, говорю откровенныя рѣчи,
 Къ дѣтству людей возвращаюсь, сближаюсь съ природой.

Какъ ты искусно поставилъ свою Афродиту и Вакха
 Въ зелени темной плюща между гроздій и миртовъ!...
 Кажется, будто Киприда ко мнѣ простираетъ объятъя,
 Въ полномъ блистаньи своей красоты всеобщей;
 Хочетъ сойти съ пьедестала и Вакхъ-Діонисъ вѣчноюнии,
 Дружески руку пожать инѣ, привѣтствуя юность,
 Что низошла на меня въ созерцанья твоихъ изваяній..

Сколько спокойствія въ этихъ сіяющихъ лицахъ,
 Сколько довольства и жизни, себя навсегда уяснившей!...
 Добрый художникъ! Я знаю, что близокъ ты къ музамъ:
 Имъ помолись за меня,—да пошлютъ мнѣ покой и довольство
 Въ душу больную, въ изрытое ранами сердце,
 Да утолю я на вѣви немолчно-зовущую жажду
 Къ истинамъ міра, да вижу я все безъ страданій,
 мудро на лонѣ покоясь ничѣмъ несмущаемой мысли.

LVI.

И. К. Айвазовскому.

Волны по мавію вѣсти твоей животворной
 Гордо, какъ кохмы, встають серебряны хуною,
 Ихъ, затаивши дыханье, прихлугутъ покорно...
 Я-же, уввдѣвъ безбрежную даль предъ собою,
 Брѣпкою грудью хрустальную змѣь разбиваю,—
 И остается далеко за мною Таврида:
 Смѣло я въ каменный Аргосъ свой путь направляю
 Въ слѣдъ за Орестомъ и юною дочерью Атрида... *)
 То волшебствомъ я каюимъ-то къ утесу прикованъ,
 И предо мною гекзаметромъ волны очарованъ,—
 Будто стихомъ Одиссеи мой слухъ очарованъ...
 Долго хотѣлъ-бы душою я такъ забываться?...
 Вѣрю,—изъ пѣны тѣхъ волнъ Красота выходила!..
 Можно-ль изъ нихъ не родиться Брасавицѣ вѣчной?...
 Счастливъ я:—эта живая вода утолила
 Страстную жажду мою къ красотѣ безконечной!

LVII.

Древняя колонна.

Сижу подъ цвѣтущей мастикой,
 Склонившись на мраморъ колонны,
 Разбитой грозой и вѣками.
 Мнѣ кажется, будто колонна
 Гладить съ укоризной на время,
 Что шло и проходить надъ нею,
 Гладить на людей съ укоризной:
 Они съ высоты нѣдестала
 Бѣ пасть допустили на землю;
 И только-лишь плющъ прикрываетъ

*) Иигеніей.

Своею зеленой одеждой
Ея красоту въбовую
Отъ взоровъ людей равнодушныхъ,
Отъ гибельныхъ времени взоровъ.

Досадно и грустно мнѣ стало.
Я бросилъ на баавсъ колонны
Пурпурный вѣнокъ олеандра...
Но вѣтеръ изъ миртовыхъ кущей
Дохнулъ, и развѣялъ далѣе
Мой даръ, красотѣ принесенный.

Досадно и грустно мнѣ стало:
Нарѣзалъ я листьевъ аканеа,—
Аканею прикрыть капители:
Но мраморъ ея украшеній
Покрываетъ семья скорпионовъ...

Надъ теменемъ бѣлымъ утѣса
Горѣло вечернее солнце,
И падало свѣтомъ волшебнымъ
На груды развалинъ, на море,
На дальнія горы и рощи.
Видись надъ моею колонной
Прозрачно-лазурныя тѣни,
И лучъ догаравшій струился
По мраморнымъ ребрамъ колонны.

LVIII.

ТВОРЧЕСТВО.

— Когда къ тебѣ слетаетъ вдохновенье, —
 Привѣтливо толпа поэту говорить, —
 Какое чувствуетъ душа волненье,
 Какой восторгъ въ душѣ твоей горить?...
 Скажи, какими огнемъ твои пылаютъ очи,
 Чтб говорить твои пѣвучія уста?
 Во свѣтѣ-ль дна, или во нравѣ ночи
 Съ тобой бесѣдуетъ богиня-Красота?
 Дрожишь-ли весь, сильнѣе-ль сердце бѣтса,
 Когда на землю ты низводишь небеса,
 И огненный твой стихъ какими потокомъ льется,
 Вѣщая истины святна словеса?...
 — Нѣтъ! не тогда восторгомъ я пылаю,
 Въ мгновенья творчества блаженствомъ не горю:
 Когда свой стихъ возвышенный слагаю
 Съ холоднымъ разумомъ я братски говорю...
 Не зная никакихъ безумныхъ вдохновеній,
 Спокоенъ я и сердцемъ, и душой,
 И безъ смѣшныхъ возгласовъ и движеній
 Съ-разчетомъ вывожу я строку за строкой.

Но въ тѣ, ни для кого незримы, мгновенья,
 Межъ невнимательно-безчувственной толпой,
 Восторгу предаюсь, иль, полонъ сокрушенья,
 Глажу вокругъ себя всезрящую душой,
 И чувствую въ груди зародыши творенья.

LIX.

Концертъ.

(А. П. К.)

То, что смутно, непонятно
Говорило мнѣ порой,
Что минутой благодатной
Пролетало надо мной,
Что въ душѣ зарыто было,
Какъ въ землѣ талантъ раба,
Что въ разцвѣтѣ подавила
Гнѣтомъ тягостнымъ судьба, —
И когда ужъ гасло чувство,
Мракъ носился надъ душой:—
Это все лучомъ искусства
Къ жизни вызвано тобой...

Осязательно и ясно
Извѣялъ въ душѣ моей
Этотъ сердца голосъ страстный
Все несознанное въ ней.

То, что въ ней неуловимо,
Безразлично, глубоко,
Что незнаемо, незримо,
Близко намъ и далеко:
То художника рукою
Царству мысли отдано,
То изъ хаоса тобою
Въ стройный мѣръ возведено.

LX.

Поэту.

О, не проси повою у судьбы,
 И не ищи того, что называютъ счастье:
 Но ты желай и мира, и борьбы,
 И ясныхъ дней, и мрачнаго ненастья,
 Чтобъ въ дѣйствіи твой духъ перегаралъ,
 И, погрузясь въ пучину тревоженій,
 Оттуда-бъ мысль живую доставалъ,
 Какъ новый перлъ для новыхъ поколѣній.

Для блага зло ниспослано судьбою:
 Мы властны зло для блага побѣдить...
 Пусть жизнь и свѣтъ суровою зимою
 Твои цвѣты успѣютъ охватить:
 Изъ холода ты можешь вынести чувство,
 И чувствомъ мысль холодную согрѣть,
 Ее облечь въ твореніе искусства,
 И надъ людьми той мыслью прогремѣть.

LXI.

Жизнь и искусство.

Вижу васъ, юныя дѣвы, на праздничномъ пирѣ:
 Въ легкопрозрачныя ткани одѣты вы стройно;
 Дышетъ отъ васъ аромать дорогихъ умащеній,
 Очи горять и высокою страстью, и мыслью.
 Перлами блещутъ запястья, кораллы на шеѣ
 Спорятъ съ кораллами губовъ душистыхъ и жарвихъ.
 Жемчугомъ косы у васъ перевиты, и жемчугъ,
 Лучшій еще несравненно, улыбка намъ кажетъ.
 Звуки оркестра, напѣвы и рѣчи, и пляска,
 Юную душу чаруютъ невольнымъ соблазномъ...

Кажется, вѣчно желаль-бы остаться на шкря
 Музыкѣ вашихъ привѣтовъ внимать непрестанно,
 Ваше дыханье впивать, и смотрѣть безвонечно,
 Ненасытимо и страстно на прелести ваши.
 Въ эти мгновенья чужда тебѣ зависть къ блаженству
 Жителей неба:—безсмертья ихъ только хотѣль-бы!...

Но не внимай легковѣрно словамъ моихъ, смертный!
 Будь неприклоненъ душой для мірскихъ искушеній:
 Праздникъ мгновенно пройдетъ, и сокроются дѣвы...
 Въ будничней жизни ты ихъ красоты не узнаешь.
 Холодъ житейскихъ волненій скуесть твою душу,
 Мелкія придуть заботы о хлѣбѣ вседневномъ;
 Старость недуги съ собой принесетъ и печали...
 Все разрушается, все измѣняетъ въ подлунной.
 Только искусство тебѣ никогда не измѣнитъ,
 Только въ искусствѣ таятся прямое блаженство,
 Только въ искусствѣ обѣщанный людямъ Элизій.

ЛХП.

Красавицѣ.

Я стремлюсь вѣчно-юной душою
 И всѣмъ сердцемъ къ твоей красотѣ:
 Въ ней сказалася жизнь предо мною
 Въ безграничной своей полнотѣ.

Не могу я безъ слезъ умиленья,
 Безъ восторговъ взирать на тебя:
 Ты родникъ моего вдохновенья, —
 И могу-ли я жить не любя!...

Ты поэма въ вѣнцѣ совершенства,
 И природа твой мудрый поэтъ,
 Ты влияешь мнѣ въ сердце блаженство,
 Въ мою душу прозрѣнье и свѣтъ.

Поражаетъ пена сочетанье
И теченіе линій въ тебѣ,
Безразличное красотою слінны
Въ незамѣтной для ока борьбѣ.

И мелодія духа разлита
Многозвучно въ тѣлесныхъ чертахъ,
И, сіяніемъ страсти повита,
Говорить и трепещетъ въ глазахъ...

Предъ тобою и мысли, и чувства
Мнѣ хотѣлось-бн въ мраморъ облечь:
Я ищу для созданій искусства
Осязаемо-зриму ю рѣчь...

Пусть невѣжда ихъ дерзко обидитъ,
И каменьями броситъ въ меня:
Онъ въ ихъ чувственномъ тѣлѣ не видитъ
Сокровеннаго мысли огня...

Во плоти ихъ исканіе духа
Въ неразъятномъ сліяніи съ ней
Недоступно для грубаго слуха
И темно для пезорви хъ очей.

ЛХІІІ.

С Т И Х Ъ.

Пусть будетъ стихъ его понятенъ и высокъ,
И блещетъ всѣхъ лучей сліяніемъ чудеснымъ;
Да примирится въ немъ все дальнее съ небеснымъ
Да будетъ онъ межъ насъ какъ признанный пророкъ:
Чтобъ мощной мыслию, какъ дланію Зевеса,
Собою обнялъ онъ весь безграничный міръ,
Чтобъ въ звукахъ зрѣли мы прозрачныхъ какъ зенрь
И мраморъ Фидіа, и краски Апеллеса.

LXIV.

Предъ древней статуей.

Эти груди, плечи, руки,
 Если можешь ты облечь
 Въ ярко-видимые звуки,
 Въ осязаемую рѣчь,
 Если созданное стройно
 Праксителейнѣ рѣзцомъ
 Передашь, его достойно,
 Твердо-мраморнымъ стихомъ,
 Просвѣтленный наслажденьемъ
 Камень дышущій лица,
 Груды страстное волненье —
 Изваяніе рѣзца
 Передашь инымъ ваяньямъ —
 Слова мощнаго огнемъ.
 Породнивъ своимъ созданьемъ,
 Всѣ сольешь искусства въ немъ:
 Я тогда въ тебѣ поэта
 Не задумаюсь признать...
 Силы духа, бога свѣта
 На челѣ твоємъ печать...
 Жизни каждое явленье
 Возведешь до красоты,
 И величію творенья
 Дашь ты образъ простоты.

LXV.

ДѢВОЧКИ.

Дѣвочки любятъ меня, и со мною какъ съ ровней играютъ.
Дѣтскія тайны свои довѣряютъ мнѣ такъ простодушно,
Ставятъ игрушки онѣ предо мною, и, хвастаясь ими,
Каждой игрушки исторію мнѣ говорятъ прелюбопытно:
Кто и когда, и за что подарилъ имъ какую бездѣлку...

— «Знаешь-ли, что... Прочитай намъ стихи свои: ты ихъ читаешь
Старшимъ сестрамъ... мы тебя ужъ давно попросить собирались...
Также и мы любопытны, какъ старшія наши сестрица».
Эту забавную просьбу умѣлъ отклонить я искусно,
Рѣчь заведя объ игрушкахъ, и новыя игры устроивъ;
Былъ я рѣзвъ и находчивъ, смѣялся ребяческимъ смѣхомъ.
Дѣвочки, много болтая со мной, о стихахъ позабыли;
Но пробудили онѣ не совсѣмъ-то веселія мысли
Въ сердцѣ болящемъ моемъ, и я думалъ, дѣтей забавляя: —
Дѣти! Искусство — слеза недовольства насущною жизнью,
Голосъ прозрѣнія въ лучшую жизнь съ полнотою ея стройной,
Страстная жажда вездѣ и всегда, и во всемъ совершенства,
Вопли любви неизвѣданной нами и нами просимой,
Первое чадо разсудку и сердцу знавостаго горя,
Первый младенческій крикъ въ челоуѣкѣ родившейся мысли,
Слово потребъ вопіющихъ, потребъ безконечнога духа...
Знайте, искусство — ужъ это несчастіе наше, о дѣти!...
Вы-же, малютки, живете въ довольствѣ созвучья съ природой,
Въ свѣтлой окрестіи ея, подъ крыломъ ея дѣвственн-теплымъ,
Счастливы гѣмъ, что вамъ чуждо искусство, а съ нимъ и страданье,
Чужды вамъ слезы тоски по возникшемъ въ душѣ идеалѣ...
Такъ не просите-жъ, чтобъ я прочиталъ вамъ печальныя пѣсни!
Глядя съ участіемъ на васъ, одного я желаю: пусть долго
Будутъ стихи мои вашей блаженной душѣ недоступны...

LXVI.

Предъ статуей Венеры таврической.

Ты когда-то жила нежъ людей,
И заснула ты мраморнымъ сномъ;
Съ красотой безотцвѣтной твоей
Разрушительный Кронъ незнакомъ...
И не властно во-вѣкъ надъ тобой
Безобразіе дряхлыхъ сѣдинъ;
Тебѣ жизнь мелочною борьбой
На чело не нагонитъ морщинъ...
Не коснется тебя никогда
Сокрушающей смерти рука!...
Ты блаженна, что ты молода
И отъ нашихъ скорбей далека...
И художникъ, въ печали своей,
Когда сердцемъ болящимъ страдалъ
Надъ нестройною жизнью людей,
Твой чарующій ликъ изпалялъ,
И онъ въриль: придутъ времена —
Бее, что въ духъ безплотно живеть,
Будто грезы роскошнаго сна,
Въ повседневную жизнь перейдетъ...

Да надъ этою мыслью его
Замолчить и прервется мой стихъ:
Это свѣтъ бытія моего,
Это перлы желаній моихъ!

LXVII.

Моя богиня.

Медленно вончивъ свои умашенья, ты вкусныя блюда
 Въ зелени сочной поставь, обложи ихъ искусно цвѣтами,
 Въ сребренный кубокъ налей искрометную кровь винограда:
 Звонкій тотъ кубокъ украсень любимымъ моимъ барельефомъ,
 Гдѣ Діонисъ, какъ душа вѣчноюнаго міра, представленъ...
 Будемъ гармоніей духа и тѣла съ тобой наслаждаться!...
 Вѣрь мнѣ, одна безъ различія жизнь, и людей, и природы:
 Всюду единая царствуетъ мысль, и душа обитаетъ
 Въ глыбахъ камней бездыханныхъ и въ радужныхъ листьяхъ растений...
 Нѣтъ для меня, Левконоя, и тѣла безъ вѣчнаго духа,
 Нѣтъ для меня, Левконоя, и духа безъ стройнаго тѣла!
 Умственнымъ взоромъ гляжу я на образъ жены полногрудой,
 Въ выпуклыхъ линіяхъ формъ, изваянныхъ богиней-Природой,
 Душу и цѣлую жизнь, и поэму созданья читаю...
 Не упрекай-же меня, что я къ тлѣну и праху привязанъ,
 Не упрекай за стихи, гдѣ я думы свои изливаю!...
 Иль ты не знаешь, что я поклоняюся новой богинѣ,
 Къ музамъ причисливъ ее, и назвавши ее Софросиной:
 Эту богиню я къ жизни и къ пѣснямъ своимъ призываю...
 Пусть, какъ сатиръ ослабляясь, невѣжда смѣется надъ нею:
 Смѣхъ его — лучший ему приговоръ...

Но слѣши, о подруга!

Сытныя свѣди принесть и весельемъ кипяція вина,
 И ароматы, и мудраго мужа Платона творенья.

НОВОГРЕЧЕСКІЯ МЕЛОДІИ.

I.

Сила пѣсни.

«Славнымъ виномъ на прощанье,
Кипрскимъ виномъ напою...
Выпей за наше свиданье,
Выпей за удачу свою.
Кубокъ возьмешь на дорогу:
Будешь меня вспоминать;
Стану молиться я Богу,
Стану тебя ожидать...»

— Старыя пѣсни люблю я,
Старую пѣсню запою...
Голосъ ихъ — звукъ подалуя,
Рѣчи ихъ льются рѣкой.
Хочется пѣсней разлуки
Тяжесть души облегчить,
Звуками плавать, и въ звуки
Горе любви перелить...
Пой! — ужъ пора намъ проститься:
Рогъ капетана трубитъ...

«Страшно мнѣ въ пѣснѣ излиться:
Съ пѣсней душа улетитъ».

II.

А й л у д а. *)

Есть домикъ въ лѣсу, за горою,
Съ разрушенной кровлей, безъ окопъ...
Но пашихъ красавцевъ собою

Прельстигъ и завлечь онъ.

А въ доннвѣ, будто ошибкой,
Сіяніе утра и ночи:
Оттуда алъветъ улыбка,

И искрятся очи...

Рабовъ, иль серадей высокихъ
Ты хочешь, айлуда дубравы,
Алмазовъ-ли, странъ-ли далекихъ,

Забвенья, иль славы!

Ты видишь, я статень и полодь:
Люби меня адской душою, —
Мнѣ люди навѣяли холодъ

Съ тяжелой тоскою.

Безъ подвитовъ мнѣ до могилы
Пути протянулись большіе;
Я трачу богатя силы

На битвы пустыя..

И скромно безвѣстному счастью
Пріюта нигдѣ не сыщу я...
По свѣту съ ненужною страстью,

Какъ призракъ, брожу я...

*) *Айлуды*, по повѣрью вывѣшнихъ Гревовъ, существа въ родѣ сербскихъ вилъ или Ореадъ и русалокъ, обитающія въ дѣвнхъ и пустынныхъ мѣстахъ, у рѣкъ, горъ и ущельевъ.

А тамъ, у тебя изумруды
Колеблются въ шлѣ травой;
Ручей твой обрамили руды

Каймой золотою;

И вѣтеръ тамъ музыкой вѣетъ,
По струнамъ цвѣтовъ пробѣгая;
Восторгами таетъ и млѣетъ

Тамъ жизнь молодая;

И смотреть веселыя лица
Съ больной незнакомы слезою,
Поютъ тамъ и вѣщія птицы,

Кружась надъ водою.

Соткавши изъ радугъ полбна,
Подъ ихъ расписными шатрами
Почиешь ты въ нѣгѣ дремотной

Съ твоими духами.

Клубятся надъ ними видѣнья
И тайны незримаго міра;
Существъ вы слѣдите движенья

На звѣздахъ зенра.

Забывши одежды, съ купанья
Подруги твои молодыя
Несутся на радость свиданья

Подъ сѣни густыя,

И пляску заводитъ съ духами; —
А мѣсяцъ, нечуждый ихъ счастью,
Объемлетъ ихъ груди лучами,

Стараемый страстью;

И жаръ ихъ, и жажду лобзаній
Порой прохлаждаютъ фонтаны,
Да трепеть предсонныхъ желаній

Скрываютъ платаны..

Цалуј пена, демонъ прекрасный!
 Такъ сладокъ твой адъ поцалуя, —
 Пусть въ жизни кипучей и страстной,
 Забывшись, умру я...

III.

Дѣвушка у Харона.

(Поэма. Гр. Настасіи Ивановнѣ Толгогой.)

— «Хорошо вамъ, горы, счастье вамъ долины:
 Вы себѣ живете безъ тоски-кручины!
 Вѣчно вы цвѣтете, нѣтъ для васъ Харона!
 Какъ и вы, цвѣла я, роза Клеерона,
 Любовалась также утренней зарёю,
 А меня скосила смерть своей косою...
 Безъ меня на свѣтѣ все живетъ и дышетъ,
 И меня не знаетъ, и меня не схышетъ!
 Тамъ зазеленѣло Божіей весной,
 И луга запахла молодой травой;
 Ярко зацвѣли всѣ поля цвѣтами,
 И холмы покрылись бѣлыми стадами;
 Въ густотѣ дубровы, солнцемъ непалимый,
 Паникаръ гуляетъ съ дѣвучкой любимой,
 И, цалуя жадно ей уста и плечи,
 Говоритъ онъ милой золотыя рѣчи;
 Мать красивой дочкѣ расточаетъ ласки,
 Бабушка-старушка сказываетъ сказки...
 О, когда бы можно, вѣчно бы жила я,
 Какъ ребенокъ съ куклой съ жизнію играя...
 Еслибъ наши клефты въ адъ сюда попали, —
 Вѣрно-бъ и съ Харономъ въ битвѣ соладили;
 Жалобною рѣчью я-бъ ихъ ублажила,
 И, ласкаясь къ храбрымъ, такъ бы говорила:

-Я въ жилищѣ смерти выплакала очи,
Въ холодѣ могильномъ, средь подземной ночи.
Здѣсь темно и тѣсно... Зрѣнье просить свѣта,
Сердце просить ласки, а душа — привѣта...
Клефты-палікары! убѣгу я съ вами
Въ край, гдѣ льется воздухъ свѣтлыни струями,
Гдѣ раздолье жизни, гдѣ толпятся люди,
Гдѣ любить приволье лебединой груди;
Я хочу утѣшить мать мою въ печали,
Я хочу, чтобъ сестры слезь не проливали,
Чтобъ не горевали неутѣшно братья,
И свою Зоицу припали-бъ въ объятія...»

— Не крушись, Зоица, по роднымъ напрасно:
Имъ живется сладко, весело и ясно!...
На землѣ, подруга, все тебя забыло!
(Такъ, вошедши, Деспа къ ней заговорила).
Отъ людей къ Харону нынче отошла я,
И тебя лишь годомъ дольше прожила я...
Видѣлась недавно я съ твоей роднею:
Всѣ они довольны, счастливы судьбою...
Братья... да и сестры, позабывъ печали,
У сосѣда Ламбро на пиру плясали,
Бабушка болтала подъ овномъ съ кумою,
И своей хвалилась давней стариною,
Мать все хлопотала о невѣстѣ сыну:
О тебѣ-жъ, бѣдняжка, не было помину!

IV.

Телонія. *)

Дыша прокладой на потокъ,
 Дрекагъ душистый вѣтерокъ,
 И, олеандръ въ густые своды
 Сокрывъ трепещущія воды,
 Цвѣты румяные ронягъ
 На переливистый кристалгъ.
 Рѣзвилась ласточка порою
 Надъ тиховодною рѣкою,
 И грудью бѣлою своею
 Касалась голубыхъ зыбей...
 А воздухъ, воздухъ благодатный...
 Струею жарко-ароматной
 Онъ хочеть страсть свою вдохнуть
 Въ мою измученную грудь.
 Когда таинственные звуки
 Несутся стройно въ вышннѣ:
 Я слышу въ нихъ печаль разлуки,
 Тоску по горней сторонѣ....

Но отчего была печали
 Душа усталая полна,
 Когда тѣ звуки пролетали?...
 Я знала, въ нихъ неслась она —
 Душа малютки безъ названья,
 Перелетѣвшей въ мнръ страданья
 Непогруженною въ купель —
 Христовой жизни колыбель!...

Ко мнѣ, ко мнѣ, родные звуки!
 Навѣйте вновь былия муки:
 Въ васъ жаждеть горестная мать
 Младенца милаго обнять!

*) Теловія—душа неокрещаннаго младенца, умершаго до вре-
 щенія. Сваака этого повѣрья почти тамъ, что у Малороссіянъ
 о *Мовкалѣ*.

Несется изъ владѣній ада
Изъ мрака смерти и грѣховъ
Въ толпѣ невидимыхъ духовъ
Мое дитя, моя отрада...

Ко мнѣ, дитя, лети ко мнѣ!...
Но звукъ печальный пролетаетъ,
И въ безотвѣтной вышинѣ
Дахѣкимъ эхомъ замираетъ.
Въ тотъ часъ на сердцѣ пустота,
Въ душѣ безстрастный холодъ вѣетъ;
Слеза подъ сердцемъ заперта,
И чувство теплое нѣмѣетъ...
Но вдругъ неожиданно пролетитъ
Знакомый звукъ, и прозвучитъ
Печалью знакою когда-то, —
Разбудить старыя мечты, —
И въ сердцѣ нѣтъ ужъ пустоты:
Оно печалію богато.

V.

Умирающій матросъ.

— Много-ль морей облетала ты, бѣлая лебедь,
Много-ль корветъ и фелукъ ты видала на морѣ?
«Черный корабль я видала подъ флагомъ багровымъ; *)
Сталъ онъ на якорь отъ нашего берега близко.
Старый сѣдой капитанъ, напѣвалъ молитвы,
Плакалъ, и плакали съ нимъ молодые матросы,
Стоя вдругъ паликара, какъ ты молодого.
Прелестью глазъ и кудрей прихотливой волною
Схожъ паликаръ на тебя, свѣтлоокая дѣва.
Руки скрестивъ на груди, и на грудь головою
Тихо склонившись, сказалъ капитану сѣдому,
Юнымъ матросамъ сказалъ онъ послѣднее слово: —

*) Признакъ пиратскаго судна.

«Прожилъ я на морѣ лучше юные годы,
 На морѣ взросъ и родился. Пѣвучія волны
 Сонъ навѣвали, колыша мою колыбельку.
 Много извѣдалъ я на морѣ чернаго горя,
 Много на немъ я извѣдалъ и радостей свѣтлыхъ.
 Мирное зрѣлище волнъ неподвижныхъ и неба,
 Яркое облитое свѣтомъ пурпурнаго утра,
 Богу меня научило молиться и плакать.
 Первой, послѣдней любовью любилъ я на морѣ,
 Встрѣтивъ на немъ-же прекрасную, добрую Зою;
 Дружбу, вы знаете сами, узнать я межъ вами.
 Богъ посѣтилъ меня раннею смертью на морѣ...
 Мирно, друзья, умираю, но грустно разстаться
 Съ моремъ и съ вами, и съ бѣдною Зоей-спротивой!
 Выройте, братья, могилу у берега моря,
 Камнемъ прибрежнымъ мою вы покройте могилу:
 Здѣсь я услышу порою матросскую пѣсню,
 Серцу знакомое *Эйя-меза!* *) услышу...
 Будутъ бесѣдовать шумныя волны со мною,
 Тусклыми очи, нѣмыми уста освѣжая,—
 Въсточку мнѣ принесутъ о родныхъ и знакомыхъ:
 Станетъ теплѣе холодному сердцу въ могилѣ...
 Плакать придетъ на могилу печальная Зоя:
 Тихія волны подѣлятся съ нею печалью, —
 Легче ей на сердцѣ станетъ, и я успокоюсь...»

«Что ты дрожишь и блѣднѣешь, красавица-Зоя,
 Смотришь безумно и рвешь дорогія одежды?...
 Бѣдная Зоя! Несчастливая Зоя!»

*) Восклицаніе матросовъ при подыманіи тяжестей: якорей, ханатовъ и т. п.

VI.

Воспоминаніе.

Я помню, какъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ
Холодное чело твое вѣнчали,
Какъ на груди твоей цвѣты завяли;
Какъ много выплакалъ я слезъ...

И убѣжалъ далеко я отъ милой...
Скажи, взросъ твой юный кипарисъ,
И капли слезъ цвѣтани-ль разрослись
У мрамора твоей могилы?

Я, говорить, на чуждомъ берегу
Тебя забылъ... но вѣрь: тобой любимый,
Тобою полнъ, тобой путеводимый,
Тебя забыть я не могу!

Я помню все, души моей свѣтло!
Мгновенный слѣдъ твой въ мѣрѣ не исчезъ: —
Все лучшее земли, все свѣтлое небесъ
Твой милый образъ сохранило.

VII.

Отплывающему.

Корабль готовъ; шумятъ вѣтрила,
 Распущенъ флагъ земли родной..
 Ты ѣдешь, братъ, и что нибъ мило
 Увозишь ты на-вѣкъ съ собой!
 Чтобъ ждать тебя подъ небесами
 Родимой Греціи твоей?..
 Ея любуясь красотами,
 О бѣдной участи моей
 Ты вспомни, братъ, и пожалѣй..
 Прошу тебя, пришли съ дороги
 Мнѣ горсть земли, земли родной:
 Въ часы душевныя тревоги
 Я окроплю ее слезой.
 Взгляни на гробъ Агамемнона
 Въ его пустынной наготѣ,
 И у колонны Пареевона
 Пропой ты пѣсню Красотѣ;
 Къ моимъ друзьямъ зайди въ Востицу,
 Скажи, что ихъ цагую я: —
 Но, братъ... сосѣдку Фотиницу
 Ужь не цалуй ты за меня!

La nature est l'idée sous forme d'exteriorité.

A. Ott.

I.

П р и р о д а.

Привѣтъ ной, весна!... Я съ тобою
Опять, какъ дитя, заживу
Всей жизни моей полнотою,
Увижу я сны на-яву...

Согрѣется воздухъ, и воды
Съ холмовъ бѣлоснѣжныхъ польются,
И тайныя струны природы
На струнахъ души отзовутся:

Тогда я познаю глубоко,
Что плоть я отъ плоти ея,
Что я не живу одиноко,
И вся она лова моё...

Мнѣ будутъ сестрою и братомъ
И роза, и вѣтеръ, и море:
Одна напоитъ ароматомъ,
Другіе умчатъ мое горе.

Сродство и единство созданья
И мудрость его простоты
Внесу я въ свой умъ и познанья,
Въ искусство—его красоты...

Предъ блещущимъ ликомъ природы
 Всё мрачное духа — далёко:
 Всё ясно, какъ тнхія воды,
 Кристальныя воды потока; —

И ложны предъ нею страданья,
 Болѣзненъ путь жизни людей...
 Разсѣйся-жь, о, мракъ отрицанья,
 Въ душѣ обновлённой моей!

II.

Нимфа вьюги.

Поздней ночью буря встала,
 Поднялась, рева, иятель,
 И повсюду наметала
 Многоснѣжную постель.
 Мнѣ спящей пылью снѣга
 Влажно очи порошить;
 Истомленная отъ бѣга,
 Тройка медленно бѣжитъ...

Но, классическія грѣзы,
 Грѣзы ябчныя людей!
 Васъ питають и морозы
 Бѣдной родины моей;
 Вамъ такая-же подруга,
 Какъ аттическая ночь,
 Наша сѣверная вьюга,
 Дочь Гекаты, мрака дочь...

Ѣду я... передо мною
 Нимфа Вьюги возстаётъ,
 И надъ снѣжной пеленою
 Всё кружится да поётъ...
 А когда сквозь прахъ сыпучій,
 Сквозь лохмотья бѣлыхъ тучъ,

На покровъ полей зыбуцій
Бросяť нѣсадъ блѣднѣй лучъ, —
Бѣломраморной рукою
Нимфа въ даль меня манить,
И хохочетъ надо мною,
И рыдаетъ, и грозитъ...
Вдругъ по прихоти игривой,
Иней съ дерева страхнѣтъ,
И всего меня шутивно
Льдомъ колючимъ обольѣтъ,
Иль въ устамъ моимъ коснѣтся
Ноцагуемъ мертвеца,
Иль унылою залѣтся
Пѣснью руссваго пѣвца;
То статуей ледяною
Всторонѣ стоитъ она,
И холодной красотою,
Непреклонная, полна;
То меня охватитъ страстно,
Токомъ бури обовѣтъ, —
И, безчувственно-прокрасна,
Въ пласкъ съ вихремъ отойдѣтъ...
Но развѣтъ шаловливо
Вѣтеръ тунигу у ней, —
Нимфа спрячется стыдливо
Въ волны снѣжныя полей;
И опять изъ-за берѣзы
На меня она глядитъ, —
Вѣтру буйному сквозъ слѣзы
Рѣчь упрѣка говоритъ...
Но, глядишь, на волкъ смѣло
Нимфа свачетъ предо мной,
И его по шерсти бѣлой,
Гладитъ ласково рукою,
И улыбкой отерываеť
Рядъ роскошныхъ жемчуговъ,
Волшебствомъ ея сзываетъ
Хоръ полуночныхъ духовъ;
Къ нимъ, средъ воя и круженья,
Пристаютъ толпой тѣней,

Въ странныхъ образахъ, видѣнья
Знойной юности моей—
Что любимо было мною
И желаемо давно,
Что развѣнчаво судьбою,
Что въ душѣ погребено...
Это всё подъ гулъ ненастья
Въ хоръ одинъ слила она,
Совершенство, Люви и Счастья,
Безтѣлесная Жена,
Мыслью созданная ясной
Въ царствѣ духа моего,
И потребой сердца страстной,
И провидѣнемъ его...

Но, вотъ, вижу я въ матели
Мой родной, мой старый домъ,
Гдѣ, со мной играя, пѣли
Мнѣ о будущемъ моймъ,
Гдѣ мнѣ няня говорила
Сказки русской старины,
Съ колыбели приучила
Золотые видѣть сны...

И дрема съ высотъ слетаетъ
Тихо на душу мою:
Нимфа Вьюги напѣваетъ
Въ полѣ — «баюшки-баю...»

III.

Notturmo.

Ароматной весеннею ночью
 Я на небо гляжу ненаглядно...
 Когда море, уснувшю мочью,
 Такъ прекрасно, такъ мирно-отраднo,
 Когда слышу, какъ злкъ прозябаетъ,
 И какъ пѣтъ онъ дыханіе ночи:—
 Тебя сердце мое призываетъ,
 Тебя видать во-всѣмъ мои очи...
 Будто смотришь ты тѣми звѣздами,
 Будто дышешь дыханьемъ природы,
 Раздвѣтаешь ночными цвѣтами,
 Населяешь и воздухъ, и воды.

Когда слышу вечерніе звуки,
 Тѣ, что льются, что въ воздухѣ таютъ,
 И таинственно съ счастьемъ муки
 И съ покоемъ тревогу мѣшаютъ:
 Тогда, кажется, будто незримо
 Ты ко мнѣ издалѣка несѣшься...
 Будто чую—промчалася мимо,
 Будто пламенемъ пб-сердцу льѣшься...
 Чтб-жъ родного, скажи мнѣ, сокрыто
 Въ этой ночи и въ звукахъ съ тобою,
 И какая струна у нихъ слита
 Съ моимъ сердцемъ, съ моею судьбою?...

IV.

Просьба весны.

На-прощаньи пѣвду говорила,
 Отлетая надолго, весна: —
 О, поэтъ мой, тебя я любила,
 Я была и тепла, и ясна...

Разстаюся я съ милой землѣю,
 Мнѣ такъ долго ея не лобзать,
 Не легчать своей теплотою,
 И двѣтушихъ красоть полнотою
 Мнѣ ея головы не вѣнчать!

Покидаю я женщинъ прекрасныхъ
 И ласкаемыхъ мною дѣтей —
 Для ночей безразсвѣтно-ненастныхъ,
 Для холодныхъ, безсолнечныхъ дней...

И не будутъ, роскошными снами
 Упиваясь блаженно, они
 Пробуждаться и спать съ соловьями, —
 Покидаю я ихъ сиротами...
 Замяни имъ меня, замѣни!

Разлучиться мнѣ горько съ землѣю...
 Но, поэтъ мой, я въ серддѣ твоёмъ
 Неразлучной живу красотою,
 И твоимъ пламенѣю стихомъ:

Я оставлю въ немъ звуки и краски,
 И мой свѣтъ, и мою теплоту,
 Вѣтерка перелѣтныя ласки,
 И потововъ журчащія сказки,
 И луной разлитую мечту.

Какъ поперкнетъ сіявѣ лазури,
 Какъ поблѣкнуть безъ жизни поля,
 Да завоютъ холодна буре,
 Да одѣнется въ саванъ земля —

Мой избранникъ, людей утѣшая,
 Возроди меня въ пѣсняхъ своихъ,
 Чтобъ предъ ними опять распѣла я,
 Благовонна, свѣжа, молодая,
 Въ трепетанья стиховъ золотыхъ...

Но, весеннее счастье зимою
 Разливая межъ братьевъ людей,
 Надѣли имъ возлюбленныхъ мною,
 Всѣхъ обихнѣе, женъ и дѣтей,

Чтобъ а въ пѣснѣ твоей зеленѣла,
 Согрѣвая озябнувшій глѣсъ,
 На свѣгахъ-бы цвѣтами пестрѣла,
 Наливалась въ колосья и зрѣла,
 И сіяла-бы съ звмнихъ небесъ;

Чтобы всё, забывая морозы,
 Погрузилось въ знакомые сны,
 Въ ароматныя майскія грѣзы,
 Въ обаянье волшебной весны...

И подъ власть твоего вдохновенья
 Всѣ отдастся, поэтъ-чародѣй,
 И, внимая словамъ пѣснопѣнья,
 Отъ земли моего удаленья
 Не замѣтитъ никто изъ людей;

Имъ прольюся я полною чашей
 Изъ искусныхъ художника рукъ,
 Имъ я буду и лучше, и краше,
 Облеченная въ образъ и звукъ.

V.

Зимнее чувство.

Вокъ всего я люблю дождь, гдѣ блещет
 снегъ, когда Зоясь сияетъ снѣгомъ
 Изъ Гомеровскихъ Ст

Какъ хорошо на сѣверѣ порою,
 Въ уютной комнатѣ, съ подругой молодою,
 Когда, дыша отрадной теплотой,
 Открыть каминъ, и уголь золотой,
 Подёрнутый перловою золою,
 Чуть рдѣть: такъ, подъ кожей молодою,
 Подъ кожей бѣлою, подъ дѣвственнымъ пушкомъ.
 Румянецъ кажется дрожащимъ огонькомъ.
 Намъ пѣсню самоваръ шумливую заводить;
 Вечерніе часы неслышимо уходить
 За книгою любимой въ рукахъ,
 За разговорами о милыхъ пустякахъ,—
 И женственной красы исполненныя рѣчи,
 Пурпурина уста и снѣговья плечи
 Зовутъ меня лобзать подругу въ тишинѣ...
 Какъ хорошо и какъ отрадно мнѣ!...
 А вьюга на дворѣ реветъ и аится,
 И путникъ, заблудясь, за жизнь свою бонится,
 И снѣгомъ бьетъ ему въ усталые глаза:
 Всѣ бѣло вокругъ него—земля и небеса;
 Не слышенъ лай собакъ изъ-за дали туманной,
 Не виденъ огонекъ спасительно-желанный...
 Но мнѣ такъ хорошо въ пріютномъ уголкѣ
 Отъ всѣхъ опасностей, отъ гора вдалекѣ.

И въ этотъ часъ уже не снится мнѣ
 На полуостровѣ, въ любимой сторонѣ,
 Колонна, статуя, полуденная роза:
 Въ поэзію мятели и мороза
 Я иъгой сѣверной волшебю погружень,
 И снится мнѣ иной роскошный сонъ.

VI.

Г о л о с а н о ч и .

Тихо бреду по широкому пою
 Лѣтнею ночью прохладной,
 Воздухъ впивая живительный въ-волю,
 Жаждой исполненъ отрадной.

Братской всемірной бесѣдѣ я внемлю...
 Всё говорить предо-мною:
 Падаюгь рѣчи съ зѣна на землю,
 Лѣются лучистой рѣкою;

Просять у звѣздъ позолоты и краски
 Зрѣющій волосъ и слива,
 Ловить Ночныя Красавицы ласки
 У вѣтерка шаловливо...

А подь горою бесѣдуютъ воды
 Съ вѣтками ивъ и съ камнями;
 Шепчутся тайно древесные своды,
 Держутъ совѣтъ съ облачками...

Слышу, кузнечиковъ пѣсня живая
 Мелкою дробью несѣтся,—
 П угадаь я, той пѣсни внимая,
 Чтб и о чемъ имъ поѣтся.

Пѣли кузнечики:— «красное лѣто
 Вслѣдъ улетить за весною;
 Жить намъ покуда-лишь поле согрѣто
 Ризой хлѣббвъ золотою...

Счастливы темныя сосны и ели—
 Вѣчно онѣ зеленѣютъ;
 Гибели имъ не приносить мятелп,
 Смертью морозы не вѣютъ!»

Новая пѣсня изъ рощи несѣтся,
Свѣлостью звуковъ блистаетъ,
И переватными трелями льѣтся —
То соловей распѣваетъ:

«Жизнь хороша!... но не долго живу я...
Пѣть мнѣ хотѣлось бы вѣчно!
Съ розой родился и съ розой умру я,
Жажда жить безконечно...

Всѣ для людей! Имъ и долгіе вѣки,
Пѣснь соловья и поэта,
Небо и горы, и рощи, и рѣки
Въ перлахъ и въ золотѣ свѣта.»

Пѣсня другая въ саду раздаѣтся,
Трель соловья прерывая, —
Это и громко, и стройно несѣтся
Грустная пѣсня людская:

«Волосы наши вудрами разлиты....
Время пошлетъ имъ сѣдинн;
Этотъ румянецъ, зажегшій ланиты,
Скоро погасать морщины....

«Ты только счастливъ своею безсмѣнной
И несходящей весною,
Ты только вѣченъ, румянецъ вселенной,
Въ небѣ горящій зарѣю!»

VII

Л ѣ с ъ.

Въ зелени тѣмной дремучаго лѣса брожу одинѣй:
 Тысячи радужныхъ красокъ, играя, горятъ на закатѣ;
 Золотомъ капаютъ онѣ на верхушки кудравыхъ деревьевъ,
 Свѣтлой струей извиваясь, крайны вѣтвей пробѣгають,
 И въ промежуткахъ ствоховъ разливаются розовымъ полемъ.
 Странные, смутно-знакомые звуки несутся изъ чащи,
 Звуки, похожіе больше на тишь разлитую повсюду...
 Только порой подъ ногами моими трава шевелилась,
 Ящерицъ быстро-скользящихъ слѣды отъ меня укрывая;
 Пряткій кузнечикъ звенѣлъ въ кочедыжникѣ гдѣ-то, и часто
 Пѣсню свою прерывалъ. — Пробѣжавшему легкому вѣтру
 Разомъ всѣ листья, сѣтша, говорили, и вдругъ замолкали.
 Воздухъ прокладно-густой, испареньями травъ напоенный,
 Страстно дышалъ на ночные цвѣты; тяготѣя надъ ними,
 Чашечки ихъ расширялъ, и садился росой ароматной;
 Въ свѣрнутыхъ листьяхъ растений поволился жукъ изумрудный;
 Влаги росистой боясь, мотылѣвъ испещренный скрывался
 Въ желтой пыли лепестковъ, колыхаясь, какъ въ люлькѣ ребѣнокъ.
 Льютъ надо-мною зеленныя слѣзы свои непрестанно
 Вѣтви плакучихъ деревьевъ, и, кажется, между собою
 Перешепнулись кусты обо мнѣ, осторожно, съ украдкой....

Этотъ языкъ безпредѣльной, никѣмъ неизвѣданной жизни,
 Слуху невятной рѣчью своею, наводитъ на душу
 Образовъ много незримыхъ и много нѣмыхъ ощущеній,
 Просить отвѣта себѣ, и въ своей приобщаетъ бесѣдѣ. .
 Носишь какого-то міра иного присутствіе въ сердцѣ....
 И разлился онъ, тотъ міръ, за тобой, предъ тобой, надъ тобою,
 Обнялъ всецѣло тебя, и содѣлалъ своимъ гражданиномъ;
 Кажется будто отжившія всѣ существа воплощенно
 Зажили вновь, и витають, тебя окружая собою,

Будто тѣ близкія души, что ты скоронилъ и оплакалъ,
Прежнимъ участіемъ похны и любовію прежней согрѣты,
Плачутъ теперь надъ тобой, и живого хотятъ разговора.
Видится этой порою, въ туманѣ таинственной грѣзы,
Будто-бы даже и то, что еще никогда не рождалось
Въ-явѣ живеть, облакаясь въ какой-то сверхъчужденный образъ.
Дремлющій воздухъ наполненъ вовругъ существами, которыхъ
Зрѣнье и слухъ не уловить, но чуютъ душевныя струны...
Связь ихъ съ собой постигаешь, но дать имъ отвѣта не можешь:
Мысль не слагается въ рѣчь, не находишь имъ должнаго слова,—
И отрѣшаешься весь отъ оковъ таготѣющихъ плоти.

Ощупью въ мірѣ блуждая, томясь, и невѣдѣньемъ боленъ,
Бѣ вамъ я довѣрчивымъ сердцемъ, пытливой душою взываю,
Сонмы незримыхъ существъ! Разскажете, откройте мнѣ тайны
Вашего міра, всѣ тайны того, что не вижу, не слышу,
Не осизаю, но чувствую смутнымъ души ощущеньемъ...
Грустно ходить мнѣ во тьмѣ, тяжело мнѣ и горько незнанье
Близкаго сердцу, роднаго душѣ, что её окружаетъ...
О, просвѣтите-же полнымъ сознаніемъ умъ мой и сердце:
Да заживу я свѣтло и здорово, какъ мнѣ подобаетъ.

VIII.

Отрада осени.

И сѣрое небо люблю я порою
 Съ осеннимъ холоднымъ и вѣтреннымъ днёмъ,
 Когда облака безконечной градою
 Отсюду находятъ и вращаютъ дождёмъ;

Когда, полумракомъ небесъ окруженный,
 Отъ всѣхъ удаляюсь я съ пилою моею,
 Внимая бесѣдѣ ея благосклонной,
 Льгивыя ручки паука у ней...

И такъ хорошо тогда это ненастье,
 И холодъ такъ тепелъ и сладокъ вдвоёмъ,
 Что, кажется, будто отрада и счастье
 Шунять, и спадаютъ, и льются дождёмъ!

Чѣмъ день разольется сѣрѣй и теннѣе,
 Тѣмъ ярче весеннее небо очей;
 Чѣмъ вѣтеръ повѣетъ въ окно холоднѣе,
 Тѣмъ жарче дыханіе милой моею...

Пусть желтые листья, опавши, летаютъ,
 Пусть старческій видъ на поблѣкшихъ поляхъ:
 Роскошно ея красоты разцвѣтаютъ,
 И юность играетъ румянцемъ въ щекахъ...

Я вѣрю, что осень на міръ не сходила,
 И осени нѣтъ для души молодой,
 Что только природа весну намъ смѣнила
 Другою—духовной и лучшей весной.

IX.

Симпатіи.

Вся жизнь человѣческая живётъ влуду
изъ ритмъ и гармоніи.
«Промисль» Платона.

Вечеромъ миръ низлетаетъ на землю...
Дѣвственно-ясенъ румянецъ заката;
Грежу я, чувствую, мыслю и внемлю:
Рсюду я радостно вашу нль друга, нль брата.

Птицы заснули на вѣткахъ древесныхъ,
Въ сонъ погрузилась семья пасѣоныхъ,
Много зажглося въ пространствахъ небесныхъ
Звѣздъ, мнѣ, изъ раннаго дѣтства, родныхъ и знакомыхъ.

Дремлютъ цвѣты въ вѣтерѣ благодатномъ,
Сны свои мнѣ говорить и мечтанья
На азмѣ ароматовъ понятномъ —
Рѣчью одною изъ тысячъ рѣчей мірозданья.

Грѣзы свои распѣваетъ цикада —
Ей, наклонившись, колосья внимають:
Весело прыгаетъ рѣвное стадо —
Имъ потревожены, пташки пугливо поркають.

Стройная музыка тайно сокрыта,
Веѣ проникая въ подлунной собою, —
То, что сіяніемъ солнца обито,
Что освѣщается томно Діаной ночью.

Звукомъ отвѣтнимъ всему пламенѣль я,
Жаждая въ общей гармоніи слиться;
Страстно душою прозрѣвшей летѣль я
Въ вѣчное лоно любви міровой погрузиться.

Чувствомъ широкимъ тогда обнимаю
 Сродную жизнь и стремленье всѣхъ сущихъ,
 Маленькій міръ ихъ любви открываю
 Въ сердцѣ летающихъ, въ крошечной груди ползущихъ.

Всѣ, что двѣтеть и ползеть, и летаетъ
 Долю имѣть свою въ наслажденья, —
 Всѣ и заботы, и радости знаетъ,
 Читается и тонетъ со мною въ житейскомъ волненъи.

X.

Даръ Прометея.

I.

Лишь заалѣется надъ синими горами,
 И отблескъ зарева падетъ на облака,
 Блестая легкими, прозрачными струями,
 Въ зеленыхъ берегахъ уляжется рѣва,
 Отъ долгаго труда, отъ зноя, истомленья,
 Спѣшу я броситься на мягкій дернъ луговъ,
 Душою отдохнуть въ тиши уединенья,
 Забыть и горести, и сладости трудовъ,
 Забыть людей, отвергнувшихъ природу,
 Природой брошенныхъ въ невѣдомую тьму,
 Желавшихъ покорить творенія свободу
 Искусству слабому, болящему уму...

II.

Когда мы приняли огонь самосозданья,
 Природа спрятала въ свою нѣмую грудь
 И тайны ясныя, и легкія познанья,
 И терніемъ усыпала нашъ путь...
 И блѣденъ пламенный блестящій Прометея,
 И сталъ ужъ онъ примѣтно догорать,
 И мало силъ у насъ, и нѣтъ у насъ елика
 Божественный свѣтильникъ поддержать.

XI.

Ж и з н ь.

Вѣрю, я безсмертенъ!
 Въ атомахъ вселенной
 Я ужъ зарождался,
 Съ вѣчной жизнью Бога,
 Съ Божьей мысли жилъ я...
 Жизненная влага
 И пылинки персти
 Первыхъ дней созданья
 Слиты въ этомъ тѣлѣ...
 И ужель не буду
 Въ мирѣ вѣчно жить я,
 Съ этимъ вѣчнымъ миромъ —
 Образомъ Всевѣчной,
 Некрышимои Мысли?
 Развѣ заронился
 Втуиѣ хоть единый
 Солнца лучъ на землю? —
 Или не возникъ онъ,
 Въ ней преображенный,
 Цвѣтомъ ароматнымъ
 Въ изумрудныхъ листьяхъ?
 Иль, въ дыханья зноя,
 Съ чашечки радзвѣта,
 Не упалъ на землю
 Радужною пылью,
 И съ землей не слился
 Въ вѣчныхъ превращеньяхъ?...

XII.

Счастье.

(Л. С. П.)

Благодарю судьбу за бури и борьбы,
 За счастья мигъ, за долгое страданье,
 И лишь могу просить я у судьбы
 Единого безбрежнаго познанья.
 Я убѣжденъ, — есть счастье одно,
 Высокое, далекое, простое —
 Видѣть въ себѣ той истины зерно,
 Что облеклось въ созданье ирровое...
 Какъ человекъ, могу его искать,
 Бавъ онъ, я не могу имъ насладиться:
 Но сладко жить, отрадно мнѣ страдать
 Лишь для того, чтобы къ нему стремиться.

XIII.

Сказки.

Tout est bien, sortant des mains de
 l'Auteur des choses, tout d'égdgnère entre les
 mains de l'homme.

J. J. Rousseau.

Странно! малюткой,
 Скучно мнѣ было за сказками няни:
 Сказки тѣ были всё-только о людяхъ,
 То о разбойникахъ, то о козлуньяхъ.
 Что-то влекло меня въ темную рошу
 Слушать, какъ шепчется что-то въ вѣтвяхъ.
 Сердце мое трепетало боязнью, —
 Сердце любило такую боязнь,

Я понималъ тотъ таинственный шопоть...
Вамъ передать а его не могу:
Мысли мутятся и слово нѣмѣть.
Часто любилъ я смотрѣть на рѣву,
Слушая музыку хоромъ незримыхъ.
Въ очи мнѣ прямо, участья полны,
Водные духи сквозя волны смотрѣли...
Вѣтеръ, колыша тростникъ надъ водой,
Мнѣ напѣвалъ колыбельную пѣсню,
Полную чуднаго смысла: его
Бѣдный языкъ и холодный разумокъ
Высказать вамъ не сумѣютъ, но сердце
Ясно его понимаетъ и помнить...

Годы ныне настали, и, старецъ.

Я не забылъ эти дѣтскія сказки:
Въ шумѣ-ль нестройномъ народныхъ собраній,
Въ битвахъ-ли жаркихъ, въ покоѣ-ль безстрастномъ,
Или въ порывахъ вакхическихъ мысли,
Какъ-то невольно приходятъ на память
Старыя дѣтскія сказки природы,
Міромъ забытыя...

Стройныя сказки!

XIV.

Чѣмъ а больше знаю,—
Больше знать я жажду;
Въ правдѣ почиваю,
Подъ соннѣньемъ стражду.

Теплотой дыханья
Истина вселилась
Въ тѣло мірозданья,
Тайно въ немъ сокрылась.
Счастье въ ней таится —
Наша цѣль отъ вѣка:
Страстно къ ней стремится
Помысль человѣка...
Безвечность—знаю —
Жизнью не измѣрю:
Всѣ-жъ еѣ пытаю, —
Вѣрю и не вѣрю...

Духа совершенство,
Безъ границъ познанье:
Вотъ мое блаженство,
Вотъ мое страданье!

XV.

У ж е н ь е.

(А. И. Ш.)

Долго свѣдѣлъ я подъ ивой, растущей надъ заводью синей,
 Длинную бросивъ лесу на едва-трепетавшія змби,
 Но поплавокъ мой довучно стоялъ на водѣ, и ни разу
 Въ темную глубь отъ очей не скрывался. Пугливая рыба
 Тою порой не влевала. Склонилось солнце къ завату;
 Вѣтеръ, подобно ползущамъ змѣямъ, шелестилъ по осоке;
 Ивы плакучей серебристые листья, какъ малыя дѣти,
 Надъ головою моею лепетали невнятные рѣчи.
 На воду глядя разсѣянно, я погрузился въ мечтанья,
 И про-себя напѣвалъ я какую-то странную пѣсню,
 Пѣсню безъ словъ, безъ конца и безъ явственно-слышимыхъ звуковъ.
 Время текло незанѣтно, и сталъ я слѣдить съ увлеченьемъ
 Всѣ за одной бѣлопѣнной волною, игравшею съ солнцемъ.
 Плавно катилась волна, и, привѣтливый видомъ сіяя,
 Ближе ко мнѣ подходила, и рѣчь говорила такову:—

«Здравствуй, родной мой и кровный! Да юные дни твои длятся...
 Что-жъ не даешь ты отвѣта, и будто меня ты не знаешь...
 Я... это я въ тайникахъ заповѣдныхъ души зарождаю
 То непонятное, смутное чувство, что вѣсть въ нихъ пѣснюю,
 Неуловимую грубымъ оковамъ сознанья и слова.
 Такъ, какъ и ты, я жила, и была молодѣя, и любила,
 Стройно-одѣтая пылкою кровью и плотью прекрасной;
 Дѣдамъ твоимъ пролила а дыханіе сладостной жизни.
 Шло непрестанное время, и годы смѣнялись годами:
 Съ ними забыло меня, и не знаетъ мое поколѣнье;
 Но, недовѣдома вамъ, говорю я таинственно съ вами.
 Ходомъ время въ измѣненной частицей витая въ стихіяхъ,
 Медленно а прохожу нескончаемый рядъ превращеній:

Въ камнѣ твердѣю, огонь разгораюсь, иль влажусь водою,
 То затаённою каплею въ жилахъ твоихъ обращаюсь.
 Глазъ твоихъ отблескъ далекій, когда-то блиставшихъ страстями,
 Свѣтитъ въ глазахъ у тебя, и румянецъ мой, съ жизнью угасшій,
 Нѣжнымъ оттѣнкомъ еще отраженъ у тебя на ланитахъ...
 Вѣрь мнѣ, живешь ты моею любовью, забытой вѣвани...
 Въ этой волнѣ бытія моего заронились останки:
 То чародѣйно они привлекали твой взоръ и вниманье,
 И глубокъ-сокровенныя струны души пробуждали...
 Вотъ я, родною волной обнимаю теперь твои ноги,
 Пѣной жемчужной дроблюсь, и опять я въ пространствѣ теряюсь...

Вѣтеръ прошелъ по осокѣ, и пѣла мнѣ тихо осока: —
 «Утромъ-ли яснымъ, иль въ вечеръ весенній, горячей зарею
 Любишь сидѣть ты подъ этою ивой, глядишь на осокѣ,
 И погружаешься въ думы, любовнымъ горя созерцаньемъ.
 Сладко-унылая музыка сердце твое наполняетъ, —
 Но никогда не спросилъ ты объ этой задумчивой грусти...
 Соки и краски мои я изъ вѣдра земли собираю,
 Гдѣ твои предки почіють, и ими питаюсь и движусь...
 Не оттого-ль ты во мнѣ неотступно влечешься душою,
 Съ жаднымъ сострастіемъ родственно внемлешь мелодіи листьевъ,
 Въ мигъ, когда вѣтеръ по мнѣ пробѣгаетъ, какъ-будто по струнамъ,
 Въ часъ, когда солнце на мнѣ отражаетъ свой пурпуръ заката,
 Трепетнымъ золотомъ тѣмную зелень мою окаймляя?...»

Тутъ поплавокъ мой недвижный мгновенно во глубь погрузился,
 Дѣрнула сильно лесу... и, хавъ призвавъ, разсѣялись грѣзы.

XVI.

Утреннее впечатлѣніе.

Разцвѣтшей зарёю
 Сокровищъ разсипано много:
 Всё тонетъ въ лучахъ предо мною...
 Я чую прозрѣвшей душою
 Повсюду жввущаго Бога...

И ликъ мірозданья
 Мнѣ пхотію духа прекрасной
 Является въ перлахъ сіянья —
 Среди пѣсенъ, любви, ликованья,
 Съ улыбкою женственно-ясной.

Я, жажда тѣни,
 Спускаюся въ долину глубоко,
 Гдѣ бродятъ, скрываясь, олени,
 Отдаться и грѣзамъ, и лѣни,
 Подъ лепетъ вѣтвей и потока...

И тихой стопою
 Я буду на горы взбираться:
 Боюсь раздавить я ногою
 Червя, что ползётъ подъ травкою
 Сіаньемъ тепла наслаждаться;

Исполненъ вниманьемъ
 Для всякой летающей крошки,
 И, груди сдержавъ колыханье,
 Въ себя не втяну я дыхавьемъ
 Въ лучахъ затерявшейся мошки.

XVII.

Предсмертное чувство.

I.

Чувствую, силы мои,
Юныя силы слабѣютъ;
Слышу, холодную руку
Смерть положила на сердце,
Страстное сердце мое...

Что-же, разлитая всюду,
Царствуетъ жизнь предо мною,
Всѣ проникая собой?

Что-же нигдѣ я въ природѣ
Образа смерти не вижу?...

Я оглушенъ, ослѣпленъ днѣнрабомъ
Вѣчно стремящейся жизни,
Вихремъ ея увлекаемъ,
И отстаю я отъ хора людей
Въ этомъ вакхическомъ бѣгѣ, средь кликовъ,
Плясокъ и пѣсень...
Я изнемогъ, задыхаюсь...
Паль я на землю...

Теряюсь

Въ топѣ безбрежнаго міра,
Будто въ туманѣ,
Будто въ чаду опьяненья...

Это-ль?... такъ это-ли смерть,
Зевсъ-міродержецъ,
Жизни безсмертный отецъ?

II.

Съ юга лазурнаго вѣетъ
Зноенъ и легкой прохладой,
Вѣетъ какою-то нѣгой
Съ неба и съ моря, и съ горъ
По небу тучна несется,
Пахнетъ дождемъ благовоннымъ...
Скоро сѣвозъ яркое солнце
Перхи дождя упадутъ:
Перси земли растворятся,
Жизненной влаги напьются...
Вижу,—зеленны перси
Рдѣютъ багрянцемъ цвѣтовъ.

III.

Хоть-бы пожить мнѣ весною!...
Чую, какъ сердце забилося...
Выйду въ широкое поле,
Лягу на мягкую травку,
Буду на ясное небо,
Буду на море смотрѣть.
Много есть жизни въ природѣ,
Жизнь я займу у природы:
Буду открытою грудью
Воздухъ весенній впивать.

XVIII.

У з н и к ъ.

Черныя стѣны суровой темницы
 Сырость одѣла, покрыли мокрицы;
 Падаютъ двѣ капли со свода...
 А за стѣною ликуеть природа.

Буча соломы лежитъ подо мною;
 Червь её точить. Дрожащей рукою
 Сбросилъ я жабу съ нея... а изъ башни
 Видны и небо, и горы, и пашни.

Вырвался съ кровью изъ груди холодной
 Вопль замиравшій неслышно, бесплодно
 Глухо оковы мои загремѣли...
 А за стѣною малиновки пѣли...

Вотъ-когда смерти впервые кочу я,
 Мыслью далеко отсюда лечу я: —
 Вижу себя на конѣ и на полѣ,
 Чую себя я на-вогѣ, на-вогѣ...

Солнце горитъ на небесной лазури;
 Тучка несется—предвѣстница бури,
 Бурамъ готовятся дубы къ отиору,
 Впемлю я тайному волнѣ разговор.

Чайки кружатся надъ моремъ стадами,
 Плавно летаютъ орлы надъ скалами...
 Здѣсь, на раздолья и въ эти мгновенья,
 Какъ-бы я умеръ въ пылу изступленья!

Вашей маѣ жизни ужъ больше не надо:
 Въ смерти своя есть и жизнь, и отрада —
 Въ лонѣ природы, въ борьбѣ и волненьяхъ,
 Въ страстныхъ, вавхическихъ міра стремленьяхъ.

XIX.

* * *

Наши очи малы,
 Велика природа;
 Ихъ погасить время,
 Но она безсмертна.

Наши очи малы:
 Но безбрежность міра
 Мѣряютъ собою,
 И въ себѣ вѣщаютъ.

Наша жизнь лишь-только
 Вѣчности мгновенье:
 Мы-жъ, порой, въ мгновенье
 Проживаемъ вѣчность...

XX.

Монологъ на высотѣ.

Мы убѣжали, подруга, съ тобою,
 И отъ гонителей нашихъ далѣко...
 Этотъ утесъ, гдѣ окользимъ мы ногою,
 Подъ облаками, надъ бездной морскою,
 Поднять вулканомъ подземнымъ высоко.

Страшно, какъ бросишь нечаянно взоры
 Съ выси на доль, на ущелья, на море...
 Видишь-ли, ниже насъ тянутся горы:
 Ихъ водопады, долины и боры
 Тонуть, сливаясь въ далекомъ просторѣ?..

Бѣлая точка дрожитъ надъ волками:
 Парусъ-ли это, ихъ чайки летаютъ?..
 Какъ чешуёю, блестить гребешками,
 Съ гуломъ раздолье морское подъ нами,
 Пятнышкомъ чернымъ дельфины всплываютъ...

Ласточекъ гнѣзда, иль хижины это
 Робкой семьей за обрывомъ таятся?...
 Всѣ въ полосахъ отдаленье одѣто,
 Будто разлитыхъ по скатертямъ свѣта:
 Не облачка-ль тамъ тѣнами дожатся?

Люди спуютъ тб, иль птички летаютъ?
 Пчелы-ль несутся густыми роями?...
 Слышишь ли, камни, катясь упадаютъ,
 Эхомъ пещеры полѣтъ ихъ встрѣчаютъ?...
 Сдвинувъ я въ бездны тѣ камни ногами.

Холодъ не сходить отсюда и лѣтомъ,
 Здѣсь голова человѣка кружится;
 Солнце горитъ ослѣпительнымъ свѣтомъ:
 Здѣсь хорошо развѣ-только поэтамъ,
 Гдѣ мы трепещемъ, боясь оступиться...

Что тогда наши мечты, упованья,
 Всѣ, чѣмъ мы жили, дышали съ тобою,—
 Счастіе наше и наши страданья,
 Горе разлуки и радость свиданья,
 Если свользнемъ мы нетвердой стопою!...

Мы преходящія духа явленья:
 Всюду-жъ предъ нами царитъ его вѣчность;
 Жизни всемірной мы только мгновенья,
 И испугала намъ душу и зрѣнье
 Ждущая насъ поглотить безконечность.

XXI.

Мысль о смерти.

Страшна мнѣ смерть!... Не отъ сомнѣнья,
 Не отъ невѣдѣнья страшна...
 Хоть ложвой жизни обольщенья,
 Ея ничтожность и волненья
 Собою сокрушить она:—

Но всё-жъ я смерти не желаю...
 Я жить хочу, хочу я жить:
 Я убѣждень, и сердцемъ знаю,
 Что быть отраднѣй, чѣмъ не быть!

XXII.

Туча.

Туча весною проходитъ по ясному небу;
 Дождь изъ зѣриныхъ высотъ проливаетъ на землю,
 Силы свои истощая, и жизнь отдавая
 Жаждущимъ дѣтямъ ей чуждаго дольняго міра...

Туча, завидно твое назначенье на небѣ!
 Долу оно непонятно, иль, можетъ быть, чуждо:
 Мнѣ-же завиденъ понятно твой жребій высокій,
 Ядребій страдальца за благо людей—Прометея...

XXIII.

П у с т ы н я .

Проснулся я:—вокругъ меня пустыня
 Безъ выхода и безъ конца лежитъ...
 Смирилася души моей гордыня,
 И ропотъ на устахъ засохнувшихъ полчить.
 Здѣсь нѣ-на-чѣмъ глазамъ остановиться:
 Они теряются въ безцвѣтной пустотѣ;
 Здѣсь небо мѣдное не свѣтитъ и не тмѣтся,
 Въ немъ мѣста нѣтъ надеждъ и мечтъ.
 На мой призывъ никто не отзовется;
 Здѣсь эхо умерло, и мысли чуждъ полѣтъ,
 Здѣсь даже надо мной и врагъ не посмѣется,
 И тяжкій смерти вздохъ безъ звука здѣсь пройдетъ.

XXIV.

* * *

И здѣсь, и тамъ; и далѣе гробница:
 То по слѣдамъ племевъ разросся рядъ могилъ...
 Изъ книги тайнъ здѣсь выпала страница.

Довольно! — Мы почти всё разгадали:
 Намъ вѣдомо, что миръ переживетъ
 И то, что мы вѣками создавали,
 И насъ самихъ, и нашихъ думъ полѣтъ...
 Но не грусти, что червь тебя изложетъ
 Въ ничтожествѣ и прахѣ, человекъ!...
 Что было разъ, того не быть не можетъ,
 Что создано, то создано на-вѣкъ.

XXV.

Б о л ѣ з н и.

Nul homme n'a le droit d'avoir un secret.
George Sand.

Изъ-за деревъ румянится закатъ,
И сумерки задумчиво висятъ
 Во глубинѣ небесъ.
Затешилась звѣзда высоко надо мной,
Одѣлась далъ туманной пеленой, —
 Вдали чернѣетъ хвѣсъ...

И мыслию несуся я туда,
Гдѣ загорѣлася вечерняя звѣзда,
 Гдѣ на небѣ заря
Красуется отливами огней,
И каждый нитъ становится темнѣй,
 Медлительно горя...

Но отчего на сердцѣ тяжело,
И смутное желанье налегло
 На молодую грудь?
Но отчего я чувствую сильнѣй,
Что я теперь не съ милою моею,
 Что одиновъ мой путь?...

Всѣ тайны я, какъ внутренней недугъ,
Хочу тебѣ повѣдать, милый другъ,
 Природѣ ихъ раскрыть,
Затѣмъ, что тайнъ и болѣе нѣтъ у ней:
Тѣ тайны — гной отъ язвъ души моею, —
 Мнѣ должно ихъ цѣлить...

И мрачный дѣсь всё мрачное зовѣтъ,
Что искони такъ сердце бережетъ,
 Въ чемъ высказаться жаль...
О, въ зтотъ часъ я всё-бы вамъ открылъ —
И какъ я жилъ, и что я пережилъ,
 И всю мою печаль!

XXVI.

Сердцу

Звѣздное небо въ окошко наѣ видно,
Видно оттуда уснувшее море; —
Сердцу печально и сердцу обидно:
Въ немъ не заснуло тревожное горе...

Что-жь ты завидуешь, сердце, покою!
Смерть подъ цвѣтами въ покоѣ таятся:
Жизни дыханье съ тобой, за тобой
Пламенемъ пышать и бурю мчится...

XXVII.

Утро въ горахъ Фокиды.

Вгднорозовый свѣтъ на востокѣ,
И блеститъ надъ горами денница,
Отражаясь въ каждомъ потокѣ;
Облачковъ собралась вереница;
По ущельямъ пары заглубились,
На утѣсахъ орлы пробудились...
На заливѣ Альціонѣ,
На оливковый гѣсъ,
На громады колоннъ
Льются краски небесъ;
Звученъ воздухъ, звучна
На принорьѣ волна
По зарѣ:
Но звончѣй
Мой ручей
На горѣ...

По тропинѣ поднялся я въ гору:
 Въ отдаленя—Эгейскія воды...
 Нѣтъ преграды пытливому взору...
 Широко мнѣ на лонѣ природы!
 Острова зеленѣютъ садами,
 Да несутся валы за валами...

И надъ гребнями скалъ,
 Надъ гранитомъ гробницъ,
 Я едва различалъ
 Стая бѣлыя птицъ...
 Еще мѣгъ, — и горитъ
 И волна, и гранитъ.

На поляхъ
 Еще тѣнь:
 Вижу день
 На горахъ...

Но нѣтъ милой подруги со мною,
 И зовутъ её рощи и горы:
 Освѣти ихъ твоей красотою,
 О, соперница юной Авроры!...
 Говорить мнѣ п небо, и воды,
 И я музыку слышу природы.

Я въ оркестрѣ міровъ
 Слышу голосъ родной,
 Полонъ дѣвственныхъ сновъ,
 Я покоюсь душой:
 Но въ душѣ у меня
 Много струнъ и огня...

Вотъ и онъ
 Возстаётъ
 Изъ-за водъ,
 Аполлонъ!

XXVIII.

З е м л я.

Ты помнишь ли случай, родная?...
Когда я малюткой была,
Въ саду, межъ цвѣтами летая,
Меня укусила пчела.

Какъ палець мнѣ жало палило,
И слѣзы ручьями текли —
На палець ты мнѣ положила
Щепотку холодной земли...

И боль оттого унялася,
И радостно видѣла ты,
Какъ я побѣжала, рѣзвися,
За бабочкой пѣстрой въ кусты...

Пора наступила иная,
И боль загорѣлася вновь...
Боюсь я признаться, родная,
Что жалить мнѣ сердце любовь!

Но тѣмъ-же и этой порою
Ты можешь меня изцѣлить:
Холодной могильной землѣю
На-вѣки мнѣ сердце покрыть.

XXIX.

Когда въ высокія минуты бытія
 Внимаетъ умъ сердечнымъ убѣжденьямъ,
 И открывається всему душа моя,
 Восторженнымъ полна ясновидѣньемъ:
 Тогда однимъ живущимъ существомъ
 Я вижу міръ передъ собою,
 И многое сливается въ одномъ,
 И дышетъ общею душою;
 Тогда бездушное живетъ подобно мнѣ,
 И, кажется, ничто не жить не можетъ,
 И вѣчно міръ растетъ въ своей веснѣ,
 И ничего въ вѣкъ время не изложеть...

XXX.

Мысль и дѣло.

Въ трудахъ уставшій и разбитый,
 Душой задумчивой моей
 Я слышу смѣхъ и лепетъ, слитый
 Съ игрой безсмысленной дѣтей:
 Я не горжусь тогда собою,
 Что много мыслить я и жилъ,
 И что извѣданное мною
 Я въ душу владомъ положилъ...
 Нѣтъ, предо мной тогда малюшка
 Во всемъ величій растетъ,
 И болтовня его, и шутка
 Сокрытой мыслию цвѣтѣтъ.
 Всѣ, что исполнилъ я, блѣднѣло

Предъ этой дѣтской простотой:
 Я—ограниченное дѣло,
 Онъ—мысль съ безбрежной широтой,
 Всего зародышъ и начало...
 Еще градеть его пора:—
 Таить онъ сѣмя идеала,
 Возможность счастья и добра.

XXXI.

...И глать, когда онъ рождаетъ
 отъкъ, должны родить ихъ въ
 радости: кааче, какъ онъ, богъ-
 нокно коакунцася самъ въ себя,
 кога - бы окрокъвать другакъ.

Зоринидъ въ „Проситальницкыа“.

Не въ вѣдро-ль тихое на ясной глади водѣ
 Рисуются деревъ прибрежныхъ вершины
 И солнцемъ облитой небесъ лазурный сводъ,
 И флаги малые и мачты-исполины:—
 И не душѣ-ль моей, когда она чиста,
 Спокойна и чужда смущенія и гора,
 Доступна висшихъ чувствъ и мыслей красота,
 Не въ ней-ли мѣръ рисуется, какъ въ морѣ?...

Что-жъ видно въ немъ, когда мятежный ураганъ
 Изроетъ грудь его глубокими браздами,
 Надъ зеркаломъ зыбей опустится туманъ,
 И иль смѣшается съ кипящими волнами:—
 Какая-жъ мысль въ душѣ томящейся моей,
 Иль чувство свѣтлое способны зарониться,
 Среди болѣзненныхъ волненій и страстей
 Какая истина въ ней можетъ отразиться!

XXXII.

Ночь и день.

Всѣ людей враждебной силой
Сторожить во тьмѣ ночной;
Ночь какою-то могилой
Тяготѣть надо мной.

Въ сердцѣ робость и сомнѣнья
Непонятныя живутъ,
И безумныя видѣнья —
Сонной мысли порожденья —
Въ немъ чудовищно растутъ...

И предъ нами, и за нами
Всѣ угрозами полно;
Намъ незримыи врагами
Всѣ вокругъ населено.

Разумъ спитъ тогда глубоко,
Силы чувствъ въ бреду больномъ:
Насъ тревожитъ шумъ потока,
Слышимъ въ вѣтрѣ голосъ Рока,
Ждемъ засады за бустомъ.

Мы, томяся заблужденьемъ,
Отъ невѣдѣнья больны,
Будто тайнымъ навожденьемъ
Въ этотъ часъ ослѣплены.

То, что мы любили, зная,
Что намъ близко было днѣмъ,
Одѣваетъ тѣнь ночная,
Душу слабую пугая,
Въ немъ скрывающимся зломъ...

Но какъ міру улыбнётся
Свѣтоносный Аполлонъ,
Въ нашихъ жилахъ разольётся
Благодатный утра сонъ...

И, облитые лучами,
Позабывши мракъ и тѣнь
Съ ихъ боязнью и мечтами,
Мы прозрѣвшими очами
Вожделѣнный встрѣтимъ день...

И съ природой стихъ привѣта
Принесетъ ему поэтъ:
<Люди созданы для свѣта
Людямъ сроденъ только свѣтъ!...

Трезвыхъ чувствъ и думы здравой
Въ блескъ дня исполненъ духъ:
Въ немъ, далекъ отъ жи лукавой,
Торжествуетъ величаво
Зоркій умъ и чуткій слухъ...

Здравствуй, день! среди сіянья
Бодро насъ къ труду зови,
Озаря свѣтомъ знанья,
Правдой мысли и любви.>

XXXIII.

М і р ъ.

Небо глубокое,
 Полное мглы голубой,
 Полное звѣздъ золотыхъ!

Небо далѣкое,
 Весь я теряюсь душой
 Въ безднахъ твоихъ!...

Свѣтомъ міровъ облитѣй,
 Весь я природой объять, —
 Волны со мной говорить,
 Бури мнѣ иѣсни поють,
 Травы цвѣтущія льютъ
 Свой для меня ароматъ...
 Слышу, какъ звѣзды текутъ,
 Слышу, какъ ползаетъ гадъ...

Ты безконечна,
 Жизнь міровая!
 Стройная вѣчно,
 Вѣчно молодая
 Въ тѣлѣ созданья
 Мысль разлитая...

Смогите-жь, стоны страданья,
 Жалобный вопль человѣка!
 Нѣтъ въ мірозданіи горя:
 Горе — то призракъ отъ вѣка
 Созданный вольно тобой,
 Гдѣ утонулъ ты, какъ въ морѣ,
 Ложной носимый судьбой
 И истомленный борьбой.

Слейся съ широкой природой,
 Слейся душою и тѣлою
 Полной здоровья свободой,
 Мыслью и дѣлою...
 Смертный!

Пойми, и прими
 Жизнь горячо, но разумно,
 Страсти больныя уйми, —
 И перестанешь, въ сознаньи,
 Во всеуслышанье, шумно
 Плакать о мнимомъ страданьи,
 Плакать, какъ плакалъ ты вѣчно
 О преходящемъ, ничтожномъ,
 Ложно блестящемъ конечномъ,
 Иль на землѣ невозможномъ.

 XXXIV.

Пѣсни міра.

Мірѣ Божій и простѣ, и чудеснѣ,
 И много въ груди его пѣсенъ,
 И вѣчная жизни весна
 Въ нѣмъ солнцемъ любви зажжена....

Я слышу, какъ страстныя розы
 Свои мѣ въ вечернія грѣзы
 Душастымъ дыханьемъ поють,
 И будто свиданія ждуть.

Я вижу въ разливѣ сіянья,
 Серебряныхъ сгруппъ трепетанья :
 Ихъ мѣсяцъ художникъ провелъ
 Съ небесъ на мечтающій долъ;

Своею волшебной рукою
 Онъ ихъ навязалъ предо мною
 На горы, хѣса и двѣты,
 Играя на нихъ съ высоты; —

И утренній воздухъ пѣвучій,
 Средь свѣжихъ, здоровыхъ созвучій,
 Торжественной пѣснью плывётъ,
 И къ бодрому дѣху зовётъ....

Но пѣсню знавалъ я иную,
 Изъ сердца въ глаза пролитую,
 Ту пѣсню, что льется изъ глазъ,
 Какъ тайныя чары на насъ....

Въ ней чувства глубокаго сила
 Игроу лучей говорила, —
 И пѣсни нѣмая очей
 Была мнѣ понятнѣй рѣчей:

И разомъ въ той пѣснѣ сказалось,
 Чѣмъ сердце всю жизнь наполнялось, —
 Открылись сокровища слезъ
 И мысли, и пламенныхъ грѣзъ.

Ея озаренный душою,
 Весь міръ, обновись предо мною,
 Кажался мнѣ пѣсней одной,
 Меня охватившей собой.

XXXV.

Подозрѣніе.

Что ты къ этой звѣздѣ привязалась
 Всей доврчивой дѣтской душой!
 Ты, очей не свода, любовалась
 До разсвѣта избранной звѣздой.

Въ простодушныхъ своихъ націаньяхъ,
 Я боюсь, — не сказала-ль ти ей
 О моихъ откровенныхъ привнаньяхъ,
 О любви безразсудной моей...

И звѣзда твоя вѣрно бохглша:
 Разговоръ ея хлется въ лучахъ, —
 И ей миль. нашъ ручей говорливый,
 Порожденный снѣгами въ горахъ.

Про любовь — какъ гулялъ я съ тобою —
 Прожурчалъ нашъ недаромъ ручей,
 Серебряный твоею звѣздой,
 Ироническихъ много рѣчей.

1854.

XXXVI.

Свиданіе съ моремъ.

Я ребенкомъ разстался съ тобою;
 Отъ тебя я далеко блуждалъ;
 Проходили годъ надо мною:
 Я душой и годами нужалъ....
 И средь радостей, думъ и страданья
 Вспоинналъ тебя съ дѣтствомъ порой,
 И какъ жаждалъ тогда я свиданья,
 Вѣчно-шумное море, съ тобой!

Подъ твоею громадною властью
 Я взлелѣянъ, повить и вскормлѣнъ:
 Я въ часъ бури взволнованъ былъ страстью,
 Былъ покоемъ твоимъ усыпленъ;
 Прояснялся я робкой душою
 Передъ ясной твоей тишиной,
 И склонялся во прахъ предъ тобою,
 Когда спорило шумно съ грозой....

И вотъ наше свиданье настало:
 На твоемъ берегу я стою,
 И чтб прежде меня волновало,
 Не нисходить на душу мою,
 И себя предъ тобой не узналъ я....
 Я великъ и могучъ, я—иной,
 Но всё темъ-же тебя увидалъ я.
 Ты всё то-же, я выросъ душой,
 Ты всё тожъ, какъ въ началѣ созданья,
 Когда первый ты видѣло вѣкъ,
 И младенцемъ безъ мысли и знанья
 Пораженъ былъ тобой человекъ....

Я смѣюся надъ мощью твоею,
 Я стопами топчу твою грудь,
 И желѣзной рукою моею
 Къ тебѣ въ сердце прорѣзалъ я путь.
 Ты въ борьбѣ вѣвовой отступило
 Передъ зрѣющей мыслью моею,—
 Такъ и ложь, и безумная сила
 Ей уступать, склонясь передъ ней.

XXXVII.

Передъ бурей.

Горы висятъ надъ равнинами,
 Зелень темнѣетъ луговъ;
 Тамъ, между горъ, надъ долинами,
 Тянется рать облаковъ.
 Въ нашемъ покоѣ не слышенъ намъ
 Грома далекій раскатъ,
 Лишь на утесѣ возвышенномъ
 Стаями чайянъ кричатъ....
 Но изъ ущелій зіяющихъ
 Ринется буря на насъ,
 Въ сладкой тиши отдыхающихъ
 Въ знойный полуденный часъ.
 Все, что мы потомъ ли, кровію,
 Мыслью добыли себѣ,
 Съ нашей надеждой, любовію,
 Сгибнетъ въ стихійной борьбѣ:
 Вопли, проклятья, рыданія
 Море собой заглушить,
 Насъ и всѣ наши страданія
 Сила въ ничто обратить....
 Мало-ль такую-же силою
 Стерто и дѣлъ, и умонъ,
 Мало-ли ранней могилою
 Вѣщихъ задавлено словъ!...
 Этой же силой безумною
 Люди являлись не разъ,
 Славой увѣнчаны шумною,
 Встрѣчены пѣсней отъ насъ....

XXXVIII.

Весенній гимнъ.

Сладко на сохацѣ дремлю я,
 Слышу паденіе водъ,
 И надо мною, ликуя,
 Пташекъ поетъ хороводъ.
 Легкое вѣтра дыканье
 Всюду несетъ аромать,
 Воздухъ исполненъ сіянья,
 Пестрыя мушки жужжать.
 Кудри деревь разцвѣтають
 Роскошью бѣлыхъ цвѣтковъ,
 Пчелы надъ ними летаютъ
 Въ желтой пыли лепестковъ.
 Чашей сребристой—лигѣя,
 Жукъ изумрудомъ блеститъ;
 Сѣтъ паутины, бѣгѣя,
 Въ зелени темной виситъ.
 Быстро по сучьямъ взбѣгаютъ
 Ящерицъ рѣзвыхъ семьи,
 И, шелестя, пропадають, —
 Будятъ меня въ забытѣ....

Я подъ врломъ у природы
 Чистъ и безкорбенъ живу,
 Полюсь первобытной свободы;
 Все мнѣ какъ сонъ на яву.
 Встрѣтилъ я душу родную,
 Тщетно исканную мной,
 Встрѣтилъ ее, отлитую

Въ образъ весны молодой....
Слился я съ нимъ, и не знаю: —
Въ воздухъ-ль, въ сердцѣ-ль тепло?
И у себя не питаю:
Въ небѣ, въ душѣ ли свѣтло?...

О, Міродержецъ! Отраднo
Стройность въ душѣ ощутить...
Дай же мнѣ долго и жадно
Жизни до дна не допить!

1882.

XXXIX.

П р и р о д ъ.

Я не скажу, природа, предъ тобою,
 Что духомъ я, какъ мощью, одаренъ:
 Ты женщина, — сильна ты надо мною,
 И сердцемъ а покоренъ и влюбленъ!...

Чужда намъ власть,—и только между нами
 Невольно цѣпь любви проведена:
 Несусь къ тебѣ я страстными мечтами,
 А ты ко мнѣ отзывчѣями полна.

Румянецъ мой—отъ твоего лобзанья,
 Въ моихъ глазахъ лучи твои горять,
 Мнѣ грусть несутъ осеннихъ бурь стenanья,
 И радуется весенній твой варядъ.

Моей душѣ и чувству непонятно,
 Что человекъ властитель надъ тобой....
 Нѣтъ! Надо всѣмъ царить ты всеобъятно
 Чарующей своею красотою.

Такъ нѣкогда прекрасная Омфала
 Героя шерсть заставила сновать,
 И та рука веретено держала,
 Что гидръ и львовъ привыкла поражать.

1864.

Современная дума.

Когда Твое царство, Спаситель,
Въ величьи съ небесъ низойдѣтъ
Въ юдольную вашу обитель,
И всюду блаженство прольѣтъ?...
Мы-сами его отдавали,
Желанное царство Христа,
И сколько мы ала совершили
Подъ чистой бронёю креста!
Для чувства корыстно-земного
Купались мы въ братней крови
Во имя Предвѣчнаго Слова,
Во имя Верховной Любви.
Мы слово Небесъ толковали
Въ угоду мірской суеты,
Потѣмъ мы его осмѣяли...
Но благъ нескончаемо Ты,
И судъ Твой среди испытаній
Невидимо благо творить,
И въ вопльъ глубочайхъ страданій
Намъ голосъ души говорить: —

Отъ знанья пришли мы къ соннѣнью,
 И раненой пали душой,
 Мы знаньемъ дойдемъ къ примиренью,
 И къ жизни родимся иной...
 Тогда Твое царство, Спаситель,
 Въ величьи съ небесъ низойдѣтъ
 Въ юдольную нашу обитель,
 И всюду блаженство прольѣтъ;
 Всѣ люди тогда будутъ братья,
 Довольные должной судьбой,
 И мысли единой объятя
 Всю землю обнимутъ собой...

1848.

II.

Человѣку.

Какъ высоко твое, о человѣкъ, призванье—
 Отъ лика Божія на землю павшій свѣтъ!
 Есть всё въ твоей душѣ, чѣмъ полно мірозданье,
 Въ ней всё нашло себѣ созвучье и отвѣтъ.
 Въ гармонію міровъ прозрѣлъ ты мысли окомъ,
 И всё согрѣлъ своимъ ти внутреннимъ огнемъ,
 Исполненный, какъ міръ, ничтожнѣнъ и высокѣнъ,
 Ты гордо примирилъ ихъ въ существѣ своемъ.
 И собираешь ты разбросанныя знанья,
 И мудро связь даешь законамъ естества,
 И всё твои могучія созданья
 Просвѣтлены участіемъ Божества...
 Но отчего, скажи, семьѣ твоихъ собратій
 Чужда гармонія, объемлющая пирь?—
 Средь разногласія желаній и проклятій
 Свой жизненный вы празднуете пирь...
 И прочныхъ нѣтъ у васъ законовъ и свободы,
 И вы враждуете, смирая океанъ,
 И, дѣлость находя въ безбрежїи природы,

IV.

Въ обществѣ.

Si mon vœu est trop cru, si sa bouche est sans frein
C'est qu'il sonne aujourd'hui dans un siècle d'airain.

A. Barbier.

Смотрю, такъ важно и такъ чинно
Собранье пестрое шумить:
Одинъ о чемъ-то говорить,
И разговоръ заводитъ длинный,
Другой боится проронить
Его бессмысленное слово,
Всегда безсовѣстно готовый
И ложь, и глупость подтвердить.
Тамъ, остроумецъ неопасный,
Изъ самолюбыя или потѣхъ,
Почуя смѣхъ подобострастный,
Разить нещадно всё и всёхъ...
Вотъ, лезть за чистую монету
Береть какой-то господинъ,
И акробатомъ по паркету
Несется свѣтскій паладинъ...
Случится-ль (рѣдкое явленье!)
О дѣльномъ разговоръ завести, —
То слышишь въ немъ пустое пренье
Расхожихъ мнѣній, общихъ мѣсть;
Иль рабъ по жизни и природѣ
Чужихъ желаній и страстей
Съ оглядкой бредить о свободѣ,
И спорить шутовски о ней,
Межъ-тѣмъ, какъ отъ его рѣчей
За столпешъ карточный проворно,
Гдѣ губять умъ и сердце вздорно,
Усѣлись злые игроки:
Имъ споръ безъ выгодъ не-съ-руки.
Когда-жь, порой, на нашемъ вѣчѣ,
О злѣ насущномъ рѣчь зайдѣтъ, —
Какъ отъ чумы, отъ этой рѣчи.

Всякъ осторожно отойдѣтъ;
 Иной, пожалуй, осмѣетъ
 Того, кто мыслить благородно,
 Того, кто чувствуетъ свободно,
 Но скажетъ съ горечью, подъ-часъ,
 То, что «не принято» у насъ...

Вперѣдъ прошу я позволенья
 О дамахъ что-нибудь сказать:
 Вѣдь, ихъ вошло въ обыкновенье
 Священнымъ чѣмъ-то почитать.
 Онѣ танцуютъ или болтаютъ,
 Изъ-за снуровки терпятъ боль,
 И въ челоуѣчествѣ играютъ
 Нечелоуѣческую роль...
 Имъ чужды родина ихъ сына
 И зло ея, и благодать,
 И чуждо груди ихъ пятать
 Родною правдой гражданина,—
 И силъ, чѣмъ полонъ нашъ народъ,
 Версальскій умъ ихъ не поймѣтъ!
 Въ средѣ обычнаго коснѣнья,
 Имъ замѣнила просвѣщенье,
 Законы долга и добра
 Блестящей моды мишура...
 И наше слово, наша лира
 Имъ звукъ то грубый, то пустой,
 Онѣ, съ забавной простотой,
 Въ языкъ Мольера и Шекспира
 Понятія дикія радятъ,
 И корчатъ Западъ не-въ-попадъ...
 Еще-бъ сказалъ... но, нѣтъ, довольно!
 И безъ того такъ сердцу больно.

Я вырваться отсюда радъ,
 Буда сошлись какъ на парадъ,
 Не изъ душевныхъ побужденій,
 Не для взаимныхъ наслажденій,
 Но чтобы выполнить обрядъ.

V.

Поэтамъ.

Le caractère de notre littérature au XIX siècle est polémique. Partout nous y trouvons la lutte et l'effort... Qu'est devenu cette naïveté féconde de l'artiste qui produit son œuvre sans vouloir en faire une démonstration, un plaidoyer, une attaque, une vengeance.

Lermontov.

Не расточайте имъ — сиванъ своекорыстья,
 Ни вашихъ образовъ, ни вашихъ райскихъ сновъ:
 Больного дерева они гнилые листья,
 Растущего безъ тѣни и плодовъ,

Что, соки лучшіе себѣ поработая,
 Пытаются не дать нобѣгамъ молодымъ,
 Которыхъ въ будущемъ зоветь судьба иная,
 Несхожая стремленьями съ былымъ.

Предъ совѣстію ихъ представьте вы укоромъ,
 Во всеоружіи разящаго стиха,
 Клеймите цѣлы ихъ презрѣньемъ и позоромъ,
 Раскройте гной проказы и грѣха;

На погребальный ладъ настройте ваши лиры,
 Благоухающій снимите свой вѣнецъ,
 Одѣньтесь вретисцемъ, — да дрогнуть всѣ кумиры
 И капище и нечестивый жрецъ,

Зане онъ предался лишь своему маммонѣ,
 А долгъ гражданственный попрагъ или забытъ,
 И хитро, не хода ни въ правдѣ, ни въ законѣ,
 Онъ зло свое законностью прикрытъ...

Здѣсь всё ослѣвлено безумной плоти силой,
 А свѣтозарный духъ подавленъ или забытъ;
 И всё ихъ лучшее обманчиво и гнило,
 А должный путь терновникомъ повить.

Здѣсь легкомысленно играютъ вѣщимъ словомъ,
 И слѣва торжники врываются во храмъ:
 Мы скверны старыя сокрыли въ храмъ новомъ,
 И рѣчь у всѣхъ не вторить ихъ дѣламъ.

На безобразіе, на «мерзость запустѣнья»
 Личина красоты накинута у насъ;
 Лишь себялюбія доступны намъ движенья,
 Но доблести намъ не доступенъ гласъ...

На злато вѣсится продажно судъ неправый,
 Онъ, жи потворствуя, караетъ правоту,
 И въ зло преобразить умѣетъ онъ лукаво
 Прямой души порывъ и чистоту...

О, Боже! Имъ въ корысть и родины невзгода,
 Всѣ испытанія, всѣ земскія бѣды,
 Чтобъ нагло расхищать сокровища народа,
 Его труда тяжелаго плоды...

Такъ не бросайте-жъ имъ цвѣтовъ воображенья,
 Да ритмъ поэзіи не улаживаетъ ихъ: —
 Достойны-ли того сыны уничиженья,
 Рабы своихъ желаній мелочныхъ!...

Но, обличая ихъ постыдныя дѣянья,
 Врачуйте старый ядъ и въ духъ, и въ крови:
 Да раздражается, какъ громъ негодованья,
 Надъ ними ямбъ бичующей любви.

VI.

Я м б ъ.

Средь невиннаго, ниттожества, презрѣнья
 Мой грустный путь извѣжисто лежитъ,
 И ваперъ я въ груди и силы и стремленья,
 И мысль моя насильственно колчить,
 Та мысль, что требуетъ такъ громко лаянья,
 Что чувствуетъ всю правоту свою,
 Чье принужденное могильное молчанье
 Убило жизнь и молодость мою...
 И оскорбленное отверженной любовью
 Сгараетъ сердце собственнымъ огнѣмъ,
 И тщетно силится сорвать горячей кровью
 Печать судьбы, лежащую на немъ...

Такъ мощная толпа вараетъ бевъ вниманья
 Всѣхъ истиной провинувурыхъ сыновъ,
 За то, что пилъ души и ясный свѣточъ еванья
 Отторгли насъ отъ братьевъ и отцовъ,
 За то, что любимъ мы — и въ горѣ отторженья
 Отъ старческихъ преданій и путей —
 Собратій, глѣбущахъ бевъ жизни и движенья,
 Оудянами гордящихся дѣгей;
 За то, что мы давно и рано пережили,
 Что впереди имъ должно пережить,
 Что никогда, никакъ того мы не любили,
 Чего они не могутъ не любить,
 Что вѣрованья ихъ считаемъ еуевѣрьемъ,
 Ихъ счастье несчастіемъ вовежъ,
 Что униженіемъ, нль мелкимъ джцемѣрьемъ
 Мы отъ людей корысти не берѣмъ...
 И мы не облеклись въ внесенъ и въ багрянцы,
 И благъ себѣ купить мы не могли
 Слезомъ слабого и лептомъ вдовицы,
 И жизни крестъ свободно понесли...

VII.

Машъ Демонъ.

Насъ тайный Демонъ посѣтвлъ:
 Онъ въ насъ живеть, играетъ вани,
 И кажетъ только радъ могилъ
 Да змѣй сокрытхъ подъ цвѣтами.
 Влечетъ онъ смѣло насъ впередъ,
 Не заронивъ на-мягъ сомнѣнья,
 Но нашъ восторженный полѣтъ
 Сжимаетъ гайтомъ охлажденъ;
 Поднявъ насъ душой съ высоты,
 Ко праху дольнему ниводитъ;
 Въ лучахъ добра и красоты
 Порой онъ призраки находитъ,
 Порывы мысли и страстей
 Клейма вроней своей...

Итакъ, въ безстрастїи скорозрѣломъ.
 Добьемъ мы свой остатокъ лѣтъ: —
 Вѣдь, ваша мысль не стала дѣломъ,
 А въ вашемъ дѣлѣ мысли нѣтъ...
 И невиннымъ мы нимало,
 Познанъ тщету и ложь борьбы,
 Что насъ прошедшее оковало
 Въ орудье жалкое судьбы,
 Что приневолены мы ею
 Строење старое вершить,
 Съ кипучей яростью своею
 Въ немъ столько силъ похоронить...
 И вотъ — трудившись безъ охоты,
 Насущный хлѣбъ спѣшимъ добыть,
 Соснуть на отдыхъ съ работы,
 Потребн духа усншить...

Но вѣримъ мы, — сей Денонъ злой
 Къ отцамъ ниспослать съ-колыбелъ,
 Чтобъ дѣти здоровою душой
 Праую яввь уразумѣли.

1856.

VIII.

Поэту.

Горе глаголющихъ лукавое доброе
 и доброе лукавое, налегаширить тму
 свѣта и свѣтъ тму.

Isaia. V. — 20.

О, поэтъ! ты—совѣсть вѣка,
 Лучшій смнъ земли родной,
 Цвѣтъ роскошный человѣка,
 Человѣкъ передовой.
 Больно знать, что въ наше время
 Мало сердце не одно,
 Что глубоко порчи сѣмя
 У людей вкоревено,
 Что не вѣдаемъ добра мы...
 Но, поэтъ, большій того: —
 Злу исходить ениіами
 Изъ кадила твоего!
 Ложной силѣ, но жгучей
 И твоя летитъ хвала,
 Что надъ міромъ новой тучей,
 Скрывшей солнце, налегла...
 О, когда в вдохновенье
 Тьму сгущаетъ нашихъ дней, —
 То не знаменье-хъ паденья
 Невозстаннаго людей!...
 Въ прахъ спускаются преарѣнный
 Свѣта горнаго столпы
 И вожди непосвященной,
 Многомощной толпы...

Но воспрянь!... Твою лампаду
 Пржеиннѣ пламенѣ зажги,
 Упованье и отраду
 Въ ней намъ свято берега;
 Не склоняй къ кумирамъ слуха,
 И по Богъ поборай:
 Ихъ грѣхи прогиву духа
 Паче всѣхъ грѣховъ карай, —
 Да звучитъ твой стихъ обронный,
 Правды Божіей набать,
 Въ пробужденье мысли сонной,
 Въ кару жизни беззаконной,
 На погибель всѣхъ неправдъ.

1855.

IX.

Б и т в а.

(Общамъ).

I.

Въ дни, когда я молодъ былъ душою,
 Видѣлъ я, какъ старца изгоняли;
 Вѣщій старецъ шелъ передъ толпою:
 Люди грязью въ слѣдъ ему бросали,
 Поносили всякою хулою,
 И крамольнымъ дерзко называли...
 Вмѣстѣ вышелъ съ нимъ и я изъ града, —
 Съ нимъ идти была моя отрада.

II.

Поля мысли доблестный оратай,
 Жизни всю извѣдавшій науку!
 Истинѣ ты невѣдомыхъ глашатай...
 Я сказалъ, — и подальъ старцу руку...

На пути я буду твой вожатый,
 Раадѣлю съ тобой и трудъ, и муку,—
 Лишь подай мнѣ знанья благостыню...
 Я уюлю, — и мы пошли въ пустыню.

III.

Солнце жгло палящими лучами,
 И пески, и камин раскаляя;
 Широко ложила степь предъ нами
 Безъ деревъ, безъ былія, нагад...
 Мертво всё, — и лишь подъ небесами
 Легкихъ тучекъ соберется стая,
 Да въ пыли увидишь слѣдъ звѣринный,
 У кустовъ обвитыхъ паутиной...

IV.

Но встрѣчали мы въ степи порою
 И оазисъ, путникамъ отрадный,
 Съ деревцами и съ травой густою,
 Гдѣ таяся ручейкъ прохладный
 Серебристо-трепетной змѣю;
 И въ нему мы припадали жадно;
 Намъ плоды смоковница бросала,
 И главою привѣтно понавала.

V.

Но, воздавъ благодаренье Богу,
 Подъ ночными въ звѣздахъ небесами
 Мы опять пускалися въ дорогу,
 Шли опять пустынными мѣстами;
 Подвигаясь къ дѣли понемногу,
 Мы брели сыпучими песнами,
 И въ вонцѣ сянѣющейся дали
 Въ облакахъ мы гору увидали.

VI.

Той горы достигли мы нескоро:
 Всё она то будто отдалилась.
 И совсѣмъ скрыналася отъ взора,
 То опять намъ близкою казалась...
 Вотъ, коснулись мы одежды бора,
 Чѣмъ ея подошва покрывалась,
 И, прошедъ уступы и стремнины,
 Добрались мы до ея вершины...

VII.

И открылось зрѣище предъ нами:
 Крѣпкій городъ рати облегалъ,
 И полки сшибались съ полками;
 Свѣтъ огня или сіянье стали
 Затмѣвались дыма облаками;
 Кони пылъ копытами вздымали;
 Ядеръ дождь и россыпи картечи
 Прорывались сквозь средину сѣчи.

VIII.

Съ грохотомъ сливались вопль и стоны,
 Громъ сливался съ барабаннымъ боемъ,
 Натискъ равный съ силой обороны
 Неподвижнымъ оставался строемъ;
 Но, въ штыки ударивъ, батальёны
 Напирали съ круками и воёмъ,
 И, въ бою смѣшавшись рукопашномъ,
 Бились молча, но въ молчаньи страшномъ.

IX.

Черепъ трещали и хрустѣли.
 Прыскалъ мозгъ въ лицо бойцамъ и въ зрѣнье,

А штыки въ костяхъ груди звенѣли
 Стыли руки въ нѣртвокъ цѣпененьѣ.
 И, уста кровавые шапѣли, —
 И какъ дхнлся этотъ пылъ смятенья,
 Провесхися ядры надъ бойцами,
 Ихъ покрывши дымными клубами.

X.

Строй пѣхоты конница тѣснила,
 Саблями и пиками блистала,
 И ея торжествовала сила.
 Пѣшнн колонны размыкала;
 Но опять недвижно, какъ могла,
 Ихъ стѣна смыкалася живая...
 Вдругъ вежданко тишина настала,
 Будто горе новое вѣщала.

XI.

Средь нея раздался взрывъ гремучій:
 То залетѣло въ воздухъ уврѣпленье,
 Поднялось громаднй черной тучей
 При мгновенномъ блѣдномъ освѣщенн,
 Разсѣвая въ выси прахъ смяучій,
 Всѣ смѣшавъ въ губительномъ стремленн,
 Брѣввы, камни и песокъ, и снасти,
 И людей разорванныхъ на части...

XII.

Но невольно отвратилъ я взоры, —
 Имъ картина видѣлася другая:
 Жители бѣжали скрыться въ горы,
 Свой очагъ домашнй покидая,
 Гдѣ засѣли грабнщн воры,
 Достояннѣ гражданъ расхищая;
 А пожаръ тлетворнй въ пепелища
 Превращалъ родвы ихъ жилища.

XIII.

Волновалась даль смятенемъ бѣга:
 Конь скатился съ крутизны со вьюкомъ,
 Опрокинулась съ дѣтми телега;
 Тамъ бредетъ, ведомый юнымъ внукомъ,
 Старецъ съ бородой бѣлѣ снѣга,
 Тамъ больной, послѣднимъ преданъ мукамъ,
 На плечахъ у сына умираетъ,—
 Потерявъ младенца, мать рыдаетъ.

XIV.

Смокла битва. Кровь лилась ручьями,
 Иль болотомъ стынувшимъ стояла:
 Трупы въ вей чернѣли островами;
 Эта кровь заразу испаряла;
 Въ воздухъ разлившись надъ войсками,
 Ихъ незримымъ ядомъ напоила,
 И, стусившись въ смрадный паръ летучій,
 Обаграла и на небѣ тучи.

XV.

Было дико павшихъ выраженье;
 Ихъ уста сивѣвшіе нѣмѣли
 Въ страшныхъ ворчахъ смертнаго томленья,
 Иль глаза бессмысленно смотрѣли,
 Выражая лишь одно забвенье,
 И съ минутой каждою тускѣли;
 Запеклися раны иль вѣли,
 И ихъ мухи стаяй покрывали...

XVI.

Я гляжу,—и инѣ подумать стыдно,
 Что живемъ мы въ варварское время,

Что поруганъ человекъ обидно,
 Что гнѣтъ напрасно духа съми
 Въ почвѣ жизни жалкой и постыдной,
 И за плененемъ проходить плени,
 Только землю удобряя тукомъ,
 Чтобъ росла изъ дѣдовъ пища внувамъ.

XVII.

Что-жъ себѣ добыли мы вѣками?...
 И къ чему нашъ опытъ, наше знанье?...
 Таже тьма всё царствуетъ надъ нами,
 Таже ложь — гласить бытописанья —
 Лишь мѣнялась только съ временами,
 И разладъ всё-тотъ-же и страданья...
 Иль во-вѣкъ межъ нами невозможно
 Воплощенье мысли непреложной!

XVIII.

Тутъ вѣщаль свое мнѣ старецъ слово;
 Слушалъ я съ отрадою вѣмою.
 И во мнѣ зажглась надежда снова:
 Будущность открылась предо мною,
 Удаливъ всё горести былого,
 Заслонивъ насущное собою, —
 И безъ слѣзъ смотрѣлъ я, и безъ страха,
 Какъ во прахъ ложатся силы праха,

XIX.

Какъ свои своихъ не узнавая,
 Въ роковомъ каравшемъ ослѣпленьи
 Борятся, другъ друга истребляя,
 И готовить міру обновленье,
 Чтобы вспыхнула война другая —
 Къ правдамъ жизни братское стремленье, —
 Да подъ стягомъ духа и свободы
 Съ тьмой и рокомъ въ бой пойдутъ народы.

XX.

Мысли громъ и мечъ труда и званья
 Покорять намъ счастье земное,
 И во прахъ низложить всѣ страданья,
 Въ безпечальномъ и безкровномъ боѣ.
 Новое построить жизни зданье,
 Стройное, какъ зданье мировое, —
 Да идемъ дорогою блаженства
 Въ нескончанномъ похѣ совершенства.

1886.

X.

Послѣ бала.

I.

Ты грустна по-утру послѣ бала:
 Недовольствомъ волнуется грудь,
 И головка склонилась устало
 Отъ безплодныхъ тревогъ отдохнуть...
 А вчера тебѣ было отрадно
 Въ ароматахъ, въ сіяньи, въ цвѣтахъ,
 И оркестру внимала ты жадно,
 Разлетаюсь въ привольныхъ кругахъ...
 Хорошо тебѣ, весело было, —
 Хоть ва-мигъ ты о многомъ забыла.

II.

О, грусти, о, тоскуй надъ собой,
 И оплачь свою жизнь молодую,
 Что мы рано родились съ тобой,
 Что чувствуемъ жизнь мы иную...

Для любви вопиющей своей
 Мы, любя, не находимъ предмета;
 Когда свѣтъ есть «пустыня людей», —
 Чего ждать намъ отъ этого свѣта;

Когда жить у насъ значить страдать,—
 Намъ въ насущномъ чего ожидать!

III.

Самъ придумавъ для жизни оковы,
 Человѣвъ себя спуталъ, связалъ,
 И всѣ ложныя жизни основы
 Укрѣплялъ, сохранялъ, подтверждалъ;
 Простоту ея спрятавъ глубоко,
 Всѣ живое обрядомъ убивъ,
 Онъ въ семействѣ людей одинокій,
 И любви прирожденный порывъ,
 И природы могучей воззванья
 Заглушаетъ въ-угоду преданья...

IV.

И возможно-ль намъ думать съ тобой
 О довольствѣ, покоѣ, о счастьѣ!
 Мы покоемъ назвали застой,
 А довольствомъ дрему или безетрастье...
 Но въ прямое тн счастье вѣрь,
 Что порой намъ нелѣзаетъ мгновеньемъ;
 Открываемъ ко благу имъ дверь
 Нашимъ горемъ другимъ поколѣньямъ...
 Подожди, подожди, подожди:
 Золотые вѣка впереди!

XI.

П о к о л ѣ н і ю.

Какъ распяль ветхій ниръ Божественное слово,
И въ челоуѣкѣ былъ людьми непризнанъ Богъ:—
О, дѣти лучшіе колѣна молодого,
И васъ межъ ближними ипето признать не могъ!...

И братья, и отцы, живущіе преданьемъ,
Въ себѣ убивши мысль отъ юношескихъ лѣтъ,
За благо воздають вамъ тягостнымъ страданьемъ,
И равнодушіемъ вамъ платять за привѣтъ.

Отъ застарѣлыхъ узъ имъ отрѣшиться больно
Какъ псу, привыкшему на привязи ходить,
Который узавить, въ безсмыслии, невольно
Того, ктобъ захотѣлъ его освободить....

Мужайтесь! Пусть зовуть они крамолой злою
Порывы страстные возвышенной любви,
И называютъ мысль—ребяческой мечтою,
А пылъ сердечныхъ чувствъ—волненіемъ въ крови.

Пусть, какъ Апостолу, въ минуту истомленья,
Въ минуту слабости, вамъ лѣтель пропоётъ:
Раскаянья слеза вамъ будетъ въ облегченье,
И къ новымъ подвигамъ васъ мощно воззовётъ,—

И ваши тайныя невидимыя слѣзы
Польють сокрытыя блаженства сѣмена;
Для міра выростутъ изъ вашихъ терній розы,
И ваша мысль всплыветъ нетлѣнна и ясна.

XII.

Лѣсня Прометѣя.

Я любимое чадо природы,
 Я опасный соперникъ боговъ,—
 И за даръ благодатной свободы
 Я поспорить съ богами готовъ.

Говорить, — широко мірозданье,
 Человѣкъ-же ничтоженъ и малъ:
 Но гордись человѣка названьемъ
 Ты, кто мыслилъ, любилъ и страдалъ...
 И пустыней какой безъисходной
 Безъ тебя показался-би міръ,
 И какой красотою бесплодной
 Пламенѣ-бы лучистый эфиръ,
 И безсмысленной, грустной громадой
 Въ его свѣтъ земля-бы пыла,
 И тогда-бы она не отрадой,
 Но укоромъ Зевесу была...

Говорить, что пространствомъ и силой
 Незамѣтно ты въ міръ закрыть,
 Говорить, что ты скованъ могодой
 И нуждой, какъ владенецъ, повить...
 Но настанутъ вѣка золотые:
 Ты ихъ мыслью своею призовѣшь,
 И добра сѣмена дорогія
 Своею кровью обильно польѣшь,
 И всѣ силы души и природы
 Покоришь себѣ, новый Зевесъ,
 Создашь новое солнце свободы;
 И два солнца засвѣтятъ съ небесъ.

XIII.

Современная Вакхическая пѣсня.

I.

Въ нашемъ духѣ много воли,
Сердце пламени полно...
Мы жалаемъ лучшей доли, —
Лучшей доли не дано!...

II.

И исторія отъ вѣка
Не дѣляемъ ли обреченна
И свободу человѣка,
И высокія дѣла?

III.

Что земля намъ обѣщаетъ!
Путь земной тяжесть и пусть, —
И невольно вылетаетъ
Стихъ провѣтія изъ усть...

IV.

Въ насъ подрито утѣшенье,
Что намъ небо суждено:
Небо, полное сомнѣнья
Безотвѣтно и темно....

V.

Исчезаютъ, какъ мечтанья,
Какъ предъутренняя тьма,
Нашей вѣры упованья
Въ свѣтъ шаткаго ума.

VI.

Но земля, хоть на мгновенье,
 Всё-жь красую распѣла
 Для неправдъ и наслажденья
 Торжествующаго зла.

VII.

Мы гнушались порокомъ,
 Страстны къ доблестнымъ дѣламъ;
 О прекрасномъ и высокомъ
 За скамьей твердили намъ...

VIII.

Жизнь висоаго не знала,
 Школьныхъ истинъ не взлюбивъ,
 И съ насмѣшкой насъ карала
 За одинъ къ нему порывъ.

IX.

Измельчали мы постыдно;
 Чувство правое губя,
 Ложнымъ холодомъ обидно
 Мы клеветемъ на себя...

X.

Евы розовыя дѣти!
 Въ вашей страсти нѣтъ любви:
 Все въ ней призракъ, бредъ или сѣти,
 Прихоть жизни, жаръ въ крови.....

XI.

Грустно!.... Пусть не раздаётся
 Пѣсня скорбная моя:
 Нашимъ пѣснямъ посмѣется
 Внуковъ юная семья.

XII.

Пусть въ туманѣ опьяненья
 Голова моя гореть...
 Жажду я самозабвенья, —
 Лучъ блаженства въ неѣ сокрыть.

1848.

XIV.

Признаніе пророка.

Я шель тернистою дорогой
 На тяжкомъ жизненномъ пути
 Съ сумою странника убогой, —
 И было трудно мнѣ идти...
 Приотдохнуть я съѣлъ, усталый,
 На каменистой крутнзѣ,
 И всё, что горькаго бывало,
 Что сердце больно уязвляло
 Невольно вспомнилося мнѣ.
 Путень израненный колючимъ,
 На язвы ногъ больныхъ смотрѣлъ,
 То голодомъ, то жаждой мучимъ,
 Пустыню дикую я зрѣлъ...
 Но подымъ взоръ... изъ отдаленья
 Меня роскошный городъ звалъ.
 Свой блескъ, красу и наслажденья,
 Всѣ лёгкой жизни обольщенья
 Мнѣ, изумленному, казалъ,
 И гласъ таинственный шепталъ: —

«О, презри подвить горделивый,
 Оставь сомнительный твой путь,
 Мечтанья юности кичливой

Ты, искусившись, позабудь...
 Повѣрь,—иная есть дорога,
 И всё таиъ ясно впереди,
 На ней цвѣтовъ роскошныхъ много:
 По ней, чуждаясь мысли строгой,
 Своекорыстно ты иди...>

Душой я долго колебался,
 Въ раздумья долго я стоялъ,
 Но обожженьянъ не поддался,
 И прежній посохъ въ руку взялъ,
 И внишелъ твёрдою стопою...

Отъиди, лъстивый Сатана!
 Миѣ доля высшая судьбою
 Въ вѣнци терновомъ суждена...
 И мвртъ, и роза молодая,
 Прохладою благоухая,
 Мой путь угрюмый обовьютъ:
 По немъ, меня благословляя,
 Другіе радостно пойдуть...

1845.

XV.

Солнцу.

(Памяти Ел. А. М. М.)

О, горячее сердце вселенной!
 О, истокъ всеобъятной любви!
 Умоляю душой умиленной:
 Человѣва ты въ ней воззови...

И своей непреложной любовью
 Обличи его, солнце, тогда,

Что не духомъ онъ любить, а кровью,
И что онъ не любилъ никогда...

Но ты, солнце, въ любви неизмѣнно:
Оттого-то и ясенъ твой свѣтъ,
Оттого ты въ срединѣ вселенной,
Оттого тебя славить поэтъ!

И, равно согрѣваа лучами
Облачкб и червя, и цвѣты,
Ты блюдешь, будто мать, надъ нами,
И насъ любишь нелюбящихъ ты.

Проникая отъ выси зенра
И до безднъ преисподнихъ земли,
Озари ты мнѣ истинны міра,
И мнѣ душу мою просвѣти!

Для всего твои блага безмѣрны...
Я молю изъязвленной душой:
Дай сознать мнѣ душевныя скверны,
Дай младенческой сердцу покой!...

Нѣтъ! Ко счастью и къ лону покоя,
И къ всезнанью меня не зови...
Дай мнѣ высшее благо иное:—
Научи меня только любви!

XVI

С В Ъ Т Ъ .

Свѣтлая ночь замѣнила
 Ясный безоблачный день:
 Всѣ заторѣлись свѣтила, —
 Въ роскоши свѣта теряется тѣнь...
 Царство гармоніи вѣчной,
 Разума всюду черты,
 Жизни размѣръ безконечный,
 Неувядаемый ликъ красоты —
 Міръ и его совершенства
 Проятся въ душу мою...
 Чтб-жь я далекъ отъ блаженства?
 Чтб-же я грустныя пѣсни пою?...

О, міродержецъ! Такъ долго и много
 Съ тьмою духовною боремся мы,
 Жизни во мракѣ запыла дорога,
 Всѣ наши грустныя пѣсни отъ тьмы.

Щедрую долю духовнаго свѣта
 Каждому смертному ты ниспосли:
 Будутъ и радостныя пѣсни поэта,
 Будутъ и счастливы дѣти земли...

XVII.

Иронія.

Не гляди на него простодушно,
 Прямотою сердечной любя:
 Свѣтъ, повѣрять отжившимъ послушный,
 Оклеветаетъ безумно тебя!

Онъ давно ужъ и хилъ, и увѣченъ,
 Какъ больной и брюзгливый старикъ,
 Но презрѣнемъ еще не отмѣченъ,
 И опасенъ еще его крикъ...

Сторони-жь благородныя чувства
 Отъ насмѣшливыхъ взоровъ людей,
 Какъ художникъ созданья искусства
 Отъ непризванныхъ причетъ судьей.

Притворись, если хочешь счастливо
 Ты въ семействѣ людей погостить:
 Будь, обдумавъ, рѣзва и стыдлива,
 И умѣй по расчету любить.

Не высказывай чувствъ тревоженья,
 Но, послушное сердце скрѣпя,
 Подавляй ихъ въ началѣ рожденья, —
 И, повѣрь, не осудятъ тебя!

XVIII.

Б у д у щ е е.

(Поэв. М. П. К.)

Мучимый жаждой отъ зноя,
 Странникъ въ пустынѣ блуждаѣ,
 Тщетно оазисъ покоя
 Взоромъ усталымъ искаѣ...
 Вотъ, у себя подъ ногами
 Видитъ онъ: — легкимъ стеблѣмъ,
 Мелкими зеленъ листьями
 Чуть вознеслась надъ пескомъ;
 Возлѣ нея полосою
 Мокрый цесокъ пролегалъ.
 Долго съ отрадой нѣмою
 Путникъ предъ вею стояѣ...
 Годы пройдутъ, — разростѣтся
 Зеленъ въ широкою сѣнь,
 Свѣтлый ручей разольѣтся:
 Будетъ вода здѣсь и тѣнь...

Други! отрите-же слѣзы,
 Въ сердцѣ убейте печаль:
 Мѣру эдемсвѣя розы
 Кажетъ градущего даль!...
 Вѣрьте, — намъ счастье отъ вѣка
 Въ думѣ Творца суждено;
 Время и мысль человѣка
 Скажутъ, гдѣ скрыто оно.
 Бѣдны для насъ наслажденья,
 Счастье возможно какъ мягъ:
 Вѣрьте-жъ, — такое мг овење
 Будетъ вся жизнь для другихъ!

XIX.

Путешествіе въ Грецію.

Въ слезахъ любви на жребій свой ропщу я:
 Мнѣ не сойти въ Пирей съ корабля...
 Нѣтъ, никогда тебя не посѣщу я,
 Любимая души моей земля!

Мнѣ не слышать, какъ море вѣчно стонетъ
 Надъ вѣчною могилкою твоей;
 Мой жадный взоръ, покоясь, не потонетъ
 Въ разливѣ горь и голубыхъ знбей.

Гдѣ плещется бушующая влага,
 И говорить о лучшихъ временахъ,
 Я не склонюсь на мраморъ саркофага —
 Величія почіющаго прахъ...

Истоки живой и колыбель искусства,
 Откуда свѣтъ познанія возникъ,
 Гдѣ облеклось въ прекрасный образъ чувство
 И истина нашла себѣ языкъ!

О, еслибъ вѣтръ, съ земли Гиперборейской
 Къ тебѣ летя на крыльяхъ снѣговыхъ,
 Могъ передать на пристани Пирейской
 Глубокой стонъ и капли слезъ моихъ...

Да изольютъ они передъ тобою
 Тѣ жалобы, ту скорбь души моей,
 Что увлеклось неправомъ стезею
 Заблудшее искусство нашихъ дней.

Приковано къ вседневности бездѣлной
 Оно рукой непризванныхъ жрецовъ,
 И движетъ ихъ не идеалъ завѣтный,
 Случайности и времени рабовъ...

И взглядомъ ихъ искажена природа,
 Ихъ кажетъ имъ недолжное она;
 Въ нѣмъ кхевета на жизнь я духъ народа,—
 Божѣзнь творцовъ въ твореніяхъ видна...

И дальше дня они не прозрѣваютъ,
 Тевущаго предъ ними безъ слѣда,
 И ложь его, и мелочь возражаютъ
 Въ созданіи гнѣющаго плода...

А кто ихъ путь оставилъ безобразный,
 Какъ истый жрецъ предсталъ предъ Красотой, —
 То тѣшится надъ нимъ невѣжда праздный,
 И притворъ свой пишетъ площадной.

1888.

XX.

ЛѢСНЯ ВѢКА.

Гибнетъ чувство мое одинокое
 Безотзывно, бездольно, безродно! —
 Впереді пустота-лишь глубокая...
 Наша мысль высока, но бесплодна.

Обреклись мы глядѣть на мученія,
 На неправды семейства людскаго,
 Не подавши руки облегченія,
 Не сказавъ ему вѣщаго слова;

Между-тѣмъ, какъ гнѣтъ подъ преданіемъ
 Неразумная жизнь человѣка;
 Обновись только новымъ страданіемъ,
 Она въ вѣкъ переходитъ изъ вѣка.

Переполнены силою страстною,
 Пожираемы жадно любовью,
 Истомимся мы жертвой напрасною,
 За людей не прольемся мы кровью...

Не волнуйся-жь, душа многодумная,
 И въ безгрѣзной дрепотѣ разлейся!
 Замогни, мое сердце безумное,
 Замогни навсегда... или разбейся!

1843.

XXI.

Когда давно съ Креста изречено прощенье, —
 Роптать-ли намъ, и мстить своимъ врагамъ?
 Грѣхи ужъ приняли съ Голгоею отпущенье,
 И ихъ судить не намъ, и ихъ карать не намъ...
 Зачѣмъ, не снисходи къ врагамъ, ихъ ненавиждѣть,
 Когда они не знаютъ, что творять...
 О, братья! не дерзнемъ мы никого обидѣть,
 И объ одной любви уста пусть говорятъ...
 Повѣрьте, въ злѣ своемъ тѣ люди не виновны, —
 За тѣмъ что человѣкъ несовершенъ душой;
 Они въ томъ праведны, въ чемъ много мы грѣховны,
 Отпустимъ-же грѣхи взаимно межъ собой...
 Съ невольнымъ зломъ людей, о, примиритесь, братья!
 Еще во тьмѣ и въ дѣтствѣ человѣвъ:
 Созрѣвъ мыслью онъ, и прпмуть насъ въ объятъя
 Добро, любовь и миръ на нескончанный вѣкъ;
 И райскіе плоды Божественнаго знанья
 Всѣмъ пбровну раздѣлятся тогда;
 Блаженство дастся всѣмъ и никому — страданье...
 Настанетъ дарствіе желанное Христа.

1848.

XXII.

Желанье.

Чуждо совершенства
Нашей жизни зданье:
Цѣль ея — блаженство,
А она — страданье.

Всѣ въ ней пропадаетъ,
Всѣ, что такъ прекрасно,
Только ало всплываетъ
Въ наготѣ ужасной.

Въ этомъ звучномъ морѣ
Сроднаго нѣтъ звука;
Въ сонѣ исходить горе,
Страсти вторить мука.

Счастьемъ не согрѣта
Ни одна минута,
Мысли нѣтъ привѣта,
Чувству нѣтъ пріюта...

Пусть-же хрупкой чашей
Эта ложь прольѣтся: —
Хаосъ жизни нашей
Въ стройность разовѣтся.

XXIII.

Миньйонъ.

Порой въ томленья изнеможеть
 Душа скорбящая моя,
 Сознавши то, что сердце гложеть,
 Чѣмъ отравленъ, чѣмъ боленъ я—
 Пороки, горе, нестроенье
 Семьи враждующей людей
 И слѣпоту, и извращенье
 Любимой братинъ моей;
 Когда устану—чадо вѣка—
 Хаосъ житейскій созерцать,
 Слѣдить въ прошедшемъ человѣка.
 По немъ о будущемъ гадать,—
 Нежданно райское мгновенье
 Меня крыломъ пріосвѣтитъ,
 Прольетъ мнѣ въ душу обновленье,
 И новымъ свѣтомъ озаритъ:
 Клонюсь я отъ борьбы жестокой,
 Какъ въ лоно свѣжее зыбей,
 Къ груди подруги свѣтлоокой,
 Малютки розовой моей...
 И мнѣ опять, какъ въ дни былые,
 Средь обаянья красоты,
 Картины видятся иныя,
 Иныя грезятся мечты.
 Вся полнота любви всемирной
 Въ ея очахъ проведена,
 И простотою жизни мирной
 Такъ свято теплится она,
 Что я люблю, но не страдаю:
 У вѣщихъ звѣздъ ея очей
 Я лучъ градушій уловляю
 И вѣру въ будущность людей.
 Ея слезы безгрѣшной влага
 Симвааетъ мысль о всякомъ злѣ...
 Я жду и стройности, и блага,
 Когда любовь есть на землѣ.

XXIV.

Слово юношѣ.

Пока ты юнъ,—и рѣчью правой
 Твои украшены уста,
 И чистъ твой помыслъ недужавый —
 А въ немъ Добро и Красота...
 Потомъ, при мысли примиренья
 Съ необходимымъ жизни зломъ,
 Ты ограничишь ихъ значенье,
 Съ наукой опыта знакомъ.
 Ты въ рядъ войдешь своекорыстныхъ —
 Небратій братіи твоей,
 И позабудешь раны присныхъ
 И участь будущихъ людей...

Но знай впередъ, что примиренье,
 Какъ сна исполненная тьма,
 Коснѣтъ заставить поколѣнье
 Во имя здраваго ума,
 И стань на-вѣвъ подъ стягъ благого
 Противу ложнаго всего,—
 И да прозябнетъ это слово
 На нивѣ сердца твоего.

XXV.

Оправданіе.

Нашъ вѣкъ и наше поколѣнье
 Безмолвно сносятъ клевету
 Незаслуженнаго презрѣнья
 И громкихъ браней пустоту.
 Оно безмолвствуетъ, но знаетъ,
 Что мысль живая скрыта въ нёмъ,
 Что насъ потомство оправдаетъ
 Своимъ торжественнымъ судомъ;
 Что судъ не видитъ современный
 Ни слѣзъ подавленныхъ, ни мукъ,
 Ни мысли съ болью сокровенной,
 Ни скванныхъ судьбою рукъ...

Но мы къ блаженству возрожденья
 Ступеней нужною лѣгли,
 Чтобъ міра тяжкія движенья
 По ней впередъ отъ нестроенья
 Къ грядущей стройности пошли...
 И ту ступень, гдѣ отряхали,
 Не замѣчая, прахъ отъ ногъ,
 Когда во храмъ по ней вступали,
 Превыше звѣздъ поставитъ Богъ.

XXVI.

Ф о л ъ з н ь .

(И. Д. Х.)

Мы счастливы не будемъ никогда,
И нѣтъ въ душѣ у насъ задатковъ счастья,
Всегда больной, исполненной всегда
Тревогъ и думъ, вопросовъ и участья!

Чтобъ въ нашу мысль и въ сердце не зайтъ,
Предъ нами ничего не идетъ мимо...
Намъ тяжело на жизненномъ пути,—
Страдаемъ мы невѣдомо, незримо...

И счастье возможно-ли, друзья,
Провидящимъ денницу идеала,
Тѣмъ, чья душа въ пустынѣ бытія
Тоской любви напрасно изнывала...

И грустно намъ за тысячи людей,
Въ невѣжествѣ погрязшихъ безъ сознанья,
Усвоившихъ, въ недвижности своей,
Потребность тьмы, неволи и страданья...

Подавлены издревле въ насъ судьбой
Духовныя сокровища и силы;
Мы брошены, какъ богатырь живой,
Въ глубокой склепъ удушливой могилы.

Для лучшаго намъ время не пришло,
А то, что есть толпѣ необходимо, —
Твердить нашъ умъ... по сердцу тяжело:
Законность зла ему невыносима!

И помнивь ны въ веселіи бесѣдъ,
 На ложѣ нѣгъ, довольства, пресмыщеній, .
 Что въ каждый мигъ свершалось столько бѣдъ,
 Пролито слѣзъ, извѣдано мученій!...

Нѣтъ! счастливь и не буду никогда.
 Недугомъ я томительнымъ болѣю...
 Мы всѣ больны, и гаснемъ безъ слѣда
 Съ любовію непрошенной своею.

Въ нашъ ранній вѣкъ, и безотрадный вѣкъ
 Съ той истинной пора-бы примириться,
 Что въ немъ здоровъ пустой лишь человекъ,
 И боленъ всякъ, кто мыслью просвѣтитса.

XXVII.

Поэтъ.

На служеніе мысли высокой,
 На служеніе правды я взросъ:
 Но кинжалъ ея спряталъ глубоко
 Между вѣткою миртовъ и розъ...

И, въ рукѣ съ этой вѣткой душистой,
 Какъ Гармодій, я въ міръ выхожу, —
 Красотой ея мирной и чистой
 Я неправду и зло поражу.

Эта битва безъ крови и гнѣва, —
 Наслажденіемъ дышетъ она:
 Ей причастны и старецъ, и дѣва,
 И младенецъ, и мужъ и жена.

Тѣмъ вѣхно твое назначенье
 Между братій, поэтъ-гражданинъ,
 Что безъ терній свое поученье
 Насадить ты способенъ одинъ!

И ты каждое дѣло и чувство
 Обречи на добро и осмысль...
 Твоя вѣтвь — созданье искусства,
 А книжка твоя — правдивая мысль.

1852.

 XXVIII.

Смерть весны.

Появилась она, разцвѣтая,
 И въ разцвѣтѣ своемъ умерла...
 Ты блаженна, весна молодая:
 Послѣ юности ты не жила!

Похоронную пѣснь тебѣ страстно
 Соловей, твой любовникъ, пропѣлъ,
 И оставилъ онъ все безучастно:
 Онъ со смертью твоей отлетѣлъ;—

И роса, какъ прощальныя слѣзы,
 Трепетала на злакахъ полей,—
 А въ тотъ мигъ первоцвѣтнія розы
 Зацвѣли на могилѣ твоей....

Горячо поколѣвие наше
 Позавидуетъ смерти твоей:
 Сопричастны мы жизненной чашѣ
 Только юности пылкой порой...

Намъ бы тоже угаснуть съ весною,
 Намъ и жить только можно въ веснѣ:
 Вѣдь за нею обычной чредою
 Потекуть наши дни въ полуснѣ.

Не для насъ эти доблести лѣта
 И высокія цѣли трудовъ!
 Къ намъ и осень придетъ безъ привѣта,
 Безъ вѣнка, безъ кошицы плодовъ.

Намъ грядущая доля извѣстна;
 Наша кровь никому не нужна,
 Да и жертва за мысль неумѣстна,
 Да и ранняя доблесть вредна....

Умереть бы намъ, друга, весною:
 Ничего не осталось для насъ,
 Бромъ сказанныхъ съ жолчью больною,
 Отрицанья исполненныхъ фразъ.

1859.

 ХХІХ.

Балльныя грезы.

(ОКТАВЫ.)

(Песенка А. Ф. К.)

I.

Всегда я лишній гость на вашемъ свѣтскомъ балѣ,
 И тьмою кажется мнѣ вашъ блестящій свѣтъ....
 Давно гремѣлъ оркестръ въ благоуханной залѣ,
 Облитой блескомъ люстры, брилльантовъ, эполетъ.
 Лишь я да милая моя не раздѣляли
 Веселья общаго: у насъ былъ свой предметъ,
 Свой теплый разговоръ, исполненный отрады,
 И невниманію другихъ мы были рады....

II.

Но я разстался съ ней: она увлечена
 Паркетнымъ рыцаремъ, смѣшалася съ толпою;
 Ей несочувствуя, она была одна,
 Остался я одинъ въ бесѣдѣ самъ съ собою.
 Мелькая предо мной, скрывалася она..
 Изъ залы вышелъ я съ холодною тоскою;
 Покоевъ и гостей минуя длинный строй,
 Вошелъ я, наконецъ, въ незанятый покой....

III.

Въ окно широкое передо мной открыты
 Ряды роскошныхъ дачъ, средь зелени садовъ,
 Лучами мѣсяца таинственно облиты,
 А городской погостъ мнѣ кажетъ гдѣсь крестовъ;
 У мраморовъ гробницъ березы да ракиты,
 Какъ тѣни легкія встающихъ мертвецовъ...
 Мой взоръ задумчивый на немъ остановился,
 И нечувствительно я въ грѣзы погрузился.

IV.

Въ могилѣ я лежу, заброшенный землей,
 Забытый, какъ и всѣ, незнаемый своими,
 Проносится метель свободно надо мной,
 И вѣтеръ споръ ведетъ съ березами моими....
 Невыносимъ мнѣ мой безжизненный покой:
 Я вышелъ бы страдать съ собратьями живыми,
 И имъ завидовать, смотря на ихъ борьбу,
 На вѣковѣчную тяжелую судьбу.

V.

Морозно и темно въ могилѣ безотвѣтной,—
 А тамъ, въ палатахъ пирь и музыка гремитъ,
 Часы въ веселіи проходятъ незамѣтно,
 И жизни днѣнрабъ торжественно звучитъ;
 Ведется разговоръ съ улыбкою привѣтной,—

И старость съ юностью, какъ юность говорить....
 Зачѣмъ я не живу, зачѣмъ теперь не съ нини,
 Зачѣмъ не слышенъ я межъ братьями моими.

VI.

Тамъ милая моя, цвѣтущая красой,
 Пльняетъ музыкой рѣчей своихъ другого,
 О прошломъ говорить съ сердечной полмотой,
 Но обо мнѣ одномъ въ поминѣ нѣтъ ни слова....
 Иль, можетъ быть, она, осеннею порой.
 Колѣни преклонивъ у праха дорогого.
 Слезой животворить могильный мой цвѣтокъ...
 О, еслибъ я тогда откликнуться ей могъ!

VII.

И всѣ завѣтныя души моей стремленья,
 О чемъ я только смѣлъ когда-то пометать,
 Нежданно облеклись въ вѣнецъ осуществленья,
 Чтбъ вынуло въ мой вѣвъ, о чемъ я могъ страдать,
 То будетъ, укрѣпясь въ роскошномъ обновеньѣ,
 Свои плоды другимъ обильно расточать...
 А я не чувствую, а я въ могилѣ тлѣю.
 И ихъ привѣтствовать я силы не имѣю!

VIII.

И эти образы, мелькнувши предо мной,
 Уже заслонены картиною иною —
 Невѣждъ бессмысленныхъ сіяющей толпой,
 Ласкаемыхъ въ нашъ вѣкъ ихъ старческой судьбою, —
 А разумъ съ знаніемъ и силой молодой
 Во прахъ повержены подъ дряклой ихъ стною,
 И задыхается въ вертепахъ нищеты
 Все полное надеждъ, добра и красоты.

IX.

Я вижу, въ этотъ часъ, прозрѣвшими глазами
 Чѣмъ перлы куплены красавицъ молодыхъ:
 Мнѣ кажутся они застывшими слезами.

Пролитыми въ трудахъ работавшихъ на нихъ.
 Вы освѣтили пиръ свой яркими огнями,
 Отнявъ послѣдній свѣтъ у слабыхъ и меньшихъ,
 И въ каждомъ музыки ласкающемъ мотивѣ
 Я слышу скрипъ серпа и плачъ дѣтей на нивѣ.

X.

Своеворыстиемъ всё дышетъ и живетъ,
 Всякъ, заблужденіемъ обмануть, веселится,
 Проматывая жизнь, какой-то жизни ждетъ....
 О, если-бы я могъ неожиданно къ нимъ явиться,
 Чтобъ ихъ веселіе нарушилъ мой приходъ,
 Чтобъ истиной могилъ съ живыми подѣлиться,
 Отъ сердца сворбнаго съ одними говорить,
 Другихъ насмѣшаю презрительной язвить....

XI.

Нѣтъ! Наслаждайтесь всё въ своемъ житейскомъ пирѣ,
 Есть счастье и въ трудѣ, и въ мысли, и въ борьбѣ,
 Вездѣ разлита жизнь въ прекрасномъ вашемъ мѣрѣ,
 И тайна скрытая отъ васъ въ моей судьбѣ
 Вамъ не откроется ни въ помыслахъ, ни въ лирѣ,
 Я вашего сюда не захватилъ себѣ, —
 И даже зависть въ вамъ меня не угѣшаетъ,
 Что васъ лжеющихъ мой жребій ожидаетъ.

XII.

И много я грустилъ, и долго я мечталъ,
 А время за-полночь тянулось полусонно,
 И шумно, какъ всегда, оканчивался балъ.
 Мнѣ вѣяло въ лицо прохладой благовоной;
 Звукъ бальной музыки въ повой мой долеталъ,
 Но онъ звучалъ вавъ маршъ печально-похоронный
 Тому, кто чувствуетъ и мыслию живѣтъ,
 Чей рвется въ доблестямъ окованный полѣтъ.

XXX.

Г о с т ы .

« Пьемъ мы за истину, доблесть и знанье,
За челоуѣка святое призванье....

Пей же: — твой кубокъ заздравный готовъ»...

— Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ!...

«Пьемъ за надежды свои молодил

И за преданіи славы родныя....

Пей же: твой кубокъ заздравный готовъ».

— Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ!...

«За красоту, за любовь и за благо

Да напоить насъ отрадная влага...

Пей же: твой кубокъ заздравный готовъ».

— Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ.

«Знаемъ, — рабы твою жизнь отравляли,

Знаемъ, — рабы твою пѣснь оскорбляли....

Пей хоть на гибель презрѣнныхъ враговъ».

— Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ!

Духу съ заваскою рабства гнилого

Только возможны лишь чувство да слово:

Дѣла бѣжить онъ какъ новыхъ ововъ....

Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ,

Всѣ мы рабы своей личности бѣдной;

Съ поля сойдемъ мы безъ пальмы побѣдной:

Всякъ отступить предъ собою готовъ....

Нѣтъ! я не выпью изъ кубка рабовъ!

НОВОГРЕЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Пѣсни, какъ проявленіе внутренней и внѣшней жизни народа, еще не вступившаго на извѣстную ступень образованности, еще не достигшаго извѣстной степени духовнаго развитія, рождаются въ его, такъ сказать, эпическую пору и въ началѣ его сознанія во время стремленія къ самобытности, къ гражданственности.

Предтечею самосознанія народа бываетъ проявленіе матеріальной силы его — богатырское, геройское время, предеть пѣсней и преданій народныхъ; это время пѣсней болѣе звучныхъ, пронивнутыхъ чувствомъ народнаго Я.

Греція, въ вонцѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣвовъ, сохранявшая промышленный духъ древнихъ своихъ республикъ и увлеченная принѣромъ сосѣднихъ Италіи, вдалась въ торговлю и промышленность всякаго рода, почитая совершенно невозможнымъ дѣло возстановленія своей самобытности. Жители-же горъ Эпира, Этоліи, Аквананіи, Фокиды, Локриды, Віотіи и Лаконіи, защищенные природою, возбуждаемые силою неукротимаго характера, не покорялись совершенно туркамъ; но эта свобода была безсознательна, свобода характера, заключеннаго въ тѣсное поприще, впрочемъ хранившая въ себѣ сѣмена возстанія Греціи. Во время постепеннаго упадка силы турокъ, и жители городовъ и жители острововъ, *напольные жители*, начали оду-

шевлияться духонъ горцевъ-клефтовъ, содѣйствуя имъ тайно денежными средствами или возставая иногда открыто, за что жестоко наказывалъ ихъ Диванъ лишеніемъ имѣній, сожженіемъ родныхъ городовъ и селеній, и — они погружались время до времени въ бездѣйствіе. Уничуженные, изгнанные такимъ образомъ, опальные наполенные греки удалялись отъ мщенія турокъ или въ горы клефтовъ, или за перешеекъ Море йскій, гдѣ, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, основались города: Миссолунги, Галазади, Каларить и нѣкоторые другіе. Въ это время совершилось повсенѣстное возстаніе въ Греціи и созрѣвали сѣбена политической самобытности греческаго народа.

Отъ конца среднихъ вѣковъ и нѣсколько прежде этого времени до 30 - хъ годовъ текущаго столѣтія, т.-е. періода бореія безпорядочныхъ началъ нынѣшней самостоятельной гражданственности Греціи въ началѣ сознанія греческаго народа, во время удалства и наконецъ войны Клефтовъ и Арнатоловъ, возрождались новогречесвія народныя, собственно влефтическія и героическія пѣсни.

У древнихъ грековъ, также кромѣ народныхъ поэмъ, драмъ и одъ (Гомера, Аристофана, Софокла, Анакреона и другихъ), существовали собственно народныя пѣсни (Схолія *), которыя пѣлись на разные случаи и во время народныхъ праздниковъ и обрядовъ. У древнихъ, пастухи пѣли одни пѣсни, жнецы, ткачи, производители шерстяныхъ издѣлій, дѣвушки, женщины, разныхъ классовъ и состояній, пѣли своего рода пѣсни.

Во время политическаго упадка Эллады, ученые любители греческой словесности толпились у трона Пто-

* По свидѣтельству Плутарха, Артемона, Дицеарха и нѣкоторыхъ другихъ.

лонеевъ, презирая простонародныя пѣсни свои, презирая клонящихся въ упадку соотечественниковъ, собирали, приводили въ связь распадшія Гомера, поставляли на сцену произведенія греческихъ драматурговъ, распѣвали оды Пиндара, Анакреона и другихъ поэтовъ и, казалось, вдали отъ родины забыли обычаи и пѣсни народныя, увлекаясь обычаями новаго отечества. Греческіе ученые удалились во время смуть Эллады въ Римъ, по повореніи ея Римомъ, гдѣ становились учителями народа римскаго, передавая ему свою философію и языкъ свой, который имѣлъ то же значеніе въ Римѣ, что французскій въ современной Европѣ. Ученые греческіе, увлекаясь обычаями Рима, изъ подобострастія къ сильному народу ихъ пріютившему, забыли родные праздники, предавія, повѣрья, обряды, забавы народныя, слѣдовательно и пѣсни. Они проповѣдывали тамъ своихъ книжныхъ поэтовъ, отъ которыхъ имѣли хлѣбъ насущный. Притомъ, и тогдашнія философскія ученія препятствовали имъ изученію отечественной народности, и еслибъ не Аѳеней и нѣкоторые другіе изъ позднѣйшихъ писателей древности, мы не знали-бы даже, существовали ли у грековъ простонародныя пѣсни. Время шло. Владычество римлянъ имѣло вліяніе на преобразование политическаго быта Эллады: народъ старался перенимать обычаи римлянъ, старался подобострастно угождать своимъ властителямъ. При упадкѣ римлянъ, вторженіе варваровъ - славянъ имѣло тоже вліяніе на характеръ народности греческой. Впослѣдствіи, Греція, составляя часть Восточной Римской Имперіи, заняла отъ нея много новыхъ стнхій въ свою народность; она даже стыдилась называться Греціею, а греки — греками, что видно изъ слѣдующей фразы, употребляемой и нынѣ въ разговорѣ: „говоришь-

ли ты по - римски“, т.-е. по - гречески. Вторженіе и поселеніе въ Греціи разноплеменныхъ восточныхъ и западныхъ славянъ имѣло сильное вліяніе на забвеніе греками эллинской старины своей, на жизнь ихъ и отчасти на языкъ. Крестовые походы, торговля республиками Италиі, французы *) и наконецъ мусульмане, преимущественно турки, пересоздали бытъ Греціи и характеръ ея народности. Турки имѣли бѣльшее вліяніе на грековъ, чѣмъ европейцы; начертаніе нотъ для пѣнія греки заимствовали у сильныхъ и просвѣщенныхъ тогда аравитянъ, которое и походить на еврейское или арабское письмо. Мотивъ аравійскій, имѣющій нѣкоторое сродство съ греческимъ, слушаемый ежедневно въ церквахъ, привился и въ народнымъ пѣснямъ; но эти заимствованія освѣщены неутасающимъ огнемъ ихъ народности, какъ духовной личности поколѣнія. Въ продолженіе вѣковъ, съ политическими переворотами Греціи измѣнялись и формы устнаго языка (впрочемъ и всегда отличавшагося отъ языка книжнаго, что происходило не только въ народѣ, но и въ языкѣ произведеній византійскихъ писателей въ равныхъ родахъ.)

Изъ этихъ равнородныхъ стихій, связанныхъ въ одно цѣлое цементомъ древней Эллады, составилаь современная намъ греческая народность. Въ народной поэзіи грековъ мы не видимъ такъ много чертъ древняго эллинскаго духа, какъ видѣли нѣкоторые французы и нѣмцы, писавшіе объ этомъ предметѣ; но, впрочемъ, и не совершенно отрицаемъ въ ней древнее начало, и въ жизни горцевъ — жизнь древнихъ.

Сказавъ нѣсколько необходимыхъ словъ о происхожденіи народности нынѣшнихъ грековъ, обратимся къ *Новогреческимъ пѣснямъ*.

*) Смotr. «La Grèce, par Buchon.»

Въ Греціи, какъ и у насъ, издаются такъ-называемыя „Пѣсенники“; они большею частію также неудовлетворительны, какъ и наши, потому-что издаются людьми недалеваго ученія, только для денежныхъ выгодъ. Въ этихъ „Пѣсенникахъ“ пѣсни протонародныя перемѣшаны съ пѣснями ученыхъ, какъ выражаются греки, — стихотворцевъ, и пронаведенія этихъ людей предпочитаютъ собственно-народнымъ пѣснямъ почти всѣми соеловіями народа въ Греціи. Я имѣю цѣль написать не трактатъ о новогреческихъ пѣсняхъ, а познакомить своихъ читателей только съ содержаниемъ ихъ, что можетъ дать нѣкоторымъ образомъ понятіе о греческой народной словесности; слѣдовательно, и о внутренней и вѣшной жизни греческаго народа. По „Пѣсеннику“ изданному въ 1837 году въ Навпливъ подъ названіемъ: «ΑΣΜΑΤΑ διαφόρων ποιητῶν, ἡρωικά, κλεφτικά, ἐρωτικά καὶ τὰ βακχικά καὶ Ἀντιβακχικά», я расположилъ статью свою, выбирая изъ него пѣсни или чисто народная или недавно сдѣлавшіяся народными, прибавивъ къ нимъ нѣсколько сенейныхъ и обрядныхъ пѣсней, непомѣщенныхъ въ «ΑΣΜΑΤΑ», или заимствованныхъ мною изъ другихъ сборниковъ греческихъ пѣсней, иногда даже изъ переводовъ.

Издатель «ΑΣΜΑΤΑ» раздѣляетъ свой сборникъ на пѣсни Герическія (ἡρωικά), Клефтическія (κλεφτικά), Эротическія (ἐρωτικά) и Ваххическія съ Антиваххическими, (βακχικά καὶ Ἀντιβακχικά), каковой порядокъ сохраненъ въ статьѣ моей, въ которому я прибавить только обрядныя и сенейныя пѣсни, состоящія изъ Мирологовъ, изъ пѣсни на новый годъ, свадебной, весеннихъ, колыбельныхъ пѣсень и пѣсень, взятыхъ изъ народныхъ повѣрій.

I. ГЕРОИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Есть два рода героическихъ пѣсенъ. Первый родъ — пѣсни возбудительныя въ возстанію для освобожденія Греціи. Онѣ сочинялись за нѣсколько лѣтъ до возстанія, извѣстныи патріотомъ, ученымъ и поэтомъ Ригасомъ и нѣкоторые другими патріотами, и распространялись обществомъ Гетеріи, которое составилось въ то время для сборовъ капитала и оружія, какъ средствъ къ открытію войны. Члены этого общества таились во всѣхъ концахъ Греціи, въ Анатолиі, на островахъ и въ самомъ Константинополѣ. Героическія пѣсни наполнены воспоминаніемъ о древней славѣ Греціи, о великихъ предкахъ... Въ каждой почти пѣснѣ вы встрѣтите имена: Геркулеса, Пелопида, Тетисовла, Ахиллеса и прочія. Нынѣшніе греки тамъ не иначе величаются, какъ чадами Геркулеса и Эллинами; кромѣ того, найдете въ пѣсняхъ Ригасовыхъ: Зевса, Аполлона, Музу, Харитъ, Гомера, Софокла, и весь народъ греческій восхищается этими пѣснями, и поѣтъ ихъ, начиная отъ солдата до полководца, отъ матроса до адмирала, отъ земледѣльца до купца. Не оттого - ли героическія пѣсни сдѣлались народными, что въ греческомъ характерѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ врожденная гордость; не оттого - ли, что греки всѣхъ классовъ и состояній знаютъ исторію славы своей?... Ожесточеніе противъ турокъ, пробужденный духъ народа, теплый растворъ сердца, когда оно принимаетъ и навсегда вверяетъ въ себѣ всѣ впечатлѣнія, періодъ юношескаго увлеченія народа, а главное, страстное стремленіе къ возрожденію народной и государственной самостоятельности своего любимаго отечества, сіяющаго бессмертною славою прошедшаго: вотъ причины, отчего

греки приняли горячо новня пѣсни, приняли ихъ, какъ свои старыя, задушевныя думы. Притомъ-же ни одинъ народъ, можетъ быть, не владѣетъ такими политическими способностями и призваніемъ, какъ современные греки. Они, вавъ-бв вопреки исторіи, разомъ перешли отъ рабства въ свободѣ, отъ всесторонняго деспотизма турокъ къ конституціонному образу правленія, до чего всѣ другіе народы постепенно добивались вѣками и кровью.

Относительно формы, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней расположены въ родѣ древнихъ, съ одою, эподомъ и пареподомъ. Большая часть изъ нихъ написаны двухстопными и трехстопными стихами, съ различною, довольно игривою разетановкою рямъ. Въ нѣкоторыхъ два стиха, отличающіеся какою-либо заманчивою мыслию, силою чувства и рѣзкостію выраженія, повторяются въ концѣ каждой строфы. Постоянно возвышенный тонъ проникаетъ все цѣлое героической пѣсни, что, впрочемъ, переходитъ иногда въ высокопарность и витіеватость. Древнія книжныя греческія слова, понятныя всякому изъ грековъ, испещряютъ эти произведенія и придаютъ имъ въ воображеніи народа нѣкоторую возвышенность, что нравится грекамъ, помнящимъ своихъ праотцевъ и гордящимся ихъ явнкою и поэзію. Они написаны большею частію нашимъ тоническимъ стихомъ и музыка ихъ болѣе другихъ пѣсней сходна съ европейскою.

Другой родъ героическихъ пѣсней, чисто-эпическаго содержанія, въ родѣ малоросійскихъ думъ, но ниже ихъ относительно художественнаго достоинства. Предметы повѣствованія въ этихъ пѣсняхъ: взятіе крѣпостей греками во время возстанія, осады турками крѣпостей, занятыхъ греками, доблести греческихъ воиновъ и полководцевъ. Онѣ походятъ болѣе на реляціи о

военныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ на пѣсни. По героическимъ пѣснямъ, расположеннымъ по порядку воспѣваемыхъ ими происшествій, можно читать исторію возстанія Греціи, какъ сказаніе самовидца, впрочемъ не всегда безпристрастнаго. Духъ древнихъ не оставилъ и новыхъ грековъ: у нихъ всякое произшествіе ббльшей или меньшей политической значительности, — предметъ пѣсни народной; у нихъ, какъ у древнихъ, всѣ проявленія жизни удостоиваются въ возсозданіи искусствомъ.

По формѣ, этотъ родъ героическихъ пѣсенъ подходитъ къ чисто-простонароднымъ греческимъ пѣснямъ, и вѣроятно ббльшая часть ихъ сложена воинами, участвовавшими въ описываемой пѣснею битвѣ, или гражданами и пѣвцами того мѣста, гдѣ происходило дѣло. Стихъ ихъ длинный, тринадцати, четырнадцати и пятнадцати-сложный, и формою схожъ со стихомъ пѣсенъ клефтическихъ, заимствуя также отъ нихъ извѣстныя эпическія выраженія, сравненія и начало пѣсни.

Музыка этихъ, какъ и клефтическихъ пѣсенъ нѣкоторымъ образомъ, безъ мѣры и такта, не подходитъ вполне подъ законы нашей музыки, и не можетъ быть выражена нашими нотами; она заунывна, протяжна, нестройна, какъ завываніе горнаго вѣтра въ ущельяхъ и пещерахъ горъ, — въ жилищахъ клефтовъ, съ его неправильною дикою гармоніею, неопредѣленною, но понятною внутреннему чувству, которое находитъ въ ней какую-то стройность. Впрочемъ, музыка семейныхъ и нѣкоторыхъ другихъ родовъ пѣсенъ, преимущественно морейскихъ и архипелажскихъ, совершенно можетъ быть выражена нотами европейской музыки.

Героическія пѣсни лирическаго содержанія, писанныя нашимъ размѣромъ, имѣютъ тактъ и, приближаясь къ европейскому мотиву, могутъ быть переложены на

наши ноты. Нѣкоторыя изъ нихъ сложены для музыки военныхъ маршей, впрочемъ, по мотивамъ, не похожимъ на европейскіе.

1.

«Дѣти Геркулеса! спѣшите, держа въ одной рукѣ метъ, въ другой пламя, спѣшите сойтись вмѣстѣ; докажите, что племя Эллиновъ еще существуетъ!... Постройтесь въ ряды и съ ровнымъ ваворомъ пройдите стройно твердою стопою: — шумъ и пылъ отъ вашихъ шаговъ могутъ обратить турокъ въ бѣгство.... Идріоты, Спеціоты и братья Ипсаріоты, да не покажется ни одинъ турокъ на нашемъ Архипелагѣ? Если кто изъ турокъ осмѣлится тамъ показаться, пусть будетъ вверженъ въ бездну морскую.»

2.

«Разъ свѣтлый фосфоръ ночи освѣщаль шатры грековъ. Близъ нихъ, держа копье, пылъ молодой Пелопидъ. — Приятные зефиры, скажите моей милой Греціи: — для славы твоей, родина, брожу я здѣсь на полѣ битвы, смотрю на блескъ непріятельскихъ востровъ и умолкаю отъ душевнаго волненія. Ночь — годъ. Грекъ, полный жизни, поетъ облокотившись на копье: — для славы твоей, родина, брожу я здѣсь на полѣ битвы, смотрю на блескъ непріятельскихъ шатровъ и умолкаю отъ душевнаго волненія. Солнце благопріятно битвѣ. Завтра день храбрости. — Если умру я у своего коня за свободу, за родину — опять полетите, приятные зефирн, и скажите милой Эладѣ: — для славы твоей, родина, для славы твоей и умеръ на полѣ битвы.....»

3.

«Есть добродѣтель — любить отечество, родившее великаго мужаThemistocle, которому удивлялся весь міръ, сѣверъ и югъ. Будемъ подражать ему въ добродѣтели и иужествѣ, славномъ и похвальномъ. Поспѣши къ намъ Themistocle, ты увидишь, какъ въ войскѣ нашемъ празднуютъ Музы, какъ нѣкогда праздновали онѣ на Парнасъ. Онѣ на веселыхъ праздникахъ прославляютъ отечественное мужество и твои доблести.... Да здравствуютъ дѣти Элады! — этого желаетъ все наше поколѣніе, этого желаетъ и тѣнь Themistocle.»

4.

«За поясомъ мечъ мой, конь подо мною:—чего же мнѣ больше желать! Выстрѣливъ изъ ружья, я не забочусь, что готовить мнѣ судьба. Захоти она, чтобъ въ этотъ мигъ пуля убила меня — я не буду пенять на неѣ; что завтра? — тоже мнѣ нужды мало, и тѣмъ я буду доволенъ. — Когда наступутъ трупы боевые, загремѣть пушки, — я пою себѣ беззаботно. — Крѣпясь, проживу препятствія міра и самый міръ есть мой, и я его. — На мягкой-ли постелѣ, или мчась на скакунѣ по полю битвы, я всегда смѣюсь. — Не плачь, милая красавица, сердце мое и тамъ, за горами, не будетъ не занято: тамъ гдѣ лежить путь мой, всегда и вездѣ а найду любящихъ врасавицъ.... слышу, труба сзываетъ насъ: — мечъ мой рвется изъ ноженъ.... Конь мой! впередъ!—Когда пули посыпятся дождемъ и кровь польется рѣвою, — кто меня удержитъ?! — Тогда, какъ засвѣтитъ пуля, назначенная мнѣ, — я, смѣясь, встрѣчу еѣ, и какъ жвѣт весело, весело и умру.»

5.

«Кривой мой, острый мой мечъ, ружье, пламенный другъ мой. Вы турокъ поражали, вы злодѣевъ уничтожали для освобожденія родины...

Да здравствуетъ мой мечъ!

Мечъ мой, когда ты звучишь, когда гремишь ты, доброе ружье мое, когда валатся турецкіе трупы и турки завонятъ *Аллахъ*, — вотъ моя музыка!....

Да здравствуетъ мой мечъ!

Въ тотъ часъ, какъ на небѣ сверкають молнія, грохочуть громы, льетъ ливнемъ дождь. реветъ буря, я хожу по стремнинамъ, я взбираюсь на горы для возстановленія отечества ...

Да здравствуетъ мой мечъ!

За свободу родины, за вѣру Христа я сражаюсь, и дышу этими священными чувствами: — И, если не достигну этого — что мнѣ въ жизни! — часъ насталъ! Труба гремитъ: я отъ радости прыгаю, кровь во мнѣ выпитъ!.... *Пафъ-пафъ, дымъ-дымъ* начинаютъ слышаться, а я турокъ бью.... Да здравствуетъ мой мечъ!»

6. Ваятіе Триполицы.

«День былъ дождливый, а ночь снѣжная, когда двинулся къ Триполицѣ Кямилъ-Бей. Ночью онъ осѣдлаетъ свою лошадь, ночью и подвуетъ её. — Дорбгой онъ молитъ Бога и говорить: *Дай Богъ, чтобъ въ Триполицѣ засталъ я городскихъ старшинъ и архіереевъ; они съяли-бы на свою отвѣтственность гражданъ; не то въ городъ подымутъ оружіе и соединятся съ клефтами!* — Пока онъ прибылъ, греки окружили крѣпость, стѣснили турокъ и отчаянно съ ними сражались. За укрѣпленіемъ взговорилъ Колокотрони Кямилъ-Бей: *сдайся намъ (колокотронцамъ) — и я дарую жизнь тебѣ, дѣтямъ твоимъ, заремамъ и всему роду твоему....*

— *Съ радостію сдаемся вамъ, Грекамъ и Капетанамъ!* — сказала Кямилъ.... Но вдругъ Баши закричалъ изъ бастіона: — *Не сдадимся вамъ, ягуры, поганые греки: у насъ есть защита, — твердилъ крѣпости. Падите въ Стамбулъ и его грозныя раты. Всякій турокъ изрубить васъ ятаганомъ по пяти, ружьемъ убьетъ по десяти, по пятнадцати конемъ вытопчетъ, изъ-за крѣпости вдвое больше того васъ уничтожитъ.*

— *Теперь-же узнаете, заремьмъ Колокотрони, — греческія сабли и винтовки клефтовъ; увидите, какъ прыжутся греки съ турками!.....*

«Было утро въ пятницу, лучше-бъ ему для турокъ не бывать, когда греки рѣшились напасть на крѣпость. Они, какъ орлы взвились, какъ коршуны налетѣли, и выстрѣлили изъ всѣхъ своихъ ружей. Тогда Колокотрони закричалъ своимъ изъ воротъ св. Георгія: — *Бросайте ружья, берите сабли, заюайте турокъ, какъ овецъ!*

«Греки ихъ погнали и заперли въ крѣпости. Тутъ Кехайя сказала Колокотронн: *Ружь турокъ да и оставь кого-нибудь!*

— *Что ты болтаешь, поганый турокъ, щадилъ-ли ты бѣдную Востицу *), когда рѣзалъ нашихъ родныхъ!...*

*) Востница — городъ въ области Ахаія.

7. Пѣсня о Кямилъ-Бей.

«Взяли крѣпость, взяли цитадель, взяли Триполицу, славный городъ! На улицахъ плачутъ турчанки и дочери эмировъ, плачуть и ханымъ ¹⁾ бѣднаго Кямила:

— Гдѣ ты, что тебя не видно нигдѣ, мой ясный соколъ, мой пышный эфенди ²⁾, что былъ главой въ Морей, знаменемъ въ Кориней, крѣпкой башней въ Триполицѣ!.... Нѣтъ тебя въ Кориней, нѣтъ въ твоихъ сераяхъ! Греческій ножахъ зажегъ твои палаты. Тоскуютъ конюшни по лошадакъ, нечи плачутъ по аганъ ³⁾ своихъ, плачуть и жена бѣднаго Кямила: онъ въ плѣнъ на рабство рабаихъ своихъ достался.»

Греческое войско подъ предводительствомъ Колокотрони, Ипсиланти, Мавронихали и другихъ полководцевъ осадило Триполицу. Осажденные, терпя голодъ и пораженія, сдались. Греки ничѣмъ не могли насытить своего мщенія, заливая турецкою кровью пламя горящаго города. Между убитыми турками находился и Кямилъ-Бей коринескій, котораго прекраснымъ качествамъ души греки отдали полную справедливость, несмотря на фанатическое чувство ненависти къ туркамъ, волновавшее ихъ въ то время.

8. Навплия.

«Три турчанки сидѣли у воротъ Навплии, плакали и говорили: настало горькое время, къ намъ двинулись Клефты и Маниоты ⁴⁾ и — турки отъ нихъ заперлись въ крѣпостяхъ! Пусть

¹⁾ Ханымъ, — жена, госпожа.

²⁾ Эфенди — господинъ.

³⁾ Ага — чиновникъ, вачальникъ, господинъ.

⁴⁾ Маниоты, жители горъ округа Майвы, что въ Лаконіи на югъ Морейскаго полуострова, вародъ воинственный, хищный, грубый, и неукротимый.

это горе наше раздѣлить и самъ султанъ; пусть бѣдствія наши надутъ на визири.

— Зачѣмъ ты, Навплія, не веселишься, зачѣмъ не затѣваешь игру?

— Съ какого благополучія мнѣ радоваться: съ берега бьетъ меня князь, съ моря Бубулина; пули дождемъ, бомбы градомъ сыплются на меня.

— Навплія, отдай намъ городскіе ключи! Навплія сдайся!

— Какъ мнѣ дать вамъ ключи, какъ мнѣ сдаться? — ко нѣтъ идѣтъ вспомогательное войско: его семьдесятъ тысячъ, при немъ семь пашей. Войско идетъ защищать меня, жечь ваши города и сели, заставить плакать матерей вашихъ, опустошить Морею, вырѣзать клефтовъ, разсѣять маниотовъ, и тѣмъ обезопасить турокъ.....

— Навплія, отдай намъ ключи! Навплія, сдайся.... Ты отчаялась въ помощи.

— Какъ мнѣ отдать вамъ ключи, какъ сдаться? вѣдь я славна и знаменита; планъ мой имѣютъ въ Константинополѣ и въ Венеціи.

— Теперь 30 ноября, день св. Андрея. Христіане, что вы медлите, — войдите въ Навплію.

И Станкосъ съ паликарани какъ левъ вошелъ въ Навплію. Ниниче Паламида¹⁾ для грековъ игрушка; Крѣпость²⁾ и Паламида теперь греческія....»

9. Смерть Дьякона.

«Идетъ большая черная туча, какъ воронъ. Не Каливасъ-ли это, не Левендоянн-ли?... Нѣтъ, не Каливасъ и не Левендоянн: — это идетъ Омеръ-Вриони съ восемнадцатью тысячами турокъ. — Увидѣвъ это Дьяконъ разсердился и громко подо-звалъ къ себѣ своего помощника.

— Собери паликаровъ моихъ, дай имъ пороху вволю, и пулей горстями. Поспѣвшимъ сойти къ Аламанѣ: — тамъ есть удобныя засады, тамъ сильныя укрѣпленія.

Взявъ сабли лёгкія и ружья тяжёлыя, они пришли къ Аламанѣ и заняли укрѣпленія.

¹⁾ Паламида — крѣпость на горѣ у Навпліи.

²⁾ Крѣпость эта называется вѣрѣпостію св. Феофора. Она возвышается на берегу Навплійской пристани.

— Мужайтесь, дѣти мои, укрѣпитесь духомъ, и твердо стойте, какъ греки.

Но пахивары струоники и рассыпались по лѣсу. Остался Дьяконъ на полѣ съ восемнадцатью бойцами, въ огнѣ перестрѣлки. Три часа они сражались, но вдругъ у Дьякона лопнуло ружье и рассыпалось въ дребезги; онъ схватить мечъ и вновь на враговъ бросился, зарѣзалъ семь Будукъ-Башей¹⁾ и много, много турокъ.... Но и сабля его переломилась у рукоятки, и—Дьяконъ достался живымъ въ руки враговъ. Тутъ Омеръ-Вріони сказалъ ему на ухо:

— Перемѣнишь-ли ты вѣру Дьяконъ, сдѣлаешься-ли туркомъ и будешь-ли ходить на поклоненіе не въ церковь, а въ мечеть?

На эти слова съ яростью отвѣчалъ ему Дьяконъ:

— Пропадите вы съ своею презрѣнной вѣрой! Я гревомъ родился, я грекомъ и умру... А если хотяте, даю вамъ тысячу золотыхъ и тысячу махмуде²⁾, за шесть дней моей жизни, пока придутъ сюда Одисей и Аоанасій Вайи³⁾.

Услышавъ эти слова Халиль-Бей заплавать отъ злобы.

— Я тысячу кошельковъ⁴⁾ даю вамъ и къ нимъ еще пятьсотъ прибавлю, только умертвите Дьякона, ужаснаго клефта: онъ опасенъ Турціи и Дивлету ея⁵⁾.

Вдругъ турки схватили Дьякона, и бросили его на костеръ, но Дьяконъ смѣлся и ругался надъ мусульманской вѣрой.

— Поганые! хоть вы меня испекли на вертелѣ, но только однимъ гревомъ стало меньше.... Да здравствуютъ Одисей и валетанъ Никита:—они уничтожатъ васъ и Дивлетъ вашъ!>

Дѣйствіе повѣствованія о Дьяконѣ происходитъ въ Левадіи, во время произведеннаго имъ первоначальнаго возстанія левадійскихъ грековъ. Омеръ - Вріони, нѣког-

¹⁾ Будукъ-Баша начальники отрядовъ.

²⁾ Махмуде — монета султана Махмуда.

³⁾ Полководцы греческіе.

⁴⁾ Въ Турціи считаютъ количество монеты известнымъ родокъ и величиною кошельковъ.

⁵⁾ Дивлетъ—правительство; лексикологически значитъ: благополучіе.

да свирѣлый исполнитель злодѣйскихъ замысловъ Али-Паши, непримиримый врагъ Одиссея и Дьякона, соединясь за горою Пиндомъ съ войскомъ, выступившимъ изъ Эпира подъ предводительствонъ Мухаммеда, напалъ на Дьякона, занимавшаго позицію у Сперхиі съ пятьюстами ратниковъ. Греки отступили къ Аламантѣ, гдѣ противустали туркамъ подъ прикрытіемъ укрѣпленнаго моста, предполагая въ случаѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ отступить къ Термопильскимъ ущельямъ.

10. Храбрый Йоргаки.

«Многія матери грустятъ и утѣшаются, по мать Йорги печалится безъ утѣшенія. Сидитъ у окна, пристально смотритъ на поле, и видитъ, что въ горахъ чернѣютъ глыбы снѣга.

Чернаго Йорги окружили невѣрные Лален: ихъ было не мало: ихъ было около трехъ тысячъ, а Григорій одинъ съ двѣнадцатью палкарами.

Дервисъ - Арабъ взговорилъ изъ завала:

— Выйди сюда, Йорги, поклонись намъ, отдай оружіе!

— Я, Григорій, сынъ Яви! Я смогу отбиваться отъ васъ и съ 12-ю палкарами...

Тутъ Макропанагисъ закричалъ изъ-за-холма:

— Не переставай биться, Йорги: — я на помощь къ тебѣ приду съ двумя или тремя тысячами палкаровъ.

— Къ чему, дядя, два или три дни стоятъ мнѣ противъ нихъ безъ воды, безъ хлѣба, безъ помощи!... Ето скорѣ на ногахъ? Ето сумѣетъ пройти въ Трикорфу *) сказать моею новобрачной Йоргинѣ, чтобъ она успѣшила переменить свое блестящее платье, чтобъ больше золотомъ себя не украшала...

И Йорги убилъ.»

Йоргина значитъ жена *Георгия*, такъ-какъ *Лякина* жена *Лако*; у русскихъ тоже жена называется по мужу, — напримѣръ: *Иваниха*, и т. п.

*) *Трикорфу* — гора и селцо близъ Триполицы.

II. КЛЕФТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Слово *клефта* значитъ воръ *), но въ горныхъ частяхъ Греціи оно принимается въ значеніи слова *казахъ*. Во время владычества турокъ въ Греціи, только клефты и ариатолы могли носить оружіе. Клефты, обитая въ горахъ и не признавая надъ собой никакой власти, носили его безъ всякихъ условій, арматолы-же, составляя родъ греческаго зеискаго войска, — по условію съ турецкими и албанскими папами. Названіе *Арматолъ* произошло отъ времени владѣнія венеціанъ надъ нѣкоторыми областями Морей, что доказываетъ латино-итальянскій составъ сего слова (*arma* и *tollo*). Отъ береговъ Андара до Коринѳа, почти въ каждомъ значительномъ городѣ жилъ капетанъ арматоловъ со своими капетанато (полкъ). Диванъ сначала не довѣрялъ управленію Эпиромъ албанцамъ, племени враждебному грекамъ, дабы предотвратить возмущенія; но видя, что и безъ того греки неспокойны, сталъ назначать съ 1740 года для управленія Эпиромъ пашей албанскихъ, которые назывались *Дервенджи-башами*, т.-е. *охранителями дорогъ* или собственно ущелій отъ клефтовъ, затруднявшихъ на пути административныя и торговныя сношенія турокъ съ Греціею. Капетаны арматоловъ и арматолы дѣлались агами или рядовыми въ полкахъ дервенджи-башей, впрочемъ большею частью держа сторону угнетаемыхъ грековъ. Капетанъ арматоловъ вслѣдствіе притѣсненій и несогласій съ дервенджи-башами бѣжалъ въ горы, дѣлался клефтомъ и былъ тамъ внѣ всякихъ условій съ турецкимъ правитель-

*) Κλέφτης, κλέπτης. По-турецки — *Хирсимъ* (разбойникъ).

своихъ, не переставая тревожить его наѣздами, такъ вредными для албанцевъ, турокъ и даже для самыхъ городскихъ и сельскихъ грековъ, что было главнымъ предметомъ пропитанія клефтовъ. Живя грабежомъ, клефты, въ случаѣ необходимости, присылали въ какой-либо городъ или селеніе листъ, въ второмъ просили отъ жителей дани, или хлѣба; въ случаѣ-же отказа, они дѣлали нападенія на городъ или село, зажигали его, и вооруженною рукою отнявъ у жителей имущество, уходили въ горы, откуда только снѣгъ, разлившись весною въ стремительные потоки, сгонялъ ихъ въ степи. Это время было труднымъ для клефтовъ: они принуждены были открыто воевать съ неравною силою албанцевъ. Поселившись въ горахъ, они жестоко мстили албанцамъ за пораженія: жгли ихъ селы, угоняли въ горы скотъ, полонили ихъ пашей и беевъ, и только за непомѣрно-дорогой выкупъ отпускали ихъ. Клефты, жестоко муча плѣнныхъ албанцевъ, неистовыхъ враговъ своихъ, не могли насытиться местию; но съ плѣнными женщинами они обходились кротко и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, не считая доблестію мстить слабому полу. Клефты, не зная никакой тактики, болѣе наѣздничали, чѣмъ воевали, и постоянное удальство было единственною цѣлю ихъ жизни, повседневымъ предметомъ ихъ разсказовъ и пѣсенъ. Они родились, жили и умирали въ шумѣ битвъ. Дѣти ихъ, обоего пола, съ семи лѣтъ постоянно носили оружіе. Посмотрите на атлетическія формы паликара (молодца, удальца), залитаго въ панцырь, обвѣшеннаго оружіемъ, и вы узнаете въ немъ Аякса Илиады; посмотрите, какъ клефтъ догоняетъ и опережаетъ на всемъ скаку бѣгущую лошадь, вы скажете, — это «быстроногій Ахиллесъ» древняго эпоса, это герой олимпійскихъ игрѣщъ. Постоянно дѣя-

тельная жизнь клефтовъ, частыя гимнастическія и военныя упражненія дали имъ въ высшей степени совершенное физическое образованіе. Капетанъ клефтовъ Ниво-Царъ съ разбѣгу перепрыгивалъ черезъ семь копей, поставленныхъ въ рядъ на извѣстное разстояніе. Искусство стрѣлянія доведено у клефтовъ до изумительнаго совершенства. Нѣкоторые изъ нихъ, выстрѣливъ въ кольцо, висащее на деревѣ на разстояніи 200 шаговъ, могутъ пропустить пулю въ кольцо, окружность котораго немного болѣе окружности пули. Жилища клефтовъ и поприще ихъ удалства, наѣвдовъ и войнъ— горы Тессалии, Эпира, Этоліи, Аварнани, Фокиды, Локриды, Левади и горы Майны, находящіяся на южной оконечности Морен. Гора Олимпъ — ихъ важное, такъ сказать, ихъ столичное мѣсто.

Въ женщинахъ клефтохорій замѣтно разительное сходство съ древними спартанками, онѣ раздѣляютъ всѣ боевыя труды мужей своихъ. Внѣшній характеръ дѣятельности мужчинъ и женщинъ почти одинъ и тотъ-же: то-же презрѣніе къ жизни, та-же любовь въ свободѣ и родинѣ, такой-же стоически-варварскій характеръ, содержащій въ себѣ много дивой «поэзіи». Убитый на войнѣ называется у нихъ *жертвою*, умершій естественною смертью, — *надалю*. Клефты при заздравномъ бою вина такъ цвѣтствуютъ другъ друга: *будь здоровъ для доброй пули*. Клефтъ въ битвѣ, въ случаѣ необходимости, проситъ товарища, чтобъ онъ ему срубилъ голову, пока еще не успѣлъ срубить ее турокъ. Вотъ черты, ясно выражающія ихъ идею о жизни... И вся эта жизнь проявляется въ ихъ пѣсняхъ...

Музыка греческихъ пѣсенъ намъ, европейцамъ, кажется несладною, однообразною и дикою, не оттого-ли, что жизнь, выраженная подобными звуками, совершенно

чужда намъ; не оттого-ли, что звуки чисто-особеннаго чувства этихъ пѣсней никогда не пробѣгали по струнамъ нашего сердца. Не оттого-ли мотивъ кельтическихъ пѣсенъ намъ кажется однообразнымъ, что наше внутреннее чувство не такъ тонко и привычно, чтобы заимѣть неуволнимое для насъ разнообразіе въ однообразіи мотива греческаго, проникнутаго одною музыкальною идеею, какъ самая жизнь, выраженная въ этихъ пѣсняхъ, постоянно проникнута однимъ свойственнымъ ей чувствомъ.

Какъ у древнихъ, у нынѣшнихъ грековъ есть рапсодисты, это — старики, скитальцы, бродячіе изъ города въ городъ, изъ села въ село: всякій праздникъ, всякая ярмарка не обойдется безъ присутствія на нихъ рапсодистовъ. Содержаніе пѣсней преимущественно взято изъ жизни кельфовъ. Рапсодистовъ—два рода: одни поютъ только пѣсни старинныя и новыя, сложенныя другими, и знаютъ этихъ пѣсней множество; другіе тоже поютъ старинныя пѣсни и сами импровизируютъ новыя на всякое событіе. Импровизаціи одного изъ рапсодистовъ, Гавояни (слѣпого-Ивана), жившаго постоянно въ Фессаліи, у горы Киссава (Оссы), въ городѣ Амбелакіи, отличаются своимъ поэтическимъ содержаниемъ и приняты народомъ, какъ достояніе духа народнаго.

Вотъ данныя, показывающія, что жизнь современныхъ грековъ, подобно какъ и у древнихъ, неразлучна съ искусствомъ, хоть далеко не въ такой степени. Совсѣмъ тѣмъ можно вооружиться противъ общаго невыгоднаго мнѣнія о греческой музыкѣ, которая не должна быть лишена художественнаго такта, сокровеннаго и непонятнаго безъ глубокаго изученія, которое, отдѣливъ отъ нея позднѣйшій азіатскій прививъ, можетъ-

быть, утадало-бы въ ней стихіи древней музыки, совершенно для насъ неизвѣстныя.

У клефтовъ нѣсколько болѣе въ извѣстномъ отношеніи сохранились остатки древней греческой народности, нежели у другихъ грековъ, потому что жилища клефтовъ — влѣтохоріи, ограждены самою природою отъ сношенія съ иностранцами и недоступны завоевателямъ. Притомъ духъ самыхъ обитателей горъ, клефтовъ, вѣчно-враждебный, постоянно дѣятельный, хищный и дикій, никому не можетъ позволить очертить ему извѣстный кругъ дѣятельности и заключить его въ извѣстныя формы. *Бродячіе народы* среднихъ вѣвовъ, крестonosцы и венеціане не имѣли на клефтовъ таковаго вліянія, какое они имѣли на напольныхъ жителей, которые переняли у нихъ формы общественности, духъ торговли, архитектуру и допустили въ языкъ свой итальянскія слова. Наприм. итальянское porta — дверь замѣнило древне греческое, — *ἄρρα*. — Впрочемъ, успѣхи литературы въ современной Греціи совершенно очистили языкъ, сблизили его, сколько было можно, съ древнимъ языкомъ. Иностранецъ, знающій только одинъ древній греческій языкъ, легко можетъ читать современные греческіе журналы и книги, благодаря плодамъ благородныхъ усилій новогреческихъ ученыхъ и писателей.

Не такова, какъ напольныхъ грековъ, народность клефтовъ, сходная болѣе съ народностью славянъ (преимущественно сербовъ и черногорцевъ) и албанцевъ, вторыхъ жизнь и обстоятельства были почти однѣ и тѣ же. Нѣкоторыя греческія пѣсни даже совершенно одинаковы по содержанію и по эпическимъ выраженіямъ съ пѣснями сербовъ.

1. Два брата.

«Купецъ сходилъ съ горъ, веда за собою двадцать семь муловъ. Вдругъ среди дороги напали на него клефты, остановили муловъ, чтобы развьючить ихъ и посмотрѣть, нѣтъ-ли чего спрятаннаго подъ мѣшками. Тутъ купецъ сталъ просить клефтовъ, чтобы они не развьючивали муловъ.

— Не развьючивайте муловъ: грудь моя надорвалась отъ безпрестаннаго навьючиванія и развьючиванія ихъ.

— Видите! — сынъ пса! онъ не оплачиваетъ жизнь свою, а безповоится о нуляхъ..... Гдѣ вы, мои паликары, закричалъ капетанъ, приведите его ножомъ, пусть онъ останется на мѣстѣ. Паликары сжалились надъ купцомъ, онъ былъ храбръ, но самъ капетанъ, какъ разъяренный левъ на него бросился, обнажилъ кинжалъ и ранилъ его въ бокъ. Купецъ глубоко вздохнулъ и простоналъ:

— Гдѣ отецъ мой, пусть посмотритъ на меня? Гдѣ мать, пусть оплачетъ мою горькую долю....

— Скажи, откуда мать твоя, я хочу написать къ ней письмо?

— Мать моя изъ Артвини, отецъ мой изъ Кандіх; еще есть и братъ, но онъ гдѣ-то разбойничаетъ.....

Капетанъ вздрогнулъ, судорожно схватилъ купца въ объятія и понесъ его къ лекарямъ.

— Вы излечивали многихъ смертельно раненныхъ, излечите и этого юношу—моего брата.

— Мы вылечивали многихъ тяжело-раненныхъ, но такую рану, какая у него, никто не вылечитъ.

Умпрающій просилъ брата, чтобы капетанъ взялъ его муловъ.

— Возьми муловъ нашихъ, отведи ихъ къ отцу.

— Какъ мнѣ сказать отцу, какъ мнѣ сказать бѣдной матери, что я зарѣзалъ брата и привелъ его муловъ!.....

2. Кътцо и мать его.

«Мать Кътцо слѣла на берегу рѣки, и бранила рѣку, бросая въ нее камни:

— Изсохне, рѣва! уйди назадъ, рѣва, чтобъ я могла перейти на другую сторону, въ Клефтохорію, гдѣ собираются клефты....

Китцо поймали и ведутъ его вѣшать: тысяча турковъ идутъ впереди его, двѣ тысячи за нимъ, и мать вся въ черномъ, плача я приговаривая:

— Китцо, гдѣ твое оружіе, гдѣ твоя разбросанная збура?!...

— Глупая мать, безчувственная мать! ты не оплакиваешь печальную юность мою, мое молодечество, а жальнешь о разбросанной збураѣ моей, объ утраченномъ оружіи....»

3. Никко-царь.

«Ниво-царь и его паликары воюють съ тремя городами: съ Сихной, Хайдакой и съ бѣдною Правой. Три дня они воюють, три дня и три ночи; снѣгъ ѣдятъ, снѣгъ пьютъ и грѣются у огня. И вотъ подозвалъ въ себѣ Никко четырехъ паликаровъ.

— Слушайте, моя паликары! Васъ мало, но вы храбры. У васъ желѣзные сердца и чугуныя груди... Завтра отворемъ огонь противъ турковъ, возьмемъ и растопчемъ Праву.....

Межъ тѣмъ турки заняли дорогу и приближались къ мосту.

Воспымалъ яростію Никко, и оторвалъ отъ пояса цѣпь съ дамасскимъ винжаломъ. — Увидя это турки разбѣжались, оставивъ позади себя Праву.»

4. Ляко.

«Сдайся, Ляко, пашѣ и визирю, коли хочешь быть первымъ Арматоломъ и аюю деревеноев. — На это Ляко отвѣчалъ имъ: — пока Ляво живъ — пашѣ не покорится. У него паша — сабля; у него визирь — ружье....

Услышавъ это Али-Паша разгнѣвался и написалъ приказъ Вели-Гвекѣ-арматогу и всѣмъ городамъ и сѣламъ, чтобъ они представили ему Ляко живого, или хоть голову его. И, выступивъ Вели-Гвекъ преслѣдовать клефтовъ. Онъ засталъ ихъ въ гѣсу на сборныхъ мѣстахъ, — и битва вспыхнула. — Изъ за-сады вскричалъ Кодвоаяуши:

— Мужайтесь, дѣти мои, сражайтесь!... И Ляко первый выбѣжалъ съ кривою саблей въ зубахъ.

День и ночь клефты дерутся; три дня и три ночи длится битва.

Плачут жены албанцевъ, одѣтыя въ червыя платья. Мустафа былъ раненъ въ руку и въ ногу, Вели-Гьека возвратился, плавалъ въ крови.»

Пѣсня начинается тѣмъ, что Ляко читаетъ письмо отъ Али-Паши.

Ляко былъ капетаномъ клефтовъ въ горахъ Аграфскихъ.

5. Жена Ляко.

«Я видѣлъ, какъ трепетала жена Ляко, когда пять арнаутовъ её держали, а три пучили.

— Лякина, сдѣлаешься-ли турчанкой? выйдешь-ли замужъ за турка!

— Лучше хочу увидѣть, какъ вся кровь изъ меня исочится и обогреть землю, чѣмъ видѣть турка цалующаго мои очи.

Сказавъ это, она больше ничего не сказала.

Вотъ бѣжитъ Ляко съ саблею въ рукахъ, и валятся головы турковъ и арнаутовъ. Прибѣжавъ, онъ взялъ жену свою и пошелъ въ горы.»

6.

«Ступайте, посмотрите, братцы! — Внизу деревни Вальтоса, въ Ксеромерѣ, Аграфѣ и въ пяти городахъ есть много клефтовъ, и всѣ они одѣты въ золото... Сидятъ, пьютъ, ѣдятъ, Артѣ¹⁾ угрожаютъ. Смиряются предъ своимъ архiereемъ и пишутъ грозное письмо, гдѣ плюютъ въ бороду кади, и еще пишутъ одно письмо въ самое Комботи²⁾: *«Обсудите-ко хорошо: вѣдь мы будемъ жечь города. Поскорѣе собирайте арматоловъ: вѣдь мы будемъ рыскасть какъ волки.»*

1) Арта — городонъ у Амвраникосекаго залива не въ дальнемъ разстояніи отъ Сулы. — Это плясовая пѣсня клефтовъ.

2) Комботи, греческое село въ 60 верстахъ отъ Арты.

7. Стеріо.

«Ничего, что арнауты облегли границы; ничего, что чалмы ихъ бѣдуются изъ-за холиновъ: — пока Стеріо живъ, онъ смѣется надъ этими угрозами, онъ трунитъ надъ турками и пашами!...

«Слѣшнмъ въ берлоги волковъ! Пусть боятся за жизнь рабы, что живутъ на равнинахъ:... Намъ лучше тамъ, гдѣ болотн, гдѣ торчатъ пустынные свалы. Намъ лучше жить съ войсками, чѣмъ съ турками....»

Стеріо кажется былъ капетанъ ѳессалійскихъ влѣфтовъ.

Сульйотскія пѣсни.

Въ концѣ XVII вѣка, пастухи Албаніи, христіанскаго вѣроисповѣданія, терпя непрестанныя притѣсненія отъ начальниковъ Эпира, удалились въ неприступныя горы, находящіяся на югъ отъ Янины и прилегающія къ Іоническому морю, гдѣ составивъ маленькую республику, расположили свои села по скатамъ и на вершинѣ горы Сули. На всякой милѣ отъ села они построили башни и бойницы для защиты отъ турецко-албанскаго войска. Семь этихъ селъ были неприступны и едва замѣтны снизу по высотѣ своего положенія. Али, паша Янинскій, желая изъ политическихъ видовъ уничтожить ненавистное и опасное для него Сули, долго не успѣвалъ въ своемъ предпріятіи и терялъ напрасно капиталы и войско; наконецъ, въ 1804 году, поручивъ начальство надъ войскомъ албанцевъ, осаждавшемъ Сули, сыну своему Алего, взялъ и разрушилъ жилища сульйотовъ, часть которыхъ, оставшаяся въ живыхъ, докончивъ раяореніе родныхъ пепелищъ, разошлась по горнымъ частямъ Греціи. Двѣ слѣдующія сульйотскія пѣсни довольно высказываютъ характеръ этого племени.

8. Моско.

«На перилахъ моста Али сидѣла ранняя пташка я пѣла, Али-Пашѣ своею пѣсней говорила: — Здѣсь тебѣ не Янина, чтобъ строить фонтаны, здѣсь тебѣ не Провоза, чтобъ соорудить башни — здѣсь Сули, повитыхъ лаврами храбрнхъ, гдѣ сражаются старики, женщины и дѣти, гдѣ жена Цавели храбро защищаетъ село и воспаменяетъ храбрость въ мужчинахъ: она держитъ карабинъ въ лѣвой, саблю и малютку своего въ правой рукѣ, а въ передникѣ держитъ патроны.»

9. Деспа.

«Раздается тяжелый стонъ; греинтъ пальба изъ ружей. Не на свадьбѣ-ли это палать, не на пирушкѣ-ли? — Нѣтъ, это стрѣляеть въ албанцевъ Деспа съ своими невѣстками и внучатами.

Албанцы, окруживъ её въ башнѣ, сказали ей:

— Йоргина, брось оружіе, сдайся. Вѣдь это тебѣ не преее Сули. Теперъ ты въ плѣнъ взята, плѣнница наши и албанцевъ.

Деспа имъ отвѣчала:

— Хотъ Сули вамъ сдалось, хотъ Кыфа намъ измѣнила, но Деспа никогда не признавала и не призываетъ васъ своими господами!

Взявъ въ руки горящую головню, Деспа призвала невѣстокъ и дочерей, и сказала имъ:

— Чтобъ не быть рабами турковъ — идите за мною.....

Тутъ она бросила горящую головню на порохъ и вмигъ всё разрушилось, всё пошло на воздухъ.»

Происшествіе пѣсни „Моско“ относится къ 1792 году, когда съ Али-Пашею Янинскимъ воевалъ капитанъ сулейотовъ, Ламбросъ-Цавело. Жена его Моско, видя, что албанцы уже завладѣли одною башнею, и не теряя присутствія духа, выломала двери другой, вошла въ неё съ прочими женщинами и такъ успѣшно отстрѣливалась, что албанцы принуждены были отступить.

Пѣсни о *Деспѣ* относятся въ послѣднимъ днямъ Сули. Турки, преслѣдуя сульйотовъ, вошли въ село Реніасъ и начали мучить въ немъ женщинъ и дѣтей; между тѣмъ Деспа, жена сульйота Йорги Бодиса, запершись въ башнѣ Димула съ семью женщинами и семью дѣтьми, отстрѣливалась отъ осаждавшихъ ея арнаутовъ.

10. Нанно.

«Вечеромъ пошелъ Нанно въ торы, блистающія снѣгомъ, и утромъ съ зарею созвалъ къ себѣ 3,000 хабрыхъ.

— Ко мнѣ, какъ въ чересу, во мнѣ отъ младенческихъ лѣтъ! Клефтъ не слушаетъ совѣтовъ старика: ему не нужно ни пастуха, ни охотника, ему нуженъ паликаръ съ ружьемъ, съ ятаганомъ, съ сердцемъ львинымъ, а не птичьимъ.... Туда отъ насъ два дня пути, но мы можемъ пріѣхать въ одну ночь. Тамъ серебряные рога мечети блещутъ подъ небомъ, тамъ полныя кладовыя: — ихъ сторожить дряхлый старикъ. Близъ мечети, на шесть прыжковъ серны, стоитъ замокъ, старый, какъ Божій міръ, — а госпожа замка красива, какъ цвѣтовъ. На дворѣ у ней мало слугъ и кучи золота въ кладовой.

— Здравствуй Нанно! — скажетъ госпожа, милости просинь паликары! — Здравствуй, прекрасная кувона! Вамъ паликары и золото, и кладовыя и дѣвушки, а сама кувона для Нанно!...»

11. Христо Милони.

«Сядутся три пташки на верхушкѣ дерева: одна смотритъ на Вальтосъ, другая на луга Армиры, а третья поѣтъ грустную жалобу:

— Прохожій, отчего нѣтъ Христо Милони ни въ рощѣ Криаврисисъ, ни на поляхъ Вальтоса?

— Птичка, спроси у горъ Аграфа, спроси у Арты.

— Кадіа и двухъ агъ Христо взялъ въ полонъ. Муслимъ, узнавъ объ этомъ, позвалъ стражу и сказалъ Солиману:

— Слуга, хочешь-ли полваго череса денегъ, — цѣлуй этотъ фирнанъ султана, гдѣ велѣно въ телгѣ Солимана доставить

ему голову Христо. Иди въ пятницу и сдѣлай свое дѣло по молодечки.

Въ пятницу пошелъ Солиманъ на погибель Христо Милони и въ Армирѣ ужь братски обнимался съ нимъ. Они всю ночь пили до свѣта.

Разсвѣтомъ, возвращаясь чрезъ Армирское болото, Солиманъ сказалъ Христу:

— Христо! какую змію обогрѣлъ ты на груди своей. Аги на моей телѣгѣ будутъ искать голову твою...

— Нѣтъ, Христо не поддастся турвамъ пока живъ. Прощай Солиманъ, до свиданья въ могилѣ....

Они прицѣпились, выстрѣлили и пали другъ подлѣ друга.

Въ послѣднихъ двухъ пѣсняхъ упоминается слово *чересъ*: греки, въ особенности клефты зашиваютъ деньги въ поясъ и носятъ ихъ при себѣ.

Для бѣльшаго уразумѣнія клефтскихъ пѣсней, я привожу лучшія изъ нихъ въ поэтическихъ переводахъ: *Н. И. Гиндича* и *г. Еротопопова*.

12. Олимпъ.

« Заспорили горы, Олимпъ и Киссавъ,
И первый за сабли, за ружья другой,
Олимпъ обернулся къ Киссаву шумить:
Молчи, и во прахъ сиди ты, Киссавъ,
Не разъ осверненный коняра ногой!
Я славень въ подлунной, Олимпъ и сѣдой!
Высокъ я, на мнѣ соросъ двѣ головы;
Я шумень, струю шестьдесятъ два ключа:
Гдѣ ключъ лишь, тутъ знамя гдѣ, дерево, — клефтъ.
Сидить у меня на вершинѣ орель,
Въ когтяхъ у орла — голова храбреца.
Клюётъ онъ её и спрашиваетъ:
— Что сдѣлала ты удалая глава,
За что и какъ у грѣшнаго срублена съ плечъ?
— Съдай мою молодость, птица-орель,
Съдай мою храбрость; твои подростутъ

И крылья на локоть, и когти на пядь!
 Въ Ксеромерѣ, въ Луру я былъ арнатолъ
 И клефтъ на Олимпѣ двѣнадцать годовъ.
 Сто агъ истребилъ я, сто селъ ихъ сожегъ,
 А турокъ, албанцевъ, положенныхъ мной...
 Ихъ множество птица, и счета имъ нѣтъ.
 Но жребій пришелъ мой — легъ въ битвѣ и я!»

13. Гробъ Клефта.

«Садилось солнце, а Димъ свой завѣтъ говорилъ:
 Подите вы, дѣти, па ужинъ пора за водой;
 А ты, мой племянникъ, саднея, Ламправисъ, ко мнѣ.
 Тебѣ моя сбруя, одѣнся и будь капитанъ;
 А вы, мои храбрые, саблю мою спроту
 Возьмите и мнѣ нарубите зеленыхъ вѣтвей;
 Другіе подите, сыщите священника маѣ.
 Въ грѣхахъ я покаюсь, а много ихъ на душу бралъ:
 Арматоломъ тридцать, а клефтомъ я двадцать былъ лѣтъ;
 Но смерть наступаетъ, а мирно хочу умереть.
 Постройте мнѣ гробъ, но чтобъ былъ онъ широкъ и высокъ,
 Чтобъ стоя мнѣ прямо, сражаться и въ турокъ стрѣлять.
 На правую сторону сдѣлайте въ гробъ окно,
 Чтобъ ласточки мнѣ прилетали весну возвѣщать,
 Чтобъ красный мнѣ май воспѣвали пѣвцы-соловьи.»

14. Скиллодижъ.

«Подъ зелеными елями ужинать съгъ Скиллодимъ,
 И вино наливать при себѣ посадилъ онъ Ирену.
 — Наливай нѣтъ, красавица, пить, наливай до утра,
 До восхода денницы, какъ ты, полонянка, румяной.
 Поутру я тебя отпущу съ налихарами въ домъ.
 — Не рабыня я, Димъ, чтобъ вино для тебя наливать,
 Я не вѣстка Проеста, я дочь городского Архонта!...
 На зарѣ, на разсвѣтѣ, два, лѣсомъ, прохожихъ идутъ,
 Съ бородами заросшими, съ черными лицами оба;
 Въ Скиллодиму подходятъ, привѣтствуютъ оба его:
 — Скиллодиму день добрый. — Добро пожаловать! Кто вы?»

Да и какъ вамъ, прохожимъ, извѣстно, что я Скиллодимъ?
 — Принесли мы поклонъ Скиллодиму отъ Спироса брата.
 — Отъ любезнаго брата? но гдѣ вы видали его?
 — Мы видали его въ Янинѣ, въ глубокой темницѣ;
 По рукамъ и ногамъ онъ заклепанъ желѣзомъ сдѣлъ. —
 Зарыдалъ Скиллодимъ и съ тоски нобѣжалъ отъ прохожихъ.
 — Воротись Скиллодимъ! ты отъ брата бѣжишь, капитанъ,
 Не узналъ-ли ты брата? Скорѣ обнять себя дай мнѣ! —
 И узналися братья и крѣпао они обнялись,
 Цѣловалися сладко, въ уста цѣловалися и въ очи.
 Взаговорилъ Скиллодимъ и любезному брату сказалъ:
 — Но саднѣя, братъ милый, садись и скорѣ повѣдай:
 И когда ты и какъ отъ албанскихъ избавился рукъ?
 — Въ одну ночь, отъ цѣпей свободивши и руки и ноги,
 Я рѣшетку сломалъ, я скакнулъ изъ окошка на топь,
 Я сыскалъ тамъ челнокъ, черезъ озеро — птицей проплылъ,
 И вотъ третія ночь, какъ взомелъ я на вольныя горы.

15. Голосъ наъ могилы.*)

Мы цѣлый день субботу и воскресенье пили,
 А въ понедѣльникъ утромъ вина у насъ не стало;
 И вотъ мнѣ капитанъ нашъ велѣлъ вина промыслить.
 Куда идти не зналъ въ странѣ мнѣ неизвѣстной:
 Я вышелъ на-удачу на первую тропинку,
 И привела тропинка меня на холмъ высокій.
 Смотрю кругомъ могилы, могилы паливаровъ.
 Одна была поодаль, отъ всѣхъ была въ сторожкѣ;
 Я шелъ и не замѣтя на голову ступилъ ей.
 И слышу подо мною земля вопить и стонеть.
 — Скажи, о чемъ ты стонешь, о чемъ ты вопишь могила?
 Земля-ли тебя давить, иль давить черный камень?
 — Нѣтъ, не тяжѣлъ мнѣ камень, не тяжела земля мнѣ;
 Но мнѣ тяжка обида, мнѣ тяжело оскорбленье:
 Меня ты обезглавилъ, на голову ступилъ мнѣ.
 И я, какъ ты, былъ молодъ, и я былъ паливаромъ;
 Гулялъ и я бывало при свѣтѣ лунной ночи.

*) Переводъ г. Протопопова.

III. ЭРОТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Эротическія греческія пѣсни почти всё поются голосомъ заувыннннъ, но не столь протяжнымъ, какъ влѣфтскія, чему способствуетъ игривая разстановка приемъ, краткость и неровность стиха въ количествѣ стопъ, что замѣтно въ большей части греческихъ эротическихъ пѣсней. Онѣ вообще нѣжны и пламенны, какъ цвѣты юга, какъ дыханіе южнаго вѣтра. Пѣсни содержанія эпическаго гораздо лучше пѣсной чисто-лирическихъ, которыя часто бываютъ сентиментальны. Пѣсни острововъ и сѣверной Мореи прекрасны по своей формѣ и по простому содержанію.

Музыка эротическихъ пѣсней, сохраняя азіатскіе мотивы, приближается въ европейской и имѣетъ тактъ.

1.

«Я птичка чужая... чужестранная птичка, преслѣдуемая охотникомъ! Гдѣ мнѣ сѣсть, гдѣ переночевать, чтобъ не погибнуть! — День вечерѣетъ, начинается темнѣть: — какъ мнѣ быть безъ пары, какъ мнѣ свить гнѣздо въ чужомъ лѣсу!... День гаснетъ; ночь клонитъ ко сну всякую птичку, а я дремлю и пару зову.... Чужая птичка! — смотрю, другія птицы спарованы, а я не знаю этого счастья. Лечу себѣ одна сиротинка: для меня нѣтъ нѣста, для меня нѣтъ гнѣзда. Я летаю, чтобъ найти мѣсто, гдѣ хоть-бы одинокой переночевать. На каждой вѣткѣ сидятъ спарованныя птички: онѣ меня не узнаютъ, онѣ меня томятъ отъ себя, и я не знаю, куда мнѣ дѣваться, какъ мнѣ быть, куда полетѣть, чтобъ не погибнуть! клонятся вѣтви, листья дрожатъ, гдѣ сидятъ птички, а я чужая, несчастная, я безъ гнѣзда!

«Брошенная своею горькою долею и странствованіемъ на волючіе тѣрны, я плачу и въ слезахъ провожу несносныя ночи...

«Вижу, одна выходитъ невооруженная, какъ охотникъ, держа въ одной рукѣ сѣти, сѣти серебряныя, а въ другой се-

ребриную вѣтву. Одежда ва ней бѣла и чиста, а вся она какъ нѣсяцъ голубой полуночи. Она, проходя, смотритъ на меня, вовѣтъ и пріятно говорить мнѣ:

«— Влети, птичка, въ мою вѣтву, чужая птичка, влети. Влети сюда, чужестранная, несчастная птичка, отдохнуть, переночевать, чтобъ не погибнуть!

«Птичка моя, будь моею, — я сдѣлаю тебѣ золотое гнѣздо, гдѣ ты позабудешь свои странствованія. Не безпокойся, что ты будешь взаперти, не бойся сдѣлаться рабою.... Лети ко мнѣ! Ты можешь пропасть на чужбинѣ. Я клятвой обещаю тебѣ свободу, ты всегда можешь оставить вѣтву и гнѣздо... Лети въ вѣтву, маленькая птичка! Вѣдь тебѣ негдѣ пріютиться: ты можешь погибнуть...

«Ея прелести, ея сочувствіе, ея сладкія рѣчи убѣдили меня и я, расширивъ крылышки, подлетаю къ ней, сажусь на ея золотую ручку и прежде, чѣмъ взошла въ вѣтву, я щипала ея сахарныя губки.....»

Это, сколько я замѣтилъ, любимая пѣсня грековъ. Она особенно отличается своимъ заунывнымъ, сентиментальнымъ и воющимъ мотивомъ.

2. Нечаянный бракъ.

«Снужу я себѣ въ одно утро и плету розовый снурокъ для моего Яни, для моего милаго, — взглянула на ближній холмъ и увидѣла, что птичка, елетѣвши съ дерева, сѣла на мой гребень и запѣла. Перья у ней были золотыя, пѣсня ея не была похожа ни на пѣсню соловья, ни на пѣсню жаворонка; но птичка запѣла голосомъ человѣчьимъ:

— Ты вижешь снурокъ для Яни, а Яни женится, онъ обрученъ съ другою.... Еще пройдутъ двѣ минуты и они соединятся и выйдутъ супругами изъ церкви.

«Я бросаю снурокъ, подбѣгаю къ окошку и вижу, что Яни ѣдетъ въ намъ изъ-за холма.... Яни меня бросаетъ! — и любитъ ли, полно, меня Яни! Какъ назвать его, я не знаю отъ снушенія! Розой назвать его нельзя, у розъ есть шипы. Лавронъ? — лавръ безъ благоуханія, хоть мой Яни свѣжъ, какъ молодая роза и враенвъ какъ лавръ.... О, я не найду ему приличное имя!

— Здравствуй цвѣтушая вѣтвь жасмина! Здравствуй серебряная вѣтвь тополи! Здравствуй сынъ счастливыхъ родителей, здравствуй, и принеси намъ счастье! Куда такъ стройно, такъ скоро ѣдешь, мое сердце?...

— Я нашелъ себѣ другую; когда ты хочешь, иди сейчасъ въ церковь. Долго я, долго былъ твоимъ рабомъ, теперь ты будь на свадьбѣ моей *дружкой*.

«Сказавъ эти слова, Яни ускакалъ, а она, блѣдная, задыхаясь вошла въ сосѣдній домикъ.

— Что съ тобой? ты страдаешь, ты не похожа на себя.... глаза такъ страшны, уста посинѣли....

— Какъ мнѣ не страдать, какъ мнѣ походить на себя, когда мой Яни женится на другой и хочетъ, насмѣшникъ, чтобъ я была его дружкой у наложки....

— Оботри напрасную слезу, брось пустое безповойство! Прибери лицо, какъ солнце, сдѣлай грудь луною, а черниа брови—какъ два крыла.... Пусть будетъ лобъ ясенъ и лицо весело.... Слѣши въ церковь, моя милая...

«Какъ ей сказали, она сдѣлала.

«Вотъ входитъ въ церковь:—позади молодыхъ блескъ и прелесть. Священникъ замолеъ, дьяконъ былъ удивленъ, у пѣвчихъ выпали ноты изъ рукъ, а Яни едва могъ выговорить:

— Что ты такъ скромна, что ты такъ робка!.... Ближе, прекрасная, ближе ко мнѣ! Дьяконъ, продолжай чтеніе, пѣвчіе пойте, а ты священникъ, и ты былъ молодецъ и уважаешь вѣрную любовь, когда ты истинный христіанинъ и посвященъ въ этотъ высокій санъ,—возложи вѣнецъ жени на чело дружки...»

3.

«Когда я брожу по берегу моря,—мой всегдашній спутникъ униніе. Когда увижу, какъ корабли равсѣкаютъ волны, я говорю самъ себѣ: кто счастливѣе пловцовъ!..

«Когда, морскія птицы-корабли, принесете меня на бѣлихъ крыльяхъ въ желанную пристань.... И въ тотъ мигъ, какъ ступлю на берегъ, ни на что я не взгляну, а какъ сама любовь, полечу къ своей возлюбленной и поцалую её въ сладкія уста и ланиты... До какихъ поръ ужъ инѣ стнать и вздыхать! Покуда мнѣ жить, страдая, далеко отъ милой!»

4.

«Бакая прекрасная луна, какой сладостный вечерь!... Тихо вѣтерокъ играетъ межъ кустарниковъ.— Посмотри на горлицу, какъ она порхаетъ у ручья, ища свою пару... Посмотри, они встрѣчаютъ другъ друга, дагуясь и обнимаясь крылышками.... Какія милыя птички, какіе невинные вздохи!.... О, если-бъ ты, жестокая, и мнѣ такую любовь показала ...»

5.

«Я хочу бросить этотъ многолюдный свѣтъ, я хочу удалиться въ пустынные горы, гдѣ буду питаться кореньями, гдѣ буду бороться со львами.... Я не могу минуты жить въ большихъ обществахъ, я не могу бороться съ сердцемъ столь непреклоннымъ!»

6. Харонъ и дѣвушка.

«Что мнѣ Харонъ, однажды сказала дѣвушка, — что мнѣ стрѣли его, когда у меня девять братьевъ и милый Костаки, красавецъ, владѣлецъ двухъ сѣлъ и четырехъ теремовъ!..»

«Услышавъ эти слова, Харонъ превратился въ ласточку, влетѣлъ къ ней въ окно и ранилъ её въ сердце.

— Мать дѣвушки! печаль помутила твои ясныя очи; ты плачешь и проклинаешь убійцу Харона:

— Харонъ, возврати мнѣ дорогое, единственное дитя мое!. Не убей матери его!....

«На разсвѣтѣ ѣхалъ съ горъ Костаки съ музыкою и пляскою, не спуская глазъ съ дома невѣсты.

— Не танцуйте, пласуны, перестаньте музыканты: я вижу крестъ на порогѣ ея домика!.... Худыя вѣсти! вѣрно изъ родни кто умеръ, теща или тестъ.

«Костаки поворотилъ лошадь въ сторону и поѣхалъ къ часовнѣ, прямо на кладбище. Увидѣвъ тамъ каменьца, онъ слѣзъ съ коня.

— Когъ на помощь! для кого ты, каменьщикъ, строишь могилу?

— Въ этой могилѣ будетъ поконяться молодая дѣвушка, что сегодня покинула мать, братьевъ и своего милаго Костаки-

красавца, владыльца двухъ селъ и четырехъ береговъ. Если хочешь быть свидѣтелемъ общей печали, поѣжай въ ближнюю деревню чрезъ этотъ вурганъ....

— Прощу тебя, дорогой каменщикъ, прибавь эту могилу еще на столько-же вдоль и въ-шпръ...

И выхвативъ изъ ноженъ золотой кинжалъ, Костаки вонзилъ его по рукоятку въ грудь себѣ — и обоимъ ихъ похоронили въ одной могилѣ и надмогильный кинарисъ повергъ ихъ обоимъ одною вѣтвюю.»

Харонъ здѣсь принимается въ смыслѣ *смерть*. Простонародье въ Греціи еще вѣритъ въ Харона.

7.

«Есть долина у обломка скалы, гдѣ гудитъ водопадъ; въ долину избушка, въ избушкѣ живеть старикъ со старухой, а съ ними дѣвица, какъ весна, и пѣсъ, какъ змѣя.

«Боже всемогущій! мнѣ не нужно свидѣтелей моего счастья: возьми къ себѣ старика и старуху.... Я въ то же мгновенье отравилъ-бы змѣю-собаку и взялъ-бы къ себѣ красавицу.»

8.

«Вижу её.... Она сидитъ облокотившись на руку, заплавана и гнѣвна.... Бьется мое сердце и я бѣгу въ ней.

— Чтѣ съ тобой, дорогая, ты скучна?

— И ты пришелъ, еще съ состраданіемъ, обманувъ меня!... Довольно, довольно.... Прочь лисица!

— Кто?— а тебя обманулъ, мой нарцисъ! и ты этому бреду вѣришь!.... Ктѣ разболталъ эти слетни!—если человѣкъ, пусть онъ, лжецъ, не проживетъ и двухъ дней; если солнце, пусть его облаво затмитъ; если звѣзда—пусть она погаснетъ..... Ахъ, твой поцелуй меня умертвилъ: повтори его еще, и я оживу.... и еще, и еще!....»

9.

«Помнишь-ли ты ту утреннюю звѣзду, что такъ чисто, такъ ярею горѣла на ночной лазури, когда мы, въ восторгахъ любви, влялись въ вѣрности и проклинали занимавшійся день?—Помнишь-ли ты синее море, когда колыбался въ немъ ликъ мѣ-

сяца, зыблемый вѣтромъ. Помыишь-ли то золотое мгновенье.... Кто-бъ ожидалъ, что этотъ нѣмой свидѣтель подслушаетъ и измѣнитъ намъ!

Зарница въ то же утро рассказала объ этомъ морю, море рассказало веслу, весло передало матросу. Матросъ былъ влюбленъ, а изъ устъ влюбленного эхо разнесло по цѣлому свѣту эти сплетни, оттого, что онъ переложилъ въ стихи наши любовные восторги, и передъ закатомъ солнца, съ тетракордомъ въ рукахъ пришелъ подъ окно милой и пропѣлъ ей новую цѣсню.»

10.

«Когда ночь и туманъ покрываютъ дуга, когда глухо въ бору и изъ него бѣгутъ на долины олени играть и купаться,— одной серны не видно межъ нихъ. Она одна живетъ въ густомъ кустарникѣ; спитъ на холодной свагѣ. Тѣнь ея, шорохъ путаеъ ея. — Пришедши на водопой къ чистому ключу, она прежде возмутитъ его, а послѣ напьѣтся.

«Въ одно утро спросило ея солнце:

— Что съ тобой, скажи, моя серна?... зачѣмъ, когда стадо играетъ у рѣки, или жаркою порой прячется въ тѣни, — ты одна лежишь на голомъ утесѣ?... зачѣмъ ты не встрѣчаешь меня ни на востокѣ, ни на закатѣ?...

— Солнце мое, если ты хочешь знать это, бѣдная серна расскажетъ тебѣ!

— Двѣдцать лѣтъ я была бездѣтна, на тринадцатомъ Богъ далъ мнѣ сына. Я берегла его какъ зеницу ока, и онъ росъ себѣ благополучно. — Разъ вышелъ овъ поиграть на цвѣтущій дугъ, и вдругъ палъ отъ рокового ружья.... Будь прокляты охотникъ, лишившій меня счастья! Исчезни ремесло его, что отняло у меня единственную радость, что вырвало изъ объятий моихъ мою пару и сына!....»

11. Пожщеніе.

«Разъ съѣлъ я обѣдать за мраморный столъ, вдругъ сабля зазвучала на стѣнѣ и конь заржалъ на стойлѣ: это предвѣщало мнѣ, что моя красавица выходитъ за другого замужъ, съ цвѣтами на челѣ, со слезами на глазахъ. Я всталъ и побѣжалъ въ конюшню.

— Кони мои, я берегъ васъ какъ свою голову, кормилъ,

нѣжилъ смолода.... Кто теперь пончить непа съ запада на востовъ, и дончить пока погаснетъ искра, вылетѣвшая изъ подковы....

— Конн ржали и грызлись у яслей.

— Послушай, хозяйинъ, сказалъ одинъ старый вонь,— не въ пои лѣта бѣгать въ запуски съ вѣтронъ, но я хочу, собравшись съ послѣдними силами, услужить вамъ обоимъ....

— Твоя красавица насыплетъ мнѣ въ ясли овса, напоитъ съ своей руки водою, будетъ говорить со мною, будетъ ласкать меня.... Ёдемъ! прими хозяйинъ хоть доброе желаніе мое вмѣсто успѣха.

— Хозяйинъ сѣдлаетъ коня послѣшно и садится на сѣдло.

— Предостерегаю тебя: свяжи платкохъ голову, сними шпоры, возьми хлнсть въ руки и держись крѣпко, не то, вспомянувъ юные годы свои, я выбью тебя съ сѣдла....

— Связавъ это, вонь побѣжалъ; въ минуту перебѣжалъ сорокъ двѣ мили, еще сорокъ и еще три мили.

— Дай Господи увидѣть моихъ родителей.... Пусть отецъ въ виноградникѣ стрижетъ шпалеры.

— Кто усердно помолится, тотъ усердно услышанъ будетъ: онъ пріѣхалъ, и точно отецъ его подстригалъ виноградникъ. Онъ перемѣнилъ голосъ, и вакъ-бы не зная отца, сказалъ ему

— Богъ на помощь, дѣдушка!.... чей это виноградникъ?

— Гость, этотъ виноградникъ готовлю я для Яни, для моего сына. Онъ не знаетъ ни о чемъ, а его невѣста, ангель лицомъ, сегодня отдана другому....

— Дѣдушка, застану-ли я молодыхъ еще за столомъ?

— Когда твоя лошадь быстра вакъ молнія, то ты можешь застать ихъ за столомъ, а вогда она быстра, вакъ стрѣла, то они ужъ будутъ перевѣчаны.....

Пыль клубами взвилась по полю.

— Конь пробѣжалъ въ минуту сорокъ двѣ мили, еще сорокъ и еще три мили.

— Укрѣпи меня, Господи, въ надеждѣ моей! Пусть мать поливаетъ въ саду грядки.

— Кто усердно помолится, тотъ усердно и услышанъ будетъ. Онъ пріѣхалъ и засталъ мать свою поливающею грядки.

— Когъ на помощь, бабушка! Кто хозяйинъ этого сада?

— Этотъ садъ мой еще съ молодости моей; подъ старость я отдала его сыну. Онъ ни о чемъ не знаетъ, а его невѣсту

съ дѣвѣтами на головѣ, со слезами на глазахъ выдають за-
мужъ.

— Бабушка, застану-ли я ихъ еще за столомъ?

— Когда лошадь твоя быстра, какъ молнія, ты застанешь
ихъ за столомъ; а когда она быстра, какъ стрѣла, — невѣста
ужь будетъ перевѣнчапа....

— Конь мой! скорѣе, скорѣе!....

«Пыль клубами взвилась по полю .

«Конь въ минуту пробѣжалъ сорокъ двѣ мвля, еще сорокъ
и еще три мили.

«Конь заржалъ предъ крыльцомъ и дѣвушка вышла.

— Кто тамъ съ тобою хохоталъ?

— Меньшой братъ пріѣхалъ ко мнѣ съ приданымъ.

— Когда младшій братъ пріѣхалъ, угости его виномъ, а
когда младшій любовникъ,—встрѣть его кнжаломъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Это братъ мой пріѣхалъ съ прида-
нымъ.

Конь пригнулся къ землѣ.

— Дай бокалъ! осторожнѣй!.... Берись за гриву.... ногу въ
стремя.... Прижмись во мнѣ и руками обвей меня!...

И они быстрѣе вѣтра помчались по полямъ и по лугамъ;
турки еще быстрѣе погнались за ними, и хотя ужь не видно
было ни всадниковъ, ни пыли, они хотѣли догнать ихъ, когда
и семь вѣтеръ не могъ догнать бѣглецовъ.

Лошади ихъ были, какъ стрѣла и остались далеко назади:
турки, утомившись погонеею, отстали, и возвратились съ полей,
не вида ни Яни, ни коня, ни пыли.»

Привожу одну изъ любовныхъ пѣсень, переведен-
ныхъ г. Протопоповымъ. (Одесскій Альманахъ на 1840
годъ.)

13. Узнанный.

«Послѣднею чарой ушиться хочу: налей мнѣ, родная,

То близкой разлуки печальная чара: налей! до свиданья!

— Дверь отопри мнѣ, красавица, дверь мнѣ, душа, отопри!

— «Имя скажи мнѣ свое? Кто-ты и какъ прозываютъ?»—

— Я тотъ, что бывало въ платочкѣ носилъ тебѣ яблоки, сливы,
Яблоки, сливы п лакомялъ сладкимъ тебя виноградомъ,

И сладко въ награду, я въ нѣжныя губки твои цаловалъ. —
 — «Что у меня на дворѣ, расскажи и тогда отопру я.» —
 — Яблоня есть у воротъ; есть виноградникъ въ дворѣ:
 Онъ бѣлый даетъ виноградъ и славенъ мускатнымъ виномъ.
 Кто разъ то отвѣдалъ вино, въ другой ужъ навѣрно попроситъ! —
 — «Нѣтъ, лжешь ты, хитрецъ! Все это тебѣ рассказали сосѣди...
 Что въ доиѣ у насъ, расскажи, и тогда отопру тебѣ двери.»
 — Въ самой срединѣ виситъ золотая лампада:
 Она тебѣ свѣтитъ, когда ты снимаешь заплата, одежду. —
 — «Нѣтъ, лжешь, ты, хитрецъ: это тебѣ рассказали сосѣди.
 Воли хочешь войти, воли хочешь, чтобъ дверь тебѣ отворили,
 Сважи мои знаки на тѣлѣ». — На тѣлѣ ихъ два у тебя;
 Одинъ на плечѣ, другой на рукѣ, а межъ бѣлыхъ грудей
 И ивсацъ, и ясныя звѣзды. — «Служанки, бѣгите скорѣй;
 Служанки, бѣгите, сиѣшните, ворота и двери всѣ настежь.»

IV. ВАКХИЧЕСКІЯ И АНТИВАКХИЧЕСЕІЯ ПѢСНИ.

Въ вакхическихъ и антивакхическихъ пѣсняхъ нѣтъ и тѣни поэзіи: эти произведенія большею частію записныхъ греческихъ стихотворцевъ. Часть ихъ въ *мысенникѣ* приписывается Аѳанасію Кристопуло и Григорію Сакиллари. Вакхическая пѣсня совѣтуетъ убивать свою душевную дѣятельность за чашею вина. Антивакхическая возражаетъ ей тѣмъ, что лучше заниматься геометриєю и т. п.

Ἐξω, ἔξω τὰ κροντήρια,
 Ἐξω πλόαμαι καὶ ποτήρια
 Κούπαις, ἀάμναις ὄλα κάτω.
 Τὶ τοῦ κάκου τὰ φυλάττω.)
 и проч.

Другая:

Ἐξω, ἔξω τὰ βιβλία!
 и проч.

V. ОБРЯДНЫЯ И СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

Греческое простонародье, относительно праздниковъ, обрядовъ, игръ и повѣрій народныхъ, имѣеть почти во всѣхъ случаяхъ сходство съ простонародьемъ славянскихъ поволжнѣй. У грековъ существуетъ праздникъ Купалы, подъ названіемъ Иванъ Огневивъ (φωταρά): обрядъ совершаемый дѣвушками въ этотъ день называется *кандона*. Преданія о вѣдмахъ, русалкахъ и духахъ отчасти сходны съ славянскими, отчасти съ древне-греческими. Отъ вѣрованій древнихъ сохранились у нихъ повѣрья о Харонѣ, дріадахъ, драконахъ, водяныхъ и пустынныхъ духахъ. Фессалія и теперь, какъ была въ древности, самая суевѣрная страна; въ ней носятя разныя суевѣрныя преданія и повѣрья: бѣльшая часть пѣсней свадебныхъ и пѣсней, имѣющихъ предметомъ какое-либо суевѣрное преданіе, изъ нея перешли въ Грецію. Въ горахъ Фессаліи существуетъ преданіе о великанахъ, которые, упавъ, не могутъ встать отъ чрезмѣрной тяжести и величины своей: — не гиганты-ли это древнихъ? — У грековъ каждый лѣсъ, гора, рѣка, урочище имѣють покровительствующаго духа, или дракона: подобныя преданія и повѣрья составляютъ предметъ самыхъ «поэтическихъ» пѣсней Фессаліи.

Къ обряднымъ пѣснямъ можно отнести *тѣсно ласточки*, которую поють мальчики 1-е марта, ходя изъ дома въ дождь со сдѣланною изъ дерева ласточкою, чѣмъ собирають себѣ деньги и лакомства. Она начи-

нается такъ: «*Изъ-за Бѣлаго моря**) *прилетѣла ласточка, прилетѣла и щебечеть: мартъ мой, прекрасный мартъ!* и проч.» У древнихъ тоже былъ подобный обрядъ и пѣсня, называемыя *Хелидонизма*. У малоросіянъ есть такого рода пѣсни „*Веснянки*“

Одна изъ этого рода пѣсней здѣсь помѣщена мною: она поется во время поворота солнца въ веснѣ.

Въ *Свадебныхъ пѣсняхъ*, равно какъ и въ другихъ обрядныхъ и семейныхъ пѣсняхъ, замѣтенъ признавъ древняго элемента. — Онѣ обильны фантазією, чувствомъ и иногда игривымъ остроуміемъ.

Колыбельныя пѣсни — *катававалеза* или *нуннія* древнихъ, — сложены и поются болѣе на островахъ населенныхъ греками. Смысла въ нихъ мало: главное, напѣвъ для убавкиванія дитяти.

Пѣсня на новый годъ поется мальчиками, ходящими съ поздравленіями изъ дома въ домъ. Пропѣвъ легенду въ честь св. Василя Неовесарійскаго, они поютъ при словья, въ вторыхъ выражается желаніе изобилія, довольства и счастья хозяевамъ дома на новый годъ; на примѣръ, чтобъ корабли ихъ всегда были полны груза, чтобъ виноградники и оливы принесли избытковъ и проч.

Мирологи — это импровизація родственницъ надъ тѣломъ мертвеца, вопли и причитанія ихъ, а иногда и наемныхъ плакальщицъ. Порядокъ произнесенія мирологовъ установленъ обрядомъ. Мирологи сначала произносятъ ближнія родственницы по старшинству родства, потомъ дальнія, а иногда даже пріятельницы и сосѣдки. Въ древней греческой жизни тоже суще-

*) Архипелагъ у грековъ называется *бѣлымъ моремъ*; острова Архипелага — *Бѣломорією*.

ствовади мирологи: они встрѣчаются въ XXIV пѣснѣ Иліады, гдѣ родные Гектора оплакивають его. У древнихъ подобныя надгробныя рѣчи, произносимыя при отправленіи похоронъ, назывались: *Epicedium*.

1. Весенняя пѣсня.

«Любитель наукъ и врасавецъ, ученикъ и поэтъ! Мысль твоя — корабль, мечты твои — волны....

«Когда ты посылаешь письмо въ дорогой Аретѣ: — у тебя слёзы льются, дрожить рука, перо пятнаетъ одежду..... «Бто мнѣ,—ты пишешь,—оботреть слёзы, вымоетъ одежду.....»

— Губы мои, орошенные слезами, оботрутъ твои слезы. — Когда сердце мое, что для тебя пылаетъ и бѣтса, — забьется у твоего сердца, тогда вымоется твоя одежда.»

2. Свадебная пѣсня.

«Всѣ бѣлокурья, всѣ черноволосыя дѣловали меня по-разу..... Что-жъ мнѣ въ этомъ, когда сердце моей Зои будто сглазили! мнѣ скучно.... Какъ мнѣ скучно! Не знаю что дѣлать! — Родители подарили мнѣ пригорокъ: я разведу на немъ цвѣты, расажу садъ и винограднвѣ, огорожу его плетнемъ, отворю ворота, а самъ притаюсь въ кустарникахъ. Въ открытыя ворота вбѣгутъ красавицы съ жаждой поцѣлуа на устахъ, — и ты вбѣжишь съ ними, Зоя моя, моя миндаинка!

— Гдѣ садовникъ?.... Эй, садовникъ! дай намъ ягодъ, поцалуй насъ....

— А, ты здѣсь, моя рѣзвая серна!.... Войдите, милости просимъ!—сбросьте папуца *).... Не бойтесь, шелковая травка не уколетъ вашихъ серебряныхъ ножекъ..... Приди поближе, Зоя, бери изъ корзины что хочешь: здѣсь есть абрикось, румяный вавъ-ты, есть персикъ — украшенье сада, есть яблоки и гранаты, чѣмъ мой садъ славится.....

*) Палуцв — черевикъ.

3. Двѣ жолыбельныя пѣсни.

«Святая Марія, усни дитя мое! Святая Софія, пой у колыбели.

«Возьми дитя съ собою и поведи его по свѣту: пусть оно увидитъ, вавъ зеленѣютъ деревья, пусть усхыпнать, вавъ журчитъ ручей, вавъ поётъ яворонокъ....

«Только молю тебя, гуляй съ нимъ недолго: и съ цвѣтушихъ береговъ возвратись съ дитятей! Отецъ спроситъ о нёмъ, будетъ бить слугъ, а мать сама побѣжитъ исвать его,—много, много она слезъ пролетъ, и сладкое молоко въ груди ея прогоренетъ...»

Эта пѣсня изъ острова Кипра и поется повсюду въ Греціи.

4.

«Сонъ, возьми у меня сына! Три сильныхъ защитника обѣщались мнѣ делѣть его: на горахъ смотрѣть за нимъ обѣщались солнце, орѣлъ обѣщались на поляхъ, Борей — на водахъ.

«Солнце закатилось, орѣлъ заснулъ въ дубровѣ, Борей нырнулъ къ матери въ волны....

— Гдѣ былъ сынокъ вчера и третьяго-дня? — со звѣздами-ли, съ мѣсяцемъ-ли ссорился?

— Пока не ссорился я со звѣздами, пока не ходилъ еще въ свѣтловолодой Аврорѣ, я берегъ въ серебряной колыбели золотое дитя.»

Поется на островѣ Хіосѣ.

ПѢСНЯ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

5. Легенда о св. Василіѣ.

«Вечеромъ по длинной сельской улицѣ шелъ св. Василій изъ Бесаріи; хитонъ на немъ былъ желѣзный, сандахи иждныя. Вокругъ святого толпились мальчики и дѣвочки.

— Откуда, куда идешь, св. Василий?

— Я иду из училища. Дорога далека, ужь поздно, меня ожидаетъ мать.

— Иди съ Богомъ, но прежде научи своей *алфавитъ*.

«Приготовляясь сказать дѣтямъ алфавиту, св. Василий оперся на посохъ и вознесъ къ небу чело, морщинистое отъ трудовъ, и посохъ вдругъ распустился серебряною вѣтвию, покрывшаюся золотыми листьями.»

Эта колада имѣетъ разные варианты и прибавленія.

МИРОЛОГИ.

6.

«Быль праздникъ, когда я встрѣтилъ въ саду молодую дѣвушку межъ густыхъ деревьевъ. Пристально смотря на неё, я былъ въ недоумѣннн и спросилъ её со вздохомъ и съ сердечною скорбью:

— Что тебѣ нужно здѣсь, одной, въ такомъ тѣмномъ саду?.....

— Благодарю тебя, юноша, за вопросъ твой, за доброе участіе во мнѣ.

Часто на меня она посматривала; слёзы текли изъ очей ея и она, рыдая, сказала мнѣ:

— Прежде я была счастлива — теперь несчастна. Одною юношу любила я во всю мою жизнь; его берегла для меня судьба моя; онъ былъ моимъ свѣтомъ, свѣтомъ очей моихъ, онъ былъ врачомъ ослабѣвающихъ силъ моихъ, но злой Харонъ отнял у него жизнь.....

— Прекрасная дѣвушка! сядь, ради Бога, и расскажи мнѣ свои страданія, пока еще не поздно.

Она омочила слезами одежду и начала изливать предо мною жалобы.

— Юноша, принимающій участіе въ моихъ страданіяхъ! я заслуживаю твое сожалѣніе. Теперь брожу я здѣсь какъ сумасшедшая... Юноша, я хочу умереть.... Онъ былъ прекрасенъ, ангелъ видомъ..... Пусть возьметъ меня, пусть пресѣчетъ жизнь мою Харонъ... Какъ я буду жить, бѣдняжка, одна безъ родныхъ, безъ сердечнаго участія!

Вождём его былъ Караискави. Мнѣ сказали, что *она*, мой милый, убитъ въ Аеннахъ.... Объ этомъ-то героѣ мои слезы и рыданія!....»

7.

«Пользуйся, пользуйся жизнью! Время—буря, свѣтъ — океанъ, а ты лодка, близкая къ гибели....

Вчера онъ былъ здѣсь предъ битвой: губы его горѣли, лицо дышало, сердце его билось у моего сердца, а нынче!... нынче грудь его холодна, чело дышетъ холодомъ, смерть оковала его ясныя очи....

Вась, мои милыя дѣтв, вась, мои сыновья, зовѣтъ вдовье сердце, сердце матери, утѣшите меня, оботрите слезы мои!..... Одинъ изъ Царяграда, другой съ запада поспѣшите прилетѣтъ ко мнѣ, полетонъ ласточки!»

8. Мирологъ турчанки.

«Чего искалъ, что хотѣлъ ты увидѣтъ на дикомъ берегу Дуная? Отчего тебѣ не мило, отчего грустно было жить въ родномъ краю?...

«Мохъ и повилика вьются на твоихъ воротахъ; садъ твой пожелтѣлъ и высохъ; стѣны безъ оружія, конюшни безъ лошадей; дворъ твой пустъ и глухъ ... Зачѣмъ-бы тебѣ гоняться за славой, зачѣмъ-бы не жалѣтъ родины и дома! помнилъ-ли ты, понимлъ-ли, что въ нихъ есть кому по тебѣ заплакать!»

9. Одръ умирающей.

Любовница говоритъ любовнику: «Безжалостный, пожагѣй невинную жизнь мою.... Черезъ сплетни я умираю! жестокий, не сомнѣвайся во мнѣ... Смотри, какъ испускаетъ духъ дѣвушка, которую ты мучилъ...»

Она-же къ родителямъ: «Родители, не жалѣйте о смерти моей: — я умираю, надѣясь, что въ другомъ мирѣ увижусь съ вами... Прошу васъ, предстаньте предо мной съ юношей, котораго я любила... Пусть я съ нимъ вмѣстѣ буду судима. Мо-

жетъ быть въ другомъ мірѣ мойнъ будетъ тотъ, чрезъ кого здѣсь я перестала жить...»

Любовникъ къ окружающимъ: «Люди, пожалѣйте объ умирающей: она ничего не желала больше вромѣ смерти! скажите мнѣ, гдѣ гробъ той, которую я любилъ, съ которой я желалъ жить на этомъ свѣтѣ...»

Люди, показывающіе ему гробъ: «Посмотри, вотъ гробъ, вотъ земля, скрывающая прекрасное тѣло дѣвушки, погибшей нзъ-за горестной любви... Приблизься къ ея могилѣ и подалуй свою красавицу.... Дай ей послѣдній даръ—вѣнокъ золотой, обвитый цвѣтами.»

Любовникъ къ тѣни милой: «Прими, дѣвушка, мой послѣдній даръ—вѣнокъ, сплетенный изъ цвѣтовъ: я даю его тебѣ со слезами на глазахъ.... что приличнѣе ложу смерти, какъ не цвѣты! Радуйся, заключенная во гробъ, благу и миру, такъ далѣкому отъ смертныхъ! на муку я живу здѣсь:—грѣхъ смерти твоей приводитъ меня въ отчаяніе! Страшный грѣхъ жаждетъ страшнаго наказанія.—Совѣсть укоряетъ меня, называя преступникомъ предъ священнымъ чувствомъ любви:—это послѣднее, это тяжелое наказаніе.....»

Тѣнь къ любовнику: «Не приближайся ко гробу, гдѣ покоится тѣло мое! Безчувственная земля сочувствуетъ мнѣ.... Я не слышу вздоховъ вашихъ; чужды мнѣ ваши рыданія!..... Къ чему мертвецамъ цвѣты лилія! Если ты меня любилъ, ты долженъ былъ помочъ мнѣ, а между тѣмъ весь свѣтъ удивлялся твоей жестокости. Теперь не приближайся ко гробу, оставь меня, не возмущай мою печальную тѣнь!...»

(Этотъ митологъ поютъ).

Любовникъ ко гробу: «Жестокая могила, сокрывшая дѣвушку, которой я предлагаю вѣнокъ, орошенный слезами! Прошу у тебя одной милости: прими и меня подъ сѣнь свою, тамъ я соединюсь съ тою, что такъ страстно люблю!...»

ПѢСНИ ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ.

Духъ и муживъ.

«Вечеромъ шелъ Яни, напѣвая сладкозвучную пѣсню. Вѣтеровъ, собирающій благоуханія, занесъ пѣснь его въ духу. Духъ вышелъ и сказалъ ему:

— Я съѣмъ тебя Яни!...

— За что-жь хочешь съѣсть меня, духъ!

— За то, что поешь въ моемъ владѣніи сладкозвучную пѣсню. Ты разбудить ею монхъ пташевъ, уснувшихъ въ гнѣдышвахъ, разбудилъ рыбу въ озерной глубинѣ, разбудилъ дракона и жену мою, когда она стала засыпать....

— Не наказывай меня, духъ, такъ жестоко! Князь велѣлъ мнѣ къ тебѣ явиться, и я залѣлъ дорогой, чтобъ разогнать печаль свою. Я хотѣлъ развеселить васъ, а не разбудить.»

Эта пѣсня имѣетъ еще варіантъ.

Пастухъ и Харонъ.

«Прекрасный Левендисъ спускался съ горы на долину. Въ горахъ зашумѣлъ лѣсъ и злой Харонъ заградилъ ему дорогу.

— Стой, стой, Левендисъ, куда идѣшь, откуда?

«Я пасъ стадо въ горахъ и спѣшу домой обѣдать, спѣшу ориннымъ полѣтомъ.

— А я спѣшу взять твою душу....

«Отпусти меня домой! позволь мнѣ еще пожить! Меня призываетъ къ жизни молодая жена моя, дитя у груди ея, ясные очи ея. Смерть моя оставитъ одинокою вдову мою на свѣтѣ....

Харонъ не видитъ горькихъ и чувствительныхъ слезъ; Харонъ не внемлетъ его жалобамъ.

— Подходи, подходи во мнѣ, божею, помѣряемся силою. Я дарюъ жизни не отдамъ.

И схватились они оба, оба другъ друга желая побороть, и оба имѣя одну силу и одно искусство.

Борцы то согнутся, то вновь выпрямятся, то въ зягль скло-
нятся; и долго они боролись, боролись цѣлый день, наконецъ
вѣтеръ зашумѣлъ въ дубравѣ и Харонъ убилъ пастуха.»

Харонъ и Душа.

«Что въ тѣхъ дубравахъ шумить и темнѣть? — Вѣтеръ-ли
шумить, вѣль дождь льбтъ? — Не вѣтеръ шумить в не дождь
хѣтъ: — это Харонъ съ душами вѣважаетъ въ дубраву. — Мо-
лодые вдуть впереди его, старые позади, а дѣти сидятъ съ
намъ вмѣстѣ на вонѣ.

— О, Харонъ нашъ! Остановись на какомъ-нибудь лугу, или
у рѣчки. Подожди тамъ минуту, пока старики напьются, мо-
лодые позабавятся, дѣти нарвутъ цвѣтовъ.

«Нѣтъ, нѣтъ! Ни при какой рѣвѣ, ни въ какое время Ха-
ронъ не медлитъ, не останавливается..... Придутъ за водой
матери, сироты, молодые и молодыя, узнаютъ въ васъ своихъ
мужей, отцовъ, друзей и — тогда, тогда — это васъ разлу-
чить!...»

Прощальная пѣсня.

«Теперь май, теперь роса — время дорбги. Гость спѣшитъ
на родныхъ поля. Ночью онъ сѣдлаетъ лошадь, ночью и вѣтъ
ее. — Жемчужомъ блещетъ чепракъ его, блещутъ золотомъ шпо-
ры. *Цвѣтъ* красавицъ *Гречки*, самъ ему свѣтитъ и наливая
чару говоритъ:

— Эфенди мой! Возьми меня съ собою, возьми пока ночь
тиха. Я не буду тебѣ въ тягость: я буду, какъ слуга, готовить
тебѣ дорожную трапезу, стлать для обоихъ насъ одну пос-
тель.... О, другой ты не найдешь услужливѣе меня!

— Милый! куда я ѣду, тамъ тебѣ нельзя быть. Туда ѣдетъ
воинъ, у кого въ рукахъ сила льва, а въ груди сердце дьявола.

— Одѣнь меня въ мужское платье, опояши саблей, дай мнѣ
золотое сѣдельце и ты увидишь, что за всадникъ помчится за
тобою!.. Ѣдемъ — не разлучимся!»

Эта пѣсня поется на отъѣздъ родныхъ, друзей и
знакомыхъ.

Представляя читателямъ статью свою, какъ-бы нѣкоторое предварительное ознаооленіе съ содержащемъ новогреческой народной словесности, я полагаю, что она не будетъ совершенно-лишней, потому что у насъ очень мало было написано и переведено по этой части новогреческой народной словесности, и включу эту статью слѣдующими словами французскаго издателя подлинника новогреческихъ пѣсней г. Фориеля: «Простонародныя пѣсни грековъ, и безъ объясненій, какихъ онѣ могутъ требовать, доставать намъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, научать судить съ большею, не какъ было донинѣ, точностію и съ большею справедливостію о нравахъ, характерѣ и геніѣ современныхъ грековъ.»

Таганрогъ.
1848.

РУССКІЯ ПѢСНИ НА ЧУЖБИИНѢ.

I.

Мôtel «La Sirena» въ Сорренто.

Здѣсь текутъ стихи природы
Моря звучною волной;
Пѣнась, силою свободы
Дышитъ ритмъ ихъ разсыпной.

Я стыжусь стиха людского:
Притаюсь въ душѣ моей,
Онъ созвалъ, какъ бѣдно слово
Предъ глаголами зыбей.

Въ ихъ стихахъ мой слухъ ласкала
Риема—небо и земля;
Ихъ цезура развѣяла
Острой грудью корабля.

Воздухъ, созданный цвѣтами
Въ померанцовыхъ садахъ,
Тѣ стихи читаль предъ нами
И по виламъ и въ горахъ....

И внимали имъ, снолвая,
Судьи лучшіе стиховъ—
Соловьи земного рая,
Соррентинскихъ береговъ....

Но и здѣсь родной Россіи
 Отдашь я себя всего:
 Снятся нѣ стихи иные —
 Строй народа моего.

Пѣсня Волги удалая
 Мнѣ и здѣсь слышна въ волнахъ,
 Вижу снѣгъ родного края
 Въ Бахабрійскихъ высотахъ....

Здравствуй мой землякъ холодный!
 Бакъ тебя въ отчизну розъ
 Вѣтеръ съ сѣвера свободный
 На крылахъ своихъ занёсъ?....

Что-жь онъ веселъ, нашъ питалець,
 Переживъ свой тяжкій рокъ,
 Искони многострадалецъ,
 Свѣторусскій мужичокъ?...

Ты, здѣсь глядя на оливы,
 Вспоминаешь ли, какъ я,
 Наши пажити и нивы —
 Безрубежныя поля,

Ширь и глубь души народной,
 То градушаго зерно,
 Что надеждой благородной
 Намъ въ сердца заронено?...

Снѣгъ! Быть можетъ въ край родимый,
 Въ стаѣ южныхъ облаковъ,
 Занесешься ты, гонимый
 Мощной прихотью вѣтровъ, —

Благодатью дождевою
 Тамъ пади на зеленъ,
 И снеси поклонъ съ собою
 Русскимъ людямъ отъ меня....

II.

На островѣ.

Еще такъ вѣрно здѣсь обычное преданье,
 Еще торжественно царитъ здѣсь старый вѣрь,
 Свободенъ и могучъ, прихвѣръ и указанье,
 Поставленный себѣ народами въ куиръ....
 Онъ все опредѣлилъ, изчислилъ и размѣрилъ;
 Его насущное по негъ и такъ умно,
 Что осмѣютъ того, кто-бъ дерзко не повѣрилъ,
 Что жизни такой и всѣмъ бы жить должно....
 Безъ сердца начерталъ онъ счастья предѣлы,
 Границы угадалъ возножнаго съ мечтой;
 Егъ извѣстному впередъ его движенья смѣлы,—
 Въ самодовольствіи гордятся онъ собой....

Но дѣтямъ юнаго и бѣднаго народа,
 Случайно брошеннымъ въ тебѣ на берега,
 Не-по-сердцу твоя угрюмая свобода,—
 Намъ жизнь твоя скучна, противна и узка....
 Иль въ хаосѣ у насъ, средь варварскаго пира,
 Средь безобразіемъ кишашей полутьмы,
 Въ зачаткѣ носится ядро иного міра,
 И свѣтъ надъ бездною ужъ будто видимъ мы?
 Иль жить потребно намъ привольнѣе и шире,
 Въ раздѣлѣ общемъ благъ, въ гармоніи страстей?...
 Иль будемъ у себя мы только въ новомъ мірѣ,
 Межъ обновившихся о истиннѣ людей?

Лондонъ.
 4 августа, 1861.

III.

Гладиатору въ Капитолин.

Я узналъ въ тебѣ черты родныхъ,
 Я узнаю славянскіе черты:
 Выразило лице обета мнѣ,
 Задумчиво томился смертию ты....

Слова, звучавъ такъ бодро ушамъ
 И билось родные племена?
 Какимъ мнѣ собой отстоимъ,
 Посыли какіе сѣмена?....

Но знаешь ты, что билось ужъ намрещю,
 Что были ужъ когда друзьями враговъ,
 Одарены и силой духа страстной,
 И силой мнѣшь для доблестивыхъ бойцовъ.

Ты говоришь славянскому народу,
 Предъ смурью, свой храморный звать:—
 Сохрани свою духовную природу,
 О, блудливъ, просвѣщенный столько лѣтъ!

Повѣй на хрѣ ты мнѣшь живоносной,
 Какъйся зародившися въ тебѣ,
 Представь мнѣ мнѣшь ты великой жизни носной,
 Не смущай за мнѣшь ты боритъ....

Твой рунъ, и вѣкъ твой, и племъ
 Славякъ хрѣ собой осѣняютъ;
 Пустьъ тебѣ на слѣдѣ все, племъ,
 Все преслѣтъ мнѣшь ты живонъ жеть.

IV.

Лѣто на островѣ Уайтѣ.

Я-бъ съ тоски бѣжалъ отсюда,
 Еслибъ здѣсь мнѣ поря шумъ,
 Рѣзкій дождикъ, бьющій въ стѣкла,
 Не дарилъ прежнихъ дунь.

Вѣтра вой и гулъ, и взвизги,
 Да лучи сѣвозъ сумракъ дна,
 Здѣсь, въ Британіи далекой,
 Тѣмъ отрадны для меня,

Что въ смѣшеніи этихъ звуковъ,
 Подъ туманомъ я живу,
 Убаюканный природой,
 Грежу Русью на-яву....

Лишь они мнѣ здѣсь родные,
 Лишь отъ нихъ мнѣ есть привѣтъ:
 Я въ нихъ вижу много, много
 Русской осени примѣтъ,

Что хандру мнѣ наводила
 Темной ночью, сѣрымъ днемъ,
 Что мнѣ раны растравляла
 Въ сердцѣ страждущемъ моемъ;

А теперь, и въ пору лѣта,
 И въ отзвучіяхъ своихъ,
 Льетъ елей на раны сердца,
 Умягчая боли ихъ....

Вейтооръ.

19 (7) июля, 1861.

V.

Дереѣадъ черезъ границу.

Насъ Западъ встрѣчаетъ привѣтно,
 А Сѣверъ угрюмо глядитъ, —
 И все въ немъ, что сердцу завѣтно,
 На наше прощанье мочить....

Но вѣрить-ли ласкамъ чужбыни?...
 Иль искрененъ холодъ родной?...
 Мы чьемъ подъ тощею хѣдны
 Источивъ выжить теплотой.

Насъ ждуть впереди водопады
 И яхонтъ прозрачный небесъ,
 Статуи, колонны, аркады
 И лавровъ классическихъ лѣсъ;

Но Русь разметалась безъ нѣры,
 Пространствонъ всѣ дивы закрывъ,
 Въ чемъ виднѣ мы, полные вѣры,
 Тайственной мысли разливъ.

Тамъ много духовнаго хлѣба,
 Какъ озимь, сокрыто въ зенгѣ;
 Тамъ хмурое тучами небо,
 И хмуро отъ дунѣ на челѣ?...

Отъ многой ли, давней кручины
 Въ снѣгахъ посѣдѣла она,
 Достойная высшей судьбыны,
 Непонята въ мѣрѣ одна?....

Но вотъ ужъ завѣса тумана
 Скрываетъ родимый нашъ край: —
 Прощай снѣговая поляна,
 Родная березка, прощай!

VI.

Въ Трибунѣ.

Моя русая коса —
 Всеми городу краса.
 Русская народная песня.

Я много счастливъ тѣмъ, что съ свѣтлымъ умиленьемъ,
 И сердце освѣживъ адоровымъ обновленьемъ,
 Вдохнулъ хоть разъ одинъ свободною душой
 Предъ этой дѣвственной кумира чистотой....

Не тотъ-ли смертный могъ сей образъ вѣчно-михй
 Создать, какъ женщины грядущей идеаль,
 Кто всей духовною потребностью и силой
 Одной лишь красоты отъ жизни пожелалъ?
 Здѣсь суетное все слагаешь у порога,
 Гдѣ нѣтъ прошедшего, и будущего нѣтъ,
 А счастья тебѣ невѣдомаго много,
 Какъ-будто ты обрѣлъ какою-то новыи свѣтъ....
 Но и въ обители искусства Елизейской,
 Предъ этой лучшей Флоренціи красой,
 У славной статуи богини Медичейской,
 Нежданно о тебѣ я вспомнилъ, край родной!...
 Пусть отъ него меня, какъ бездной, раздѣляетъ
 Пространствъ, морей и горъ разлившаяся даль:
 Я слышу, — пѣснями народъ тамъ оглашаетъ
 Свой безустанный трудъ, разгулье и печаль!
 Тамъ въ полѣ дѣвица, рукою загорѣвшей,
 На солнцѣ повода сілющимъ серпомъ,
 Въ волнахъ змбучей рѣчк, какъ золото, соврѣвшей,
 Поетъ о красотѣ подъ тагостнымъ трудомъ.

И здѣсь, на статую взирая молчаливо,
 Я пѣснѣ жницы той сочувствую правдиво,
 Поющей на Руси, что женская коса
 Есть городу всему гордыня и краса....

Флоренція.
 1861.

VII.

Симплонская дорога.

Всѣ эти бездны да обвалы,
 Снѣга, потоки, водопадъ
 Да сѣры нагія скалы
 Мнѣ въ душу холодно глядятъ.
 Бурятся горы облаками,
 Бурится ими тощій лѣсъ;
 Гдѣ-гдѣ безцвѣтными влочками
 Лишь видны пблосы небесъ.
 Смѣшенье нищеты съ величьемъ
 Повсюду царствуетъ въ горахъ....
 Безлюдно:—развѣ съ зобомъ птичьимъ
 Дѣвчонку видишь при овцахъ,
 Да горный камышекъ цвѣтистый
 Убогій мальчикъ продаётъ,
 Да домигъ бѣдненькій, но чистый
 Изъ-за утеса промелькнётъ....

Узка кремнистая дорога,
 Висѣ надъ бездною, какъ змѣя:
 Съ ней поднимаюсь въ область Бога,
 И въ пропасти спускаюсь я....
 Но свѣтъ мгновенно исчезаетъ,
 Глубовій мракъ разлитъ въ очахъ:
 То ветгуринъ мой проѣзжаетъ
 Подвалъ, прорубленный въ скалахъ. ..
 И вновь на свѣтъ, на холодъ снѣжный,
 И вновь я слышу хороводъ
 Однообразный, мелкобѣжный
 По ваннямъ прыгающихъ водъ....

Я въ Альпы такъ зашелъ высоко, —
 Когда-бъ не тучъ, не сосенъ строй, —
 Кажись, изъ моего далѣка
 Возмогъ-бы видѣть край родной;
 И мнѣ казали сосны эти
 Къ своимъ поволжскимъ сестрамъ путь, —
 Да и пора въ родимой влѣтъ
 Отъ дальнихъ странствій отдохнуть!
 Вѣдь намъ ужъ съ родины дѣлами
 И трезвой мыслью понесло....
 Намъ холодно за облаками,
 А на землѣ у насъ тепло!

Вригъ, въ Швейцаріи.

7 іюля, 1861.

VIII.

Бельведеръ.

По Ватиканскимъ галлереймъ,
 Путемъ гробницъ къ нему я шёлъ:
 Тамъ торжество надъ древнимъ змѣемъ —
 Намъ провѣщательный глаголь....
 И я увидѣлъ Аполлона,
 Съ побѣдой свѣтлой на челѣ
 Ужъ поразившаго Пиеона
 Въ болотной тинѣ и во яглѣ....
 Не наше-ль впереди блаженство
 Въ его рисуется чертахъ,
 Не мысли-ль нашей совершенство,
 Не зло-ль, поверженное въ прахъ?
 Нанѣ этотъ мраморъ указываетъ
 Людей грядущую судьбу: —
 Такъ свѣтъ надъ тьмой восторжествуетъ,
 Пройдя сѣвось долгую борьбу.

Во мнѣ я слышала вавъ дѣлилась
 Божественъ отчаянья людей,
 Вавъ даль яснѣ становилась
 Подъ тяготою нашихъ дней;
 И хотъ порывъ въ труду сихънѣ,
 Душимый жизнью, вошлалъ,
 Хотъ чувство русское больнѣ
 Въ крови я сердца ощущалъ:
 Но все-же вспомню я порою,
 Страдая отъ житейскихъ ранъ,
 Что съ облегченною душою
 Тебя оставилъ, Ватиканъ!....

Римъ.
 18 мая, 1881.

IX.

Въ уединеніи.

Мнѣ душно въ городѣ, мнѣ больно межъ людей:
 Слѣшу я подышать на персяхъ у природы
 Красою дѣвственной нетоптанныхъ полей
 И воздухомъ незнаемой свободы.

Привѣтливо бѣжитъ покорною волной,
 Чтобъ освѣжить меня, привольная стихія;
 А небо вешнее прохладной пеленой
 Раскинуло, ласкаясь, надо мной
 И радуги, и тучки золотыя.

Здѣсь сердце, унырясь, вкушаетъ тишину,
 Лишь созерцанію безстрастному послушно, —
 Готовъ отдаться я младенческому сну.....
 Но здѣсь опять мнѣ тяжело и душно:

Я вижу, счастья желаемого нѣтъ
 Моей душѣ и здѣсь, въ тиши уединенья,
 И въ себялюбіи, вдали отъ общихъ бѣдъ,
 Отъ вѣчнаго всемірнаго движенья....

Ихъ сердцу русскому не разорвать связей
 Съ вошедшей въ духъ и кровь родиною стороною?
 Вдали отъ родины ни чувствуемъ сильнѣй
 Всѣ тяготы насущныхъ нашихъ дней
 Съ ихъ новою, пророческой тоскою.....

Разноголосица неиризванвыхъ уновъ,
 Нестройность шатвихъ дѣлъ безъ мысли и безъ знанья,
 Иль дѣло мнимое въ шумихѣ звонкихъ словъ
 И пустоцвѣтъ изъ почвы отрицанья:

То въ росту нашему, то въ назиданье намъ,
 То гной, пробившійся отъ прежнихъ заблужденій,—
 Да приненъ должное ны по своимъ грѣхамъ,
 Средь новыхъ дунъ, въ пылу иныхъ стремленій.

Провдѣнья души рисуютъ предо мной
 Богатства нашихъ силъ и нашъ разнахъ желаній,
 И Руси будущей своеобразный строй,
 И мысль ея безъ дѣтскихъ подражаній.

Сирены бѣера и нимфы-островки,
 Вся эта свѣтлая природа и искусство,
 Не уснять во мнѣ тревогъ моей тоски
 И матерью взлелѣяннаго чувства....

О, какъ бы я хотѣлъ отсюда убѣжать
 И къ братьямъ кинуться въ объятья со слезами,
 Ихъ небомъ пасмурнымъ и вьюгами дышать,
 Глухими ихъ страданьями страдать
 И пѣть о нихъ сострастными стихами!

Вилла у Лаго Маджоре.
 1861.

X.

Лѣсня ратникамъ Московскаго
Рполченія.

I.

«Дѣло земское», ребята!
Съ этимъ словомъ мы впередъ...
Дядя Мянучъ съ нимъ когда-то
Нашъ отстаивалъ народъ...

И двѣнадцатаго года
Вамъ расскажутъ старики, —
Какъ нашла на насъ невгода, —
Бились наши мужики.

Всѣ мы любимъ Русь святую...
Любо русскому стократъ,
Что за земщину родную
Рати земскія стоятъ...

Скажемъ вамъ мірскою сходкой:—
Съ-Богомъ, Божій мужичокъ,
Бейся, русая борода,
Ратуй, сѣрый армичокъ!

II.

Знать Господь судилъ омыться
Людямъ въ пламени, въ крови,
Чтобы вновь ниъ народиться
Бъ жизни правды и любви, —

Да вседумно отдадимся
Силь врожденныхъ полнотъ,
И умами просвѣтимся
Въ чистой сердца простотѣ,

Да, снрижалимъ долга вѣрны,
 Въ обновленья славный часъ
 Съ корнемъ мы взъимемъ северны
 И всѣ плевелы отъ насъ...

И велико время это:
 Имъ мы движемся, ростѣмъ,
 Бога мысли, Бога свѣта
 Въ дѣлу жизни призовѣмъ,—

И пошлетъ онъ намъ строење,
 Правый судъ и вѣщій гласъ,
 И мечомъ миротворенья
 Прѣпошлетъ крѣпко насъ...

Духа мудраго святыней
 Буди, Русская земля,
 Имъ сія надъ твердыней
 Вѣковѣчнаго Кремля,

Озаряй твои народы,
 Въ лучшей долѣ ихъ зови,
 Будь поборницей свободы
 И подвижницей любви.

XI.

Великая панихида.

(Изъ Челикешама).

Не отъ ливня, не отъ града,
 И залиты, и побиты,
 Полегли хлѣба на полѣ:
 То, подъ матушкой-Москвою,
 По доламъ и по равнинамъ,
 Много храбрыхъ ратей русскихъ
 И французскихъ полчищъ много
 Ко сырой землѣ приницло,
 Переколотыхъ, побитыхъ
 Палашами и штыками,
 И дождемъ и пулѣ и ядеръ...

Дѣти матери великой,
 Милой родины защита,
 Доброму царю радѣльцы!
 За любовь, за жертвы ваши,
 Что вы душу положили
 За народъ свой и за землю,
 Въ память вѣчную вамъ, братья,
 Мы отпѣли панихиду,
 И такую панихиду,
 Что не видано на свѣтѣ
 И не слыхано донинѣ!.....

Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
 Свѣчъ у насъ не доставало,
 Воску вдоволь не хватало:
 И, подъ небомъ — храмомъ Божьимъ,
 Мы зажгли, отъ всей Россіи,
 Лишь одну свѣчу большую —
 Матушку-Москву родную,
 Чтобы та свѣча горѣла
 Вамъ за упокой душевный,
 А врагамъ на посрамленье.

(Съ Челикешама).

XII.

Йово и Мара.

(Сербская народная поэма ¹⁾).

Двое вилыхъ, любясь, выростили:
 Юный Ново да дѣвушка Мара,
 Съ малолѣтства, отъ третьяго года
 Ихъ увидишь — такъ радостно станеть, —
 Скажешь: это василекъ со тиннонь...
 Умывались одною водою,
 Утирались однимъ полотенцемъ,
 Любо въ очи кругъ-другу глядѣли,
 Будто солнце въ глубокое поре;
 Пѣли пѣсню одну вечерами,
 Темной ночью одинъ сонъ видали.
 Впору Йовѣ ужъ было жениться,
 Можно было отдать Мару замужъ.
 Выросъ Йово удалъ изъ удалыхъ,
 Красотою врасивѣй дѣвицы
 Мара... Слова для Мары не смынешь! —
 И на свѣтѣ такой не бывало!..
 Не увидишь очей ея лучше,
 Тоньше стана ея не найдется;
 Миловидна, что горная вила ²⁾,
 А гибка-то, что ель молодая.
 Годъ на Мару гляди, — и все мало...
 Мало-бъ вѣку любить эту Мару!
 Какъ увидишь ее — заболѣешь,
 А посмотреть — такъ вылечить разомъ...
 Но сироткой была наша Мара,
 Йово-жъ былъ изъ богатаго рода,
 Не простого, господскаго рода.
 Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвиць:
 «Такъ ли любишь меня, моя Мара,
 Какъ люблю я тебя, мое сердце?»

¹⁾ См. аяже прамѣчавія къ повѣ.

Тихо Мара ему отвѣчала:
 «Милый Йово, ты глазъ мнѣ дороже,
 Завсегда ты на мнѣсляхъ у Мары!
 Кавъ мать сына, пошу тебя въ сердцѣ...!»

Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ,
 Мать Йована ^{а)} тѣ слышала рѣчи;
 Злясь на Мару, сказала Йовану
 «Милый Йово, перо дорогое ^{а)}!
 Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
 Есть невѣста и лучше, и краше:
 То Фатима *Атлаича Злато*... ^{а)}
 Фата съ дѣтства влюблена въ клѣткѣ,
 И не знаетъ, чтѣ солнце, чтѣ мѣсяцъ;
 Не видала, кавъ хлѣбъ зеленѣть,
 Не видала муравви на полѣ,
 Не видала ни разу мужчини;
 А въ тому-жъ и богатаго рода,
 И въ подмогу богатствомъ сгодится...»

Отвѣчаетъ тутъ матери Йово:
 «Дорогая, безцѣнная майко ^{а)}!
 Завлинаю тебя я и небомъ,
 Завлинаю тебя и землею:
 Не разрозни ты милаго съ милой...
 Не богатство серебро да злато,
 А богатство, чтѣ дорого сердцу!...»
 Но не хочеть и слушать старуха.

Рада-бъ слышать слова эти Мара,
 Но далеко отъ ней ея милый.
 Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ:
 «Много тьмы есть у пасмурной ночи, —
 Больше горя у Марицы ^{а)} въ сердцѣ...
 Ужъ извѣстно, вавъ мблуды любить:
 Какъ лаокають — въ любви увѣряють,
 Перестали — смѣются съ друзьями...
 Не таковъ онъ, возлюбленный Йово,
 Да ужъ, видно, такая мнѣ доля!..
 Чуть запахъ мнѣ цвѣтовъ мой душистый,—

И достался другой соколицѣ... *)
 Свѣтъ мой, Йово, свѣтъ, жаркое солнце!
 Ты лучисто меня освѣтило,
 Да и скоро запахло за гору...>
 Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ.

Одного все нашъ держится Йово:
 «Нѣтъ, ей-Богу, моя мать родная,
 Лучше смерть чѣмъ жениться на Фатѣ: —
 Сердце проситъ одну только Мару...>
 Но не хочетъ и слушать старуха,
 И не хочетъ высватывать Мары;
 Поспѣшаетъ въ Атрагича Злату;
 Но Фатима *)), Атрагича Злато,
 Заклинаетъ старуху святыми,
 Чтобъ не сватать ее за Йована:
 «Неразумно, грѣшно и жестоко
 Разлучать двѣ души неразлучныхъ,
 Двухъ немилыхъ заставить любиться.>
 Но не хочетъ и слушать старуха:
 Заручила, вольцомъ обручила,
 Малый срокъ имъ назначила къ свадьбѣ,
 Небольшой срокъ — одну лишь недѣлю,
 И сзываетъ сватовъ въ тому сроку.
 Созвала ихъ, пошла по невѣсту.
 «Сынъ-вормилецъ, пойдемъ по невѣсту!
 Мать Фатиму тебѣ заручила,
 Заручила, вольцомъ обручила...>
 Но не хочетъ послушаться Йово,
 Остается въ дому своемъ бѣломъ.

Мать безъ сына пошла со сватами,
 Къ ней выходитъ Атрагича Злато,
 И цѣлуетъ ей правую руку:
 «Мать-старушка молодого Йовы!
 Чтб за утро, какъ солнце не грѣетъ,
 Чтб за ночь та, какъ мѣсяцъ не свѣтитъ,
 Чтб за сваты, когда жениха нѣтъ!...>
 Отвѣчаетъ ва это старуха:
 «Заклинаю, Атрагича Злато!

Не заботься о суженомъ Йовѣ...
 Онъ женихъ твой, а кой однокровный:
 Здѣсь гора есть, въ ней водятся вилы;
 Между ними есть горная вила,
 Та, чтб злато съ коней выбиваетъ,
 А за сына, какъ мать, я боюся,
 Чтобъ вила его не убила,
 Молодого, одинаго сына...»

Кавъ вѣзжали на дворъ они къ Йовѣ,
 Разомъ сваты съ коней походили,
 Но не сходить Аглагича Злато,
 И сказала Фатимѣ старуха:
 «Слѣзь, невьстка моя дорогая!»
 — «Нѣтъ, не слѣзу, ей-Богу, не слѣзу,
 Если лошадь мою онъ не приметъ
 И не сниметъ съ ней меня Йово!...»
 И пошла мать къ Йовану на вышеу,
 И такъ сыну она говорила:
 «Сынъ-кормилецъ! Сойди ты отсюда,
 Тамъ ты примешь Аглагича Злато.»
 Поднялся онъ, ушалъ на колѣни,
 Ублажаетъ свою мать родную,
 Точить слезы, какъ будто дѣвица,
 Точить слезы, рыдаючи, молвить:
 «Не пойду я, ей-Богу, родная!
 Въ чемъ клялся я—будеть тверже камня...»
 Но и слушать не хотеть старуха:
 «Проклянъ я и грудь чтб вскормила
 Мнѣ такого негоднаго сына,
 Если злато съ коня ты не ссадишь!..»
 Что-жь тутъ дѣлать, скажите, Йовану?
 Всталъ онъ быстро на легкія ноги,
 Оттираетъ горючія слезы,
 И выходитъ поспѣшно къ дѣвицѣ.
 Онъ снимаетъ съ коня свое злато,
 Онъ снимаетъ, и на землю ставитъ...
 Не слышали, сказали ли что Йово,
 Не слышали, сказала-ль чтб Фата, —

Только сталь полотно онъ бѣге,
Только Фата бѣгѣѣ стала свѣга...

Быгь отправленъ обрядъ по закону,
Вотъ и время садиться за ужинъ;
Чинно сваты за столъ посадились,
Повели ужъ на верхъ новобрачныхъ.
Сѣла злато на мягки подушки,
Йово сѣлъ на узорную скриню ¹⁰⁾.
Самъ снялъ поясъ и самъ раздѣвался:
Самъ онъ вѣшалъ оружье и платье,
Говорить самъ и самъ отвѣчаетъ...
<Вѣрно, скажетъ теперь мое злато:
Йово Фату-певѣсту цѣлуешь,
Обо нѣ же теперь и не вспомнить...
Нѣтъ, не будетъ намѣнникомъ Йово:
Легче съ жизнью разстаться для Йовы!>

Это Фата и слышнть-не-слышнть.
Точить слезы по щечѣ румяной:
— <Боже правый! Накажи старуху,
Что двухъ нилыхъ она разлучила,
Двумъ немилымъ велѣла любиться...>
Это Йово и слышнть-не-слышнть.

Завернулся плащомъ онъ широкимъ,
Взялъ подъ плащъ онъ тамбуру ¹¹⁾ съ собою,
И пошелъ подъ окно своей Мары.
Онъ ударилъ въ пѣвучія струны,
Зангралъ, — и запѣлъ подъ тамбуру:

<Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что съ невѣсты кафтанъ я снимаю...
Не снималъ я, клянусь моей жизнью,
Клянусь жизнью моей и твоею!

<Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
Что съ невѣсты покровъ я снимаю...

Не снималъ я, влинусь моею жизнью,
Клянусь жизнью моею и твоею!

<Вѣрно, онажетъ теперь моя Мара,
Что цѣлую невѣсту я въ щеву...
Не цѣлую, влинусь моею жизнью,
Клянусь жизнью моею и твоею!
<Нашей первой любовью клянусь я!
Можно солнцу упасть бы на землю,
Но не Йовѣ сломить свою клятву...>

И подъ пѣсню проснулась Мара:
«Роза пахнетъ, — то, вѣрно, мой милый...
Роза пахнетъ, тамбура играетъ...»

Но къ Фатимѣ пошелъ уже Йово.
Пала Мара въ пуховы подушки:
«Сонъ, жестоко меня обмануль ты!..
Сиротинку и сонъ обижаетъ...»

Йово къ Фатѣ своей воротился,
Онъ ей поднятъ съ лица покрывало:
Яркимъ солнцемъ лицо заблестало,
Черны очи — самоцвѣтвымъ намнемъ,
Черны очи, слезъ полныя очи...
Тихо молвить Фатима-невѣста:

— «Покарай ты свекровь мою, Боже,
Что двухъ милыхъ она разлучила!»
Смотритъ Йово на Фату-невѣсту,
Между глазъ онъ невѣсту цѣлуетъ ⁽²⁾,
Говоритъ ей: «Душа моя, Фата!
Принеси мнѣ чернилъ и бумаги:
Два-три слова хочу написать я,
Чтобъ тебя не обидѣла майка».
Написалъ онъ письмо свое мелко,
И промолвилъ Фатинѣ-невѣстѣ:

<Слушай, слушай, Атагича злато!
Ни полслова до бѣлаго утра:

Пусть напьются вина твои братья,
 Сестры въ волю напьяшутся въ коло ¹³⁾,
 И докончить свои пѣсни майка!
 Съ Богомъ, злато! Будь навѣкъ счастлива!..>
 Онъ, цѣлуя межъ глазъ свою Фату,
 Къ ней безъ жизни упалъ на колѣни,
 Смотритъ Фата — мертвецъ передъ нею,
 Горько плачетъ, но слова не молвить,
 Промолчала до бѣлаго утра...
 И тогда, какъ заря показалась,
 День зажегся и солнышко встало,
 Разбудить ихъ хотѣла старуха,
 П на вышку взошла къ новобратнимъ,
 И пошмаюмъ ¹⁴⁾ ударила въ дверп.
 — «Встань же, Йово, дитя дорогое!
 Вѣдь, ужъ солнце высоко на небѣ...»
 Отворила ей двери Фатима,
 Со слезами на личикѣ бѣломъ.
 Мать Йована сказала невѣсткѣ:
 — «Пусть а плачу по немъ безъ умолку!» ¹⁵⁾

Отвѣчаетъ свекрови невѣстка:
 «Не брани ти его, дорогая!
 Ужъ вчера онъ оплаканъ тобою,
 Какъ ти силой его обвѣнчала...
 Вовъ онъ, Йово, — лежитъ уже мертвый!»
 И старуха навзрыдъ зарыдала,
 Зарыдала, проклиная Фату:
 — «Чтб, скажи мнѣ, ты сдѣлала сыну?..
 Говори же... Будь проклята Богомъ!..
 Удушила за чтб ты Йована?..»
 И Фатима въ отвѣтъ ей сказала:
 «Не кляни же, Йованова майко!..
 Не сгубила твоего я сына, —
 Я себя бы скорѣе сгубила..
 Вотъ, Йована письмо небольшое:
 Для тебя мнѣ его онъ оставилъ.»
 Мать Йована письмо то читаетъ,
 И, читая, слезы проливаетъ;
 А въ письмѣ томъ написано было:

- Созови мнѣ, родимая майко,
 Созови мнѣ носильщиковъ юныхъ,
 Неженатихъ носильщиковъ, юныхъ,
 Провожатыхъ дѣвицъ, незамужнихъ,
 И надѣнь мнѣ тонкую рубаху,
 Ту, что Мара по любви мнѣ шила,
 Повяжи мнѣ шитую мараму ⁴⁰⁾,
 Что мнѣ Мара, любя, вышивала,
 Положи мнѣ цвѣточки гвоздики, —
 Ими Мара меня убирала.
 Подѣ Мары меня пронесите...
 Какъ дойдете до Марины дома,
 Положите меня вы на травку.
 Пусть увидитъ меня моя Мара,
 Пусть хоть мертвымъ меня поцѣлуетъ,
 Вѣдь живого меня цѣловать ей
 Не пришлось ни еднаго разу... »
 Мать Йована такъ письмо читала,
 Такъ читала, слезы проливала;
 Пала камнемъ на мертваго сына,
 Пала камнемъ, вопила, рыдала,
 Куковала жалобно кукушкой,
 И вдовицей сиротой стенала.

По наказу молодого Йовы,
 Чтобъ сказалъ онъ, то сдѣлаво было.
 И созвали носильщиковъ юныхъ,
 Неженатихъ носильщиковъ, юныхъ,
 Провожатыхъ дѣвицъ, незамужнихъ,
 И надѣли на него рубаху,
 Ту, что Мара, любя, ему шила,
 Повязали шитую марамой,
 Той, что Мара, любя, вышивала,
 И убрали цвѣтами гвоздики —
 Тѣмъ, чѣмъ Мара его убирала.
 Подѣ Мары несли его тѣло;
 И сидѣла она подъ окошкомъ:
 На головѣ алѣли двѣ розы,
 И упали тѣ розы на пальцы...
 Мара шила и плакала горько,

И тихонько матери сказала:

«Боже!... Майко! что это такое?

Объ розы съ головы упали...

Богъ избави, что-нибудь схучится!..¹⁷⁾

Что-то сильно гвоздиковъ пахнет¹⁸⁾,

А косою еще больше пахнет,

И какъ будто Йовиной косою¹⁹⁾:

Пахнетъ розой, дорогая майко!

Пахнетъ розой у нашего дома...

Не душа ли то носится Йови?...²⁰⁾

Пахнетъ розой:—идеть ко мнѣ мой милый!...»

Тихо мать ей на это сказала:

«Не блажи ты, дорогая дочка!

Вѣрь мнѣ, Йово цѣлуешь другую,—

О тебѣ же теперь и не вспомнить!...»

И вскочила, какъ въ безумьи, Мара:—

«Не добро ты вѣщуешь мнѣ, майко!...

Роза пахнетъ:—онъ здѣсь, мое сердце!»

Мигомъ съ вышки спустилася Мара,

За ворота на улицу вышла.

Увидала жемчужную вѣтку²⁰⁾,—

Побратимовъ заклиняетъ Богомъ:

«Чья то, братья, жемчужная вѣтка?»

Отвѣчаютъ ей два побратима:

—«Это вѣтка молодого Йовы.»

Мара просить носильщиковъ юныхъ:

«Ради Бога, носильщики братья,

Опустите на травку Йована—

Пусть хоть мертвымъ его поцѣлую,

Вѣдь живого я не цѣловала!...»

Ради Бога услышана просьба:

Тѣло Йовы на травку спустили;

Брѣшко Мара къ мертвецу прильнула...

И припавши къ мертвецу живая,—

Ужъ безъ жизни осталась у гроба.

Плачетъ Фата съ матерью Йована,
Бѣдной Мары плачетъ мать родная,
Горько плачетъ, прокликаетъ страшно:
«Богъ накажетъ, Йванова майко!

Не веѣла живымъ ты любиться, —
 Такъ ты мертвымъ теперь не разлучишь...»

Стали Марѣ гробъ тесать мечами, —
 И тогда, вавъ понесли Йована,
 Положили въ доновище Мару;
 Какъ Йована принесли въ могилѣ,
 Со двора ужъ выносили Мару;
 Какъ Йована спускали въ могилу,
 До могилы доносили Мару.

Ихъ въ могилѣ одной скоронили,
 И руками ихъ соединили;
 Положили имъ яблоко въ руки ²¹⁾: —
 Пусть же знаютъ, что они любил!...
 Ихъ одною землею покрыли,
 Зеленѣла на нихъ одна травка.
 Шли одною дорогой старухи,
 Съ ними шла и Фатима-невѣстка...
 Идутъ вмѣстѣ кладбищемъ въ деревню,
 Провищаютъ молодыхъ и старыхъ,
 Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ.

Мало время съ тѣхъ поръ пролетѣло:
 Изъ Йована выросъ боръ ²²⁾ зеленый,
 А борика выросла изъ Мары,
 И по бору виласа борика,
 Словно вьются шелковыя нити
 По пучку изъ душистаго смля ²³⁾,
 Чемерица-жъ — вогаѣ ихъ обонхъ... ²⁴⁾

Боже правый! за все Тебѣ слава...
 Наважи Ты молодыхъ и старыхъ,
 Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Четыре списка второй вписанной пѣсни напечатаны въ первой части *Сербскихъ Пѣней*, собранныхъ Вукомъ Стевановичемъ Караджичемъ (изданіе 1841 года). Первый списокъ, подъ № 342, озаглавленъ «Смѣръ Ивана и Елены» (из Синья у Далмаціи); второй, подъ № 343, называется: *Смѣръ Омера и Мериме*.

Эта пѣсня въ разныхъ вариантахъ поется повсѣднѣе, гдѣ только находится сербское народонаселеніе.

Въ первый разъ В. С. Караджичъ слышалъ эту пѣню въ Тершинѣ, въ Далмаціи, отъ турецкаго цыгана изъ Востин; но, къ сожалѣнію, не записалъ ея со словъ цыгана, тѣмъ болѣе, что его пѣсня, какъ замѣчаетъ В. С. Караджичъ, оказалась впоследствии и самою большою, и самою лучшею въ эстетическомъ отношеніи между многими вариантами этого произведенія народной сербской поэзіи.

Однѣмъ изъ вѣстныхъ русскихъ славинистовъ, а именно тому гдѣ 15 воавратомъ изъ путешествія по славянскимъ землямъ, привезъ съ собою рукописный списокъ второй пѣсни, превосходящій во всѣхъ отношеніяхъ упомянутые четыре списка, напечатанные В. С. Караджичемъ. Можно полагать, что пѣсня, слышанная имъ отъ цыгана, и почему-то не записанная, записана нашимъ ученымъ славинистомъ, съ рукописи котораго (до сихъ поръ не напечатанной) и переведена предлагаемая теперь русскимъ читателямъ сербская народная поэма *Йово и Мара*, то-есть: *Иванъ и Марья*.

Она названа мною не пѣсней, а поеной, потому что заключаетъ въ себя полный, замкнутый кругъ жизни и всѣ вѣвшіе художественные приемы эпической повны, встречающіеся только въ большомъ и строго-организованномъ произведеніи народнаго эпоса.

По свидѣтельству черногорца Саввы Плаавца, эта пѣсня въ Черногоріи поется къ хоромѣ (въ коло), безъ сопровожденія гуслей.

Она переведена разкѣромъ подлинника съ сохраненіемъ даже и ритма его.

Чтобы читать ее правильно, неизлишне будетъ объяснить разкѣръ ея, отчасти не похожій на общеупотребительные у насъ разкѣры. Здѣсь каждый стихъ состоитъ изъ 10 слоговъ, составляющихъ собою два хорая съ цезурою послѣ нихъ и два амфибрахіи (—о | —о || о—о | о—о), что, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно читать и какъ-бы трехстопный анапестъ.

Но, между этого рода стихами, попадаются иногда стихи въ пять дореєвъ, состоящіе все-же-таки изъ 10 слоговъ какъ, на примѣръ:

*Не богатство серебро да золото,
А богатство, что дорого сердцу.*

Это придаетъ стиху болѣе ритмическаго теченія и музыкальных отгѣнковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую-то, свойственную прозѣ, безыскусственную простоту, которая скрываетъ неамѣтно небольшое равнообравіе разкѣра.

Принявъ въ соображеніе сказанное мною, читатель увидитъ, что въ каждомъ словѣ повны удареніе стоитъ естественно на своемъ мѣстѣ и для стиха нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не переставляется.

Подобное отступленіе отъ рутинныхъ, общеупотребительныхъ разкѣровъ стиха представляетъ слѣдующее мѣсто изъ русской народной пѣсни о «Хмѣлѣ»:

«Хвѣлюша по торгу гуляеть,
 Да я свѣтъ себѣ Хвѣля инвѣляють:
 Что и нѣтъ те мѣня Хвѣлюшнѣ лучше,
 Хвѣлюшнѣ мѣнѣ вѣдѣсть вѣсѣле.»

Этотъ стихъ не можетъ быть подведенъ ни подъ какую форму общепринятыхъ, или извѣстныхъ раамѣровъ, а между тѣмъ овъ проникнуть тонкою музыкальностью и неуловимо-художественнымъ ритмомъ, безотчетно и непосредственно понятнымъ только поэтическому чувству.

Знакомые съ техникой дѣла поймутъ всѣ трудности этого перевода. Въ немъ нужно было набѣгать и общепотребляемаго у насъ стихотворнаго языка, и, во многихъ случаяхъ, простонароднаго русскаго языка съ его особенностями, чтобы, сохраняя своеобразную простоту подлинника, не свѣять характеристическихъ оттѣнковъ его въ выраженіи, тонѣ и содержаніи, исключительно свойственныхъ извѣстной народной словесности.

Подобныя трудности особенно представляются въ переводахъ поэтическихъ пронаведеній близкихъ, соплеменныхъ народностей.

2) *Вила*—внѣшесное существо сербской деконологин, означающее нѣмѣу горь, лѣсовъ и пустынныхъ мѣстъ, существо въ родѣ нашей русалки или новогреческой айлуды (аѵлеѹда—безплотная).

3) *Йованъ* тоже, что *Йово—Иванъ*.

4) *Перо* вообще принимается какъ дорогой головной уборъ у мужчинъ и у женщинъ. Собственно таиъ-называемое перо дѣлается или изъ настоящихъ птичьихъ перьевъ, или бываетъ металлическое со вправленными въ него жемчужными зернами или драгоценными камнями. У прежнихъ султановъ до реоормы Махмуда чалма всегда украшалась перомъ изъ драгоценныхъ камней. Въ настоящемъ случаѣ перо означаетъ драгоценность.

5) *Атлагица Злато*. Атлагичи—богатая и знатная сербская фамилія беговъ, въ Босніи и Герцоговинѣ, принявшая мусульманство. *Злато* — золото, драгоценность, клейводъ, дорогое

кому-либо существо. Юноши и дѣвушки для ихъ родителей—звато; жена для мужа и т. п.

6) *Майко*—звательный падежъ отъ ласкательнаго слова *майка*—матушка.

7) *Марница* то же, что *Мара*—*Марья*.

8) «*Къ другой соколици*» значитъ здѣсь — въ другой красной дѣвицѣ, такъ какъ соколомъ называется добрый молодецъ. Это общее эпическое выраженіе. Мотивы, заключающіеся въ этихъ двухъ стихахъ, встрѣчаются и въ другихъ пѣсняхъ.

9) *Фатима* тоже, что в *Фата*—имя мусульманское.

10) *Сириня*—сундукъ.

11) *Тамбура*—инструментъ въ родѣ балалайки съ металлическими струнами, на которомъ играютъ маленькою палочкой изъ черешневой коры.

12) Этими пѣснями показывается, что *Йово* относится къ *Фатѣ*, какъ къ совершенно посторонней для него дѣвушкѣ, оттого ее и цѣлуетъ не въ губы, а въ лобъ, или, какъ выражается пѣсня «между главъ».

Такое же отношеніе *Йово* въ *Фатѣ* показываютъ и слѣдующіе стихи:

«Самъ снялъ поясъ къ самѣ раздѣвался
Самъ отъ вѣшалъ оружье и алаты.»

Потому что, по обычаю, жена раздѣваетъ мужа въ этомъ случаѣ.

13) *Коло*—круговая пляска.

14) *Пошмаз*—остроконечный, нѣсколько поднятый кверху башмакъ, что у турокъ называется папучи. Пошмаги бываютъ савьяновыя и бархатныя, шитыя золотомъ.

15) Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ пѣвцомъ, со словъ котораго списана пѣсня, пропущенъ одинъ стихъ. Собираясь съ другими пѣснями, при подобнаго рода эпическихъ мотивахъ, можно полагать, что свекровь, неожиданно увидя плачущую невестку, негодуетъ на сына, который на другой день свадьбы ужъ успѣлъ

обидѣть свою жену, и заставилъ ее плакать: потому-то старуха и говоритъ о виновникѣ слезъ Фаты:

«Пусть я плачу по немъ безъ толку.»

16) *Мирика* —галстухъ, ширинка, платовъ, большею частію шитый по краямъ шелконъ или золотомъ.

17) Цвѣты, нечаянно упавшіе съ головы, принимаются вдѣсь, по повѣрью сербовъ, какъ худое предвѣщаніе.

18) Мертвыхъ украшаютъ въ гробу, между прочимъ, и цвѣтами гвоздики.

19) Сербы носили косы, или длинные волосы, всеъ зачесанные назадъ и запущенные за уши, для чего они и поддерживались напередѣ небольшою гребенкой. Вообще, у сербовъ коса значитъ то, чтб по-аранцузски называется *chevelure*.

Роза, какъ роскошный и благоуханный цвѣтокъ, предпочитается у сербовъ всевъ цвѣтамъ, и потому волосы Йово для любящей его дѣвушки должны пахнуть розой. Она увидеть его по запаху розы; онъ ей представляется не иначе, какъ окруженнымъ благоуханіемъ розъ.

20) *Жемчужная вѣтка*. Знатные сербы носили такъ-называемый калпакъ, въ родѣ нашего кавачьго кивера. Онъ былъ изъ соболяго мѣха съ краснымъ бархатнымъ верхомъ, спускающимся на бокъ, и оканчивающимся золотою кисточкой. На калпакѣ прикрѣвлялась серебряная вѣтка съ листьями, составленными изъ ячеекъ, въ которыя вставлялись жемчужныя верна, или драгоценныя камни. Калпанъ съ втою вѣткой, или одну вѣтку, вѣроятно, носилъ передъ похоронною процессіей, между другими атрибутами вонна.

21) Яблоко здѣсь принимается, какъ даръ, какъ эмблема любви. Въ сербскихъ пѣсняхъ часто упоминается, что дѣвушка, давая зубомъ яблоко, даритъ его своему милому.

22) *Боръ* и *Борика* одно и то же дерево и, въ епискоскомъ представленіи, является здѣсь жъ мужескомъ и женскомъ полѣ,

какъ виблена. Это дерево принадлежитъ къ хвойнымъ ивъ вида сосны (*Pinna sylvestris*).

23) Смиль — сухое душистое растеніе съ желтыми, мелкими нѣсколько больше булавочной головки цвѣтками.

Въ Сербскомъ словаря В. С. Караджича оно названо *Gnarba-linm ageragim*; по Линнею, по-нѣмецки—*Sandruhr Kraut*. По Декадолю — *Helichriem ageragim*; *immortelle éternelle* по-французски. Растенію, принадлежащему къ атому роду, въ Россіи нѣтъ общего названія.. Кому неизвѣстна у васъ путаница въ народныхъ ботаническихъ названіяхъ?.. Нѣчто, приближающееся въ атому растенію, въ Воронежской губерніи называется ботородскою травой, въ Орловской—~~сиронивтомъ~~, въ Полтавской—дмивомъ жовтымъ. Смиль, по произношенію босняковъ и герцоговинцевъ — *цимль*, подходитъ къ полтавскому названію. Все это заставило меня въ повнѣ оставить сербское названіе—смиль.

Смиль, какъ сухой, слѣдовательно, неувядающій цвѣтокъ, привозится въ Сербію съ юга. По своему пріятному запаху, онъ употребляется между искусственными цвѣтами, въ вѣнкѣ невѣсты, при брачномъ нарядѣ. Онъ прикрѣпляется краснымъ шелкомъ къ обручнику вѣнка. Дѣвушки иногда носятъ пучочки смилы, закладывая ихъ за уши. Онѣ, отъѣзжая куда-нибудь въ гости, въ большое собраніе, берутъ съ собой по букету смилы, перевитому краснымъ шолкомъ, в дарятъ взаимно другъ-другѣ. Букетъ смилы употребляенъ для сравненія во многихъ сербскихъ пѣсняхъ.

24) Чемерица (чемерина, по-сербски), известное наркотическое растеніе, вибленатически означаетъ у сербовъ горе, печаль горечь. Желчь по-сербски называется *жучъ* и *чемеръ*.

I

Т и ш и н а .

Въ моей душѣ давно мкнули бури;
Ужъ мнѣ чужда теперь иль мрачная краса,
И надо мной, безъ тучъ и безъ лазури,
Какъ надъ пустынею, нависли небеса.

Спокойно всё во мнѣ и безмятежно,
Невозмутимая такая тишина,
Что мать-бы мнѣ завидовала нѣжно,
И счастья слезой заплакала-бъ она...

Но, за враговъ молившійся Спаситель,
Къ Тебѣ я возношусь сердечною мольбой: —
Моимъ врагамъ, земной неправды Мститель,
За злобу не воздай подобной тишиной!

II.

Встрѣча.

Я съ нею встрѣтился нежданно и случайно;
 Съ разлукой долгою прошла моя любовь:
 Но чувствовалъ тогда я въ сердцѣ трепеть тайный,
 Какъ будто полюбить оно хотѣло вновь...
 И чувство то мнѣ было непонятно,
 Безмысленно казалось чувство то,
 Чтобъ жить преданьями и призывать обратно,
 Что въ свой черѣдъ, какъ должно, прожито.
 Съ тѣхъ поръ я возмужалъ и сердцемъ, и душою,
 И такъ теперь любить, какъ я любилъ тогда,
 Мнѣ показалось натяжкою смѣшною
 И дѣтской глупостью въ недѣтскіе года.
 Любить по прежнему мнѣ было невозможно,
 Любовію иной любить я не доросъ...
 Въ душѣ нѣтъ новаго, а старое всё ложно,
 Нѣтъ новыхъ радостей, нѣтъ въ сердцѣ старыхъ слѣзъ.

III.

Когда любовь моя смущаетъ ваше счастье,
 Забудьте про неё... Зачѣмъ меня любить!
 Я благодаренъ вамъ за прошлое участие, —
 Я вашимъ счастьемъ буду жить.

Пора мнѣ въ путь... Скажите мнѣ, не вы-ли
 И кровь любви простерли надо мной,
 И, странника, меня у сердца пріютили,
 Гдѣ я гостилъ, и отдохнулъ душой?...

Невольны мы въ любви и въ охлажденьи:
 Я васъ не упрекну пзмѣной никогда...
 Нѣтъ! Чувство, вавъ и мысль, всегда горить въ движеньи,
 И чувству есть свой возрастъ и чреда...
 Но какъ боялся я, чтобъ вы не помутили
 Слезю обо мнѣ своихъ небесныхъ глазъ...
 Я счастливъ тѣмъ, что вы меня забыли,
 Я счастливъ тѣмъ, что ве забуду васъ!

IV.

«O, Rimembranza!»

Смѣнились отчаянья тоскою
 Лучи надежды молодой...
 Всему конецъ!... Но чтб-жъ передо мною
 Мгновенною падучею звѣздою
 Мелькавъ свѣтлый призракъ твой!

Всему конецъ, но безъ конца страданье:
 Вотъ всё, что я подъ сердцемъ берегу...
 Прощай любовь, блаженство, упованье!—
 Но отчего прибавить не могу:
 Прощай и ты, воспоминанье!

V.

Примиренье.

О, засни, мое сердце, глубоко!
 Не буди: — не пробудишь, что было,
 Не зови, что умчалось далёко,
 Не люби, что ты прежде любило...
 Пусть надеждой и лживой мечтой
 Не смутится твой сонъ и покой.

Для тебя невозвратно былое,
 На грядущее нѣтъ упованья...
 Ты не знало въ блаженствѣ покоя,
 Успокойся-жь на ложѣ страданья,
 И старайся не помнить зимой;
 Какъ срывало ты розы весной!

VI.

* * *

Созданье милое! мнѣ грустно за тебя:
 Несу я крестъ одинъ съ тобою.
 Душою братскою страдаю и люблю,
 Молю, своей мучительной тоскою,
 Мой ангель, подѣлись со мною!

Я знаю, — ты моихъ страданій не поймешь;
 Но я пойму тебя для бблшняго страданья...
 Ты, не понявъ, меня слезами обольешь, —
 Но я пойму тебя безъ слёзъ и безъ рыданья.

Мнѣ легче... Я узналъ, — ты счастливѣй неанд:
 Тебѣ еще остались слѣзы
 И вспышки свѣтлыя сердечнаго огня,
 И суетѣрія младенческія грѣзы...

Но я несчастливѣ гнѣнь, что горько одному
 Страдать безъ слѣзъ, безъ словъ, безъ вѣры,
 Что мертвы для меня преданья и принѣры,
 Что дѣтскп я не вѣрю ничему!...

VII.

Д у б ъ и Л і а н а .

Что обвилаь, зеленая Ліана,
 Вокругъ меня съ любовію такой!...
 Я испыталь удары урагана,
 И не одна гроза промчалась надо мной...
 Ты видишь-ли, я одинокъ и мраченъ,
 Безжизненный, какъ остовъ обнаженъ,
 Печатію презрѣнія означенъ,
 И въ безпробудный сонъ на-вѣви погруженъ.
 А тамъ... смотри!... въ цвѣтушемъ возрастахъ
 Роскошной жизнию колышутся гѣса,
 Исполнены красой благоуханья,
 Прохладой свѣжею. Надъ ними небеса
 Голубиной спокойною сіяють,
 Ихъ человекъ коснуться не посмѣтъ,
 И волны ихъ корней не подмываютъ...
 Ты видишь-ли, какъ счастливъ ихъ удѣлъ!

Цвѣти-же тамъ, Ліана молодая,
 Со мной но трать сердечнаго огня!...
 Я о любви молчу, неволью повторяя:
 Не обвивай, не обвивай меня!

VIII.

N o t t u r n o .

На мѣва изъ цвѣтущаго сада
 Освѣжительно вѣетъ прохлада;
 Ароматы несутся въ окно,
 Въ небесахъ и свѣтло, и темно.
 Многозвѣздная ночь окаймил
 Отливнымъ серебромъ дерева,
 На озѣрахъ горитъ синева,
 И такъ страстно ночныя свѣтила
 На красавицу землю глядятъ,
 Будто пасть ей въ объятія хотять...
 Опускаясь, вздымаются воды:
 Онѣ кажутся грудью природы,
 И бѣненіе сердца ея.
 Будто слушаетъ ухо мое.
 Ко всему во мнѣ дышетъ сострасть,
 И похоее что-то на счастье
 И на жизнь пронеслось надо мной...
 Я разцвѣлъ первобытной весной.

О, давно позабытая мною,
 Ты меня позабыла давно! —
 Но нежданно мнѣ этой порою
 Твое имя призвать суждено,
 И спросить тебя съ прежнею страстью:—
 Что въ душѣ у тебя въ этотъ часъ?...
 Хоть мгновенному вѣришь-ли счастью,
 Что на-вѣки умчалось отъ насъ?...
 И полна-ль твоя жизнь благодатью,
 Иль хоть тихимъ забвеньемъ полна,
 Или все предала ты проклятью,
 Чѣмъ тебя чаровала она?

Пламенѣть-ли взоръ твой порою,
И цвѣтеть-ли румянецъ былой?...
О, скажи мнѣ, мой другъ, что съ тобою,
И душой угадай, что со мной!...

Но отъ милой не слышно отвѣта, —
Всѣ вокругъ равнодушно молчатъ;
На привѣтъ не даютъ мнѣ привѣта:
Голосъ милой моею не звучитъ.

Объ участи молящія очи
Я къ свѣтиламъ торжественной ночи
Простодушнымъ младенцемъ вознёсь;
Но въ потоки моленій и слёзъ
Я участия къ себѣ не замѣтилъ:
Былъ прекрасно, во холодно свѣтелъ
Обаятельный воздухъ ночной
Безъ созвучья съ моею душой...
Я хотѣлъ, чтобъ суровыя бури
Помрачили сіянье лазури,
И, въ гармонию, тьмой и борьбой,
Чтобъ слилася природа со мной.

IX.

М и н ь й о н ъ.

(М. П. К.)

Пусть апрѣль распускается дольше:
Намъ отраднѣ первой весной...
Не расти, мои дѣвочка, больше:
Ты чаруешь незрѣлой красой!

Не для грозъ ты палящаго лѣта,
Не для позднихъ плодовъ создана...
Хороша ты, зарёю одѣта,
Пробудившись недавно отъ сна...

Ты надеждами дѣтства прекрасенъ,
 Неразвитый, но милый цвѣтовъ!
 Нѣтъ, твой поддень не будетъ такъ ясенъ,
 Какъ облитый румянцемъ востокъ...

Ты невольно въ житейскомъ волненъи
 Отдалишься отъ правды твоей: —
 О, постой-же на этомъ мгновенья...
 Не люби, не цвѣти и не зрѣй!

X.

Безмолвіе.

— Я помню часъ восторженныхъ рѣчей,
 Какъ тайны всѣ души тебѣ я открывала,
 Всю страсть любви безвыходной моею,
 И горько плакала, и сладко цаловала:
 Скажи, зачѣмъ безмолвенъ и угрюмъ,
 Потупя мутный взоръ, стоялъ ты предо мною,
 И на лицѣ твоемъ сочувствія и думъ
 Не выражалось той грустной порою?...

— О, замолчи, не спрашивай зачѣмъ! —
 На многое тебѣ я не далъ-бы отвѣта:
 Понявъ меня неполно, несовсѣмъ,
 Я вѣрю, — истинной ты страстію согрѣта...
 И мнѣ въ тотъ мигъ сказала она:
 Теперь не такъ её прослушалъ-бы я снова;
 Тогда-же тѣмъ душа была полна,
 Чему ни звука нѣтъ, ни образа, ни слова...

XI.

Въ альбомъ С. А. С.....вой.

Тяготѣть жизнь надъ нами
Безобразіемъ и зломъ,
Тьмой накопленной вѣвами,
Лжи постыдными цѣпами
И порутаннымъ добромъ.

Тяготѣть такъ, что, право,
Хоть живой въ ноглу-бъ лёгъ,
Кавъ взглядишься мыслью здоровой,
Что законно или лукаво
Благоденствуетъ поровъ, —

Еслибъ Божьей благостыней,
Средь жлтейсвой пустоты,
Надъ общественной пустыней,
Не затеплились святыней
Звѣзды стройной Красоты...

Звѣзды тѣ въ стихахъ поэта,
Въ краскахъ, въ звукахъ и въ рѣзвѣхъ
Да въ тебѣ — предвѣстникъ свѣта,
Линь надежды, взоръ привѣта, —
Наша женщина, въ тебѣ!...

Восходящее свѣтило!
Къ Вамъ стремлюся я съ мольбой: —
Красоты духовной силой
Нашъ согрѣйте путь умный,
Проясняя путь прямой.

XII

Не внемлешь ты суженьямъ свѣта,
 Затѣмъ, что выше ты его,
 Что онъ не можетъ дать отвѣта
 На вопли сердца твоего,
 Что мысль души твоей глубокой
 Ему темна, ему чужда;
 Ты впереди отъ насъ далѣко,
 Небесъ не нашихъ ты звѣзда!
 Живой намѣвъ на жизнь иную,
 На жизнь, что будетъ впереди,
 Глаголь Небесъ и страсть земную
 Миришь ты въ любящей груди.
 Ты истина безъ покрывала,
 Въ лучахъ духовной красоты,
 И надо мною возсіяла
 Женою Будущаго ты.
 Въ себѣ душа твоя питаешь
 Высоко-сознанную страсть,
 Преданій нашихъ презираешь
 Всеобожаемую власть...
 И въ ней ничто не идетъ мимо,
 Найдется въ ней всему вопросъ,
 И, жаждой знанія палимый,
 Твой духъ развился и возросъ...

Я предъ судьбой поникъ душою,
 Я въ горѣ страсти извратилъ,
 Болѣзнь бездѣйствія съ тоскою
 Къ себѣ я въ сердце допустилъ.
 Какъ рабъ библейскій, зарываю
 Свой даръ божественный въ глуши,
 Безъ смысла въ жизни я страдаю,

Губя всё лучшее души.
Я о конечномъ только плачу,
Про безконечное забывль,
И жияни мудрую задачу
Однимъ лишь воплемъ разрѣшилъ.
Меня пугаютъ ложность вѣка,
Его страданья и застои,
И дикость жизни человѣка, —
И нѣтъ исхода предо мной...
Но моего коснулся слуха
Твой гласъ, исполненный любви...
О, Бога Жизни, Бога Духа
Бо мнѣ скорѣ призови! —
Да, гвѣрдъ подь бурями земными,
Я зрѣю сердцемъ и душой,
Да будетъ асенъ мнѣ за ними
Путь назначенія прямой: —
И буду знать, что не одинъ я,
Что есть сестра душѣ моей,
Что сынъ людей и Бога сынъ я,
Что я живу въ груди твоей...
О, просвѣтля-же и осмысли
Мнѣ жизнь мою любви лучомъ:
Да въ миръ иду, во нма мысли,
Съ тобою объ-руку вдвоёмъ.

XIII.

Человѣкъ поколѣнія.

Я годами молодѣ:
 Страсти одряхлѣли,
 Пустота и холодъ
 Душу одолѣли.

Вяло все созрѣло,
 Жизнью не питалось;
 Мысль искала дѣла, —
 Дѣло не давалось....

Съ чуждымъ мнѣ призваньемъ,
 Вопреки природѣ,
 Былъ я всвормленъ знаньемъ
 Не въ своемъ народѣ....

Пересталъ страдать я:
 Нѣтъ ни сна, ни битвы,
 Нѣтъ въ устахъ проклятья,
 Въ сердцѣ явѣт молитвы.

АЛБОМЪ ИЩОХОНДРИКА.

АЛЬБОМЪ ИППОХОНДРИКА,

СОБРАНИЕ

ЭПИГРАММЪ, КСЕНІЙ, ЯМБОВЪ

И ВСЯКАГО САТИРИЧЕСКАГО

ЕРАЛАША И ШКОЛЬНИЧЕСТВА,

ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ

Треку Николаики Омѣга.

ИППОХОНДРИКА

(Петербургъ).

1857.

Expiatio.

Оставляю здѣсь нѣсколько эпиграммъ, не уничтожаю ихъ, не предаю забвенію — для *наказанія самого себя*, въ укоризну себѣ.

Оставляю ихъ еще потому, что онѣ были относительной правдой души моей въ извѣстный моментъ, — хоть между правдой души и объективной истиной нерѣдко бываетъ огромное разстояніе.

Онѣ тогда были не болѣе, какъ лирической вспышкой отъ извѣстнаго рода современныхъ впечатлѣній, разговоровъ, взглядовъ, литературныхъ кружковъ и т. п.

Я теперь смотрю на нихъ какъ на распущенную запальчивость моихъ заблужденій, мысли и чувства.

Я разумѣю здѣсь эпиграммы на А. Н. Майкова, Аксаковыхъ, Н. В. Гербеля и, къ сожалѣнію, еще на многихъ другихъ, можетъ быть... Сюда-же относятся эпиграммы на М. П. Погодина, П. И. Мельникова.

Итакъ, — я очищаю себя, по возможности, этимъ душевнымъ наказаніемъ.

15. октября, 1863 г.

Николай Щербина.

*„Еще быть младенцу, или младенцу плакаться,
или младенцу мудрствовать, или младенцу сме-
яться: егда же быть мужу, омерзюте младен-
ческа“.*

*Августин Павелъ. (Первоу проповѣдіе
къ Коринѣямакъ).*

Πάντα χέλω.

Aethologia.

Все смѣшно.

Изъ Греческой Aethologia

Аттестаты студіозусамъ семинаріи.

I.

Данъ сей студіозусу семинаріи *Аполлинарію Тропаревскому*, прошедшему чрезъ непроходимую дебрь философіи и скитавшемуся по классамъ бурсы сорокъ лѣтъ, аки Израиль по пустынямъ Аравійскимъ, и приступающему днесъ къ возложенію на рамена своя тяжелаго пастырскаго бремени, улаждаемаго токмо единою чревопитательвою кутією.

Бывшу ему подъ сѣнію зловенціи, оный, въ потѣ лица своего, упражнялся въ составленіи лѣпорѣчивыхъ періодовъ, казусныхъ синеводохъ и хрій, како порядочныхъ, тако автоианскихъ и превращенныхъ; а паче всего въ композиціи велелѣпныя ораторскія конклюдія, яже на концѣ ораціи полагается, сочетавал оную съ витіеватою интродукцією. Но, не взирая на искусительныя соблазны представляемыя вертоградомъ словесности, оный Аполлинарій, отнюдь не предавался тщетному стиходѣйству; но точію умудрялся въ ономъ изъ припоминаемыхъ книжицы, глаголемыя „Телемахида“, нисанныя медоточивыми перстами, блаженныя памяти, велемудраго мужа и профессора зловенціи Василія Кирилловича Тредіаковскаго, заучая, денно и ношно сладостныя стихи его и почерпая изъ онаго неизглаголанныя лѣпноты словесныя.

Вывшу ему обуяну силою врасноглаголаніа, онъ, Аполлинарій, произнесъ витіеватую рѣчь надъ усопшимъ пономаремъ Трифономъ Звонаревскимъ, вой зѣло угобзися *) въ сниманіи жупела съ свѣщъ перстами, исправляя при томъ оффиціи велегортаннаго стихарнаго дьячка, кой преданъ бѣъ обычному, по вся дни, запою. Сія рѣчь его хранится въ книгохранилицѣ на шея бурсы, како по изяществу витійства, тако и по истинному изображенію житія сего доблестнаго кадиловозжигателя и клепателя во трезвоны, за что и пожалована ему бѣ въ награду отъ всещедрыя руки префекта вельми мудрая книжица, глаголемая: „Рѣчь о чистотѣ россійскаго языка“, произнесенная чрезъ Василія Тредіаковскаго, въ градѣ св. Петра, тщательно и лѣпообразно переплетенная въ тельчу кожу.

Вступившу же ему въ курсъ филозофіи, оный рачительно и съ преуспѣваніемъ подвизался въ составленіи главокружныхъ диллеммъ, эпихереммъ, энтимеммъ, соритовъ, плѣшивыхъ и рогатыхъ силлогизмовъ (sillogismus cornutus) и иныхъ филозофскихъ словоизвитій, и тако искусенъ бѣ въ словопреніи и въ силѣ убѣжденія, что лишь токмо въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ ко всевластной помощи, такъ-называемаго: „argumentum baculinum“, не взирая на то, что, по вѣковому и непреложному положенію семинарскаго краснорѣчія, токмо единое—(argumentum baculinum eloquentiae fundamentum est **). Сіе въ переводѣ толкуется тако: „палочное убѣждение есть основаніе всякаго краснорѣчія“).

*) «Искусися». — Поправка профессора влоквиенци.

***) И въ наши дни синъ исконыиъ и непреложнымъ правиломъ бурсы съ величайшимъ успѣхомъ воспользовался и понынѣ достойно употребляетъ оное, такъ-называемый, президентъ богоотступныхъ и натежелюбивыхъ Галловъ, Людовикъ - Бонапарте.

Егда же преступи въ курсъ богословія, оный немедленно посвященъ бѣ въ честный стихарь и воніалъ на паперти церковныя: 1) противу лихоимныхъ виночерпѣвъ, незаконно претворяющихъ вино въ воду, и 2) противу студныхъ блудницъ, разверзающихъ на распутіяхъ гнусныя ложесна своя всякому мимоидущу.

Сей глѣпообразный, аки кринъ сельный, смиренный, яко агнецъ, и кроткій яко голубица, дисципулюсь въ поведеніи своемъ бѣ зѣло добропорядоченъ.

Къ презусу, префекту, прецепторамъ и инымъ пре-державшимъ властемъ толико бѣ почитителенъ, что, узря еще издали единаго грядуща отъ сихъ велемудрыхъ мужей, абіе срывалъ покровы съ брениа главы своея и падалъ ницъ, повергшись во прахъ, дондеже сей мужъ не сокрывался отъ очесъ его, хотя бы сіе было на разстояніи цѣлыя стадіи, или въ лютый мразъ.

Лице его бѣ всегда омовенно и глава унащенна елеемъ, но не похищенныи со свѣтильниковъ церковныхъ во время всеощаго бдѣнія.

Во дни будніе онъ носилъ благообразный халать, а во дни, посвященные Господу, хитонъ, глаголемый нынѣ сюртукъ, коего полы касашася долу; но онъ носилъ сію благолѣпную одежду отнюдь недля соблазна ближнаго, а тоьмо для покровенія срамоты тѣлесна.

Не облачался въ аллеманскую куртѣу съ демоно-подобными хвостами, яже отъ нечестивыхъ Галловъ и еретическихъ Аллеманъ фракѣмъ нарицается, коя естъ изобрѣтеніе Вельвеула, князя тьмы кромѣшніа.

Наступающу каникулярну времени, Аполлинарій, отправляясь въ домъ родительскій, не возсѣдалъ на колесницы, яко нечестивый Фараонъ, но шелъ пѣшкомъ, аки Іаковъ въ Мессопотамію къ дядѣ своему Лавану,

слѣдую словесамъ царя Давида: «Блаженъ, иже и скоты милуетъ.»

Не расточалъ имѣнія отца своего на многоразличныя драгоценныя и банкетныя сласти, како - то: на подсолнечное сѣмя, сушенныя груши, моченое терніе и инныя симъ подобныя сластолюбивыя и драгія яства, аки древле расточительный язычникъ Лукуллъ; но сохранялъ денаріи своя во глубинѣ калиты своей.

Не пожиралъ съ неистовою жадностію брашенъ и снѣдей сухоядивыя бурсы, но, ббльшею частію, питался подающимъ добротныхъ дателей, или немногими крупницами, падающими отъ трапезы ихъ, ходя подъ огнями благочестивныхъ парафіанъ, съ вертепомъ или же псалмопѣніемъ и славословіемъ.

Не объѣдался, до распоясанія ризъ, несчетнымъ количествомъ пироговъ или чрезъ нѣру кутію и взваромъ въ ночь наканунѣ Богоявленія, при восходѣ первыя ввѣады, како чинимо то было отъ его сотоварищей, уже новотомъ лежащихъ у преддверій бурсы въ конвульсіяхъ и съ пѣною на устахъ, сопровождаемыхъ нѣкимъ адскимъ влокоташемъ во чревѣ и зловонною отрыжкою изъ онаго, подобно унитаннымъ тельцамъ или нечистымъ свиніямъ.

Егда же, трапезующу ему, попадался въ кашѣ нѣкій запещный ийсектъ, глаголемый тараванъ, то Аполлинарій, бояся ущерба для казны скудоденежныя бурсы и соблюдая экономію ея, съѣдалъ онаго таравана купно съ кашею, а паче всего памятовалъ изреченіе Библіи, идѣ-же глаголется тако:

«Все создано есть на потребу человѣка....»

(Окончаніе сего манускрипта изъѣдено моіемъ и червіемъ).
Копія сія списана въ архивѣ съ подлинника нѣкимъ пштою, покрытымъ мракомъ неизвѣстности. (Харьговъ, 1841).

II.

№ 77777777.

Копія.

Данъ сей студіозусу семинаріи *Викентію Курильскому*, исключенному на основаніи Семинарскаго Регламента и иныхъ прочихъ узаконеній, въ томъ, что оный прошедъ многотрудную и тернистую стезю злоквенціи и вступивши уже за прагъ философіи, сирѣчь любомудрія, совратися съ пути истины и благонравія и предадеса: гортанобѣсію, чревонеистовству, кощунству, киченію и рукобѣсію, за что многожды біемъ бѣ вервиемъ по бедрамъ, батожіемъ по чресламъ, жезломъ по рамевамъ и дланію по ланитамъ отъ смиренныя десницы префекта; тааоже заплеваніемъ въ зрагъ и заушеніемъ отъ презуса сугубо истязуемъ бѣ, аки лютый и необузданный вепрь; еще и многія другія пакости чинимы ему быша отъ его же кондисципулюсовъ за неизреченное вертопрашіе и презорство. Не видя же его, Викентія, обращающагося на стезю смиренномудрія, но тысящекратно ввергающагося въ любоплотіе, праздноштаніе, лихоиманіе, стихобѣсіе, женолюбіе, аозлопѣніе и возлогласованіе, и притомъ, уличенна бывша въ покищеніи неправедно, аки тать, нѣскольکو сосудовъ тучныхъ и добродныхъ, бурсѣ принадлежащихъ, галушеѣ и нѣскольکو чашъ многотимья и сладкосмачныхъ кутіи; еще же и у церковнаго служки унесша тайно, подъ заплечіемъ хламиды, четыре красоули пѣннаго и горячаго, сердце-бѣснующа напитва, коимъ оный Викентій, пресыщенный, всякое яствіе или снѣдь чрезъ мѣру запивалъ, аки левіаѳанъ въ пучинѣ морстѣй, сопровождая сіе гортанное упражненіе куреніемъ богопротивнаго зеля, сирѣчь злосрад-

наго злаа, иже отъ нечестивыхъ Галловъ табакомъ нарицается. И зря его на вышеозначенныя наши кротвія и человеколюбивыя мѣры наказанія не взирающа, но еще на множайшая, горшая и тяжкая со дерзнове-ніемъ посягающа, како-то: подружися съ бѣсоугодными лицедѣи и скоморохи и со блудницы сопрягшеса и съ ними многія нечестивства и любодѣйства чиняща; та-кожде посланія, эпистолы и цидулки отъ оныхъ блуд-ныхъ женъ пріемлюща и онымъ таковыя же восписую-ща: — въ нихъ же есть истолкованіе неистовыя страсти и плотоугодныя любве; и въ субботу сыропустныя седь-мицы, въ вертоградѣ нѣаого виночерпія, поемше тайно лѣпоруннаго овна и, вземъ его бляща на рамена своя, притевъ въ предѣлы крѣпостныя бурсы и тамъ предаде его закланію; и на среброненавидящую, нелихоимную и нелицепріятную консисторію таковыя мнимолатинскія поговорки сочиняюща, якобы: „Consistorium protopororum, pororum, diaconorum, diatchcorum, pomomarogumque obdiratio et oblupatio est,“ *) и на честныхъ, гладолюбивыхъ и непрерывно въ воздержаніи пребывающихъ Іереевъ таковыя мерзопакостныя вирши сочи-няюща, якобы:

„П... издревле доказали
Неистовство утробъ своихъ,
И въ древности такъ славно *жрами*,
Что назвали *«жрецами»* ихъ.“

Опричъ всѣхъ сихъ мерзостныхъ окаянствъ, на стогнахъ града сего, въ прилежащихъ ему весяхъ и распутіяхъ о тааовыхъ своихъ студныхъ дѣяніяхъ

*) Употребляя при томъ самъ на торжищахъ при вулгѣ, жвѣзъ и продажѣ вапретное и хитросплетенное, тажъ - навывае-мое: «Агъ падуvанді.»

безъ зазрѣнія, громогласно и витіевато разглагольству-
юща и бывша его уже ветха деньми, мы смиренныя и
неусыпно-бдящіе презусы и префекты, со прецепторы
человѣколюбно изгоняемъ его, Викентія Курильскаго,
изъ чреды пасомаго нами юнаго и невозмужалаго стада,
аки нѣкое зловонное и зловачественное возлище: да не
претвнетъ непотребныя стопы своя ко прагу вратъ
высокостепеннаго нашего семнарскаго велемудрія.

Аминь.

Данъ въ лѣто отъ созданія міра 0000, въ богоспа-
саемомъ градѣ Переяславѣ.

На подлинномъ рукоприкладство учинили:

- Профессоръ зловенци Аванасій Ивановъ, сынъ
Синекдоха.
- Профессоръ абевергій Семеонъ Тропаревскій - Кондакъ.
- Скрѣпилъ Тайникъ Вагула Шульпика.
- Письмоводникъ: Тарасъ Метаморфозовъ - Козолуценко.
- Писарь Аксакій Боггосподіявисенсній.

Копія сія списана въ архивѣ съ подлиннаго нѣкимъ пѣнгомъ,
покрытымъ ираковъ неизвѣстности.

(Харьковъ. 1841).

Въ подлинный альбома Щербивы сдѣланъ тушью рисунокъ
оттиска большой вечаги, съ надписью кругомъ ея: «печатъ се-
минаріи и бурсы. Sigillum Seminariae Vniversitatis.» Въ печатъ вне-
сены изображенія дѣйствій и орудія оныхъ съ надписями: «Ба-
томіе. — Дщица, ею-же длань ударяють. Дреколіе. — Желъ (vas-
cum). — Лозы (furtie). — Чуботрясіе свръчь власотрясіе. — Furtie
varientiaе mater est, т.-е. розга есть матеръ мудрости (изре-
ченіе древнихъ). — Scamnum на нюже влагають біемаго. —
Заушеніе. — Вербіе.»

Въ альбомѣ помѣщено пять рисунокъ (варриатуръ, очень
хорошо исполненныхъ Г. П. Пономаревымъ, въ Москвѣ, 1853),
изображающихъ эпизоды изъ семинарскаго быта Курильскаго:
1. Военное яствіе или свѣдъ чрезъ нѣру вапывахъ, аки левіаеанъ

въ пучинѣ корстѣй» (два рисунка);—II. «Совратися съ пути истины и благоправія и предадеса гортанобвсію, чревонепствовствѹ, кошунству, ничевію и рукобвсію.» (1 рисунокъ); — III «Подружися съ бѣсоуднымии лицедѣи и скоморохи»: нарисованы портреты: 1. Леонидовъ.— 2. Самаринъ.— 3. Полтавцевъ.— 4. Нѣмчиновъ.— 5. Васильевъ.— 6. Викентій Бурльскій.— 7. Пономаревъ, архитекторъ.— 8. Цѣрбина.— IV. «Многажды бѣемъ бѣ вервѣемъ по бедранъ, батожіемъ по чресламъ, жеаломъ по раменамъ и дланію по ланитамъ.» (1 рисунокъ). — V. «Мы смиренныи и неусыпно бдящіе презусы и префекты со прецепторыи чловѣколюбно нагоняемъ его, Викентія» (1 рисунокъ).

Сказаніе

(Изъ каганова рукописей моего древня-книгохранилища.)

О нѣоємъ боголюбивомъ юношѣ и святошѣ Тертіи, веригоносцѣ, постникѣ, ядущемъ токмо единныя авриды в бичевателѣ плоти своей, нарицаемомъ отъ враговъ его Московскимъ ханжею и пустосвятомъ, отъ коего доблестный *** (стяжавшій себѣ, по справедливости, наименованіе „гостиннодворскаго Коцебу“), удостоенъ-бѣ зрѣти сіяніе, глаголемое авреоль, и чудесное хожденіе онаго Тертія по водамъ Яузы, яко по суху.

О нѣоємъ обрусѣвшемъ Нѣмчинѣ, замосковорѣцкомъ пѣтѣ и переводчикѣ „Вавилонскаго смѣшенія языковъ“, Николаѣ В. („Брехонъ“ себя самого нарицающимъ, мня быти ему Словениномъ), изъ него-же Тертія, изгоняя бѣсн своею молитвою и постомъ, не возмогъ изгнати „Бѣса Стиходѣйства“, коимъ онъ одержимъ бѣ отъ младенчества.

О нѣоємъ безсребренникѣ, старцѣ Михаилѣ П., иже обитаетъ въ юдоли, рекомой Дѣвичье Поле, и неуспшно стрежеть въ вертепѣ своего древнехранилища ветхія голенища Ярославля, порты и срацицу Святополека Окаяннаго и дву тьму новѣйшихъ пенязей, денаріевъ и златницъ.

О нѣкоемъ литературномъ подлинатѣ, журнальномъ блюдолизѣ и блудномъ прижизвальщикѣ Николаѣ **.. единомъ отъ семидесяти апостолъ капустныхъ, еваныхъ, а паче всего водочныхъ убѣждений и „*Очищенныхъ*“ началъ.

И о томъ, како Тертій, святостію своею врачуя отъ безплодія женъ, и изцѣляя хромыхъ, слѣпыхъ, проваженныхъ и бѣсвующихся, не возмогъ изгнати лютѣйшихъ и верховныхъ бѣсовъ изъ нѣкоего юродиваго мужа и малограмотнаго борзописца Ивана П., одержимаго двумя бѣсами: „Бѣсомъ Пустоты“ и „Бѣсомъ Дендизма“ и изъ рынаго мужа Аполлонія Г., одержимаго такожде двумя бѣсами: — „Бѣсомъ Эстрадагантныхъ Абсурдовъ“ и „Бѣсомъ Піанства“.

И о томъ, како Тертій, изгнавъ бѣси изъ приведенныхъ къ нему вликушъ, вселилъ оныхъ въ шедшее по-солонь въ сіе время мимо его съ Болвановки на Живодерву стадо сотрудиновъ „Москвитянина“ (иначе *сиртофилами* нарицаемыхъ), кои, подобно библейскимъ свиніямъ, разъяренные внезапно вошедшими въ нихъ бѣсами, стремглавъ бросились въ контору питейную, утопишася тамо въ бочкахъ вина пѣнаго, и тако „погибоша аки Обрѣ“, и о прочемъ.

Рукопись сія, писанная частію Глагольскою буквицею, частію же Кириллицею, на шкурѣ Мессопотамскаго козлища, найдена въ архивѣ нѣкоего управленнаго монастыря въ Антиохіи паломникомъ Россійскимъ Павсивахіемъ.

Таганрогскимъ Грекамъ.

Я н б ъ .

У воря, гдѣ однимъ расчетомъ
Живутъ корыстные умы,
Что звали древніе болотомъ,
И моремъ называемъ мы;
Гдѣ у Танаиса когда-то
Народъ воинственный блуждалъ,
Гдѣ Грекъ, потомокъ Герострата,
Безстыдно Скиевъ и Сармата,
Уничжаясь, надувалъ:
Тамъ грековъ жалкіе потомки,
Соревнователи жидовъ,
Элады рухнувшей обломки
У русскихъ выплакали кровь.

Вы не узнаете въ нихъ грека,
Который чувствомъ красоты,
Сознаньемъ гордымъ челоуѣка
Взрастилъ недѣльные цвѣты...
Нѣтъ! Въ зтѣхъ пасынкахъ Элады
Терситъ презрѣнный оживленъ:
Они за рубль продать вамъ рады
Свой вѣковѣчный Пареемонъ;
Они вамъ промѣнять готовы
На хлѣбъ ущелье Термопилъ,
Носить турецкія оковы,
Средь гомерическихъ могилъ.

1848.

Таганрогъ.

Выдержки изъ книги, подъ навваніемъ:

М Е Ч Т Ы И З В У К И,

стихотворенія

Статскаго Совѣтника Степана Харитонова, Профессора Законовъ Государственнаго Благоустройства и Благочинія, Доктора Правъ и Кавалера.

Хлгъвовъ.

Въ Университетской Типографіи.

18**

М а д р и г а л ы

къ кухаркѣ сосѣда моего и сослуживца, Профессора Куницына (въ которую я былъ, овдовѣвши послѣ второй жены, страстно влюбленъ).

I.

Кавъ отъ тебя страстями пышетъ жарко,
О, аппетитная Куницыва кухарка!

II.

Въ сѣньи дня и при мердавіи огарка
Равно прелестна ты, Куницына кухарка!

III.

Чтбъ всѣ Аспазіи, что Іоанны д'Арки
Предъ прелестью Куницыной кухарки.

IV.

Въ Италію, гдѣ пѣлъ любовь Петрарка,
Съ тобою убѣжимъ, Куницына кухарка!

Пѣснь семинариста, исключеннаго за свѣтское фран-
товство и за страсть къ сценическимъ представленіямъ.

Курсъ кончивъ злоквенци,
Я въ вей зѣло успѣлъ:
За-тожь аудіенци
Съ инспекторомъ инѣлъ.
На оныхъ аудіенціяхъ
Я оде! восклицалъ, —
При палочныхъ каденціяхъ
Мой корпусъ трепеталъ...
Но казусной пїитици
Учить я не возмогъ; —
Скажу вамъ безъ политики, —
Отъ ней я занемогъ.

Хоть хрїп и ораціи
Пудами я писалъ
И страшно въ декламации
Руками я нахалъ;
Но риѣмы ни единия
Никакъ не подобралъ,
И лишь перо гусиное
Отъ злобы изгрнзалъ.
За страсть къ лицедѣваніямъ,
За враткїи сергучель
Я изгаалъ съ посмѣянїемъ....
Таковъ мой лютий ровъ!

1845.

Харьковъ.

Многія другія выдержки, къ прискорбію моему, несмотря на весь ихъ легитимизмъ, не дозволены ни нашей факультетской ценсурой, ни ценсоромъ Елагинимъ.

Современная Поэзія.

Пародія.

Темно ужъ на улицѣ стало,
И хлопьями снѣгъ выпадалъ;
Она у окошка стояла,
А я у калитки стоялъ.

Завянувъ свой плащъ, на сторожѣ
Я робкіе взоры бросалъ,
Боюсь, чтобы дворникъ—о, Боже!
Метлою меня не прогналъ.

Все было нѣ какъ-то неловко,
О чемъ-то я тяжело вздохнулъ,—
Она нѣ кивнула головой,
А я ей рукою махнулъ.

Н. Огана.

1850.
Одесса.

Эпитафія русскому купцу.

Съ увѣсистой супружницей своей
Онъ въ банѣ парился, и объѣдался сѣто....
О, сколько имъ обмануто людей,
И сколько чаю перепито!

Двойное горе.

22 февраля 1852 г.

(у гроба Гоголя.)

Слышишь вопли, стоишь и влижи
Лучшихъ родины сыновъ:
«Умеръ Гоголь нашъ великій,
Живъ и вдравствуетъ Сушковъ!»

Февраль, 1852.

Москва.

Хвалебная пѣснь

блаженному борзописцу нѣвоему литературы ради
шродивому.

Радуйся, Испавія невиданіе,
Радуйся, Испавіи описаніе,
Радуйся, живописи неповиманіе,
Радуйся, о живописи трактованіе,—
Радуйся, жандармовъ трепетаніе;
Радуйся, музыки неразумѣніе,
Радуйся, о музыкѣ раасужденіе,
Радуйся, пустозвонныхъ фразъ строеніе,
Радуйся, женъ омерзеніе,
Радуйся, гостинодворскій Гидальго,
О, плѣшивый сукнопродавче, радуйся.

1839.

Москва.

Въ часовнѣ Иверской.

«Здѣсь воздухъ напоенъ дытаніемъ молитвы». *)
 Сюда мошенники приходятъ для ловитвы,
 Здѣсь умиленіе безъ носовнхъ платковъ
 И благочестіе нерѣдко безъ часовъ.

1853.
 Москва.

Физиологія Новаго Поэта **)

Фельетонъ въ стихахъ.

Свѣтъ журнала не чтаетъ,
 Гдѣ какой-то господинъ
 О воп-топ'ѣ разсуждаетъ,
 Какъ «въ дворянствѣ нѣщанинъ.»

Изъ передней всѣ салоны
 Господинъ тотъ изучилъ:
 Другъ-швейцаръ ему законы,
 Тайны свѣта сообщилъ.....

Съ той поры чернилъ излишекъ
 Онъ для правды расточалъ,
 Каленкоровыхъ наняшекъ
 Безпощадный Ювевалъ.

*) Этотъ первый стихъ принадлежитъ С. П. Шевыреву, и взятъ въ его «Совета къ Иверской,» — который былъ напечатанъ въ «Москвитянинъ.»

***) Дополненіе къ книгѣ: «Русская Фауна, или описаніе и изображеніе животныхъ, водившихся въ Россійской Имперіи, соч. Юліана Симашио».

Другъ Ивана Хлестакова
И Тряпичкинъ нашихъ дней,
Пишетъ гикны въ честь портного
Брань на мыслящихъ людей.

Снобсовъ рьянаго витію
Онъ собой изобразилъ,
И на цѣлую Россію,
Вдругъ печатно протрубилъ,

Что онъ запросто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюссо
И по Невскому гуляетъ
Возлѣ львовъ, какъ Цопсеан.

(Князь, всему извѣстно міру,
Зналъ примчія всегда, —
Не пускалъ себѣ въ квартиру
Пьяныхъ франтовъ никогда.)

Съ той поры онъ въ фельетонѣ
Ежемѣсячно твердилъ —
Что онъ ѣздитъ въ фаэтонѣ,
Рысаковъ себѣ кушилъ,

Что его (до мелкой вряжки)
Славный Шармеръ одѣвалъ,
Что голландскія рубашки
Утро каждое мѣнялъ.

Онъ не можетъ похвалиться
Ни талантомъ, ни умомъ, —
Пусть себѣ онъ отличится
Передъ публикой бѣльемъ....

И притомъ ему бѣдняжкѣ
Диво, рѣдкость, новизна
Въ свой кружокъ придти въ рубашкѣ
Дорогого полотна.

Въ свой романъ каррикатурный
 Втиснулъ онъ друзей своихъ,
 И журналъ литературный
 Сдѣлалъ органомъ портныхъ....

Но журнальную бувашку —
 Не замѣтилъ модный свѣтъ,
 Какъ въ голландскую рубашку
 Ни радился нашъ поэтъ.

1859.
 Рязань.

Превращеніе Фаддея въ Новаго Поэта.

Дополненіе къ «Овидіевымъ превращеніямъ».

Онъ «Пчелы» метаморфоза,
 И Фаддей явился въ немъ
 Кучей смрадною навоза
 Подъ голландскимъ полотномъ.
 Грязный циникъ въ кожѣ франта,
 Шутъ нарядный и нахаль,
 Какъ соперникъ новый Брандта,
 Въ милость къ «Пчелкѣ» онъ попалъ,
 Тѣмъ — что шуткой площадною
 Фельетоны наводнилъ,
 И безстыдной клеветой
 Литераторовъ чернилъ....
 И, какъ мутные потоки,
 Поились съ его пера —
 Сплетни, личности, намѣки
 Съ остроумьемъ комара.

Онъ своимъ безвреднымъ жальцемъ
 И ничтожествомъ спасенъ: —
 Мы его не тронемъ пальцемъ, —
 Намъ онъ жалокъ и смѣшонъ....

Но въ подобномъ превращеньи
 Кавъ узвалъ себя Фаддей, —
 Стагъ молить онъ о прощеньи
 У боговъ и у людей:

«Нечестивни дѣлами
 Долгій вѣвъ ной заклеимѣнь,
 И въ П—ва богами
 Я нежданно превращѣнь:
 На позоръ и на смѣхъ свѣту
 Въ немъ Б—нъ измельчалъ,
 Онъ на мелкую монету —
 Подлость «Пчелки» размѣнилъ!....
 Быгъ я низокъ колоссально;
 Артистическій поддецъ,
 И мой ликъ монументальный
 Онъ опошлгъ наконецъ!....»

«Вы ко мнѣ чрезъ мѣру строги,
 Кара ваша тяжела: —
 Превратите лучше, боги,
 Въ анулеева осла!.....»

NB. Манускриптъ зтотъ, писанный на папирусѣ, найденъ при
 разрытїи Геркуланума, въ лавкѣ парикмахере, что рядомъ съ
 лавкой портного.

— Direttore di museo Borbonico —
 Carlo Bonucci.

Напутственное посланіе

къ нѣкому безсребреннику и Московскому книжечію,
старцу ***, отправляющемуся на казенный счетъ изу-
чать Монголовъ — на мѣстѣ.

«Отечество наше богато,
Въ немъ всякій деньгу зашибеть,
Обильно сребра въ немъ и злата:» —
Понятно, что ты патриотъ....
Но, странно, о, старецъ маститый,
Ты вздумать Москву покидать,
И градъ стариной знаменитый
На степи Монголовъ мѣнять!....

Повѣрь мнѣ, — ты ѣдешь безплодно,
Свой край покидая родной,
Въ пустыни Сибири холодной,
Въ предѣлы Орды Золотой
Исторію вашей Россіи
Довелъ ты до ига Татаръ,
И, вспомнивъ шатанья былыя,
Ты прежній почувствовалъ жаръ
Поѣздить опять изъ расчета
На счетъ тароватой казны: —
Узнать, вишь, припала охота
Характеръ Монгольской страны....

Не ѣзди, — и смѣло прогоны
Ты можешь въ карманъ положить.
Татарщину всю безъ препоны
Легко и въ Москвѣ изучить;
Пусть дикія рѣчи О.....кій
Хвастливо тебѣ говоритъ,
Молчитъ многодумно Садовскій,
Иль шутъ — Рамазановъ кричитъ;

Григорьевъ пусть, смертнамъ въ забаву,
 Серьезнымъ пишетъ статьи
 И Тертій пусть, Богу во славу,
 Гласить псалмопѣнья свои;
 Да главное, чтобъ неуклонно
 Ты свой «Москвитанинъ» читалъ, —
 И скажутъ, что ты всесторонно,
 На вѣстѣ — Татаръ изучалъ.

Богъмо Дамьянговъ.

1854.
 Эльдорадо.

Послѣ чтенія одной „Эллигіи - Оды - Оатеры“⁽¹⁾

(Діатриба Власоруевой Зависти.).

Вникая голосу восторженныхъ кликушъ,
 Въ себѣ почувалъ ты какого-то гиганта,
 И о себѣ самомъ понесъ снѣжную чушь,
 Что такъ не вяжется съ достоинствомъ таланта..

Купца-пропойцу намъ ставишь въ идеалъ,
 Блещешь на себя, на русскую природу,
 И «слово новое» со сцены ты сказалъ
 Медвѣдемъ и козой российскому народу....

И часто во хмѣлю намъ гордо говоришь,
 Что ты могучими твореньями своими
 Ко днямъ Кошкинна Россію возвратишь
 Съ ихъ ложью, дикостью и северными быльми.

Блеснула съ Запада намъ свѣта благодать,
 Мы въ свѣту истины стремимся всей душою, —
 И вотъ, задумали порывъ нашъ задержать
 Кликлуши вѣщце татарской стариною!....

Мы возродимъ въ себѣ и привиримъ собой
 Всѣ въ человечествѣ добытое вѣками —
 Тавъ пусть твой дикий взглядъ и критихъ твой слѣпой
 Заноскворѣдками любятъ плутами!

Шврокій русскій уиъ и крѣпкій нашъ языкъ
 Въ бессмыслицѣ снѣшной кудрявыхъ выражений,
 Въ гостиннодворчествѣ ты находишь привыкъ, —
 И извращаешь смыслъ своихъ произведений.

Ты видишь на Руси — въ кунчихахъ п въ купцахъ
 И жизни простоту, и правду, и свободу:
 Румянами, сюрмой на дѣхъ и въ словахъ
 Они уродливо насилуютъ природу.

Друзьями назвалъ ты всѣхъ пьяницъ, всѣхъ шутовъ,
 Всѣхъ парій нравственныхъ и крикуновъ позорныхъ...
 Уже-ль ты дорожишь восторгами глупцовъ
 И пискотней похвалъ безграмотныхъ и вздорныхъ.

Тебѣ сплели вѣнокъ изъ листьевъ бѣлены
 И пѣнивь и дурманъ несутъ на твой треножникъ
 Лишь «Москвитянина» безумные сыны
 Да съ-кругу-спившійся бессмысленный художникъ.

1854.

Москва.

Автору Всевозможныхъ «Пустячковъ».

Отецъ снотворный Анапцова,
 Жеманный авторъ пустячковъ;
 Наслѣдникъ истинный Хвостова,
 Москвы поснѣшище — С—въ,
 Къ коимъ врагамъ присталъ недавно,
 И онозорилъ тѣмъ враговъ:
 Имъ тяжело, а мнѣ забавно.....
 Итавь — да здравствуетъ С—въ!

Къ чему же эта эпиграмма!
 Онъ жалокъ всѣмъ и безъ того:
 Его стихи — источникъ срама
 И лучший пасквиль на него.

1854.
 Москва.

Четверостишіе, сказанное близорукой завистью.

Со взглядомъ пыльнымъ, взглядомъ узкимъ,
 Приобрѣтеннымъ въ погребу,
 Себя зоветъ Шекспиромъ русскимъ
 Гостинодворскій Коцебу.

1854.
 Москва.

Всеобщій Благопріятель.

Онъ межъ холопамъ считался мудрецомъ
За то, что мысль давить была его отрада;

*)

1854.

Загадка.

Скажите, кто межъ васъ хамелеонъ душой —
Московскихъ умниковъ безграмотное эхо?
Къ несчастію друзей—кто-бъ первый сталъ спиной,
И ногъ-бъ цаловагъ у всякаго успѣха?...

1855.

Москва.

*) Точки поставлены въ подлинникѣ.

* *
*

Видко правъ! Въ круговращеньи
Историческихъ вѣковъ
Все — одни лишь повторенья:—
Г** въ нашемъ поколѣньи,—
Что въ нинушенъ былъ Хвостовъ.

1855.

Петербургъ.

По взятіи Севастополя.

И родилъ тогда ботикъ флотика,
Этотъ флотикъ флотъ родилъ.
Воспѣваніе.

Все назадъ, на оборотъ
На святой Руси идетъ,
Гдѣ изъ ботика сталъ флотикаъ,
А изъ флотика сталъ флотъ....
Но лишь выпалъ трудный годъ, —
И остался только ботикъ.

1855.

С.-Петербургъ.

Примѣчаніе: Прошло съ небольшимъ десять лѣтъ послѣ
этихъ строкъ и изъ ботика — снова возникаетъ гроз-
ный флотъ. III.

1868.

Э п и г р а м м ы.

I.

Ты гнѣвы воспѣвалъ «откинутой коляскѣ»
 Лбу нѣдному кадилъ и лѣстилъ ты нѣдной каскѣ;
 Стремленье къ вольности, гражданскую борьбу
 Ты гнусно нарицалъ, какъ нѣмецъ Коцебу,
 И, какъ хамелеонъ, нѣвля убѣждение,
 Ты заслужилъ себѣ всеобщее презрѣнье....

II.

Льстивый рабѣ, судьбой забытый,
 И кнута и тѣмъ пѣвецъ,
 Доказать намъ наконецъ,
 Что нинтъ онъ даровитый,
 Но бездарный онъ подлець.

(1854 г.)

Автору книги «Печалей».

(Н. В. Сушкову).

Да! Првзванья есть благія...
 И не даромъ, о, поэтъ.
 Времена познавъ круги,
 Свой песеть тебѣ Россія
 Благодарственный привѣтъ.
 Насъ враги одолѣвали,
 Намъ скорбѣть не стало силъ,
 Мы веселью чужды стали:
 Издашь ты свои «Печали»,—
 И насъ всѣхъ развеселишь.

10 января 1858.

С.-Петербургъ.

Членъ клуба Здравата смысла.

Астрономическая Проблема.

О, какъ я ребенкомъ, бывало,
 Небесныя звѣзды любилъ!
 Душа моя свято исцтала....
 Я съ ними какъ другъ говорилъ.

Я думалъ, что аягеловъ очн
 Въ эфирѣ звѣздани горять,
 И въ долги тенныя ночи
 Покой намъ и счастье хранять...

Я изросъ,—и отъ древа познавъ,
 Во долгу дворянства икуснлъ:
 Мнѣ стали вротивны мечтанья,—
 Я звѣзды свои разлюбилъ,

Считая ихъ просто мірами—
 Подобіемъ пашей земля,
 Когда межъ землей п звѣздами
 Все тѣжъ мы законы нашли....

Тамъ вѣрно, есть: N. N.,
 Стиховный творящая—
 И нсѣ эти жизни дохмотья,
 Что въ нравственной тинѣ гниютъ.

Своя тамъ актриса NN:
 Madame Магдалина Тартюфъ;
 Что скрыла пороки былова,
 Притворствомъ ханжей обманувъ,

Что «съ древомъ и съ камнемъ.....»
 Въ Одессѣ, Москвѣ и въ Крыму,
 Что многимъ кармапъ облегчила
 И свѣту извѣстна всему,

Такое-жъ тамъ мысля растлѣнье
 Свои тамъ шпионы какъ Г*,
 И также тамъ есть отдѣленье,

И тамъ есть «Хлыщ», какъ П*
 Съ конфечнымъ юморомъ ихъ
 И много другихъ негодаевъ,
 И пошлостей много другихъ.....

Тамъ столько-жъ вѣнковъ эфемерныхъ
 Тамъ соипи безсмыслицъ на часъ,
 И много воровъ тамъ примѣрныхъ.....
 Короче,—тамъ все, какъ у насъ.

Гершель—индукъ.

Гриявичъ.

1856, января 18 (по старому стилю.)

По поводу одной оплеухи.

Родъ Пожарскихъ превратился,
И ва Русь не станетъ онъ....
Русскій палъ и есрамился:—
Жидъ пожарный заступился
За поруганный законъ.

1856.

С.-Петербургъ.

.Москвитянинъ.

1841—1856.

Увы! съ эклиптической всенірной
Я былъ въ разлахъ завсегда,
И солнце въ высотъ зенрной
Упревъ мнѣ сущій и бѣда:
Когда давво уже бывало
На козерогъ Фебъ стоялъ,—
Едва всходьдъ еще отсталый
На знакъ Рака мой журналъ.

1856.

Петербургъ.

«Русская Бесѣда.»

(Посвящается Адріану Грѣгоріану.)

Всѣ татарской Россіи,
 Всѣ чѣмъ днѣ нѣмецкій людь,
 За народныя стихіи
 Намъ нѣ «Бесѣдъ» выдають;
 Духу въ ней—суходенье,
 Философія дьячка,
 Смысла здраваго успѣнье,
 Воскресенье «Маяка.»

Смерть Миклуко.

Январь, 1857.

С.-Петербургъ.

N. N.

Не уколола никого
 Его критическая тупость,
 Бездарность честная его
 И добросовѣстная глупость.

Смерть Миклуко.

16 марта, 1857.

С.-Петербургъ.

Новое слово.

Гомеръ NN, Грйторьевъ, говорить,
 Что будто къ русскому нормальному началу
 NN должный путь впервые намъ торить,
 Прямою дорогою подходить къ идеалу;

Но Зависть шепчется съ Невѣжествомъ тайкомъ:
 NN, молъ, и деть совсѣмъ инымъ путемъ:
 Шатаясь выступилъ онъ къ русскому началу,
 Да и пошелъ *писать Мыслете* къ идеалу.

Смердь Миклушко.

17 мая, 1857.
 Петроградъ.

«Молва.»

Про все въ Россіа говорить,
 И болтовня у насъ въ природѣ,
 Лишь о «Молвѣ» одной молчать,
 Объ ней лишь нѣтъ молвы въ народѣ.

Смердь Миклушко

1857.

Въ альбомѣ ребенка.

Будь въ жизни прямъ и непритворенъ,
 Вражду съ ложью и со зломъ,

1857.

Общій Другъ.

Людей извѣстныхъ былъ любителемъ
И дарованъ ихъ погребкомъ;
Онъ сталъ въ уѣздѣ предводителемъ,
А въ Петербургѣ былъ хлыщомъ.

1858.

С.-Петербургъ.

Кто Рнъ?

Другъ мощны буржуазин,
Онъ пивку мужика,
За трибуна всей Россіи
Выдаетъ откупщина.

Видя въ томъ свои удобства,
Генерала скрылъ онъ спѣсь —
Демократства и холопства
Удивительная смѣсь!

Волеюотпущенный Слѣдъ Миклуко.

1858.

С.-Петербургъ.

Б—у и другимъ Нѣмцамъ - Славянофиламъ.

Тепленько Нѣмцамъ у Славянъ,—
И Нѣмцы всѣ Славянофилы:
Не мудрено, что нашъ кафтанъ
И муромка ихъ сердцу милы....

Несли мы Б—гъ, почти что вѣкъ
Опеку Нѣмцевъ не-по-спламъ....
Я слишкомъ русскій человѣкъ, *)
Чтобъ сдѣлаться Славянофиломъ.

Февраль 1858.

С.-Петербургъ.

Московскимъ Краснымъ.

Монтаньяры Вшивой Горки!
«Красный цѣтитъ лишь дурню милъ!»
Такъ народъ нашъ дадьнозоркій
Этой мѣткой поговоркой
Васъ на вѣки заклеянилъ.

1858.

Въ вагонѣ.

*) Галлицизмъ — въ подражаніе русскому вызву Славяно-
филовъ.

Невозможность эпиграммы.

Тумба, щётка или ухватъ
 Да Петрушка Жалковъ съ ними
 И съ женой, съ дѣтми своими
 Эпиграммы не ввѣшать.

На бездушные предметы,
 На отъявленныхъ глупцовъ
 Не смогли писать поэты
 Сатирическихъ стиховъ...

И перо бы Ювенала
 Не придумало остротъ,
 И тебя-бъ не покарало,
 Петербургскій идиотъ!

1858.

Есиплево.

Молитва современныхъ Русскихъ писателей.

О, Ты, Кто принялъ имя Слова!
 Мы просимъ Твоего покровя:—
 Избави насъ отъ похвалы
 Позорной «Съверной Пчелы»
 И отъ цензуры Гончарова.

1858.

С.-Петербургъ.

Журналъ «Весельчакъ».

Всѣхъ патриотовъ «Весельчакъ» —
 Тупого юмора аабавъ,
 Приводить въ слѣзы и въ раздумье
 О нашемъ жалкомъ остроумьѣ.

6 февраля 1858.

Петербургъ.

Вглядѣвшись въ Петербургъ, и всё въ немъ созная,
 Неволью выскажешь понятіе своё: —
 О, Боже мой, посредственность какая!
 О, Боже мой, какое дурачье!

1858.

С.-Петербургъ.

Четверостишіе

Викентія Курильскаго, поставленное въ число другихъ
 обвинительныхъ пунктовъ къ исключенію его изъ Се-
 минаріи.

Не созерцая Русь какъ чужестранецъ,
 Добился наконецъ я до прямыхъ началъ:
 Для всей Европы — я — республиканецъ,
 А для Россіи я — монархо-либералъ.

1859.

Фигура поправленія.

(Объ однокъ критикѣ).

Онъ всѣхъ Фигляриныхъ идей
 Живою сталъ анотезой.....
 Иль вѣтъ:—предъ нимъ и самъ Ѡаддей
 Покажется наркизомъ Позой!...

(Еще о томъ-же критикѣ).

Ѡаддея вѣтъ!... Но тажъ «Пчела»,
 Все таже за «Пчелою» слава:
 Ѡаддея критика подла,
 А Ксенофонтова—плюгава.

1659.

С.-Петербургъ.

* * *)

Хоть теперь ты экс-писатель,
 Экс-чиновникъ, экс-дѣлецъ,
 И казны экс-обпратель, —
 Все-же ты не экс-подлецъ.

Іюль 1850.
 Тагаврогъ.

Русская исторія. **)

(Посвящается отечественнымъ дѣталамъ).

Умѣрь ты свой восторгъ и клики,
 Устраловъ, старый балагуръ:
 Мы видимъ, — даже Петръ Великій
 Былъ гевіальвий самодуръ.

1850.
 С.-Петербургъ.

*) * * * поселился на югъ, обезпечивъ себя нанноврадствомъ, служа по провіантской частп, во время Крымской ваяпаніи. Онъ сдвалъ одному моему знакомому, что онъ умъ теперь «экс-чиновникъ и экс-писатель». Это подало поводъ къ вышечисавной вивграммѣ.

**) Двѣ строфы опущены.

Roma l'antica.*)

(Отрывок из «Одиссеи» Анны Давыдовны Суворовой.)

Я милую мою въ античный Римъ привезъ:
 Дремала при лунѣ всемірная столица,
 И я исполненъ былъ какихъ-то дикихъ грѣзъ
 И глупыхъ, и больныхъ, дождемъ кропящихъ слезъ;
 Мнѣ видѣлись вездѣ трагическія лица:
 И я завылъ тогда, какъ нѣкій ярый пѣсъ,
 А милая моя завывала будто псаца,—
 И въ вѣчномъ городѣ такой поднялся вой,
 Что заревѣли вдругъ: возель, осель, ослица,
 И крикнулъ «караулъ!» французскій часовой.

1850.

Литвакскіе Онеги.

Чуломекіе Аенны.

Эпитафія А. Г.

Въ угарѣ на себя напущенныхъ идей,
 Онъ бѣгалъ, какъ шальной, по площади журнальной,
 И убѣжденія онъ съ рѣзкостью нахальной
 Что годъ мѣнялъ въ горячности своей.....

И вотъ скончался онъ, какъ должно сумасброду,
 Бесплодный вѣвъ его въ пустыхъ трудахъ протѣкъ:
 Зане всю жизнь свою считалъ лишь онъ песокъ,
 И съ ярымъ паесомъ толкъ въ журналахъ воду.

1850.

С.-Петербургъ.

*) Пародія на поэмъ Аполлона Григорьева: «Venetia la Bella», напечатанную въ XII книжкѣ «Современника» 1858 г. Въ этой поэмѣ, или «Одиссеѣ послѣднѣго романсика», какъ называется ее авторъ, находятся, между прочими подобными, слѣдующіе стихи:

«Глядишь какъ емъ, бывало.... сердце поеть,
 А пѣсъ такъ глупо, дико, жалко воетъ.»

или:

«То пса моска, то мука злыхъ духовъ.....»

или-же:

«И ночь, потомъ, сколь сто ни обидно,
 Я самъ, какъ пѣсъ, вылъ глупо и безстыдно.»

Ужасающая догадка.

Зачѣмъ-бы N. N. въ отставку выходить: —
 Вѣдь не нѣшаетъ Марсъ стихванъ и корректурѣ?...
 Но, — Боже! — неужель грозить онъ посвятить
 Всего себя хитературѣ!

1859.

С.-Петербургъ.

Пугая стаю ястребиную,
 Съ рѣки цензурной онъ слетѣлъ, —
 Какую-жъ нѣсно лебединую
 За то на «Парусѣ» онъ спѣлъ.

1859.

С.-Петербургъ.

Либерализмъ N. N.

Я не хочу быть либераломъ:
 Вѣдь цѣловальникъ — либералъ,
 Дѣла покончивши съ кружалою,
 Либерализмъ на откупъ взялъ.

Я не хочу быть либераломъ,
 Когда онъ денегъ далъ, —
 И сталъ подкупленнымъ журналомъ
 Нашъ обличительный журналъ.

Я либераловъ избѣгаю:
 При нихъ боюсь за свой платокъ,
 И за часами наблюдаю,
 И дальше причу кошелекъ.

1859.

С.-Петербургъ.

Издателямъ N. N.

За нашу соль, за русскій умъ а
Стыжусь, краснѣю иногда: —
Вѣдь даже искры остроумья
Нѣтъ въ вашей, господа!....

1850.

С.-Петербургъ.

N. N.

У русской гласности прося
Грѣшванъ низернынъ воздаянья,
Онъ «обличаетъ» всѣхъ п вся,
Не обличая дарованья.

1850.

Любовная пѣсня,

пропѣтая Диаокаменной киргизской къ Н. А. *Стверцову*, во время ученой экспедиціи его на рѣкѣ Сыръ—Дарью, посланной Академіей Науаъ для всесторонняго изслѣдованія дрожанія крылишекъ у ношекъ, роящихся надъ берегами этихъ рѣкъ.

О, ты, айрянъ ¹⁾ моихъ желаній,
О, ты, куиуись моихъ страстей,
Каймакъ сердечныхъ упованій,
Баранъ больной души моей!

Ты барантой ^{а)} на душу грянуль,
 Нагайкой сердце нѣ стегнуль,
 И ной кыргызскій духъ воспрянуль,
 Когда нѣ вибитвѣ ты заснуль.

Дороже пестраго халата,
 Мой нѣжный другъ, твоя любовь,
 Разить она сильнѣй булата,
 И, какъ кизыкъ, ^{а)} сжигаетъ кровь.

Прійди-жь ко мнѣ, шайтанъ ⁴⁾ ной милый,
 Прійди, батырь ⁵⁾ звѣрей и птицъ!...
 Сливаю я мой стонъ унылый
 Со ржаньемъ вылихъ кобылицъ!...

1889.

С.-Петербургъ.

Ученыя примѣчанія одного знаменитаго русскаго ориенталиста:

- 1) Айрянъ — вислое молово снѣшанное съ водой. Прохладительный напитокъ. •
- 2) Барантá — ночной набѣгъ для воровства и грабежа.
- 3) Кизыкъ — вирпичи изъ навоза для топлива, горящіе очень жарко, хотя и непламенно.
- 4) Шайтанъ — чортъ.
- 5) Батырь — богатырь, витязь, герой.

NB. — Эта пѣсня положена на музыку однимъ изъ воспитанниковъ Училища Глухонѣмыхъ.

Отвѣтъ Грека на эпиграмму Русскихъ.

Хоть «Элины» и «изъ Таганрога»,—
 Но всё-жъ а Грекъ,—не смнѣ рабовъ....
 За нами въ прошломъ сланы много,
 Бъ намъ уваженіе нѣвоно....

У васъ—застѣнки, плети, клѣтви,
 У насъ—свобода дѣлъ и словъ,—
 И чѣмъ древнѣе ваши предки,
 Тѣмъ больше съѣли баатовъ.

1859.

С.-Петербургъ.

N. N. *)

Либерализмъ онъ внесъ и въ руки!
 Какъ истинъ Фоссъ онъ больно билъ:
 Онъ тругно старому науки
 Медовый мѣсацъ отравилъ.

Май, 1860.

* *
 *

Нѣтъ, не змихъ всаднивъ мѣднй
 Раотопталъ стремись впередъ:
 Раостонталъ народъ живиъ бѣднй,
 Раотопталъ простой вародъ.

1859.

С.-Петербургъ.

*) Смотр. «Современникъ». 1860 г., Май, № 4.

* *
*

Реформою своею стѣжалъ онъ много славн:
 Вѣдь шгъ европеевъ настолькоъ къ намъ привилъ,
 Что сущій несконн батогъ нашъ величавый
 Сидрутеномъ нѣмецкимъ замѣнилъ.

1860.

Р И Ф М Ы.

Къ тѣни славной, къ тѣни Бозіо
 Всеу долженъ я взывать,
 Оттого что на Перозіо
 Трудно рифму приискать....
 Въ словѣ русскомъ (вѣрь мнѣ, Бозіо)
 Нашей честной правды цвѣтъ:
 Нѣтъ въ немъ рифмы на Перозіо
 И на Кокорева нѣтъ!

Мартъ, 1860.

N. N.

О, еслибъ также вдохновенно
 Въ стѣлахъ ти взятки обличалъ,
 Какъ въ Ростовѣ наступженно
 Ты эти-ль взятки въ провѣ бралъ:
 То гснзальнѣйшимъ поэтомъ
 Прослылъ-бы вередъ цѣлымъ свѣтомъ. *)

1860.

*) Смотри впрямъ въ стр. 323.

* *
*

(ВАРЬЯНТЬ.)

О, еслибъ также вдохновенно
 Ты казноврадовъ обличалъ,
 Какъ въ Ростовѣ ивступленно
 Съ живыхъ и съ мертвыхъ взяты дребль:
 То гениальнѣйшимъ поэтомъ
 Прослылъ-бы передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Отвѣтъ на тупую эпиграмму.

Чтобъ вѣру дать юнымъ словамъ:—
 Пиши побольше эпиграммъ.

Экспромтъ N. N.

Безалапный горемыка
 И кабачный Аполлонъ,
 Весь свой вѣкъ не вяжетъ лыва
 И мыслете пишеть онъ.

Октябрь, 1860.

МЫ.

У насъ чужая голова,
 А убѣденье сердца крупей
 Мы—европейскія слова
 И взятые поступки.

Мартъ, 1860.

СОННИКЪ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

расположенный въ алфавитномъ порядкѣ и служащій
необходимымъ дополненіемъ къ извѣстному „соннику
Мартына Задеки“.

Хорошъ российскийъ Гелаконъ!
Пушкино.

Влажна еще душаго.
Матвоя ва... ст.....

Слова! слова! слова!
Гамлето.

Изданіе свое безъ перерыва, имъ и все остальнымъ въ богоспасенной Россіи.

СУЗДАЛЬ,
ВЪ ЛУБОЧНОЙ ТИПОГРАФИИ
ПРИ КОМИТЕТѢ НАРОДНАГО ПОМРАЧЕНІЯ.
1855 — 1857.

П Е Ч А Т А Н Ъ

**Изданіемъ Общества «Всероссійскаго Успленія», съ одоб-
ренія цензора Е.....а.**

ПОСВЯЩЕНЪ

вѣрно-достойной личности

князя Харитона Акакіевича

ЧУШИЦКАГО-ЧИХМАТОВА,

сего доблестнаго брандмейстера Россійскаго Просвѣщенія

и

евнуха отечественныхъ музъ.

изъ разныхъ теинныхъ иностранныхъ изданій, не обинуясь выдавать за собственныя произведевія, благодаря малограмотности всероссійской публики и отечественныхъ журналовъ и быть вороною въ павливыхъ перьяхъ.....

Бумарина *) видѣтъ во снѣ предвѣщаетъ быть битымъ.

Гербеля видѣтъ во снѣ предвѣщаетъ, что *ничего не случится*.

Глинку Авдотью во снѣ видѣтъ—предвѣщаетъ: отслуживъ молебень съ аваѣистомъ и водоосвященіемъ, возвести въ апотеову нѣвкую вавилонскую блудницу во образѣ лицедѣйки, поклоняясь и молитвослова ей, какъ бы нѣвоему цѣлоудренному божеству.

Греча видѣтъ во снѣ—предвѣщаетъ неожиданно познакомиться съ Д., или же вавилонскую блудницу выдавать за Святую Пятницу Параскеву и называть ее «сестрою души своей».

Г.....вича во снѣ видѣтъ—предвѣщаетъ перемутить между собою героевъ и героинь толвучаго рынка и быть вигнану торговками и маклаками со Щукина двора. Писателямъ предвѣщаетъ *насплетничать* предъ публикой на русскую жизнь и на русское простонародье, глядя на него въ лорнетъ, купленный въ Палероалѣ.

*) Этотъ сонъ видѣли о. п. Б. и (нѣвод) армія наванунѣ (одного) сраженія... Н. Ш.

Григорьева Аполлона во снѣ видѣтъ—предвѣщаетъ сдѣлаться вликушой, и въ церевни, во время Херувимской пѣсни вывеликать Островскаго.

Г. . . . во снѣ видѣтъ—предвѣщаетъ увидѣться съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, или-же, предвѣщаетъ исполненіе на яву извѣстной поговорки: «какъ увидишь Г* — нападетъ зѣвота.»

Данилевскаю Григорія во снѣ видѣтъ—предвѣщаетъ слышать пріятныя новости о Россіи, но увы!—большею частію несбыточныя.

Дружинина Александра видѣтъ во — снѣ предвѣщаетъ ѣсть холодную щуку въ палевыхъ перчаткахъ на плавательныхъ перьяхъ:

Е—на, ценсора, во снѣ видѣтъ — для *идіота* предвѣщаетъ поглубѣть окончательно. *)

Каменскаю Павла видѣтъ во снѣ предвѣщаетъ угораздиться надуть (самаго хитраго и ловкаго человѣва).

Ковалевскаго (Егора Петровича) видѣтъ во снѣ — предвѣщаетъ проигратъся въ карты и быть отправлену съ горя въ Черногорію, но безуспѣшно.

Кони Ѳедора во снѣ видѣтъ — предвѣщаетъ: пожелать статьи исвреннаго твоего и незаплатить за нее ближнему твоему.

*) Человѣву-же хоть сколько нибудь въ здоровомъ умѣ таковой сонъ пріевиться никакъ не можетъ. Смотри «*Физиологію человѣческую сна*», будущее сочиненіе Хотинскаго.

Краевскаю видѣть во снѣ — предвѣщаетъ получе^ніе денегъ.

Майкова во снѣ видѣть — еѣ переи^нѣн^нѣ погоды.

Мея во снѣ видѣть — предвѣщаетъ арвадскн воз^вимѣть упорное и продолжительное нам^ѣрєвіе безъ денегъ издавать журналъ политики, словесности, наукъ, искусствъ и художествъ.

Михайлова, Михаила Ларіоновича, во снѣ видѣть предвѣщаетъ услышать вѣсть о смерти старой беззубой тетки, но безъ наслѣдства.....

Остраскаю видѣть во снѣ — предвѣщаетъ, съ голо^ду к^ликуши, вообразить себя Шекспиромъ.

*Ольгу Н**** во снѣ видѣть — предвѣщаетъ Дружинина или Григоровича принять за маркиза Позу.

Одоевскаю, князя *Владимира Ѳеодоровича*, во снѣ видѣть — протодьякону предвѣщаетъ быть отставлену отъ должности, по спаденіи съ-голоса. Бѣдняку же предвѣщаетъ опухнуть съ голоду отъ избытка усердія метафизической благотворительности и питательныхъ теорій.

Панаева Ивана во снѣ видѣть — предвѣщаетъ за^лить новый жилетъ кофеемъ, или купить у Лепретра полдюжины голландскихъ рубашеаъ и хвастливо р^ас^трубить о томъ по Выборгской сторонѣ, Козьему-Болоту и на Пескахъ. Вообще-же означаетъ по^пасть въ кружокъ хлыщей, фатовъ и п^тиметровъ салона М.....

— этой чухонской Аспазіи; иногда предвѣщаетъ говорить съ лакеемъ изъ аристократическаго дома или читать русскій фельетонъ и видѣть въ немъ

всѣ старческія усилія беззубаго остроумія. Бѣльшею частію сей сонъ означаетъ тоже, что видѣтъ *Гербеля*.

П— во снѣ видѣтъ—предвѣщаетъ выгодно сбыть съ рукъ старую негодную рухлядь, мусоръ и хламъ, или съ барышомъ перепродать старьевщику негодные голенища и битые штофы. — Въ настоящее-же время, сей сонъ предвѣщаетъ на *богатаю* откупщика (бывшую *пьявицу* несчастнаго русскаго мужичка) напустить припадокъ, какаго-то *холопскаю* демократизма и своеобразно науськивать его самолюбіе на мноно-Мининскія доблести, пиша ему втайнѣ спичи съ выраженіями изъ «лѣтониси» *) и получая за это отъ сего bourgeois, тоже втайнѣ, до 4 тысячъ рублей серебромъ жалованья въ годъ. — Иногда-же предвѣщаетъ—смѣшать способности *тонкаю плута въ русскіихъ откупахъ* съ государственными способностями и образованностію министра финансовъ.

Полонскаго (поэта) видѣтъ во снѣ — предвѣщаетъ попасть куда нибудь къ дѣтямъ на ёлку.

Потьхина Алексѣя видѣтъ во снѣ, — предвѣщаетъ, по патриотическому наущенію Погодина, прибить нѣмца.

Писемскаго во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ—читать въ аристократическомъ салонѣ новое свое произведеніе и рыгать тамъ демократической рѣдью.

Р—*ну* во снѣ видѣтъ, предвѣщаетъ согрѣшить противъ той заповѣди, которую такъ искусно умѣютъ обходить законоучители въ женскихъ пансіонахъ.

*) Испривѣрь: — «ростило обшечумія».

Р., болванщика *), видѣть во снѣ—предвѣщаетъ спиться съ-кругу, и въ постоянно пьяномъ видѣ, орать, съ чужого голоса, глупыя и нагло-оскорбительныя рѣчи. Иногда-же предвѣщаетъ съ фонарями подъ глазанн переночевать ночь въ будѣѣ, что нерѣдао случается на Руси съ «непризнанными геніями» и «широкими натурами».

Сенковскаю и *Старчевскаю* видѣть во снѣ — сонъ, не предвѣщающій ничего хорошаго.

Орзневскаю, видѣть во снѣ этого академика предвѣщаетъ все — знать и ничего незнать.....

Сушкова, Николай Васильевича, видѣть во снѣ — предвѣщаетъ побывать у Ивана Яковлевича. **)

Сверцова во снѣ видѣть—предвѣщаетъ ужъ больше никогда сновъ не видать.

Тургенева во снѣ видѣть — предвѣщаетъ получить тонкую способность съумѣть откопать талантъ тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, хоть-бы это было даже въ государственныхъ людяхъ Россіи.

Фета во снѣ видѣть, для читающей публики, предвѣщаетъ «ложку меду и бочку дегтю»; военнымъ-же предвѣщаетъ быть произведенными въ эскадронные командиры.....

*) *Болванщикомъ*—московскіе спиртофилы или руссофилы называють скульптора, патриотически избѣгая иностранныхъ словъ.

**) *Иванъ Яковлевичъ*, извѣстный юродивый и предсказатель въ Москвѣ, сидящій въ донѣ унаишевныхъ, къ которому за предсказаніями и пророческими совѣтами стекаются толпами московскія дамы, бабы и даже иногда мужчины. (1857 г.)

Шевырева видѣтъ во снѣ — предвѣщаетъ попасть въ интригу или пѣтъ Лазаря сильнымъ міра сего, стоя за честь руссваго имени.

Щербину, Николая Ѳедоровича, видѣтъ во снѣ — предвѣщаетъ заболѣть желчной лихорадкой при видѣ общаго благоденствія и торжествующей правды, что можно постоянно читать въ русскихъ газетахъ, въ отдѣлѣ «внутреннихъ извѣстій».

Хомякова видѣтъ во снѣ — предвѣщаетъ доказать строго-логическимъ образомъ и діалектическимъ путемъ, что люди ходятъ головою, а думаютъ ногами.

Ценсоровъ русскихъ вообще видѣтъ во снѣ — предвѣщаетъ быть посаженнымъ въ домъ сумашедшихъ.

Эдельсона, сотрудника усопшаго «Москвитянина», во снѣ видѣтъ — предвѣщаетъ пожаръ, или увидѣтъ картину изображающую неопалимую купину.

Ѳ. Бориса во снѣ видѣтъ — для взрослыхъ предвѣщаетъ доносъ, а для дѣтей наказаніе.

P. S.

Монтаньяровъ Вишвой - Г'орки (что въ Москвѣ) иначе Монтаньяришкиани называемыхъ, во снѣ видѣтъ — предвѣщаетъ: добросовѣстно, искренно и съ убѣжденіемъ показывать въ варнахъ кукишъ (осторожно и благоразумно оглядываясь на всѣ стороны), и усердно золотить языкъ объ зубы; также самоотверженно храбриться и витійствовать въ своей комнатѣ и униженно поблѣднѣть предъ первымъ кварташвой, или иногда

изъ отъявленнаго радикала превратиться въ благо-
зумнаго консерватора при малѣйшей благосклонномъ
вниманіи начальства и въ видахъ какого нибудь гро-
шоваго своекорыстія, что впрочемъ вообще въ духѣ
доблестныхъ російскихъ нравовъ и обычаевъ. Бѣльшю
же частію сей сонъ предвѣщаетъ осуществленіе на
дѣлѣ «Проекта о томъ, какъ спать въ облакахъ умо-
зрительную тръпу».

Консерваторовъ Девичьяго Поля (что въ Москвѣ),
бывшихъ сотрудниковъ покойнаго «Москвитянина»,
иначе «Спиртофилами» или «Руссофилами» называе-
мыхъ, во снѣ видѣть — предвѣщаетъ: сладостраст-
но нюхать нагольные мужицкіе тулупы и бочки съ
пѣнниковъ, съ цѣлію сознательно вынюхать оттуда
эссенцію руссваго государственнаго и народнаго духа
и букетъ древнихъ доблестей; также—пнѣическія вдо-
хновенія и гронкія убѣжденія съ биеніемъ въ собствен-
ную грудь и рискуя выброситься въ окошко, почерпнуть
изъ штофовъ національнаго нектара, а потомъ нѣнять
эти гронкія и задушевныя убѣжденія съ переиѣною
важдаго погребка, и при наддачѣ лишняго алтына захо-
дить въ «обязательныя соглашенія» и сдѣлаться ренега-
тонъ, перебѣжавъ отъ Востока Московской Болвановки
къ Западу Петербургскаго Щукина Двора.

*Большую часть современныхъ и по преимуществу
Петербургскихъ литераторовъ вмѣстѣ взятыхъ* во снѣ
видѣть предвѣщаетъ изъ *Философій Гегеля*, прочитатъ
главу: «Объ абстрактной пустотѣ», или-же восклик-
нуть съ Барбье: «. . . tous ces baladins qui dansent
sur la phrase!»

КОПИЦА И ПРАВДА СЛАВА.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о службѣ Титулярнаго литератора и пѣнты N. N.

Вопросъ. Чинъ, имя, фамилія, должность имъ отправляемая, сколько отъ роду лѣтъ, каковаго вѣроисповѣданія, гдѣ получили воспитаніе?

Отвѣтъ. Титулярный литераторъ и пѣнта N. N. сынъ N., исправляетъ должность Литературнаго профоса, вступивъ въ оную съ 1847 года съ званіемъ «на смерть *Стрекозы*» и «къ *Таракану Аксиньи*» въ журналѣ подъ названіемъ «*Помойная Яма*,» 28 лѣтъ, вѣроисповѣданія Нѣмецко-Россійскаго. — Воспитаніе получилъ въ Институтѣ Василія Тредьяковскаго.

— Имѣеть-ли недвижимое имѣніе?

— Имѣеть, а именно: *Книги: I Переводъ Слова* и тому подобную *недвижимость*.

— Женатъ и имѣеть-ли дѣтей?

— Хотя съ Музою никогда въ сожителствѣ не былъ, но дѣтей имѣеть, а именно: *Литературныхъ уродовъ*, прижитыхъ имъ посредствомъ стиховнаго дѣйства.

— Подъ судомъ или слѣдствіемъ не находился-ли?

— Подъ судомъ и слѣдствіемъ *критики* никогда не находился и впредь, по ничтожности своихъ произведеній, находится не можетъ и не будетъ.

— Сспособенъ-ли въ продолженію службы?

— Всегда аттестовался способнымъ и достойнымъ обязать лошадей и жениться на толстой купчихѣ; къ поэзіи же у него: «охота смертная, да участь горькая.»

— Не былъ-ли въ отпуску?

— Находился въ постоянномъ *отпуску отъ таланта*, отъ здраваго смысла и вообще отъ литературы.

— Какія имѣеть тѣлесныя качества?
— «Изобилень тѣломъ,» хотя постоянно одержимъ болѣзнію
подъ навъаніенъ: «Sparsum scriptatorius.»

— Его поведеніе?
— Лазаря поеть всѣмъ журналистамъ всѣхъ партій, слезно
и умильно бьетъ имъ челомъ, умоляя ихъ печатать его стихо-
творенія. Онъ другъ «и нашимъ и вашимъ,» ибо ко славѣ
больно охочъ.

— Какія имѣеть умственныя способности?
— «Скорбенъ лавою.»

(1858 г.)

ДОМОРОЩЕННЫЕ НАБРОСКИ

русоваго лѣнивца и ипохондрика.

1857—1867.

Прежде нежели Литература можетъ имѣть право на изобличеніе дурногo въ другихъ сферахъ, она должна быть безпощадна къ самой себѣ.

«Русскій Вѣстникъ» 1857. № 9.

Русская Литература не лучше Русскаго мѣстоимства: явственно попираетъ законы истинны, торжуетъ условною неправдою.

Брамбеусъ.

I.

Портреты въ журналѣ «Сынъ Отечества».

Журналъ «Сынъ Отечества», издаваемый Альбертомъ Старчевскимъ, въ числѣ другихъ приложений, давалъ своимъ подписчикамъ *портреты современныхъ русскихъ писателей*. Публика принимала ихъ за пейзажи, считая, на примѣръ, портретъ И. И. Лажечникова за какое-нибудь сельцо Лажечниково, т. е. за видъ сельца Лажечникова; портретъ Ивана Сергѣевича Тургенева за сельцо Тургенево, и т. п.

Спустя довольно продолжительное время но напечатаніи этихъ портретовъ, вслѣдствіе нѣкоторныхъ слуховъ и по усиленнымъ изслѣдованіямъ полиціи и членовъ Академіи Наукъ и Художествъ, доискались, что

это вовсе не пейзажи, не деревенскіе и степные *виды* разныхъ *селецъ, иряслъ, шумень, а портреты людей*. Дѣло дошло до подлежащаго вѣдомства, нѣкоего комитета. Члены его пришли въ ужасъ и смятеніе, и выхлопотали себѣ право цензуровать предварительно каждый портретъ писателя, прилагаемый къ «Сыну Отечества», представивъ правительству самыя дѣльныя и законныя основанія, которыя состояли въ слѣдующемъ:—«Сынъ Отечества» своими портретами русскихъ писателей подрываетъ основанія спасительной Православной вѣры въ русскомъ народѣ, подаетъ поводы къ новымъ еще ересямъ въ Греко-Россійской церкви, которая и безъ того обильна хлыстами, молоканами и имъ подобными раскольниками и отщепенцами; а главное, «Сынъ Отечества», приложеніями своими полиграфическихъ портретовъ русскихъ писателей, явно *отроверяетъ* божественныя истины «Священнаго Писанія» и по преимуществу «Книгу Битія», гдѣ сказано, что «человѣкъ созданъ по образу Божію и по подобію». «Сынъ же Отечества», выдавая подобные портреты человѣковъ, то есть русскихъ писателей, которые, каковы-бы они ни были, а все-таки люди, этииъ положительно проповѣдуетъ, что Богъ, создавшій человѣка по образу своему и по подобію, очевидно имѣетъ видъ капустниковъ, конопляниковъ, одоньевъ, иряслъ и разныхъ сельскихъ видовъ и пейзажей».

(1857 г.)

II.

О вредѣ и опасности журнала «Москвитянинъ» для народнаго здравія въ государствѣ.

Журналъ «Москвитянинъ», издававшійся извѣстнымъ всероссійскимъ безсребренникомъ Михаиломъ Погодинымъ, отставалъ въ своевременной выдачѣ своихъ кни-

жекъ баснословно; такъ, напршгъръ, декабрьскій его нумеръ выходилъ въ іюлѣ, а іюльскій въ декабрѣ.

Извѣстный въ Москвѣ своею разсѣянностью и глубокиѣ знаніенъ Естественной исторіи ученый Н. А. Сѣверцевъ, углубившись разъ въ „декабрѣ мѣсяцѣ“ въ составленіе своей глубоко-ученой диссертаци,*) былъ неожиданно прерванъ въ занятіяхъ раздавшимся звонкомъ. Вошелъ почтальонъ и подалъ ему новыи, только что вышедшій нумеръ „Москвитянина“. Сѣверцевъ бросилъ взглядъ на обертку журнала и прочиталъ: „Іюль“. Онъ поспѣшилъ достать пальто самой легкой матеріи (искусно сотканной изъ ліонскихъ паутинокъ), соломенную шляпу, и поспѣшио направилъ стопы свои къ Москвѣ рѣвѣ. По разсѣянности, ничего не чувствуя и не замѣчая, онъ бросился въ первую прорубь — купаться.

Нѣчего и говорить, что его вытащили оттуда почти за мертво извѣстные своею сострадательностію будочники (получившіе въ послѣдствіи медали на владимірской лентѣ—«за спасеніе погибавшихъ»). Было произведено слѣдствіе, котормъ дознано, что причиною этого несчастія отъ разсѣянности,—былъ журналъ «Москвитянинъ». Почему правительство и распорядилась такъ: передать этотъ журналъ изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, именно въ «Медицинскій Департаментъ», предписывая медицинской полиціи строгій и

*) Диссертациѣ вѣа носятъ слѣдующее названіе: «О вліаніи теченія и показанія астерондъ, находящихся между Юноной и Палладой, на образованіе щупальцевъ у жесткокрылыхъ (coeloptera) и на раздвоеніе копытъ у животныхъ, отгрыгающихъ жвачку (ruminantia).» Москва 1854. Въ Университетской типографіи. in—4°.

взеусынный надзоръ надъ нимъ, какъ надъ періодическимъ изданіемъ, столь опаснымъ для общественнаго дравія въ имперіи.

III.

Изъ будущаго учебника исторіи Русской литературы.

(Учитель). *Вопросъ.* Чѣмъ существенно отличается талантъ и характеръ литературной дѣятельности Фаддея Булгарина отъ характера и таланта Бориса Ф (Θ)?

(Ученикъ). *Отвѣтъ.* Чтобы объяснить это, стоитъ только привести слѣдующій фавтъ. Въ дни своей цвѣтущей молодости Булгаринъ считалъ себя поэтомъ, и сдѣлалъ нѣсколько опытовъ въ стихахъ буколическаго содержанія. Между ними была написана одна нѣжная «идиллія», попавшаяся какъ-то въ извѣстное отдѣленіе. Борисъ-же Θ—въ пробовалъ свои силы, еще на утрѣ дней, преимущественно въ доносахъ на отечественную литературу: онъ всегда отличался патріотическимъ чувствомъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать свои доносы сильными, ядовитыми, всесторонними, доказательными и ужасными. Доносъ, какъ извѣстно, по своему назначенію, тоже очутился въ неизбѣжномъ, роковомъ учрежденіи,

«Куда и листъ лавровый мчится,

«И легкій розовый листокъ.

Но, спустя нѣкоторое время, секретарь какъ-то нечаянно перемѣшалъ эти бумаги между множествомъ другихъ бумагъ, поступающихъ въ это благотѣльное и необходимое для любевнаго нашего отечества учрежденіе. Наконецъ съ трудомъ отыскалъ ихъ; но пришедши въ недоумѣніе, что *доносъ* и что *идиллія*, обратился въ много-опытному начальнику своему Л. В. Д*.

Тотъ, прочитавъ доносъ Бориса Ѡ. и идиллію Ѡаддея Булгарина, рѣшилъ дѣло такъ:

«Доносъ Бориса Ѡ. отправить въ издававшійся тогда альманахъ *«Сѣверные цвѣты»*, для напечатанія въ отдѣлѣ *стихотвореній*; а *аркадскую идиллію* Ѡ. Булгарина (гдѣ хотя невидимому и бесѣдуютъ между собою только пастушки Меналѣъ, Тирсисъ и пастушка Зоя)—*оставить* въ отдѣленіи, сначала принявъ оную къ свѣдѣнію, а потомъ, по розисканіи, и къ исполненію.»

IV.

Русское горе.

Честолюбивый холопъ N. N. науськиваемый извѣстнымъ московскимъ безсребренникомъ, нѣкимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ N. N., предложилъ, на обѣдѣ, Севастопольцамъ, тостъ *«за русское горе»*. Онъ выразилъ (понаущенію-же N. N.) при этомъ ту мысль, что *«русское горе полезно русскимъ людямъ.»*

Мысль съ откупщицкой точки зрѣнія вполне справедливая. Дѣйствительно, русское горе *полезно* русскимъ откупщикамъ:—*вѣдь русскій человекъ пьетъ съ горя.*

V.

Комета и комедіи.

Въ послѣднее время ожидали появленія кометы, и въ нѣкоторыхъ кружкахъ московскаго общества побаивались, чтобы комета не задѣла земли и не истребила бы все человѣчество.

— Ахъ! воскликнулъ при этомъ N. N.—Аристофанъ, каналья, счастливѣе меня! Его комедіи прожили въ безсмертіи болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, а моимъ комедіямъ, благодаря этой гнусной кометѣ, можетъ быть прійдется прожить только восемь лѣтъ...

Аполлонъ Григорьевъ тоже былъ, по этому случаю-
въ паническомъ страхѣ, пока комета совершенно не
удалилась отъ земли, и человѣчество не осталось жить,
вмѣстѣ съ комедіями N. N. для комедій N. N.

(1858 г.)

VI.

Самое точное философическое опредѣленіе.

Многіе философы, отъ Платона до Гегеля, *опредѣ-
ляли* — «что такое человѣкъ;» но всѣ ихъ *опредѣленія*
по крайнему моему разуиѣнію, были лишь болѣе или
менѣе только точны.

Платонъ, напримѣръ, опредѣлилъ его двуногимъ
существомъ безъ перьевъ. Диогенъ, обципавъ перья у
пѣтуха, и показавъ его Платону, промолвилъ: «Вотъ
твой человѣкъ, существо двуногое, безъ перьевъ!»

Такъ всѣ философы до этого времени, сколько я ни
читалъ ихъ антропологій, опредѣляли человѣка не точно,
не всесторонно, не вполне логически. Въ ихъ опредѣ-
леніи всегда находилось больное мѣсто, на которое могъ-
бы напереть неумолимый анализъ діалектическаго ума
и открыть міру эту прорѣху въ точности опредѣленія.

Но въ наше время, исполненное (какъ извѣстно изъ
отечественныхъ газетъ) благоденствія, явился, наконецъ
человѣкъ, въ совершенствѣ опредѣлившій человѣка.

Этотъ необыкновенный, исключительный индивидуумъ
нѣкто Павелъ Ильичъ Кисельниковъ (псевдонимъ).

По его опредѣленію: — «*Человѣкъ есть такое су-
щество, которое представляетъ собою возможность за-
нять у него деньги.*»

Извольте-ка, господа, какою бы-то ни было діалек-
тикою найти хотя само малѣйшую неточность въ этомъ
глубоко логическомъ опредѣленіи! Привяжитесь-ка здѣсь
вашиимъ тонкимъ анализомъ къ чему-либо!

Согласитесь, вѣдь нельзя же занять денегъ ни у лошади, ни у гуся, ни у щуки, ни у осины, ни у булыжника!

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что «опредѣленіе» П. И. К. какъ нельзя болѣе точно и совершенно въ философсконъ отношеніи.

Авторъ не столько изъ умозрѣнія, сколько изъ многолѣтнаго и всесторонняго опыта вывелъ подобное геніальное опредѣленіе. Онъ долженъ деньги инокчисленнѣйшинъ лицанъ *всѣхъ націй*, всѣхъ государственныхъ *сословіи* и *корпораций*, не только дворянамъ, чиновникамъ, купцамъ, нѣщанамъ, крестьянамъ, но даже такимъ небольшимъ, рѣдкостнымъ, теряющимся въ пространствѣ и народонаселеніи, сословіямъ, какъ напри мѣръ: *пахатные солдаты* и *объемные вѣрстьяне*... Занимать деньги онъ поставилъ конечною цѣлію своей жизни.

Нѣтъ ни одной буквы отъ *Аза* до *Ижицы*, которой бы онъ не считалъ въ числѣ своихъ кредиторовъ: въ алфавитномъ спискѣ ихъ даже находятся фамиліи—*Усавлевъ*, *Уссоповъ*, вѣроятно, фамиліи какихъ-нибудь убогихъ семинаристовъ.

Павель Ильичъ не успѣлъ пока еще взять въ займы у однихъ только коронованныхъ особъ, хотъ и дѣлалъ въ Германіи напрасную попытку занять одинъ талеръ у владѣтельнаго князя Лшше-Детмольдскаго... Но нашъ великій философъ положилъ себѣ непреложнымъ правиломъ и назначеніемъ въ жизни не умирать до тѣхъ поръ, пока не займетъ у кого-либо изъ августѣйшихъ особъ... *) Для болѣшей послѣдовательности въ жизни

*) Послѣ этого, легко можно предсказать, что г. Висельнинову суждено никогда не умереть, какъ Вѣчному Жиду.

и убѣжденіяхъ, онъ рѣшился умереть въ послѣдствіи, но не иначе, какъ повѣсившись на взятой въ домъ веревкѣ.

Гг. желающіе слушать его философическія лекціи благоволятъ обратиться къ нему по слѣдующему адресу: «Въ Москвѣ. Въ Заимообразномъ переулкѣ, въ приходѣ Николы Неоплатимаго, въ домѣ наслѣдниковъ Должниковыхъ, близъ Долговой Ямы, противъ будки.»

VII.

Гегелическая «Призрачность».

Павелъ Ильичъ, какъ извѣстно, слушалъ въ Германіи лекціи Шеллинга и Гегеля, и умѣетъ даже ихъ абстракціи примѣнять къ обыденной практической жизни. Эти философскія абстракціи онъ пускаетъ въ ходъ при займѣ денегъ.

Пришедши къ какому-либо смертному, у котораго намѣревается взять въ займы, онъ мало-по-налу начинаетъ заговаривать о пребываніи своемъ за границей, потомъ нечувствительно переходитъ къ философіи, предчувствуя, что его жертва, хотя и не свѣдуша въ этой наукѣ, но тѣмъ не менѣе одержима слабостью любознательности. Павелъ Ильичъ, по долгой привычкѣ къ философскому нѣмецкому слогу и по отвычкѣ отъ русскаго языка, говоритъ безконечно длинными періодами и многосложными словами, употребляя множество вводныхъ и придаточныхъ предложеній при одномъ главномъ.

—«Есть—говоритъ онъ—одно характеристическое, непреложное *положеніе* у Гегеля, составляющее, если позволите такъ выразиться, весь существенный соеъ его ученія, и, которое, (то-есть положеніе) бѣсъ въ немъ (то-есть въ ученіи), какъ пульсъ въ живомъ челоуѣческомъ организмѣ, служить, какъ-бы мѣриломъ,

или термометромъ Гегелевой системы, извѣстной подъ именемъ, смѣю такъ сказать, абсолютнаго идеализма.

— Ахъ, это интересно!... Что-же это за положеніе?

— «А, вотъ-что!... Все, видимое, слышимое, обоняемое, вкушаемое, осязаемое нами въ этомъ мірѣ, словомъ, всѣ предметы этого вѣшняго, относительно насъ міра, суть не болѣе какъ *призраки*. Все это — видите-ли моментальныя выраженія, манифестаціи, конечныя явленія одной безвѣчной идеи... Призраки, то есть...»

— Какъ призраки!... Неужели призраки?...

— Да! Все, окружающее насъ, въ коемъ мы живемъ и движемся, не болѣе какъ призрачность; призрачный міръ, призраки, — только одна *идея каждою предмета есть абсолютна, вѣчна, безконечна, неизмѣнна, непреложна*: на-примѣръ, этотъ домъ, въ которомъ вы живете, не смотря на то, что онъ застрахованъ, — призракъ; этотъ ювелиръ съ своимъ магазиномъ, противъ котораго выходятъ окна вашей квартиры — призракъ; этотъ мѣняло со всѣмъ его столикомъ — призракъ... Всѣ эти деньги, — даже и не въ австрійскихъ кредитныхъ билетахъ — призраки...

На лицѣ хозяина квартиры выразилось боязливое недоумѣніе. Онъ невольно ощупалъ свой карманъ.

— «Чему вы удивляетесь! Это очень просто, очень понятно... Напримѣръ: — *идея дома вѣчна, а самый этотъ домъ — призракъ....*»

— Помилуйте, — онъ приноситъ своему хозяину двадцать-пять тысячъ серебромъ ежегоднаго дохода и къ тому-жъ еще застрахованъ въ Первомъ страховомъ отъ огня Обществѣ.

— «Все-таки, и эти двадцать пять тысячъ серебромъ и это Страховое отъ огня Общество призраки.»

— Тьфу, чортъ возьми! Это ни на что не похоже...

— «Поймите меня... Этотъ, именно этотъ, положимъ, домъ можетъ сгорѣть или черезъ тысячу лѣтъ совершенно разрушиться, скажу болѣе, безслѣдно ступеваться, стереться съ лица земли, и, такимъ образомъ, потерять свое существенное значеніе, свои отличительные признаки, свою *суть*, такъ сказать: но идея дома вѣчна. Домъ въ мірѣ духа только вѣченъ: онъ не болѣе какъ *das Andersein* извѣстной идеи, ибо представленіе и понятіе о томъ, что укрываетъ чловѣка отъ стихій, пріютъ чловѣческаго индивидуума, обусловливаемый потребностью удобствъ внѣшней жизни чловѣка, имѣющій извѣстную форму, занимающій извѣстное пространство, словомъ, это представленіе существовало, существуетъ и останется вѣчно въ духѣ. Это представленіе, это понятіе, эту идею

«Не истребить ни гола, ни пожары,»

если, смѣю привести, и, надѣюсь, не совсѣмъ нестати стихъ великаго, многоуважаемаго мною отечественнаго поэта...»

Хозяинъ задумался, Павелъ Ильичъ какъ-то прерывисто и нерѣшительно заходилъ по аоннатѣ. Молчаніе обоихъ было довольно продолжительное. Наконецъ Павелъ Ильичъ взглянулъ на свой прорванный сапогъ, указалъ на него со вздохомъ и прервалъ это молчаніе.

— «Вы не повѣрите, что при наиболѣе положительнѣйшихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, имѣенныхъ теперь мною, относительно полученія довольно большаго куша денегъ,— вотъ до чего я теперь доведенъ: не-на-что даже дать положить заплатку на сапогъ.... А тутъ еще предстала мнѣ одна божественнѣйшая, ээврнѣйшая, очаровательнѣйшая женщина, которой бы мнѣ хотѣлось дѣлать дворъ....»

Надо замѣтить, что Павелъ Ильичъ, долго живя за границей, до того обиностранился, что, не находя чисто-русскихъ выраженій, переводить иногда буквально германизмы и галлицизмы. Въ этомъ случаѣ, на-примѣръ, онъ такъ перевелъ выраженіе *faire la cour*.

— «Но какъ—продолжалъ онъ—приступить къ ней въ изорванныхъ сапогахъ?... языкъ не поворотится, совѣстно слово вымолвить.... не говоря, уже о поднесеніяхъ ей букетовъ и о разныхъ другихъ угожденіяхъ, на что нужны деньги.... Вотъ до чего доведенъ я непредблагоразнострительствовавшимися обстоятельствомами!... Видите-ли, *mon cher*,—мнѣ нужны теперь до зарѣзу 50 или хотъ 30, или 25 наконецъ, рублей серебромъ, чтобы кое-какъ пока оборотиться да оправиться... Пожалуйста, *mon cher*, мнѣ скоро предстоитъ большое полученіе. Считаю священнымъ долгомъ, увѣрить васъ, что вы ихъ получите всѣ сполна съ моею наивеличайшею признательностію и съ чувствомъ глубочайшей благодарности въ самомъ непродолжительномъ времени. Вамъ, человѣку мыслящему, неужели даже на время жаль разстаться съ этими призраками!...» сказалъ Павелъ Ильичъ, будто полусути, но тѣмъ не менѣе съ паэосомъ.

Иванъ Ивановичъ (хозяинъ квартиры) замался.

— «Вы согласитесь—продолжалъ съ чувствомъ Павелъ Ильичъ, что ваши деньги, то есть, металлическіе кружки извѣстнаго рода или литографированныя бумажки—призраки!... а вѣдь только идея ихъ вѣчна... Они, дѣйствительно, и ваши, положимъ, деньги имѣютъ свою сущность и силу, но только въ мірѣ духа.»

— Эхъ, подумалъ про себя Иванъ Ивановичъ, вѣрно и долгъ-то твой для тебя тоже призракъ, а ужъ для меня и подавно, не смотря на то, что самый долгъ су-

ществуетъ исключительно въ нирѣ духа, какъ отвлеченное понятие.

Тутъ Павелъ Ильичъ началъ описывать свое настоящее горькое положеніе и будущія положительныя надежды на богатство.

Всему свѣту извѣстно, что нельзя никакъ отвертѣться, чтобы не дать въ займы Павлу Ильичу. Онъ занимаетъ у васъ безъ отдачи, положимъ уже въ 10-й разъ, и вы все-таки ему даете въ займы. Вы какъ-то размягчаетесь, умиляетесь предъ нимъ. Онъ занимаетъ такъ художественно, онъ великій художникъ кредита. Вамъ какъ-то легче жить, давши въ займы Павлу Ильичу. Иногда-же, вы ему охотно даете денегъ, думая, что авось-либо это въ послѣдній разъ, и онъ изъ совѣсти никогда ужъ больше не покажется вамъ на глаза.

Надежда тщетная!

Несмотря на то, что Иванъ Ивановичъ былъ порядочный кремень, онъ однакожъ ему далъ въ займы, хоть не 50, но раззорился на пять рублей.

Павелъ Ильичъ поспѣшилъ съ нимъ проститься, и тотчасъ же на эти деньги нанялъ извозчицью карсту, и отправился въ ней занимать у другихъ своихъ знакомыхъ. Воображенію его уже представлялось поднесеніе дорогаго, великолѣннаго букета его «божественной женщинѣ.»

Но долго послѣ этой сцены повторялъ скупой Иванъ Ивановичъ съ тяжкимъ вздохомъ:—«Деньги—призраки! Да призраки, гегелическіе призраки!»

VIII.

Еще анекдотъ о П. А. Кисельниковѣ.

Читатели моего «Альбома Иноходрика», конечно, знаютъ уже П. Л. Кисельникова, у всѣхъ и у вся занимающаго деньги. Я, по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ, потщился изобразить его художественную способность вѣчно занимать, никогда не отдавая.

Пребываніе мое въ 1861-мъ году въ Италіи невольно привело мнѣ на умъ еще одинъ фактъ изъ его *занимательной* жизни.

Петра Лукича я вспомнилъ въ Римѣ, именно въ картинной галлерей палаццо Колонна. Я, между иножествомъ разныхъ картинъ, съ особеннымъ вниманіемъ остановился предъ картиной Мурильо, изображающей Іуду, продающаго Христа ва 30 сребренниковъ. Передъ этой картиной, стоялъ нѣкогда Петръ Лукичъ, извѣстный любитель и восторженный до санозабвенія поклонникъ искусства.

На картинѣ представленъ Іуда, окруженный фарисеями и священниками еврейскими. Онъ только что получилъ свои роковые 30 сребренниковъ: они лежать у него еще на ладони руки... Живопись превосходная. Предъ вами будто живой стоитъ Іуда и сребренники его, кажется, будто и теперь ходять и принимаются вездѣ по номинальной цѣнѣ... Такъ все живо и естественно представлено въ этой картинѣ.

Долго и жадно Петръ Лукичъ созерцалъ эту картину, позабивъ и себя, и все его окружающее: онъ весь слился съ этимъ художественнымъ произведеніемъ... Восторгъ, умиленіе, какое-то страстное вниманіе рисовались въ его вворахъ. Въ ней такъ было все естественно нарисовано, что онъ протянуть руку къ фигурѣ Іуды и сказалъ ей сладко вкрадчивымъ голосомъ:

— „На три дня... не больше, вавъ на три дня!... Отдамъ, влянусь честью, отдамъ!“ — Но фигура Іуды не сдѣлала къ нему никакого движенія и не испустила ни одинаго звука.

Тогда Петръ Лукичъ, желая подѣйствовать на жестокосердаго Іуду, прибѣгнувъ къ обыкновенному своему аргументу: онъ поднялъ ногу предъ картиной и показавъ Іудѣ свой лопнувшій сапогъ.

— «Видите-ли,—до того я обевденежился, что сапога не-на-что починить.... Я здѣсь на чужой сторонѣ; меня никто здѣсь не внаетъ, не къ кому обратиться, на васъ единственная надежда. Дня черезъ три я жду довольно большую сумму денегъ и возвращу вамъ съ моею глубокою благодарностію... Я такъ много слышался о гуманизмѣ, о высокомъ благодушіи вашемъ.... Я смѣло обращаюсь къ вамъ.....»

Съ этими словами Петръ Лукичъ судорожно протянулъ свою руку къ рукѣ Іуды, и хотѣлъ было съ ладони его ваять 30 сребренниковъ. Его остановилъ капельдинеръ, сказавши, что къ картинамъ прикасаться руками не дозволяется. Остальное, какъ видите, досказывать не для чего.

Вотъ какова сила искусства! Какъ оно вѣрно изображаетъ дѣйствительность, какъ воспроизводитъ явленія жизни, какіиъ волшебнымъ обояніемъ вѣтъ оно на смертнаго!...

6. Сент. 1861 г.

IX.

Литературный слухъ.

Мы тройной экстрактъ изъ обезьяны и попугая Бѣдные на всякую начальную мысль, мы бросаемся жадно на подражаніе. Не успѣлъ Андрей Александровичъ Краевскій выдать первый томъ своего ольшаго

„Энциклопедическаго Лексикона“, какъ ужъ является ему подражаніе, но въ гораздо громаднѣйшихъ размѣрахъ: это будетъ лексиконъ-чудовище; какъ мы слышали: томовъ его будетъ апокалипсическое число — 666; томы эти должны быть неимоверной толщины: это замоскворѣцкія купчихи между книгами. Въ лексиконѣ, часто одно какое-нибудь слово начинающееся на одну какую-либо букву, будетъ составлять одинъ томъ: такъ всесторонно, съ самомалѣйшими подробностями, будутъ въ немъ тратоваться предметы знанія.

Нѣкоторые изъ знаменитыхъ и многоучевыхъ писателей нашихъ взяли себѣ по буквѣ, такъ, выпригѣвъ, извѣстный всему Невскому проспекту *Иванъ Ивановичъ Панаевъ* взялъ себѣ въ распоряженіе букву *Ф*.

Онъ уже окончилъ въ ней блистательно слѣдующія статьи:

— *Фертъ*, — *фатъ*, — *франтъ*, — *фракъ*, — *Фромантъ*, — *филокомъ*, — *фиксатуаръ*.

Л. А. Мей, не зная, что *И. И. Панаевъ* взялъ исключительно себѣ эту привилегированную букву, принесъ было въ редакцію лексикона свою превосходно составленную статью съ глубокимъ всестороннимъ знаніемъ дѣла, подъ названіемъ: „*Фридрихъ-гераусъ*“, — но интригами *И. И. Панаева* она была отвергнута: буква *ф* такъ ему пришлась по сердцу, что онъ не допустилъ въ нее и отца роднаго. За то, надо правду сказать, статьи его занимаютъ иногда цѣлые томы: въ нихъ позавидовалъ-бы ему самый истый специалистъ Германіи. Статья „*фракъ*“, на примѣръ, исполнена глубокой учености. Она занимаетъ почти томъ.

Въ ней сначала идетъ строго - критически разработанная исторія фрака, потомъ подробнѣйшая техника этого платья, а за нею и самая философія фрака, въ

которой, между прочимъ, брошены философскіе взгляды и на жизнь самаго автора, и окончательно опредѣлена *вѣчная цѣль человеческой жизни*, до которой такъ тщетно добивались древніе и новыя философы..... По истинѣ слава отечеству нашему, которое владѣетъ талантомъ и новымъ Пико-де-Мирандола! Но съ другой стороны, позоръ Россіи: она даже не подозрѣваетъ его существованія; одинъ только Шармеръ, парикмахеръ Эммануэль, да гвардейскіе офицеры цѣнятъ его по достоинству.

Иванъ Ивановичъ въ статьѣ своей „*Фромантѣ*“, показалъ глубокой историческій талантъ. Онъ въ ней явился просто Тацитомъ нашихъ дней; прочитайте генеалогію и исторію фамиліи Фромантѣ, и вы оправдаете слова мои. Онъ нашелъ ее еще въ среднихъ вѣкахъ въ *Ex-la-Chapelle*, и провелъ ея подробнѣйшую исторію по мужской и женской линіи до нашихъ дней. Далѣе, онъ излагаетъ многосторонне технику видѣлыванія кожи, кроенія, шитья перчатокъ, способы ихъ надѣванія и ношенія. Подробнѣйше описываетъ фабрику откуда Фромантѣ получаетъ кожу для своихъ перчатокъ, излагаетъ также исторію и топографію заведенія, описываетъ всѣ залы и комнаты этой фабрики, отъ обоевъ до мебели, и наконецъ заключаетъ глубокимъ философскимъ взглядомъ вообще на перчатки, взглядомъ, которому позавидовали-бы Спиноза, Шеллингъ и Гегель и сожгли-бы свои произведенія...

Всѣ знаютъ, какой безотрадный видъ представляетъ теперь наше отечество: не будь Ивана Ивановича, — я-бы первый повѣсилъ съ тоски, отчаянія.....

Но нужно сказать еще и о другихъ, не столь значительныхъ сотрудникахъ лексикона, хотъ тоже глубокихъ специалистахъ.

П. И. М—ковъ, известный подъ псевдонимомъ Печерскій, написалъ статьи, не по одной, какъ Панаевъ, но по разнымъ буквамъ; статьи его носятъ на себѣ характеръ какой-то своеобразности.

Вотъ эти статьи: — *Раскольники*. — *Взятка*. — *Донось*. — «*Съверная Пчела*.» — *Повѣсти*. — *Слѣдствіе*. — *Насиліе*. — *Подъячій*. — *Обличеніе*.

Намъ особенно понравилось въ одной статьѣ художественное изображеніе вымогательства взятки отъ одного хлыста и филиппона.... Талантъ нечего сказать.

П. В. Г—ль, все и вся издающій, помѣстилъ въ этомъ изданіи только двѣ свои статьи на букву *П*: 1) *Нулъ*. — 2) *Ничтожество*. Высокое литературное и ученое достоинство этихъ статей возвышаетъ еще и то, что въ нихъ постоянно чувствуется вѣяніе какой-то лирической субъективности, а главное, что авторъ включилъ въ составъ этой же статьи и полное собраніе своихъ сочиненій и переводовъ.

Д. В. Григоровичъ, известный знатокъ русскаго быта и народа, по мнѣнію отечественныхъ журналовъ, что онъ и доказалъ изданіемъ „Народныхъ Бесѣдъ“, — помѣстилъ только одну статью, именно на букву *В*. Статья эта носитъ названіе: — „*Враль*“ — и состоитъ изъ десяти толстыхъ томовъ въ четыре столбца. Сюда тоже вошло полное собраніе сочиненій г. Григоровича, и въ особенности повѣстей его изъ русскаго простонароднаго быта, а также и біографія автора до того полная, что въ ней описано подробно пребываніе его во чревѣ матери и закончено вычисленіемъ всѣхъ кушаньевъ на его похоронномъ обѣдѣ; подслушаны разговоры на этомъ обѣдѣ, наконецъ, ботаническіе виды травъ, растущихъ на могилѣ автора.

Намъ, какъ людямъ, проникнутымъ патріотиче-

скииъ чувствомъ, остается въ заключеніе, послѣ всего этого, пожелать только отъ всей души успѣха у насъ въ Россіи этому исполнскому изданію, предъ которымъ смиряется самъ Брокгаузъ.

X.

Обращеніе статьи въ Энциклопедію.

Публика холодно принимаетъ у насъ энциклопедическіе лексиконы, а все оттого, что имъ конца нѣтъ; нѣтъ конца времени ихъ изданія, нѣтъ конца ихъ томамъ: на первый томъ подпишешься гимназистомъ, а послѣдній томъ получишь уже въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, если бы большому энциклопедическому лексикону былъ у насъ когда-либо конецъ.

Пространныя статьи въ лексиконѣ лишняя вещь; они не могутъ быть полными трактатами о какомъ либо предметѣ; во всякомъ случаѣ есть возможность большую часть статей лексикона составлять въ двѣ-три строчки, — томовъ выйдетъ немного и онъ окончится въ непродолжительное опредѣленное время: Вотъ, на примѣръ; подобная статейка для образчика, на букву Я...

«Якушкинъ Павелъ.

Лыко не вяжетъ, мыслете писать; сидѣлъ въ Части за любовь къ народности.»

Вотъ и все: полно и всесторонне.

28 сентября, 1861 г.

XI.

Финансовая записка.

У насъ изъ-подъ носа упускаютъ статьи государственнаго дохода... Боже мой, что за роковая слѣпота такая! Да что ходить далеко.

Вотъ, напримѣръ, возьмемъ русскіе журналы и журналы. Вѣдь можно-бы было наложить гильдейскую повинность на ихъ либерализмъ; положимъ, крайній радикалъ долженъ записаться въ 1-ю гильдію, собственно либераль въ 2-ю гильдію, либералишка въ 3-ю и т. д., и платить въ казну гильдейскія деньги. Вотъ вамъ и новая статья государственнаго дохода... а то наладили все на одно несчастное *зелено вино*....

Вѣдь журналисты ловятъ же подписчиковъ на удочку либеральничанья въ формѣ разныхъ либеральныхъ скандаловъ, слѣдовательно, получаютъ же отъ этого порядочный доходъ:—записать ихъ въ извѣстную гильдію либерализма.

Либерализмъ вѣдь въ настоящее время пересталъ уже быть благороднымъ самоотверженіемъ, высокой жертвой, благородной любовью къ добру, правдѣ, къ братьямъ.

Теперь консерваторомъ быть крайне невыгодно; теперь нужно быть Баярдомъ, безкорыстнымъ Аристидомъ чтобъ быть консерваторомъ, а не либераломъ....

«Сѣверная Пчела» не либеральничала и каждый годъ все падала и падала, лишаясь подписчиковъ,—и вотъ, уступая потребностямъ времени и публики, стала либеральничать съ своимъ М—мъ,—и посыпался на нее золотой дождь подписчиковъ.

4. Сент. 1861.

ХІІ.

Потасовна.

Приѣхавъ изъ-за границы и просматривая отечественные журналы, я увидѣлъ, что наши журналисты дописались ужъ до чертиковъ.... Наглая руготня съ отвратительнымъ запахомъ самаго нестерпимаго деспотизма разлилась по всѣмъ листамъ нашихъ либеральни-

чающихъ журшловъ: всюду, смотришь, идетъ духовно-нравственная потасовка: одному дана больно литературная *зуботычина*, иному данъ научный *подзатыльникъ*. Тотъ, смотришь, угодилъ своего литературнаго собрата *подъ мышкетъ*; а онъ сдалъ ему сдачи *подъ дышло*, а въ по салазкамъ..., а тамъ, смотришь, мелкіе фельетонисты группами валяютъ другъ друга *по скуламъ*... Словомъ, литературныя олицетворенія Держиморды и Бурцова «буйнаго забіяки» рассказываютъ по площадямъ нашей журналистики.

5 Сентября 1881.

XIII.

Эпическое начало въ народѣ и стрѣльба въ этотъ эпосъ.

Нынѣшнее состояніе Американскаго союза, война за право удержанія у себя рабовъ, невольно говоритъ въ пользу Россіи... Стоитъ только носравнить, сличить, да посообразить.... Да, экономическій, денежный, насущный, повседневный интересъ—самое главное дѣло въ жизни... Всякое недовольство настоящимъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса со стороны крайнихъ радикаловъ и „Бурцовыхъ буйныхъ забіякъ“ прогресса — чистѣйшая глупость, свидѣтельствующая вообще о ихъ умственной ограниченности и крайнемъ невнаніи жизни.... Но все-таки, зачѣмъ было стрѣлять въ эпосъ!

Народъ нашъ еще и теперь находится въ моментѣ эпическаго развитія,—кто читалъ: Гриммовъ, В. Гумбольдта, Э. И. Буслаева,—тому понятно это....

Въ одномъ мѣстѣ народъ бунтуя (будто-бы) просилъ другой заправской царской грамоты, манифеста.... „Та, молю, грамота за золотой печатью... заправская-то, а эта подложная.“

Крестьянинъ Егорцевъ говорилъ мужикамъ: „разъ

выстрѣляютъ—стойте, другой разъ выстрѣляютъ,—стойте, третій разъ выстрѣляютъ,—и тогда ужъ будетъ настоящая воля“. Антонъ Петровъ держалъ во время погрома надъ головой «Положенія 19-го Февраля.»

Лучше бы было взять вездѣ съ собою Рыбникова, гдѣ только бунтуютъ крестьяне: онъ бы ихъ уговорилъ и объяснилъ бы имъ что нужно по своему, то есть по ихнему, — и русская кровь не пролилась бы. Тоже можно было-бы взять челоуѣва въ родѣ Рыбникова, именно П. И. Явушкина, если-бъ у него въ головѣ вьзались мысли и если-бъ онъ когда нибудь могъ «вязать лыкомъ».

3 Сент. 1861 г.

XIV.

Определеніе любви.

Любовь мужчины есть — Анну Сидоровну или Степаниду Карповну принять за Офелію или Корделію.

Любовь женщины — Ивана Ивановича принять за Маркиза Поу.

36 Сентября, 1861 г.

XV.

Современный эпосъ.

Въ то время, какъ русскій народъ (les moujicks) уже давно вышелъ изъ *эпическаго состоянія*, русская публика только что вступаетъ въ него... Да, русская публика, такъ называемая, будто-бы образованная публика находится еще въ *періодъ эпическаго состоянія*, да еще даже въ *первичномъ* моментѣ этого эпоса, именно, когда эпосъ представляетъ собою еще *стихійныя* силы, восмогоническія начала. Этотъ моментъ въ народномъ эпосѣ выразился образами въ родѣ Полвана, Сухмана,

Одяхманъевича, Святогора - богатыря, существами хаотическими, грубо стихійными, до - историческими, до - культурными.

Доказательствомъ, что *публика* и петербургская *журналистика* находятся въ *этическомъ состояніи*, служатъ:

- 1) Успѣхъ (нѣкоторыхъ) журналовъ.....
- 2) Возможность красныхъ казацки-юнкерскихъ газетъ.....
- 3) Успѣхъ и извѣстность (нѣкоторыхъ) писаній....
- 4) То, какъ вела себя публика при спорѣ Перозіо со Смирновымъ.
- 5) То чему шикали и чему рукоплескали при спорѣ Погодина съ Костоиаровымъ.
- 6) Сочувствіе безграмотнымъ, ничему не учащимся юношамъ, верхомъ на палочкѣ корчившимъ европейскія демонстраціи и игравшимъ, какъ въ мячѣ, въ чехарду или жмурки, — въ политическое мученичество за идею.
- 7) Рисующіяся передъ этой эпической публикой, раздутыя самолюбвица и честолюбвица .

9) Возможность чтенія публичныхъ лекцій о философіи.....

10) Нигилисты, съ ихъ допотопною отсталостью отъ вѣка и возможность появленія этихъ плезиозавровъ въ современной Россіи.....

12) Возможность появленія въ Петербургѣ подметныхъ прокламацій.....

Но всего не перечтешь, такъ все у насъ, *этично*, *стихійно*, стихійно до того, что разрывается мыслящее сердце, сердце патріота. По неволѣ стараешься избѣгать общества, уединяешься, прячешься отъ людей, въ особен-

ности отъ такъ вазываемыхъ образованныхъ людей; всякая бесѣда съ ними камнемъ ложиться на душу, давить тебя печалью и отчаяніемъ, такъ все у насъ извращено, дико-либерально, эскимоски - прогрессивно, глупо до красноты, глубокомысленно до устрицы, жизненно до заоблачности и практично до Аркадіи или до русскихъ акціонерныхъ компаній...

Сколько абсурдовъ въ такое короткое время проявилось въ этомъ *этическомъ* Петербургѣ! Страшно становиться, когда подумаешь, въ какое время мы живемъ.

Апрѣль, 1862 г.

XVI.

Парадоксы.

Религія въ русскомъ народѣ — *эпосъ*. Искра чисто религіознаго чувства въ душѣ русскаго мужичка поглощена эпическими образами, представленіями, преданіями и крѣпкими исконными обычаями. Религіозныя учрежденія у него тоже, что, *обрядныя пѣсни* на свадьбѣ, безъ чего немыслима свадьба въ народѣ, безъ чего, по понятіямъ его, она и не была бы свадьбою; здѣсь все и вся — эпосъ, эпосъ, эпосъ!

Если-бы не было пѣто на свадьбѣ извѣстныхъ пѣсень, дружка не стукнулъ бы три раза кнутовищемъ въ окошко, молодыхъ не осыпали-бы хмѣлемъ, — то мужикъ сказалъ-бы: «какая это свадьба, — вѣдь законъ не исполненъ».... Вотъ тожь у нашего мужичка и православіе.

Попъ у него тоже, что какойнибудь главный чинъ въ свадебныхъ обрядахъ, напримѣръ, тысяцкій или старшій дружка. Тайинства и богослуженіе — эпической прапрадѣвской, непреложный обиходъ.

Во все это входитъ еще его *практическая разсудочность* по отношенію къ насущной жизни и обстановкѣ. Пословица: «не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки»—имѣетъ здѣсь свой смыслъ.

Религіозныя лица у народа переходить въ эпическія. Я слышалъ, въ одномъ духовномъ стихѣ, дѣвушка инѣ пѣла вѣсто Іоаннъ Предтеча—*Иванъ Предтеичъ*, будто про какого нибудь Соловья Будимировича.

24 декабря, 1861 г.

Изъ Золотой гордыни.

Наша, такъ называемая образованная молодежь знаетъ кое-какіе *взгляды* и не знаетъ *фактовъ*, лишаясь тѣмъ способовъ къ *самомышленію*. *Взгляды* скоро и легко, безъ всякаго труда, *вычитываются* изъ модныхъ писателей и невольно залетаютъ въ уши изъ образованныхъ кружковъ, а для *фактовъ* нужна *стройная наука* и *упорный, энергическій, осмысленный трудъ* и *наблюденіе*.

Наша публика такъ легкомысленна и необразована, что у насъ даже фельетонная философія вызываетъ неистовыя рукоплесканія..... Дамы страстно рукоплещутъ Костомарову, ни чего не понимая въ русской исторіи. Шляпки *гарибальдійки* и *краснота* теперь въ большой модѣ у нашихъ дамъ.

24 декабря, 1861 г.

„De mortuis aut bene aut nihil“. Это старинное, рутинное, избитое выраженіе, эту бессмысленную сентенцію мнѣ пренаивно повторяли петербургскіе новѣйшіе *ultra*—прогрессисты, когда я написалъ мою достойную эпитафію И. И. П*.

Эти господа наши прогрессисты настолько рутинно-догматичны, на столько далеки какой бы то нибыло *самодѣятельности мышленія*, что даже имъ въ башку

не приходитъ и этого соображенія, а именно: — и Неронъ умеръ, и Тамерланъ умеръ, и Тушинскій воръ умеръ, и многіе историческіе дѣятели перемерли, — слѣдовательно, по смыслу ихъ сентенцій, объ нихъ ровно ничего не надобно говорить. Всѣ они уже мертвецы.

Тогда бы, пожалуй, не было ни Тацитовъ, ни Нибуровъ, ни каедръ исторіи, чтò разумѣется, только на руку гимназистамъ и кадетамъ: экзамены были бы поменьше, помалосложнѣе... Исторія, не наука-ли о мертвыхъ? Одною смертію окончательно опредѣляется значеніе и смыслъ человѣка, а до смерти еще о немъ бабушка на двое сказала.

5 июля, 1862 г.

XVII.

Пѣсня для престонародныхъ школъ.

«Сердобольные» о русскомъ мужикѣ нѣмецкіе педагоги напечатали, кажется въ Шварцбургъ-Зондернсаузенѣ, на австрійскомъ языкѣ брошюру о новомъ устройствѣ русскихъ престонародныхъ школъ, гдѣ они, между прочимъ, говорятъ, что нужно въ школахъ, русскихъ ребятъ учить пѣть народныхъ пѣсни. Нѣкоторые русскіе невѣжды дерзнули было имъ возражать на это; но вооруженные наукою мудрые нѣмцы побили ихъ своимъ глубокомысліемъ.

— «Это, молъ, водится въ Германіи, про это написано въ нѣмецкихъ книгахъ... И вы смѣете противурѣчить!.. Знаете-ли нашъ Алаоранъ, нашъ догматъ: — «нѣтъ Аллаха кромѣ Аллаха; а нѣмецкая педагогія пророкъ его.»

— Да у насъ, батюшки многомудрые нѣмцы, народъ то не тотъ, обычай другой, вѣра иная, такъ у насъ все по своему искони ведется. Услышатъ мужики отцы,

что въ школѣ поють пѣсни,—да и возынутъ оттуда своихъ ребятъ. Это, скажутъ они, невѣжды, не школа, а кабакъ, иль хороводъ какой... Слышь, вѣсто того, чтобъ учиться «отъ писаній», наши дѣтушки распѣваютъ:

«Ой диди-ли, еалинка мон!
Въ саду ягода малинка мон!»..

Баловство одно и только; учать здѣсь не по Божьи! Грамота, вѣдь, дѣло святое...»

Да и нѣмецко-питерскіе педагоги говорятъ, что у нихъ въ Германіи для школь сочиняюся нѣмцами особенныя пѣсни. У насъ, молъ, на все пишутъ пѣсни, печатаются особые сборники пѣсенъ, напримѣръ, для женщинъ въ интересномъ положеніи, для мужчинъ, когда нападаетъ насморкъ и. заложить горло, для людей страдающихъ несвареніемъ желудка и проч. Таеъ и увасъ должно быть.

Чтб тутъ подѣлаешь; нѣмца не переспоришь: ужъ ученъ больно... Нечего дѣлать, надо ему въ угоду сочинить для будущаго «Сборника русскихъ швольныхъ пѣсенъ» и отъ себя пѣсеньку... Вотъ мы, какъ смогли, и сложили ее Не обезуудьте на первый разъ.

Russisches Schülerlied.

Наши гоги и магоги,
Иль нѣмецки педагоги
На заморскій ладъ хотять
Строить школы для робать....
Ай люли, ай люли!
Господа съ-ума сошли.

По Петровскому примѣру,
По нѣмецкому манеру,

Мужика хотягъ ломать —
 Русь изъ Руся выживать.
 Ай люли, ай люли!
 До чего-то вы дошли.

Пусть они намъ для забавы
 Пишутъ школьные уставы:
 А ребятъ мы не пошлемъ
 Въ Вавилонскій ихъ содомъ.
 Ай люли, ай люли!
 Сядеть Питерь на мели.

Петербургскіе тупицы
 Наше земство, изъ столицы,
 Замышляютъ просвѣщать
 На несродную намъ стать.
 Ай люли, ай люли!
 Нѣмцы насъ не провели.

Полтора ста лѣтъ—не мало!—
 Насъ изъ Питера трепало
 Лихоманкою чужой, —
 Что хоть матку—рѣпку пой!
 Ай люли, ай люли!
 Насъ таки не извели.

Даже рученьки Петровы
 Насъ не сдвинули съ основы, —
 Такъ куда ужъ, други, вамъ,
 Подступаться къ мужикамъ.
 Ай люли, ай люли!
 Господа съ-ума сошли.

XVIII.

Еще открытіе!

Недавно наши химики открыли въ воздухѣ, облегающемъ Петербургъ, новое химическое вещество—производящее современную повальную болѣзнь, что-то въ родѣ черной немочи мозга и сердца. Это вещество, разлитое въ нашемъ воздухѣ, названо въ наукѣ *Фраземъ*.

Чрезмѣрное присутствіе въ воздухѣ такого *алколоида*, называемаго *Фразеиномъ*, дѣйствуетъ мiasmатически не только на петербургскую молодежь, но даже и на самыхъ старцевъ. Въ учебныхъ *уставахъ* замѣтна непо-мѣрная доза этого *Фразеина*; имъ также смертельно заражена и петербургская журналистика. — Все и вся хватило этого алколоида, все радикально заражено имъ.

Медики, какъ во время перваго появленія холеры, совершенно растерялись, не зная что придумать противъ такой эпидеміи.

Я случайно видѣлъ въ аптекѣ *рецептъ* одного доктора психіатріи, очень почтеннаго медика, и, сколько могу припомнить, въ рецептъ было прописано въ до-вольно большихъ приемахъ:

— Здраваго смысла.	„ драхмъ столько-то.
— Честности	„ столько-то грановъ.
— Знанія Россіи	„
— <i>Прочною образованія</i>	
— Труда.	

XIX.

Меню обѣда

въ русскомъ національномъ и архаическомъ ввусѣ, который хотѣлъ дать М. П. Погодинъ Славянамъ въ своемъ собственномъ саду, но на чужія деньги:

- Лосій огузокъ подъ студнемъ,
- Похлебка свиная,
- Буйгурова требуха съ чеснокомъ и огурцами,
- Гусино осердье и хихи съ подливкой,
- Порося верчено,
- Куря пряжено,
- Пирожное — дрочено.

Московскій оберъ-полиційнейстеръ разрѣшилъ этотъ обѣдъ, но съ условіемъ, чтобы въ это время, на всякій случай, находилась въ саду М. П. Погодина небольшая, подвижная аптека и при ней были три опытныхъ медика.

Питься на этомъ обѣдѣ должно не иначе, какъ „зелено вино,“ да и то взятое, для вящаго патріотизма, изъ водочныхъ складовъ В. А. Кокорева. Пить будутъ не изъ рюмовъ, но изъ турьихъ роговъ. Гости за обѣдомъ усядутся на стульяхъ — рыбій зубъ.

81 мая, 1887.

XX.

Свобода.

Вспоминая о сущности и характерѣ современной русской журналистики, не мѣшаетъ, а пророз, выписать одно мѣсто изъ книги Джона Стюарта Милля: — «О свободѣ.»

Вотъ это мѣсто, которое нужно-бы принять къ свѣдѣнію:

«Мало одной защиты противъ тираніи властей, нужна защита противъ господствующихъ мнѣній и чувствъ, противъ стремленія общества заставить иными средствами, чѣмъ гражданскими наказаніями, не соглашающихся съ нимъ признать, какъ руководство.»

«Въ жизни его собственныя идеи и обычаи уничтожить и, если возможно, предупредить развитіе всякой индивидуальности, которая бы не гармонировала съ его собственнымъ направленіемъ,—и принудить всѣ характеры слѣпиться по его собственному типу.»

(Стюартъ Милль.)

ПУТЕВЫЯ НАБРОСКИ

русскаго лѣнивца и ипохондрика *).

За границей въ 1861 г.

9 и 10 марта 1861 г. Мы въ Динабургѣ. Здѣсь, какъ и далѣе по пути все дороже и севернѣе столичнаго, народъ хуже — неподвижнѣе, несказанно тупѣе нашего: поляки, литвины, бѣлорусцы и еще какіе-то люди, такъ что ихъ и не разберешь, и толку отъ нихъ не доберешься, что они за народъ такой.

Куда какъ выше наше великорусское племя, ужъ впрямь великое русское племя! Смѣло можно надѣяться на его великую судьбу въ будущемъ. Сравните его съ другими народами, составляющими нашу имперію и вы, положа руку на сердце, скажете это: безъ кваснаго патріотизма.

*) Занятки эти внесены рукою Щербини, то карандашехъ, то перомъ, со множествомъ помарокъ, въ толстую переплетенную тетрадь, въ осьмую долю. Надъ заглавіемъ надпись: «По эту Щербини на щастье и на память отъ К. Одоевскаго. 4 Марта, 1861 г.» Рассказы, анекдоты, парадоксы и занятки — приведенные выше (стр. 339—368) набросаны въ той-же тетради, равно стихотворенія «На чубини» (см. выше стр. 231—241). Большая часть впагравий и шутокъ, 1861—1867 г. г., частью внесенныхъ авторомъ въ особую тетрадь, озаглавленную имъ: «Сатврическаа лѣтопись» (см. ниже), въ черновыхъ наброскахъ помѣщены въ той-же записной книжкѣ. *Изд.*

Дорога по шоссе въ это время годна только развѣ въ Дантовѣ „Адъ“, а ужъ нягавъ не для ѣзды..
 Переѣздъ на лодѣ черезъ Вилію. Ледъ тронулся.

11 марта. Мы въ Ковно. Насилу съискали дрянныхъ два нумера въ какой-то литовской гостинницѣ.... —
 Куда лучше Ковно и цивилизованнѣе великорусскіе губернскіе города.

29—30 марта нов. ст. Парижъ.

Это городъ наглыхъ мошенниковъ и грабителей для путешественника иностранца, и для русскаго въ особенности, это цивилизація — грабежа, даже подъ часъ и неучтиваго. На первое время я здѣсь всего опасаясь, и еще болѣе утверждаюсь въ своихъ славяно-русскихъ убѣжденіяхъ.

Индустрія Парижа, по отношенію къ иностранцамъ, съ точки философіи права, принадлежитъ къ уголовнымъ преступленіямъ. Тросточка, наприѣръ, стоящая 15 франковъ, продана моему пріятелю въ извѣстномъ магазинѣ, за 65 франковъ.—Съ меня цирюльникъ за каждый разъ бритья запросилъ 2 франка; въ Петербургѣ, гдѣ лучше брѣютъ, это бы стоило 20 коп. тахішм. У Парижа всѣ средства, чтобъ отъ него были въ восторгѣ хлыщи, пустозвоны и верхоглады. Пѣвцомъ Парижа долженъ быть И. И. Панаевъ. Парижъ это высота внѣшней цивилизаціи и варварство внутренняго міра.

Здѣсь удивляются, когда узнаютъ, что многія изъ нашихъ дѣвицъ знаютъ 3, 4 языка: это для нихъ немислимо просто. Здѣсь большая часть изучаетъ свой только языкъ, да еще развѣ англійскій или нѣмецкій, да и то рѣдко. Вообще въ большинствѣ—невѣжество. Специалистъ знаетъ основательно свою специальность,

за то во всемъ другомъ крайній невѣжда: они иногда удивляются нашей энциклопедичности.

Я знаю русскую дѣвочку 12 лѣтъ, которая удивила здѣшній пансіонъ своею ученостію, хоть у насъ она и далеко не изъ ученыхъ.

Намъ въ четверонѣ, въ гостинницѣ Westminster, въ отдѣльномъ апартанентѣ, обходится жить въ сутки 200 франковъ (на 4 особы). Относительно общества, а въ Парижѣ жилъ словно въ Россіи, ежедневно бывая въ русскоиъ обществѣ и, по преимуществу, въ семействѣ Кологривовыхъ, гр. Э. П. Толстаго, Т. П. Пассежъ. Видѣлся съ русскими художниками, распространилъ русскія народныя пѣсни чрезъ пѣвицу и учительницу пѣнія, дѣвицу Амвровію Берто, которая врожденнымъ художественнымъ талантомъ вдругъ уразумѣла музыкальный смнслъ русской пѣсни и восхищала тѣ чисто французскія общества, гдѣ только ихъ пѣла... Слава русской великой пѣсни!

Неаполь, 1 мая.—Прошелся до обѣда по Толедской улицѣ. Языкъ народа и женщинъ гораздо грубѣ нашего; крики уличныхъ продавцовъ похожи скорѣе на крики животныхъ, чѣмъ на слова и голоса людей.

Вечеромъ пошелъ гулять до villa Reale. — Что за грубый голосъ у здѣшнихъ женщинъ. — Да, на сѣверѣ больше красоты.

3 мая. Утромъ былъ въ Museo Borbonico. Послѣ обѣда ѣздилъ чрезъ тунель и по горѣ Позилиппо, гдѣ гробница Виргилія; былъ на дачѣ Рокка Романа, поднявшись отъ берега Байскаго залива.

4 мая. Гулялъ въ коляскѣ по городу; былъ въ церкви St. Severino, гдѣ видѣлъ статую Христа, исполненную Санъ - Мартино. — Былъ въ монастырѣ Санъ

Мартына (что рядомъ съ крѣпостью Св. Эльма), откуда любовался панорамою Неаполя, рѣдкою въ мірѣ.

Что за монастырь, что за мраморы, картины, мозаики, рѣзба на деревѣ! Вечеромъ былъ въ народнонъ-театрѣ Санъ-Карлино. Глупость, грязь и посредственность.

5 мая. Проѣхавъ чрезъ Портичи, Резину, былъ въ Помпеѣ.—Остальное все сказывается само собою.—Убитое, погубитое античное чувство, замѣнявшееся русскимъ народнымъ чувствомъ, вновь, хоть глухо, воскресло во мнѣ.... Да здравствуетъ Русь, полная надеждъ и безнадѣжный, но прекрасный древній міръ!

11 іюня 1861 г. *Баденъ-Баденъ*. Нѣмцы пишутъ превосходныя книги и еще лучше спятъ политически. Здѣсь города средней руки, городки и селн — какая-то китаяская Аркадія. Все средиувкой дѣятельности шепельныхъ, маленькихъ интересцевъ и ограниченного довольства, будто спитъ неподвижно. Тутъ кажется будто жизнь уже окончательно опредѣлилась и закончилась — не то что у насъ на Руси.... Въ самомъ безобразіи русскихъ такъ много кипучей жизни.. Видно, что это племя еще молодое, исполненное пока дивныхъ силъ.... Будущее — наше.

Проѣзжая всю ширину Аппенинъ, мимо деревень, и ни разу не слышалъ пѣсни итальянскихъ поселянъ; работаютъ медленно и какъ-то вяло; тоже самое въ Германіи: мы, русскіе, привыкли, чтобъ въ поляхъ раздавалась непрерывная пѣснь. Повосъ въ Великороссіи — это пѣвучій праздникъ. Здѣсь — скучный, тяжелый грудъ, которому даже не достаетъ той внѣшней граціи, проявляющейся въ Россіи на повосѣ. Россія самая пѣвучая страна въ простонародіи. Здѣсь лучшая публика

со всѣхъ концовъ Европы и Америки, — и что же? право невѣжественнѣ русской.

Оркестръ играетъ лучшія нѣста изъ произведеній знаменитыхъ композиторовъ: публика равнодушна. Но вдругъ оркестръ начнетъ играть пьесу съ кукуканьемъ кукушки, со свистомъ соловья, съ волоколычицами, — и раздаются аплодисменты и неистовое *bis*.

Въ какихъ шутовскихъ шапочкахъ ходятъ здѣсь по городу студенты. Эти шляпы золотомъ, пестря ермолки едва покрываютъ макушку головы и кажутся блестящимъ блиномъ на бекрень.... Совмѣстно-ли подобное хлыщовское ухарство съ занятіемъ наукою, съ сознаниемъ, вырабатываемымъ ею?....

Гдѣ существуютъ нуждающіеся бѣдняки, тамъ не можетъ быть въ сущности свободы; будетъ только свобода на бумагѣ да въ словахъ. Въ самой широкой, демократической республикѣ существуетъ привилегированное сословіе, — кто богатые или достаточные люди, бѣднякъ невольно подчиненъ имъ и по необходимости онъ, повидимому произвольно, поработаетъ себя имъ, зависитъ отъ нихъ, иногда самъ того не подовѣвая. И потому нигдѣ, ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ нѣтъ истинной свободы.....

Все стараюсь о распространеніи *русской народной пѣсни*, по мѣрѣ силъ и возможности, будучи убѣжденъ въ ея оригинальности, при высокихъ художественныхъ достоинствахъ. Этими пѣснями да своею словесностью народъ нашъ можетъ зарекомендовать себя предъ Европой съ лучшей стороны.

Баденъ лежитъ въ котловинѣ шварцвальдскихъ горъ. Вся окрестность горизонта состоитъ изъ горъ, поросшихъ лѣсомъ; мѣстоположеніе прекрасное, съ живо-

носимъ, свѣжимъ, вдоровымъ, благоухающимъ воздухомъ. Жаль только, что здѣсь безпрестанные дожди, ибо облака привлекаются горами и лѣсами, и падаютъ дождями на эту котловину Бадена и его деревень,—такъ, что мѣшаютъ даже порядкомъ глѣчиться. Безпрестанный дождь просто несносенъ и наводитъ тоску и на безъ того растерзанную душу.

Отъ А. И. Герцена получилъ письмо въ Парижѣ и теперь получаю о немъ извѣстiя; отъ князя П. В. Долгорукаго получилъ его книгу съ надписью. Переписываюсь съ германскимъ литераторомъ Вильгельмомъ Вольфзономъ.

Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ постоянно лѣтомъ на четыре мѣсяца уѣзжаю въ деревню для изученiя великорусской народности, изучая ее зимою по книгамъ и памятникамъ. Прошлый годъ порядкомъ поѣздилъ по Россiи, и жаль, что не описалъ своей поѣздки. Проѣхалъ Волгу на пароходахъ отъ Твери до Астрахани.... шутка-ли?.... почти всю Волгу. Жилъ въ Нижнемъ, въ Астрахани; потомъ изъ Царицына поѣхалъ Землею Донскихъ казаковъ, достигъ Азовскаго моря и, оттуда пароходомъ объѣхалъ порты Азовскаго моря, Крымское побережье; изъ Ялты до Севастополя проѣхалъ горною дорогою; изъ Севастополя опять на пароходѣ отправился въ Одессу. Изъ Одессы поѣхалъ въ Харьковъ и въ Москву, опять въ Нижнiй-Новгородъ, откуда ужъ отправился домой, въ Петербургъ.....

16 Июля, 1861 г. Утромъ отправились на пароходѣ на островъ *Уайтъ* и прибыли въ городъ *Куде*. Оставивъ вещи, М-ше Б. и своего лакея въ гостинницѣ, мы взяли

тотчасъ коляску и поѣхали искать дачу себѣ на три недѣли. Такимъ образомъ доѣхали мы до городка Ventnor'a, гдѣ живетъ семейство графа Э. П. Толстаго. Здѣсь мы наняли лучшую, отдѣльную дачу, надъ самымъ моремъ— *The Parsonage-house* (домъ священника). Дача въ родѣ небольшого замка, и мы одни поселились въ немъ, съ возможнымъ комфортомъ. Графиня Н. И. Толстая сообщила мнѣ, что въ Руде живетъ изъ русскихъ П. А. Плетневъ и архитекторъ Желѣзевичъ, женившійся на англичанкѣ, и тамъ поселившійся въ собственномъ домѣ.

На островѣ все вѣтеръ съ моря, пасмурно и холодно, и до того прохладно, что я и купаться пока не рѣшаюсь. — Хотѣлось бы отъ скуки съѣздить въ Лондонъ. Никто здѣсь не знаетъ другаго языка, кромѣ англійскаго: а безъязычіе томить насъ порядкомъ. Впрочемъ объясняешься на пантомимахъ; я и не хожу съ переводчикомъ—коммиссіонеромъ, боясь, чтобъ онъ не продавалъ меня, научая брать съ меня дороже обыкновеннаго; я еще чрезъ пантомиму покупаю все обыкновенной цѣной и добиваюсь толку.

Въ Англіи нѣтъ *истинной свободы*, но есть строгая законность. — Аристократъ можетъ изломать палку на спинѣ простолюдина, даже за то, что онъ развалился съ нимъ вмѣстѣ на скамьѣ въ публичномъ мѣстѣ и не вѣжливо стѣснилъ его, — ну, что-жъ, заплатитъ ему по суду штрафъ. — У насъ, даже и не заплатитъ, и до суда дѣло не дойдетъ. Въ Англіи свобода для аристократовъ и буржуазіи, для людей съ извѣстными средствами капиталомъ, состояніемъ; народъ — рабъ буржуазіи и аристократіи, и рабъ по той причинѣ, что надѣленъ желудкомъ, и по бѣдности своей, не образованъ; фабриканты, землевладѣльцы, промышленники вертятъ имъ,

какъ хотятъ, считая почти своиѣ рабочимъ скотомъ; они его хитро взяли въ свои руки и опутали, такъ, что лишили его возможности даже имъ сопротивляться, что не мѣшаетъ, впрочемъ, народу пользоваться благомъ законности; но вопросъ, — къ чему она служить, и когда и въ какомъ отношеніи предстоитъ надобность прибѣгнуть къ ней?...

У богатаго и промышленнаго сословія между собою *интимная стачка противъ народа*... Что-жъ тутъ народъ сдѣлаетъ, — а вѣдь желудокъ бьетъ въ набать... Положимъ, работники на фабрикѣ возстанутъ противъ хозяина и принудятъ его платить нѣсколько болѣшую плату за поденную работу, — хозяинъ ставнется съ мелочными лавочниками, у которыхъ работники берутъ первыя жизненныя потребности, — тѣ, набавятъ плату на съѣстныхыя потребности, и работники нисколько не въ выигрышѣ, а еще даже и въ проигрышѣ, ибо работники всегда въ долгу у лавочниковъ, а лавочники получаютъ свои деньги по милости хозяина, у котораго работники тоже, болѣшею частію, по необходимости, забираютъ впередъ.

Вообще промышленная буржуазія гнусна и во Франціи, и въ Англіи; простой-же *народъ вездѣ хорошъ*, включая развѣ Неаполя.

Здѣсь слуга ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ заговорить съ своимъ господиномъ, и имѣетъ право отвѣчать только на вопросы его. Одинъ русскій былъ свидѣтелемъ слѣдующаго:

Одинъ Англичанинъ самъ сѣлъ править въ тюль-бери, а лакея посадилъ за собою. Лакей видѣлъ, что гайки на колесѣ экипажа не было, но, по принятому обычаю, не смѣлъ заговорить первый съ господиномъ. Они поѣхали и, чрезъ нѣсколько минутъ, колесо сва-

лилось и, разунѣется, баринъ и слуга упали съ экипажа, набивъ себѣ пшшши на лбу и доставъ синяки на колѣняхъ.

Баринъ началъ бранить лакея: «ты долженъ былъ видѣть, бездѣльничивъ, что гайки нѣтъ, да и колесо шло неправильно,—и не сказалъ мнѣ.»

— Да, я видѣлъ это, но не смѣлъ сказать вамъ, отвѣчалъ слуга.

Сколько я могъ занѣтитъ, наше простонародье (я разумѣю велико-россійское) гораздо смѣтливѣе, поворотливѣе, развязнѣе англійскаго. Русскій мужикъ на все гораздъ; а здѣсь мужикъ знаетъ только одну свою специальность, но ужъ въ домашнемъ обиходѣ, гвоздя прибить не умѣетъ, если онъ не специально плотникъ.

Странно, въ этой свободной странѣ, встрѣчающіеся со мною люди изъ простонародья, какъ будто подобострастно, даютъ мнѣ дорогу, по моему платью, вѣроятнo.... Неужели и у нихъ существуетъ понятие баринъ!... О tempora! о, mores!...

Все здѣсь какъ-то мертво и пахнетъ чинностию кладбища или развода. На эспланадѣ на берегу моря играетъ два раза въ недѣлю музыка; публика угрюмо гуляетъ на эспланадѣ, безмолвно и чинно. Музыканты тоже безмолвны, недвижимы и чинны, и какъ-то регулярно, какъ автоматы; оканчиваютъ національнымъ гимномъ: „Боже королеву храни!“ Эти человекъ семь музыкантовъ состоятъ изъ здѣшнихъ военныхъ волонтеровъ и играютъ даромъ.

Вотъ еще замѣтаа:

Одна дѣвица, изъ прїѣзжихъ, хорошо рисуетъ. Какая то изъ здѣшнихъ лавочницъ просила ее нарисовать ей на память что либо въ альбомъ; та старалась какъ ни-

будь отнѣваться, чтобъ не рисовать въ альбомъ. Когда я спросилъ дѣвицу, почему она такъ поступаетъ, развѣ лавочница не человѣкъ?—она мнѣ отвѣчала: «Нарисуй я ей въ альбомъ, лавочница разславить это по Вентнору, и здѣшнія пріѣзжія образованныя англичанки, съ которыми я могла бы водить общество по себѣ, будутъ избѣгать меня, зная, что я вожусь съ людьми низшаго класса.»

Вездѣ за границею, на желѣзныхъ дорогахъ, давши нѣсколько франковъ кондуктору, можно было нашей путешествующей компаніи, состоящей изъ 4-хъ человѣкъ, занимать *однимъ* цѣлое купе въ 8 мѣстъ, что очень удобно, чтобъ заснуть ночью да и покурить. Мы полагали, что въ Англии уже этого дѣлать нельзя—въ этой странѣ строгой законности... Вышло напротивъ. Мы давали кондукторамъ такія же *взятки* и даже еще меньшія (3 и 4 шиллинга), чѣмъ въ другихъ странахъ, и пользовались тѣми-же удобствами. Утѣшся, наша родимая Русь... и здѣсь наши родныя *взятки*... Отраднo русскому сердцу!...

И здѣсь на островѣ Уайтѣ, въ Вентнорѣ я таки смогъ оставить слѣдъ русской народной пѣсни. Капельмейстеръ здѣшнихъ военныхъ волонтеровъ взялъ ихъ переписать себѣ и намѣревается играть ихъ здѣсь на «эспланадѣ». Ими воспользуется также и одна здѣшняя дѣвица—музыкантша, дающая иногда здѣсь концерты. Тоже самое мною сдѣлано въ Парижѣ и Баденъ-Баденѣ.

Что это за чертовскій островъ: каждый день постоянный вѣтеръ и дождь; скука и житья нѣтъ... Только и слышишь, что гулъ вѣтра, дастукъ дождя въ овна ..

Ни въ Италиі, ни въ Германіи, ни въ Англии, я не

слышалъ поющаго народа свои родныя пѣсни... Въ поляхъ безнолвіе... Не то, что въ Россіи.

Поѣздка за границу окончательно утвердила меня въ руссофильствѣ и славянофильствѣ и прибавила вѣру въ практическую и глубоко умную правду того, что пишетъ о Западѣ NN (Герценъ?); но это, правда, впечатлѣнія русскаго человѣка.

Еще о Баденѣ... благо вспомнилъ.

На гуляньи, не доходя павильона, гдѣ игралъ оркестръ, я увидѣлъ двухъ почтенныхъ мужей разговаривающихъ между собою: они напомнили мнѣ все то, что я читалъ о Китаѣ и Японіи.

Одинъ изъ нихъ былъ въ форменномъ фракѣ синяго сукна съ такимъ же бархатнымъ воротникомъ и съ свѣтлыми гербовыми пуговицами и, вѣроятно, принадлежалъ къ свитѣ, пріѣхавшаго въ Баденъ - Баденъ прусскаго короля. Другой, довольно высокаго роста, худощавый, пожилой человѣкъ, въ темно-рыжемъ парикѣ, въ черномъ сюртукѣ и въ круглой шляпѣ. Господинъ въ парикѣ, разговаривая съ господиномъ въ форменномъ фракѣ стоялъ съ непокрытою головою, держа надъ собою свою шляпу; господинъ во фракѣ вторилъ ему, и когда онъ, увлекаясь разговоромъ, дальше отклонялъ шляпу отъ головы, то тоже самое дѣлалъ и господинъ въ парикѣ; когда фракъ ближе къ головѣ придвигалъ шляпу, и парикъ—придвигалъ свою, слѣдя внимательно за движеніемъ шляпы фрака, — и это продолжалось съ четверть часа.... Просто китайскіе мандарины.... хороша образованная Германія!

Вентноръ, Островъ Уайтъ.

21 іюля, 1861 г. Въ воскресенье городокъ нашъ будто вымеръ. Всѣ магазины закрыты; не запасись хлѣ-

бомъ въ субботу, — будешь сядѣть въ воскресенье безъ хлѣба. Былъ въ двухъ церквахъ въ 1-мъ часу, засталъ проповѣдь. Въ одной церкви священникъ былъ одѣтъ, какъ лютеранскій пасторъ, и въ ней стояло по каедрѣ съ одной и къ другой стороны, а за ними на стѣнѣ были написаны 12 заповѣдей. Съ одной стороны стѣнѣ тоже было что-то написано. Въ другой церкви былъ органъ; по среди одна ваедра, а внизу ее былъ деревянный столикъ со стуломъ, вдѣланнне въ полъ. Священникъ былъ одѣтъ въ обыкновенный черный сертукъ, въ черныхъ брюкахъ и черномъ жилетѣ, при бѣломъ галстухѣ.

На улицѣ если и попадается кто либо, то съ какимъ-то постнымъ серіовнымъ лицомъ. Не видно улыбки, не слышно никакой пѣсни, не то, что у насъ въ Россіи, гдѣ *веселье деревенское* представляется однимъ *твучимъ міромъ*, не смотря на станovýchъ, помѣщиковъ, исправниковъ. Будь здѣсь что-нибудь подобное, то вѣроятно, отъ народа никогда не услышалъ-бы не только *тѣни*, но и *слова*....

Въ Россіи религія имѣетъ надлежащій смыслъ, — именно, какъ нѣчто вѣчно — *этическое*, да и народъ еще въ эпическомъ состояніи. Въ этомъ смыслѣ, ее, пожалуй, оправдаетъ и рационализмъ, такъ какъ она имѣетъ демократическій характеръ; — обставленная сценическими образами и формами первыхъ временъ христіанства, она является преданіемъ эпическихъ вѣковъ и вторитъ эпическому первобытному состоянію массъ народныхъ. Это таже народная поэзія, это коляда, Кострома, Ивановъ день. Это — одраматизированный эпосъ известной части внутренней жизни народной, поставленный во внѣшнюю жизнь, какъ нѣчто существенное и первой важности, обвѣянное первобытной поэзіей. Здѣсь-же

раціоналізмъ смѣшанъ съ преданіемъ, логика съ эпископскимъ догматомъ: это на коровѣ сѣдло, варенье съ горчицей, фельдфебель въ криволиніи.

У насъ поэтъ—лицо демократическое, а не стоящее надъ народомъ, лицо мнѣшняго значенія, чѣмъ сельскій староста. Здѣсь и вездѣ въ Европѣ совсѣмъ иное. Староста, олицетворяя собою необходимое, существенное повседневной, хлѣбной, практической жизни, у народа значить болѣе попа, лица поэтически душевно необходимаго въ жизни, лица отвлеченно-психически нужнаго и должнаго въ жизни по обычаю, по преданію, по вѣчнымъ потребамъ духа, по прирожденному стремленію его къ абсолюту—къ Богу.

Это показываетъ глубокой практической таятъ въ народѣ. Да, вѣроятно, греческое православіе содержитъ въ себѣ данныя для всего подобнаго; тоже въ отношеніи духовенства примѣчается и у нынѣшнихъ грековъ (королевства), у сербовъ, болгаръ (но только не у католиковъ) славянъ.

Въ Reude живетъ одинъ русскій ex-архитекторъ, отставной *дѣйств. стат. совѣтникъ*, служившій при Клейнмихелѣ, женатый на англичанкѣ, которому англичане не позволили строить свой собственный домъ, не смотря на то, что онъ специалистъ этого дѣла, потому что не *англійскій подданный*; да и домъ вставили записать на имя жены, какъ англичанки, по этому поводу. Его всѣ величаютъ *генераломъ*; жители, слуги его дома и даже собственная жена называютъ его не иначе какъ *генералъ* и даже обращаясь къ нему въ звательномъ падежѣ. Такое ужъ здѣсь чино и родопочитаніе. Англія—страна тутой рутинны, преданія, закоренѣлаго обычая, безсознательнаго — „такъ принято“, условныхъ приличій. — Вотъ одинъ примѣръ:

Въ Лондонѣ сезонъ кончается въ концѣ іюля и послѣ все дворянство и неванятые, собственно ничѣмъ, въ городѣ люди средняго сословія, разѣзжаются по деревнямъ, городкамъ, за границу и т. п. Городъ Вентноръ бываетъ набитъ всю осень и зиму пріѣзжими изъ Лондона, что дѣлается къ тому-же и изъ экономіи.

Если кто изъ дворянъ и имъ подобныхъ по положенію людей, будетъ задержанъ дѣлами, въ августѣ мѣсяцѣ въ Лондонѣ, то онъ старается по возможности чтобъ его тамъ не видали, то выходитъ ночью, то ѣздитъ въ закрытомъ экипажѣ; ибо *стыдно* въ это время жить въ Лондонѣ, никто изъ порядочныхъ людей не жаветъ въ немъ въ это время, *не принято такъ* и т. п.

Такова сила обычая, заведеннаго не вами, консерватизма, непреложности преданія, бессознательныхъ предубѣжденій.

Хороши наши западники, „старовѣры запада“, натолековали намъ Богъ знаетъ чего о западѣ!.. Только этимъ съзузили нашъ врожденный идеаль жизни. Натолековали все это московскіе авторитеты — профессеры и распространили въ поколѣнія; а наши журналы, эти *отсталые прогрессисты, рутинные либералы*, и теперь еще продолжаютъ толковать тоже самое... Впрочемъ, московскіе и другіе профессорскіе авторитеты въ свое время и при *извѣстныхъ обстоятельствахъ* въ Россіи были и правы, но, вѣдь, только относительно правы.

23 іюля. Здѣсь, въ Вентнорѣ, магаввиъ съ разными мелочными вещами; въ этомъ-же магазинѣ почтовая контора, контора нотаріуса, бібліотека для чтенія, и все это въ небольшомъ размѣрѣ и всѣмъ этимъ завѣдываетъ одинъ молодой человекъ, да въ отсутствіи

его принимаетъ письма на почту—дѣвушка лѣтъ 16-ти; а у насъ-бы сколько было чиновниковъ!

Въ этомъ Вентнорѣ ежечасно, болѣе или менѣе сильный гулливый вѣтеръ съ океана, перемежающійся небольшими дождиками, съ пасмурнымъ небомъ, перемежающимся свѣтящимъ солнцемъ. Здѣсь въ іюлѣ такая степень теплоты въ воздухѣ, какъ у насъ въ сентябрѣ. Купаться почти неудобно, ибо волна сшибаетъ съ ногъ и иногда можетъ разбить тебѣ лицо, ударивъ о купальный фургонъ... Волна мелкая — но отъ вѣтра сильная; бывають и большія волны.....

Какъ въ концѣ древнихъ и началѣ среднихъ вѣвовъ неизвѣстны, молодые народы выступили въ исторіи и обновили міръ, — такъ *теперь*, можно думать, эта роль предстоитъ *славянамъ, грекамъ и евреямъ* (?).

Вѣдь, мы видимъ, не даромъ начало предсмертныхъ конвульсій нашего древняго міра: отъ папы—до южной Америки, отъ Вѣны до Константинополя и до всего..

Ну ужъ ѣдятъ здѣсь англичане! Въ обѣдѣ нѣтъ никакого человѣческаго смысла. Обѣдъ состоитъ изъ одного огромнаго куска мяса, или изъ рыбы. Да къ этому мясу подадутъ отдѣльно зелени. — Ихъ обѣдъ по нашему завтракъ: безъ всякой похлебки, и ничего не похлебаешь горячаго. Въ трактирѣ поставитъ тебѣ большой вусокъ *одного* какого либо мяса, да и ѣшь его сколько хочешь... Да, это вѣдь только коровы ѣдятъ *одну* траву; а человѣкъ на столько уменъ, чтобъ разнообразить удовольствіе ѣды... То-ли дѣло у насъ на Руси!

Вентноръ. Разъ вечеромъ, шедши по берегу моря, на эспланадѣ, я увидѣлъ небольшую толпу гуляющихъ, окружавшую господина въ сюртукѣ и въ круглой черной шляпѣ, который, что-то декламировалъ, размахивая

толстенькой книжечкой въ 24 долю листа. По распросамъ оказалось, что этотъ господинъ проповѣдуетъ толпѣ и мысль его проповѣди та, что нужно въ одноиъ Христѣ искать своего спасенія и что, моля, не даромъ Онъ проливалъ свою кровь; толпа хорошо одѣтыхъ мужчинъ и дань серьезно и молчаливо окружали его, и потомъ всѣ равнодушно начали расходиться, какъ ни въ чемъ не бывало. Проповѣдникъ кончивъ, раздавалъ на клочкѣхъ бумажки напечатанную проповѣдь, которую онъ говорилъ, впрочемъ, съ часъ, часто повторяя одно и тоже.

Въ воскресенье, дѣвица, гр. Толстая, поѣхала срисовывать видъ одной древней церкви и попросила себѣ стулъ. Ей подаль его какой-то господинъ, потомъ пришелъ въ ужасъ отъ своего поступка...

— «Боже, что я сдѣлалъ, я и васъ и себя ввелъ въ грѣхъ, вѣдь нынче воскресенье.—а вы работаете!..»

— Да я иностранка и другой вѣры..

— „Для Бога нѣтъ иностранцевъ“, возразилъ онъ съ глубокимъ раскаяніемъ, что подаль ей стулъ въ воскресенье.

Здѣсь одна учительница языковъ (и единственная знающая ихъ кое-какъ въ городѣ) отказалась въ воскресенье *принести сама своими руками* книгу, которую она взяла для прочтенія у Толстыхъ, говоря, что и это грѣхъ въ воскресенье. За то въ Парижѣ мы и не замѣтили чѣмъ отличалось Свѣтлое Воскресенье отъ обыкновенныхъ дней.

Вечеромъ на эспланадѣ была музыка; много гуляющихъ. Были большія волны при сильномъ вѣтрѣ; въ виду этой эспланады, не смотря на сильныя волны, трое мужчинъ купались, прыгали въ волнахъ и барахтались тамъ въ ихъ напорѣ. Это нисколько не мѣшало гуляющимъ дамамъ и дѣвицамъ на разстояніи нѣсколькихъ

шаговъ отъ купающихся мужчинъ смотрѣть на купальщицковъ, которые изъ волнъ часто выдавались болѣе чѣмъ до половины нагіе. Дамы чинно и съ какимъ-то флегматическимъ любопытствомъ смотрѣли на нихъ.

Въ городѣ-же и въ самомъ простомъ классѣ женщинъ нравственность самая строгая, какой у насъ на Руси и не снилось. Все это не тронь меня, и кто-бы вздуналъ слишкомъ рельефно поволочиться, то за одни виды на волокитство, не съ намѣреніемъ брачныхъ узъ, — пожалуй еще притащутъ въ суду. Въ Лондонѣ впрочемъ, дѣло другое: въ видахъ-же брачныхъ есть невинны свиданія и прогулки повдніа. . . .

На островѣ Уайтѣ, въ Вентиорѣ, переписаны капельмейстеромъ военныхъ — тамошнихъ волонтеровъ и племянницами учительницы миссъ Вествудъ, слѣдующія русскія народныя пѣсни:

1) «Вивъ по матушкѣ по Волгѣ», (изъ аранжировки Гурилева).

2) «Вспомни, вспомни, моя любезная.»

3) «Лучина.»

4) «Ай, во полѣ липонья» (хороводная).

5) «Во лузяхъ.»

6) «Слава Богу на небѣ, слава!» (съ вариациями Дюбюка).

7) «По улицѣ мостовой,»

и еще, если успѣютъ за день, то переписутъ одну — двѣ пѣсни.

Въ *Парижѣ* дѣвица Амбросина Берто, частная учительница пѣніа, выучила и поетъ съ довольно хорошимъ русскимъ произношеніемъ (впрочемъ вовсе не зная русскаго языка), но поетъ прекрасно слѣдующія русскія пѣсни народныя:

1) «Внизъ по натушкѣ по Волгѣ» (изъ сборника Гурилева).

2) «Вспомни, вспомни, моя любезная.»

3) «Ты, родима моя матушка!» (свадебная пѣсня изъ сборника Вильбоа) и романсы русскихъ композиторовъ въ русскѣмъ народномъ духѣ.

1) «Что мнѣ жить и тужить одинокой», соч. Варламова.

2) «Вдоль по улицѣ мятелица мететь», его-же.

3) «Близко города Славянска», Верстовскаго и «Чарочка».

Да еще я ей оставилъ народную пѣсню «*Ивушка*» въ переложеніи Малышевскаго; и кромѣ того я ей подарилъ «*100 русскихъ пѣсней*», сборника Бернарда (хоть плохо и искаженно-аранжированныхъ).

Въ *Баденъ-Баденъ* учитель музыки Галь, переписалъ у меня болѣе 12 русскихъ народныхъ пѣсней изъ сборниковъ: Гурилева, Вильбоа и Дюбюка (съ варіаціями его-же) и сдѣлалъ изъ нихъ попури.

Изъ Парижа я свои „Собранія народныхъ русскихъ пѣсней“ Гурилева, Вильбоа, Воротникова, Дюбюка, Балакирева и малороссійскія — Эдмяки и Корненка — послалъ въ подарокъ въ *Дрезденъ*, германскому писателю и переводчику съ русскаго языка — *Вильгельму Вольфзону*. Онъ ихъ можетъ, при удобномъ случаѣ, издать и, такимъ образомъ, распространить въ ученой и сознательно-музыкальной Германіи, а оттуда и по Европѣ. Пошлю ему также, вмѣстѣ съ этимъ, нѣсколько русскихъ романсовъ, написанныхъ въ духѣ народной музыки, — Варламова, Глинки, Верстовскаго, Дютша.

Имѣя въ своей библіотекѣ довольно русскихъ книгъ, Вольфзону очень и очень не мѣшаетъ, для лучшаго

понятія о Россіи и ея народности, и нѣтъ русскія пѣсни... Да будетъ-же слава *народу* русскому — слава!

Вентноръ, 31 июля. Нынче въ 7 часовъ вечера шелъ я по городку и вдругъ услышалъ пѣніе... смотрю, какой-то джентльменъ, завитой, въ черномъ франтовскомъ сюртукѣ и въ круглой шляпѣ съ книжкой въ рукахъ, поетъ, и какъ кажется, религиозные канты, а нѣсколько жителей и жительницъ вышли за ворота его слушать... И нынче вѣдь не воскресенье, а среда.

Вездѣ простонародье лучше лавочниковъ и буржуазіи, рѣшительно вездѣ... Правъ N. N., глубоко правъ.

Мои знакомыя дѣвицы зашли посмотрѣть, гуляя, одинъ хорошенькій садикъ; хозяинъ его — буржуа (ибо Вентноръ почти весь состоитъ изъ лавочниковъ, какъ и въ Англіи) выслалъ сказать имъ, что у него не публичный садъ. Вслѣдъ за этимъ онѣ зашли въ садикъ одного мужика и попросили сорвать имъ розанъ; бѣдный и добрый мужикъ и жена его, съ привѣтливой улыбкой, нарѣзали имъ большой букетъ розановъ.

Волонтеры здѣсь состоятъ большею частію изъ лавочниковъ и находятъ время хорошо учиться стрѣльбѣ, ружейнымъ приемамъ и шагистикѣ.. Стрѣляютъ въ цѣль хорошо; одна пріѣзжая англичанка, присутствуя при ихъ стрѣльбѣ въ цѣль, попросила себѣ заряженное ружье и съ перваго раза попала въ цѣль на 200 шаговъ, какъ говорили. У этихъ волонтеровъ маленькія кепи-шалочки (черныя) съ бѣдными зелеными пѣтушьими перьями, и одѣто что - то въ родѣ казакина. Форма довольно скромная, безъ вкуса и не казистая. Воротникъ обшитъ шелковой тесьмой, между которой видна полоса, въ палецъ ширины, краснаго сукна.

До какой высокой степени доведены здѣсь внѣшнія удобства цивилизованной жизни! Въ Вентнорѣ — этомъ

заштатномъ городкѣ, во всякій домигъ и домишко проведено газъ; Вентноръ всего-то основанъ лѣтъ около 30-ти. За тридцать лѣтъ тутъ стояла только одна избушка. Кушанье варятъ здѣсь на каненномъ углѣ, въ желѣзныхъ печахъ съ рѣшетками. Въ Вентнорѣ издается своя газета.

За день до отъѣзда изъ Вентнора я былъ въ концертѣ доктора Марка, который онъ давалъ съ своими маленькими учениками, составившими оркестръ его. Онъ имѣетъ въ Манчестерѣ музыкальную консерваторію, выпустилъ изъ нее много хорошихъ музыкальных учителей и артистовъ и разъѣзжаетъ по Англіи, давая концерты. Я взялъ его адресъ, чтобъ послать ему *Собраніе русскихъ народныхъ пѣсней*, для распространенія ихъ въ Англіи. Для этого нужно составить рукописную антологию изъ русскихъ пѣсней и отослать ему въ Манчестеръ.

Подлитическая жизнь, это—entente cordiale желудка съ головой. Не то будетъ, что говорить идеаль и абсолютная идея, а то, что порѣшать эти двое господъ.

САТИРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЛИ,

КСЕНІИ И ЭПИГРАММЫ.

ШКОЛЬНИЧЕСТВО

ОДНОГО, ДОВОЛЬНО ПОЖИЛАГО КОЛЛЕЖОНАГО АСОБОРА.

ЧУХОНКІЯ АБІНЫ.

1861 — 1869.

Оле безумія вашого!

Изъ „Сказанія“ Авраамія Пслицына.

Необразованность ты моя, необразованность!

А. Островскій.

Πάντα χίλως.

Antologia.

Эпиграфъ къ повѣстямъ * * * и къ новой
„Съверной Пчелѣ“.

Вы въ кѣли новые налили
Все то же старое вино,
Въ иной вы колосъ возрастили
Фаддея прежнее зерно.....

Вашъ * * *, — что всѣмъ извѣстно, —
Доносовъ много написалъ,
Съ расоловъ разныхъ повсемѣстно.
Онъ, какъ подъячій, взятки бралъ;

И, эти взятки обличал,
Опять деньгу сталъ наживать,
Когда, себя изображая,
Онъ началъ повѣсти писать.....

Но блинокъ часъ,—и онъ съ «Пчелою».
Сойдетъ позорно въ міръ гвней..
Такъ гибнетъ все здѣсь подъ луною:
Такъ сгибли Обри стаей злою,
Угасъ невинный «Атеней»
И виагъ опочилъ Фаддей.

20 Іюля, 1861.
Баденъ - Баденъ.

На кончину газеты „Вѣкъ“.

Шагаемъ мы немовѣрно:
Гордись, о, русскій человѣкъ,
Что въ годъ Россія безпримѣрно
Переживаетъ цѣлый «Вѣкъ».

28 декабря, 1881.

Эпитафія * *

Въ сей жизни отранивъ довольно тротуаровъ,
Отъ скорби онъ гражданской опочилъ...
О, сколько онъ извелъ фиксатуаровъ,
О, сколько онъ перчатокъ износилъ!

7 марта, 1886.

Про современное.

Какъ успѣхи ваши быстры!...
 Популярность нынче въ модѣ, —
 Ищутъ самые министры
 Мнѣнья дсбраго въ народѣ....

Ктс-жъ народъ тотъ пресловутый
 Передъ вѣмъ свянояютъ выв? —
 Школьникъ, фразами раздутый,
 Офицеринъ, столпъ Россіи,

Малограмотный писатель,
 Съ пыломъ наглости журнальной,
 Иль путеецъ, взятокъ братель,
 Иль чиновникъ либеральный,

Откупщикъ — трибунъ великій,
 Дѣтокъ множество возрастившій,
 Ихъ на деньги черни дикой
 Всѣмъ наукамъ обучившій....

Благородно эти дѣтти
 Либеральничаютъ въ холѣ, —
 Даже дамы, малолѣтти,
 Все забредило о волѣ....

А народъ, что пашеть вввы,
 И не знаетъ, что онъ въ-модѣ
 И какъ многіе счастливы.
 Безпокоясь о народѣ;

И не внаютъ земледѣльцы,
 Что за дѣтскія затѣи
 Блага земскаго радѣльцы
 Попадаютъ въ Прометей.

Апрѣль, 1883.

С.-Петербургъ.

Редактору N. N.

Не Сянсб *) — ли ты свободы
 И Б — нъ красноты?...
 Спекулантъ ты отъ природы,
 По искусству ёрникъ ты,
 Въ чемъ тебя ужъ всенародно
 N. N. достойный обличилъ:
 Но нашелъ ты выходъ модный, —
 И идей благородной
 Ты въ газетвѣ торгъ отврылъ.

20 июля, 1862.

С.-Петербургъ.

Графу Межеумкову - Безравоудко.

Ты наконецъ нашелъ свое призванье:
 Оно не въ томъ, чтобъ книги издавать;
 Но вотъ твое прямое дарованье —
 Посланиковъ Яновскихъ угощать!

24 августа, 1862.

Нигилистамъ.

Нигилисты вы тупые...
 Чѣмъ же быть вамъ, господа!
 Съ проевѣщеніемъ Россіи
 Ваша скроется звѣзда.

*) Сянсб — извѣстный герой остроговъ послѣдняго времени.

При познаваньяхъ нашихъ узникъ,
 При отсутствіи ума,
 Развилась въ болотахъ русскихъ
 Отрваніи чума...

Какъ загинемъ въ жизнь-ли, въ книги-ль,
 Все намъ скажетъ, господа,
 Что ex nihilo лишь nihil
 Въ результатѣ всегда.

Нигилисты по названью,
 По значенью своему...
 Сущій nihil вы по знанью,
 Nihil истинъ по уму.

2 ноября 1862.
 Москва.

Театральное извѣстіе.

Безумной дѣятельностію возмущающаго народа обманется Русь.
 Гоголь.

Все комическимъ началомъ
 Пропиталось въ наши дни,
 И не вѣютъ, какъ въ бываломъ,
 Тяжкой грустію они...

Репетиловъ за свободу
 Въ стѣны крѣпости попалъ,
 Хлеставовъ Иванъ народу
 Кажеть жизни идеаль...

Гдѣ-жъ Маниловъ социальный,
 Столь опасный для властей?
 Иль ужъ сосланъ въ городъ дальный,
 Онъ за Обь и Енисей?

Робитишскъ вереница
 Подняла невинный крикъ,
 И ксническіа хоца
 Взяли мучениковъ лнкъ;

Всѣ страданья Донъ-Кжкота
 Иакъ няшти до дна....
 Такъ полиціа работа
 Шеллярми задана.

Разливая помраченъе
 И принявъ прогресса видъ,
 Нашъ родное просвѣщенъе
 Митрофакушекъ плодить,

И готовить въ ингилистахъ
 На сто гѣтъ намъ дураковъ....
 Русь ливаетъ въ гимназистахъ
 Лучшихъ роднимъ снновъ....

Чтб-жь? — Комедіей одною,
 То-есть, «Горемъ безъ ужа»
 Станеть больше подъ луною....
 Боже! Чтб за кутерьма!

30 ноября, 1882.

С.-Петербургъ.

Нынѣшніе преступники.

И зачѣмъ ихъ заключили
 Въ стѣны вѣрности гранитной,
 Гдѣ допросы имъ чинили,
 Съ важной строгостью и секретно?

Ихъ значенъе такъ ничтожно,
 Иль опасно такъ для трона,
 Что допрашивать-бы можно
 Ихъ въ кондитерской Рабона.

Имъ купить конфетъ по фунту,
И отдать ихъ всѣ «воззванья»: —
Пусть идутъ, взывая къ бунту,
По Руси, безъ задержанья.

1 Января, 1868 г.
С.-Петербургъ.

Я тебѣ твое значеніе
Объясню, годубчикъ мой:
Знай — твои всѣ обличенья
Отъ лакейской точки зрѣнія,
Съ Толмуна или съ Сѣнвой.

24 августа, 1868.
С.-Петербургъ.

Краснотой своей ливрен,
Демократствомъ воден
Отличаются лакеи
Графа Безбородки.

3 Августа, 1864 г.

Н. А. Отверцову въ Киргизію.

Иль не сбались твои мечты
П тамъ — въ странѣ къ Тибету близкой:
Скажи, — уже-ль отвергнуть ты
И Дьявокаменной Киргизкой?...

28 сентября, 1864.
С.-Петербургъ.

Отчего я не женюсь,

(вдегя).

Тяжко жить на свѣтѣ, други,
 Въ сорокъ лѣтъ инѣ холостымъ,
 Безъ дѣтишекъ, безъ супруги,
 Сирымъ сердцемъ, всѣмъ чужинь.

Глухо плачу, скрытно стражду,
 Въ мѣръ я, какъ персть, одинь, —
 Я жениться страстно жажду:
 Но мѣшаетъ .

Вѣдь въ любви съ подругой нѣжной
 Можно дѣтокъ ожидать.
 И прійдется неизбѣжно
 Ихъ въ гимназію отдать.....

Оттого теперь страдаетъ
 Каждый русскій гражданинъ,
 Оттого-то и мѣшаетъ
 Мнѣ жениться фактъ одинъ.

8 февраля, 1865.

И. С. А.—въ.

Теоріи! Вы гибель для умовъ,
 Вы портите строенье жизни русской
 А—въ самъ,—и тогъ не безъ грѣховъ:
 Онъ въ охабнѣ социалистъ французскій,
 Иль въ синей блузѣ Посошковъ.

18 марта, 1885 г.

Москва, 25 Сентября, въ „Днѣ“.

Изъ русскаго нутра намъ выгнать иноземца
Аксакова лекарство помогло:—
Весь Петербургъ тошнитъ теперь отъ нѣмца,
Аксакова ужъ нѣмцемъ.....

27 октября, 1865 г.

* *
*

Собой забавную нелѣпость
Нашъ либераль изобразилъ:
Онъ всей душой стремился въ крѣпость,
А въ генералы угодилъ.

8 декабря, 1865 г.

Французская революція на русскій ладъ.

Доморощеннымъ гигантамъ
Должный путь мы указали,
Сообразно ихъ талантамъ
На мѣста ихъ разсажали:

Робертсеровъ — по акцизу,
А *Маратовъ* — по контролю.....
Пусть всё рушатъ сверху, снизу,
Либеральничаютъ вволю!

Надѣлить крестьянъ землею
Мы *Бабѣфовъ* разослали,
А *Барбесовъ* всей душою
Въ мировые судьи взяли.

Теруань-де-Мерикури
 Школы женскія открыли,
 Чтобъ оттуда наши дуры
 Въ нигилистки выходили.

Лютцы нашия гимназистамъ
 Проповѣдуютъ науку...
 Словоиъ—крайнимъ прогресистамъ
 Всѣ теперь попали въ руку;

Но, средь этой благостыни,
 Есть безъ жениха невѣста:—
 Только Разума Божина
 Не нашлось въ Россіи мѣста.

Иль, 1866 г.
 Старая Руса.

S a p i e n t i S a t.

ПОДРАЖАНІЕ ФЕТУ *).

Руси дѣтское незнанье,
 Флоріановская рѣчь,
 Непрестанное вилянье,
 Чтобъ мѣсто уберечь,

*)По исполненіе историческаго закона соответствія вденъ сь еорию, стихотвореніе вто все написано безъ управляющаго глагола. Въ тановыхъ видахъ авторъ и воспользовался стихотвореніемъ Фета, не заключающимъ въ себя тоже глагола управляющаю :

Шоастъ, робкое дыханье,
 Трели соловья,
 Серебро п полыханье
 Соннаго ручья

Принѣч. Н. Щ.

Ряги съ Вильной упованье
И отчаянье Москвы,
Недовольство и роптанье
Всей общественной нолвы,

Къ Руси полное презрѣнье,
Во французѣ идеаль,
Только къ ордену стремленье
Чтобъ онъ перси украшалъ,

Съ сильными дружбы заключенье
Страсть Каткова взять въ тиски:
Вотъ твое изображенье,
O, marquis, marquis, marquis!

2 декабря, 1856.

Современное ожиданіе.

Всѣ ждешь какихъ нибудь исторій,
Трепещешь за свою судьбу:—
Видь изъ принциповъ и теорій
Россію выпустить въ трубу.

13 января, 1867.

„Смерть Іоанна Грознаго“ на оценѣ.

Талантливыхъ нашихъ актеровъ навѣрное тѣмъ не обижу,
Когда-бы имъ правду въ глаза я сказалъ,
Что Павелъ Васильича *) видѣлъ, Василья Васильича **) вижу,
Ивана-жъ Васильича ***) я не видалъ.

9 февраля, 1867.

*) Павелъ Васильевичъ—Васильевъ.

**) Василій Васильевичъ—Самойловъ.

***) Иванъ Васильевичъ—Грозный.

Земская Реторика.

Наша Земскія Собранья
Классъ реторикъ открыли,
И ему на содержанье
Два милліона положили *).

Тяжесть хрип, фигуръ и троповъ
Вся ложится на народѣ:
Онъ содержитъ филантроповъ,
Платить фразамъ о свободѣ,

О совровщахъ грядущихъ
Передъ сущими сумами,
О рѣкахъ, млекою текущихъ
Межъ кисельными брегами.

12 февраля, 1867.

Полдѣ чтенія Исторіи.

Вникая въ миръ и въ жизнь людей,
Ди и въ себя, какъ въ челоуѣка.
Я вижу дичь въ душѣ моеи
И въ ходѣ общества отъ вѣва.

Всѣ въ небѣ стройности полно,
А намъ п смыслъ отиѣрянъ скупо:
Планеты движутся умно,
А люди движутся такъ глупо.

24 апрѣля, 1867.

*) По исчисленію газеты «Москва» на жалованье членамъ земскихъ управъ во всей Россіи расходуется въ годъ болѣе *двухъ* милліоновъ рублей серебромъ пазъ земскихъ сборовъ. Н. Щ.

Графъ Межеумковъ-Безаровудко.

Россійскія бариномъ себя онъ показалъ:
Японцевъ и Славявъ равно онъ угощалъ.

10 Мая, 1867.

Европа и мы.

Въ прогрессѣ общества у всѣхъ одни законы,
Онъ льется и у насъ широкою струей:
Съ Бисмаркомъ возятся и Галли, и Тевтоны,
Мы тоже возимся—съ Арсеньевымъ Ильей.

27 сент. 1867.

Рецензія.

(8-я книжка «Русскаго Вѣстника» 1867 г.)

Явился «Вѣстникъ» къ намъ, обычно
 Просрочивъ множество недѣль:
 Бравить въ немъ N. N. прилично,
 Да Яковъ *) тянетъ канитель.

8 октября, 1867.

Русская Идиллія.

Вѣкъ для Россіи насталь идиллическій...
 Въ ней-то Аркадіи вся простота!
 Наши вельможи, съ душой буколической,
 Заняли прочно мѣста.

Нимфы здѣсь пишутъ свои резолюціи,
 «Злато презрѣнное» NN извель,
 Жаждаютъ младенцы у насъ революціи,
 Попъ въ нигилисты пошелъ.

Добрый NN. російское воинство,
 Этихъ дѣтей Бородинскихъ бойцовъ,
 Ставить себѣ горделиво въ достоинство
 Всѣхъ обратитъ въ пастушковъ.

Съ милымъ невѣденьемъ, съ дѣтствомъ сладкомъ
 Русь такъ завидно сжилась,
 Что ужъ Бисмаркъ изъ-за Вислы украдкою
 Смотритъ, смакуя, на насъ.

18 октября, 1867.

*) Половскій.

Изъ одной проповѣди.

Что вашъ билетъ кредитный, братіе,
 Съ зеленымъ цвѣтомъ въ крѣпкахъ? --
 Онъ, — «отвлеченное понятіе»
 О настоящихъ трехъ рубляхъ.

22 октября, 1867.

Наше Богатство.

Насъ черезъ чуръ ужъ осудили строго:
 Мы не совсѣмъ безумно жили;
 Хоть денегъ мы и растеряли много,
 За то «вопросовъ» накопили.

27 октября, 1867.

И л ѣ ѣ.

(вспромятъ).

Свершился путь твой многотрудный
 И цѣль достойная твоя:
 Сидитъ въ узищѣ Зарудный
 И торжествуетъ Илія.

30 октября, 1867.

Стрелы, осыпавшие въ оловянные.

Предъ женщиной я не Тотлебенъ,
 Себя-бъ отъ ней не защищалъ:
 А пѣлъ-бы граціи молебень,
 А каменсть красотѣ читалъ.

4 ноября 1887.

Наше Время.

Когда былъ въ модѣ трубочистъ,
 А генералы гнули выю,
 Когда стремилися гимназистъ
 Преобразовывать Россію,

Когда, чуть выскочивъ изъ школъ,
 Въ судахъ мальчишки засѣдали,
 Когда фразистый произволь
 Либерализмомъ величали,

Когда могъ N. N. быть судьей,
 N. N. же отъ дѣлъ оставлень,
 Какотвѣ преслѣдуень судьбой,
 А N. N. зѣло прославлень,

Когда сталъ чиномъ генералъ
 Служебный якобинецъ N. N.
 И N. N. воспѣвалъ
 Нашъ красный флантропъ N. N.,

Когда бездарность и прогрессъ
 Въ Россіи стала синонимомъ,
 И здравый смыслъ изъ ней исчезъ,
 Тургеневскій разсѣяся «дымомъ»:—

Тогда въ бездѣйствіи влячплъ
 Я жизни незамѣтной бремя,—
 И счастливъ, что не знаемъ былъ
 Въ сіе коническое время!...

20 ноября, 1867.

Новое назначеніе.

Семь лѣтъ тому назадъ вакансій рядъ открылся,
 (Ихъ ждуть чиновники, какъ манны отъ небесъ).
 Лишь только Здравый Смыслъ въ отставку удалился
 На это мѣсто сѣлъ немедленно Прогрессъ.

23 ноября, 1867.

Вопль О. И. Т.

Въ этомъ управленьи
Служба мнѣ—не манна!
Въ этомъ положеньи
Жутко мнѣ и странно!

Подписавъ рѣшенье
Въ «предостереженье»
Мужу милой Анны, —
Выйдешь, какъ пзъ ванны.

30 ноября, 1867.

Отечественный почетъ.

Я только предаюсь теперь одной заботѣ,
Чтобъ почестей избѣгъ житейскій жребій мой:
Ей-Богу, совѣстно въ Россіи быть въ почетѣ,
Съ тѣхъ поръ, какъ N. N. Почетнымъ сталъ судьей!

1 декабря, 1867.

Защѣтивъ ретрограда-пессимиста. *)

Повѣтриемъ бесплодно шумнымъ
Коснулась насъ реформъ чума,
Съ либерализмомъ тупоумнымъ
И съ гуанизмомъ безъ ума.

5 декабря, 1867.

*) Этотъ господивъ, вѣроятно, вспомнилъ русскую народную пословицу: «Безъ ума торговать, лишъ деньги терять.» Н. Ш.

Современная Элегія.

Ахъ, зачѣмъ я либераль умеренный,
 Ахъ, зачѣмъ ве крайній радикаль!
 Я бы сталъ теперь благонакѣренный,
 Я-бъ чины да деньги пожиналъ,

И считался образцомъ бы честности
 Я у тѣхъ, кто юнъ иль прогресистъ,
 И легко достигнулъ бы извѣстности.....
 Ахъ, зачѣмъ же я не гимназистъ!

Не гораздъ я былъ писать «воззванія»,
 Я студентовъ не хотѣлъ мутить,
 Даже къ школамъ не инѣлъ призванія, —
 Такъ ужь могъ ли дѣльнымъ я прослыть?....

Возвышаясь въ мнѣпініи правительства,
 Я большое-бъ жалованье бралъ,
 Самъ N. N. розы покровительства,
 Какъ Тиблену, мнѣ бы расточалъ,

И попалъ бы скоро въ генералы я,
 Какъ одинъ хохоль—сепаратистъ,
 И стяжалъ бы выгоды не малыя... ..
 Ахъ, зачѣмъ же я не гимназистъ!

8 декабря, 1867.

Тарифная Комиссія.

Лишь только пошлину убавимъ мы на кофей, —
 Въ Коммисси Тарифной говорить, —
 То Сндоръ и Козьма, Матрёна и Прокофій
 Развитіемъ ума, какъ Гумбольдтъ, заблестятъ....
 И такъ, похеримъ мы нашъ классицизмъ ученья
 И вѣдомство Толстаго упразднимъ:
 Его-жъ, для вящаго финансовъ сбереженья,
 Коммиссіей Тарифной замѣнимъ,
 И, кофей, вмѣсто шеоля, введе въ употребленьс,
 Мы быстро разовьемъ въ Россіи просвѣщенье.

11 декабря, 1887.

Членамъ - фритредерамъ Тарифной Комиссіи.

Коммиссіей своей вы то намъ натворили, —
 Какъ будто кофейю вы никогда не пили.

18 декабря, 1887.

Т е п е р ь.

Выбросили соръ мы:
 Вновь торимъ дорожку,
 Дѣлая реформы
 Изъ кулья въ рогожку.

18 декабря, 1887.

* *
*

Ихъ двое будутъ всѣмъ въ литературѣ править:
 Особый инъ талантъ на то отъ Бога данъ...
 Одинъ готовъ на карту Русь поставить,
 Другой— продать её на чистоганъ.

26 декабря, 1867.

Эпиграмма на самого себя,

Вкусивъ всё горести, коварство и изиѣну,
 Негодный ни къ чему, не знаю какъ и быть:
 Осталось только мнѣ вступить теперь на сцену
 И Маріо собой достойно замѣнить.

26 декабря, 1867.

Наши Титаны.

«Всѣ наши таковы Мадзини, Бруты, Муци—
 N. N. провѣщаль, съ Тибленомъ говоря:—
 Вы, на-примѣръ, Тиблень, стремились къ революціи,
 А кончили вы чѣмъ?—изданьемъ словаря.»

81 декабря, 1867.

Японской Академіи Наукъ

по избраніи новаго члена.

«Согласенъ въ этотъ разъ со всѣми я:
 Всякъ видитъ, кто не близорукъ,
 Что ты
 Не Академія Наукъ.»

8 января, 1888 г.

Редакторамъ „Искры“,

Пусть кретнямъ, какъ игрушка,
«Искра» тѣшитъ взоръ и духъ....
Миръ ей!—Стихъ мой ве хлопуща,
Чтобъ имъ бить подобныхъ нухъ.

12 января, 1888.

И о х о д ъ.

Вездѣ у насъ фразиръ или либераль—невѣжда,
Или теоріей набитый идиотъ:—
Лишь только на тебя и есть одна надежда,
Хоть съ кругу спившійся, но умный нашъ народъ!

14 января, 1888.

Святые Беворобренники,

Не дивлюсь Косъмѣ, Демьяну,
Я, какъ русскій, не дивлюсь:
Хоть сей-часъ святымъ я стану,
Съ ними въ доблести сравнюсь....

Какъ съ своею N. N. кликой
Намъ очнствль всѣмъ карманъ, —
На Руси святой, но дикой,
Всякъ безсребренникъ великій,
Всякъ Косьма или Демьяяъ.

27 февраля, 1888.

П у о т ы н я.

Уже-хъ въ Россіи нѣтъ одной живой души,
 Что только сонмъ тупицъ передовыхъ въ движенія,
 Тѣхъ, чьи идвижки въ принципѣ хороши
 И такъ смѣшны и жалки въ исполненія!...

3 марта, 1888.

* *
 *

Какъ всякій мѣднй лобъ, онъ рѣзкостью нахальной
 Въ восторгъ привелъ невѣждъ, ломаясь предъ толпой:
 Увлекъ онъ дураковъ шумихой радикальной
 И хотъ безграмотной, но красной чепухой.

7 марта, 1888.

По прочтеніи IV-го тома „Война и Миръ.“

Въ его художничьей натурѣ
 Какой-то странный Вавилонъ:
 Онъ генералъ въ литературѣ,
 А въ философін Бурбонъ.

20 апрѣля, 1888.

З а м ѣ т к а.

Отъ нашихъ всѣхъ безмысленныхъ мытарствъ,
 Да съ такими талейранами,
 Навѣрное,—нзъ первыхъ государствъ
 «Въ отставку» выйдемъ мы «ва ранами».

20 апрѣля, 1888.

* *
*

Чуждъ интриги и обмана,
Никому онъ не вредить,
Лишь для одного кармана
Онъ есть бочка Данаадъ.

Июль, 1868.

Столыпинскія Минеральныя воды.

Приваніе П. И. Я-на.

Ко всему я исполненъ холодности,—
Были-бъ штофъ, огурецъ, да селедка;
Не любилъ-бы и русской народности,
Коли-бъ съ ней не визалася водка.

Июль, 1868.

Столыпинскія Минеральныя воды.

* *
*

Бѣдвяговъ все слышу влики я,
Средь карманникъ золъ и бѣдъ:—
«Хуже нѣтъ жидъ»,
Надувательнѣе нѣтъ!....»

13 августа, 1868.

С.-Петербургъ.

Причина пьянства.

До безчувствія забыться,
Ошалѣть, тупѣть умомъ—
Вотъ мужикъ въ чеку стремится
Наливаясь виномъ;

А теперь хъ вину охота
Усторилась у него:
Пьетъ настойку онъ.....
И дурѣетъ отъ того.

19 октября, 1868.

Двѣ Евтеніи.

Когда-то Бога мы просили,
Въ молитвахъ пламенныхъ своихъ,
Избавить насъ отъ старой гнили—
Отъ консерваторовъ тупыхъ.

Теперь другое ужъ моленье,
И смыслъ евтеніи таковъ:—
Избавь Россію, Провидѣнье,
Отъ прогрессивныхъ дураковъ!

28 октября, 1868.

З а н ѣ т к а,

Мы крестьянъ освободили:
Но, по страсти въ крѣпостямъ,
Прикрѣпить ихъ поспѣшили
Къ повсемѣстнымъ кабакамъ.

18 ноября, 1868.

Судебная реформа.

И изъ разнаго способны сдѣлать вздоръ ки!
 И нашъ нѣальной прогрессъ Еврону лишь смѣнить...
 На сколько-жъ жи умни и наши всѣ реформы,
 Какъ истнй судія, Билъбасовъ разрѣшать.

27 декабря, 1868.

З а м ѣ т к а.

Ужъ такова у насъ природа!
 Претить намъ всякая свобода:
 Намъ хочется хокономъ быть —
 Народу ли, нѣь барамъ льстить.

10 января, 1869.

Н а о м ѣ ш н и ж у.

У насъ кресты — не за таланты,
 За трудолюбіе кресты:
 Тарифа-ли представилъ планъ ты, —
 И будешь кавалеронъ ты....

Зачѣмъ, съ наснѣшкой горделивой.
 На ордена вносить хулы: —

10 января, 1880.

Адвокату N. N.

Невинности моей защиту предъ судьями
 Боюсь, о, N. N. тебѣ я поручить!
 Своими прежними способенъ ты дѣлами
 «Предубѣжденіе» въ присяжныхъ поселить....

Я—скажутъ—виновать, я авторъ сихъ дѣлишекъ,—
 Недаромъ же тебя въ защитники избралъ:
 Вѣдь такъ блистательно ты отстоялъ ворисекъ,
 Вѣдь ты мошенниковъ такъ ловко защищалъ.

11 января, 1880.

Литія по уоошшемъ рабѣ Вожіемъ N. N.

Миръ тебѣ, нанъ нужиковъ сповившій,
 Миръ тебѣ, въ андѣ средѣ тѣней,
 Русскихъ бабамъ всё нутро отбавишій
 Черезъ посредство пьяныхъ ихъ мужей.

Фонари ты ставилъ нождъ глазами,
 Отъ тебя тошнило столько душъ,
 И мужикъ украшенъ желавани
 На подобье яблковъ и грушъ.

Черезъ тебя мы податей не возносимъ,
 Недоимовъ пропасть наросло,
 И неволью откуповъ мы просвѣмъ,
 Чтобъ къ тому вернуться, что прошло...

Черезъ тебя—и дѣвви, и мальчишки—
 Всѣ «мыслете пашеть» по Руси...
 Знать недаромъ шли тебѣ крестилки,
 Такъ теперъ Россія крестъ неси!

11 января, 1869.

* *
 *

Россійской оустотѣ, фразёрству Петрограда
 Всѣ города, смѣясь, даютъ свой вонтингентъ:
 На что ужъ Чухлома,—и та куда какъ рада,
 Пославъ N. N. въ нашъ Пвтерскій конвентъ!

18 января, 1869.

Газетъ.

Газета N. N. есть двухъ-этажный домъ,
 И помѣщаются два заведенья въ нёмъ:
 Вверху пріютъ для всѣхъ ума лишонныхъ,
 Внизу вабакъ писачекъ безпардонныхъ.

28 февраля, 1869.

Петербургская журналистика.

По высочайшему указу
 На площади не свищеть кнутъ,
 И былъ онъ уничтоженъ сразу,
 И палачи ужъ насъ не бьютъ...

Но въ прессѣ нашей либеральной,
 Среди журнальныхъ дикарей,
 Еще царить ты, кнутъ опальный,
 Со всею прелестью своей!

3 марта, 1869.

Проектъ о кочевникахъ.

Нашъ «Уставъ» о Нонадахъ достану
 И прочту, и скажу я въ себѣ:
 Вотъ устройство киргизъ—по Констану,
 А Тунгусъ по—Леру и Кабѣ!

30 марта, 1869.

Юношамъ — членамъ Славяномага Комитета.

Не въ буйномъ станѣ шайки грубой
 Всеотрицающихъ невѣждъ
 Намъ племя молодое любо —
 Когдѣно славы и надеждъ:

Оно намъ любо тамъ, гдѣ дѣло
 Прямое юноша позналъ,
 Въ смиреннѣ началъ строить смѣло,
 Любовь безъ злобы показалъ.

Исполненъ юныхъ силъ богатства,
 Онъ въ даль, вавъ зрѣлый мужъ, прозрѣлъ,
 И отдастъ сердце чувству братства,
 А умъ творенью здравыхъ дѣлъ....

И свято назначенье это: —
 Въ немъ русскій юноша избранъ
 Вносить плоды любви и свѣта
 На общій жертвенникъ Славянъ.

5 марта, 1866.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

„Сонникъ современной Русской Литературы.“

1855 — 1856 г.г.

(Варьянты въ стр. 328—336).

Списокъ „Сонника“, принадлежащій В. Р. Зотову и во многихъ мѣстахъ исправленный рукою Щербини, относится въ началу 1856 года и есть одна изъ раннихъ редакцій второй нутки, которую авторъ передѣлывалъ много разъ. „Соннику“ 1856 г. предположено слѣдующее (на особыхъ листкахъ)

Серъевное предхоловіе хъ пуотой и ребяческой шалости.

Писатели, эти «бичи пороковъ и благородные подвижники общественнаго дѣла», до тѣхъ поръ были предметомъ моихъ искреннихъ симпатій, пока я не узналъ ихъ лично. Приглядѣвшись къ современнымъ литературнымъ муравейникамъ и, къ несчастію, вращаясь въ ихъ удушливой сферѣ, я увидалъ на днѣ ихъ тину и безобразные осадки современнаго общества: недобросовѣтность, малограмотность, медвоуміе, пошлый цинизмъ, сплетни, клеветы, отсутствіе нравственныхъ началъ и убѣжденій, юнкерское печорничество, пустоту, мелочность, лягушечные талантики, раздуваемые въ воловъ и все т. п. Читатель можетъ себѣ представить, какъ это должно было болѣзненно подѣйствовать на впечатлительное и любящее сердце. Писатели—это общественные врачи, дѣлящіе раны толпы изображеніемъ и воспроевненіемъ жизни:—но когда эти врачи сами недужны, заражены нравственной проказой,—какая отъ нихъ можетъ быть польза больнымъ?

Читая ихъ сочиненія, и зная ихъ въ дѣйствительности, я невольно восклицаю: *medice, sige te ipsum!*

Ихъ совѣстно даже назвать литераторами: взявъ въ соображеніе благородную плеяду Карамзина и Пушкина, нашихъ современниковъ точнѣ всего можно назвать *литературщиками*. Они осмѣиваютъ недостатки всѣхъ другихъ (большою частію внѣшніе), но никто еще не попытался указать имъ на ихъ собственные недостатки, что принесло-бы пользу и литературѣ и обществу.

Человѣкъ благовоспитанный и съ нравственными правилами, въ дружкѣ молодыхъ нашихъ литераторовъ, чувствуетъ себя будто въ вертепѣ, такъ называемыхъ въ простонародья, жуликовъ и мазуриковъ. Онъ не можетъ равнодушно вынести ихъ пиническихъ разговоровъ, ихъ мизернаго юмора, плоскаго остроумія, и слышать, какъ они относятся къ другимъ, большою частію, истинно-благороднымъ личностямъ и къ жизни.

Нѣкто Новый поэтъ, въ своихъ жалкихъ фельетонашкахъ, ужъ нѣсколько лѣтъ проповѣдуетъ все пустое и мелочное нашей, и безъ того пустой и мелочной, публикѣ. Фельетоны его принесли ожидаемую пользу. Одинъ изъ тысячи провинціальныхъ молодыхъ людей, вѣрающихъ въ каждую печатную строчку и считающихъ все печатное за святое, заложилъ послѣдніе десять родовыхъ душъ, для того, чтобъ за эти деньги купить себѣ батистовое бѣлье у Лепретра и фравъ у Шармера, въ видахъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Онъ, такъ-же, какъ Новый поэтъ, не протянетъ руки на улицѣ ни одному умному, ученому и благородному человѣку, если онъ одѣтъ не по послѣдней картинкѣ моды, приложенной къ «Современнику», за что, разумѣется, поблагодаритъ всѣ умные и благородные люди, вида себя окончательно обезпеченными на улицѣ отъ подобной компрометирующей ихъ любезности Новаго поэта.

Я, въ качествѣ доктора душевныхъ болѣзней, прописалъ когда-то нѣсколько пилюль этому больному, но, вида, что онѣ не дѣйствуютъ, посоветовалъ ему обратиться къ какому-нибудь ветеринару или фельдфебелю, которые владѣютъ болѣе дѣйствительными средствами, необходимыми для подобныхъ натуръ.

Я замѣтить, что люди, неприннадлежащіе къ текущей нашей литературѣ, благороднѣе, благовоспитаннѣе нашихъ литератур-

щивовъ, которыхъ прославляемые романы и повѣсти не болѣе, какъ романы-фельетоны и новѣсти-фельетоны, подобные эфемеридамъ этого рода, тянувшимся въ фельетонахъ газетъ сороковыхъ годовъ.

Но за всѣмъ тѣмъ, между нѣтъшними писателями есть истинно образованные, чувствующие, мыслящіе и благонамѣренные люди, и если мы представимъ себѣ современную литературу какъ-бы кругонъ, то въ зенитѣ его будетъ стоять Иванъ Аксаковъ, эта отрадная, утѣшительная личность, а въ надирѣ—Иванъ Панаевъ.

Я помѣстилъ въ своемъ «Сонникѣ» нѣкоторыхъ, глубоко-уважаемыхъ мною людей, но коснулся ихъ какихъ нибудь только чисто внѣшнихъ качествъ, внѣшняго вида или обстановки жизни, не касаясь ихъ нравственнаго содержанія, которому я искренно симпатизирую. Я имъ, на собственный счетъ, далъ поводъ посмѣяться надъ моимъ дѣтскимъ простодушіемъ и аркадскимъ характеромъ, такъ несообразнымъ съ почвой Ингерманландіи, на которой я имѣю счастье прозябать.

Можетъ быть ивъ-за этого «Сонника» подымутся на меня журнальные блохи, осы, шмели и вся эта литературная метаморфоза Булгарива, только въ болѣе современной формѣ. Я буду долго слышать ихъ жужжанье противъ меня, брань, недобросовѣстные намеки, личности, клеветы, высказываемыя печатно, къ чему я такъ давно привыкъ и чѣмъ я горжусь, въ простотѣ своего аркадекаго сердца.

Это предисловіе могло-бы быть гораздо пространнѣе, но благодаря моей лѣни и врожденному скудоумію, вышло коротко, безевязно, отрывисто, и главное, что всего для меня отраднѣе—невинно.... но впрочемъ sapienti sat.

Мартынъ Задека—сынъ изъ Аркадіи.

Аксаковъхъ *) во снѣ видѣть..... вообще означаетъ все честное, благородное и достойное подражанія для всѣхъ русскихъ писателей, которые больно хромають нравственными качествами.

*) Здѣсь праводятся только добавленія или варьянты, безъ второревія уже выше (328—338) напечатаннаго текста.

Аралетова, Ивана Павлова — во снѣ видѣть предвѣщаетъ вознѣнѣть поползновение къ — грѣху *).

Бенедиктова во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть на яву индѣйскаго пѣтуха.

Г — *ку Федора* во снѣ видѣть предвѣщаетъ побивать въ звѣринцѣ....

Друзжимина Александра во снѣ видѣть предвѣщаетъ столкнуться въ Средней Мѣщанской съ Мефистофелемъ XIV класса, съ денди Выборгской стороны, со львомъ средняго кружка, съ циникомъ въ палевыхъ перчаткахъ; слышать ихъ *прошевой юморъ* и видѣть ихъ копеечный развратъ. Иногда-же предвѣщаетъ угораздиться передѣлать французскій ронаизъ на русскіе нравы, и вообще сдѣлаться чужаиднымъ растеніемъ. Дѣвицаыъ предвѣщаетъ ѣсть холодную щуку. Литераторамъ — описывать аристовратическій кругъ, куда ихъ не допускаятъ на пушечный выстрѣлъ.

Каткова, *Леонтьева*, *Коршней*, также *Феоктистова* и всю эту литературную мелюзгу «Русскаго Вѣстника» во снѣ видѣть предвѣщаетъ щеголять предъ невѣждами прививнымъ умонъ изъ разныхъ германскихъ брошюръ и фоліантовъ; не знать Россіи, смотрѣть на нее изъ Геттингенскаго окошеа или изъ предмѣстія св. Антонія; вопить заносчиво о своей добросовѣстности, съ примѣсю гордаго преврѣнія во всему, что не подхо-

*) *Аралетова* помѣщенъ между литераторами только по дружбѣ съ Н. Н. Самъ-не отъ роду не писавъ, ао кричалъ много.
Н. Щ.

дить подъ нашъ бездарный и узвѣй взглядъ; глубоко уважать собственное достоинство, безъ всякихъ на это данныхъ; писать эстетическія статьи и восхищаться разбирая, наприиѣръ, какую-нибудь древнюю статую, которую ты никогда не видалъ и которая находится въ пяти тысячахъ верстахъ отъ тебя, и все это благодаря томамъ Винкельмана и разнымъ другинъ германскинъ изданіямъ, темвмъ для вашей смиренно-мудрой публики и ребяческой критики; выдавать мысли, сказанныя давно въ Германіи, за свои собственные и въ первый разъ повѣданныя міру,—да къ тому еще, вмѣсто благодарности, ругнуть горделиво нѣмецкихъ историковъ философіи; — замѣнить природное *отсутствие таланта* и *вкуса* буквоѣдствомъ, педантизмомъ, чорствою, сухою, заскорузлою ученостью, — вычитанными теоріями и взглядами; понимать *абсолютное* значеніе и норму вещей, — что легко можно вычитать изъ множества иностранныхъ источниковъ — и не понимать ихъ *относительнаго* значенія, — для чего нужны врожденная самодѣятельность, самобытность мысли и способность соображенія; знать все, кромѣ себя и своихъ; любить и уважать все, вромѣ своего очага и, такимъ образомъ, быть мимондущими призраками и эфемвидами въ отечественномъ дѣлѣ. — Но вообще сей сонъ означаетъ, въ простотѣ аркадской души, желать посадить пальму на лапландской почвѣ и подъ полярнымъ небомъ, близоруко, не соображаясь съ мѣстными условіями; — или-же создать себѣ кумирчиковъ въ своемъ муравейникѣ; расплодить въ немъ Добчинскихъ и Бобчинскихъ русской науки, литературныхъ подлипаль и ученыхъ блюдолязовъ, и съ высоты своего пигмейсваго величія трубить о какихъ-то своихъ *собственныхъ* убѣжденіяхъ. — но *собственныхъ* потому только, что онѣ стоятъ на нашей

собственной полѣѣ; также верѣдко и довольно искусно и бельлетристически составлять компиляціи, глубоко-мысленно выдавая ихъ за свои оригинальныя произведенія, въ видахъ русскаго невѣжества. — Впрочемъ, сей сонъ весьма невиненъ.

Кроля Николая во снѣ видѣть—заболѣть нескромно.

Кукольника Нестора во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ романтическаго трубадура, превратиться въ черевъ-чуръ классическаго чиновника.

Матна видѣть во снѣ предвѣщаетъ выроста.

Некрасова во снѣ видѣть предвѣщаетъ изъ житейской необходимости войти въ связи съ пустынь и пошлымъ челоувѣкомъ, въ родѣ Ивана Панаева.

Поюдина во снѣ видѣть предвѣщаетъ: выгодно сбыть съ рувъ старую негодную рухлядь, или съ барышомъ продать старьевщику старья голенища и битые штофы; но за всѣмъ тѣмъ, — сонъ хорошій, особливо въ послѣднее время.

«*Русскій Вѣстникъ*» или объявленіе объ изданіи его во снѣ читать предвѣщаетъ увидѣть на яву, какъ перо рождаетъ мышъ, или какъ лягушки раздуваются въ быковъ; — иногда-же предвѣщаетъ испытать на самомъ дѣлѣ какъ легко надуть, на первый годъ, просто-сердечную публику великолѣпными и пустозвонными пуфами.

С...... Авдотью во снѣ видѣть предвѣщаетъ: отца и мать въ грязь втоптать — лишь-бы только плохую повѣстуху написать, или-же увидѣть, какъ русская холопа корчитъ изъ себя эманципированную Жоржъ-Сандъ.

Соловьева, профессора, и *Макарія*, епископа Винницкаго, во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть на яву первую занимающуюся зарю *самобытной русской науки*.

Солонуба графа во снѣ видѣть предвѣщаетъ: взять и не отдать; иногда-же предвѣщаетъ съ изумленіемъ увидѣть на мраморномъ пьедесталѣ роскошную севскую вазу, наполненную болотною тиной и покрытую сверху букетами камелій.

Сальясъ графиню видѣть во снѣ предвѣщаетъ выпарапать глаза челоуѣку, принадлежащему къ другому литературному муравейнику, или увидѣть на яву *Madame Rolland* Вшивой Горки. — Иногда-же предвѣщаетъ читать длинный и довольно не глупый романъ, но съ совершеннымъ отсутствіемъ всякой поэзіи, хоть и съ присутствіемъ утилитарности.

Хотинская во снѣ видѣть сонъ не цензурный!

Шестакова, московскаго профессора, видѣть во снѣ предвѣщаетъ въ слѣдующую ночь увидѣть во снѣ В. К. Тредьяковскаго, стоящаго на котурнахъ Софокла, закутаннаго въ софокловскій гиматій и выдающаго почтеннѣйшей публикѣ свою «Деидамію» за Софовлова: «Эдипа — царя».

Щербину видѣть во снѣ предвѣщаетъ быть обоимъ деннымъ чиновъ, иля вообще всякое горе и неудачу. Иногда-же предвѣщаетъ заболѣть желчной лихорадкой при *всеобщемъ благоденствіи* (зри въ русскихъ газетахъ отдѣлъ: «Внутреннихъ извѣстій»).

II.

Варьянты къ стихотвореніямъ Н. Ѳ. Щербины.

1857 г.

Въ экземплярѣ «Стихотвореній Н. Щербины» (изд. 1857 г.), принадлежащемъ *В. Р. Зотову*,—есть нѣкоторые, впрочемъ немногіе варианты отмѣченные со словъ автора. но симъ послѣднимъ не внесенные въ тотъ экземпляръ, который онъ самъ подготовилъ для напечатаннаго нынѣ посмертнаго изданія его сочиненій. Вотъ эти варианты:

Вакханка. (Стр. 17-я, послѣ 1-го стиха снизу):

Глядѣть на тебя ненаглядно!...

Не правдаль, не даромъ, уроки

Брала у самой ты Венеры,

Разлей же восторговъ потоки,

Безумія, ласкъ и упреки,

И пылъ изступленья безъ мѣры.

Весталка. (стр. 47, стихъ 6 снизу):

Я ухожу, и прощаюсь на вѣкъ съ наслажденьемъ!

Современная дума. (стр. 140 стихъ 3 съ конца).

Довольные равной судьбой,

Женщина. (стр. 141, стихъ 9 снизу):

Не человѣкомъ, но женой....

Ibid. (стр. 141, стихъ 4, снизу):

Ты о правахъ своихъ забыла

Ibid. (стр. 142, стихъ 2, съ конца):

Подвинуть мѣръ въ дорогѣ въ счастью,

Ямб. (стр. 147, стихъ 2, сверху):

Мой грустный путь безвыходно лежать,

Поэту. (стр. 149, стихъ 13 сначала):

Лживой власти, хотъ могучей

Ibid. (стр. 150, стихъ 2 съ конца):

Въ кару власти беззаконной,

Послѣ бала. (стр. 157, стихъ 7 съ конца):

А блаженствомъ дрему иль безстрастье....

Ibid. (стр. 158, стихъ 10 снизу):

Обдуманную мысль — ребяческой мечтою,

Современная Вакхическая пьеса. (стр. 160, стихъ 8 снизу):

И смѣшно намъ утѣшевье,

Ibid. (стр. 160, стихъ 1 снизу).

Въ свѣтъ строгаго ума.

III.

Эпиграммы переделанныя было для печати.

(Декабрь 1859 г.)

Такъ озаглавлена Щербиною тетрадь въ листъ (23 полулиста), куда его рукою внесено двадцать девять эпиграммъ и прочихъ сатирическихъ пьесъ. Этому списку «альбома ипохондрика» предпослано предисловіе, приведенное въ началѣ настоящаго собранія сочиненій Щербины (см. стр. XXXI). Затѣмъ слѣдуютъ: 1. «Москвитянинъ» 1856 г. (см. выше стр. 308); 2. «Нѣкая Бесѣда» (см. выше, стр. 309); 3. Газета «Молва»:

Къ «Молвѣ» названье не пристало:

Ея читателей такъ мало,

Что хотъ зови ее отнынѣ —

Гласъ воиющаго въ пустынѣ.

1857.

4. Еще о «Молвѣ» (см. выше, стр. 310); 5. «Питѣ-Обличителю», 1859 г. (стр. 319); 6. «Эпитафія экстравагантному критику», 1859 г. (стр. 317); 7. Автору

«Книги Печалей», 1855 г. (см. стр. 306); 8. «Нѣвоему Пинтѣ», 1855 г. Къ имени »Вико« сдѣлано въ рукописи примѣчаніе: «Вико, знаменитый итальянскій писатель, въ сочиненіи своемъ «Scienza Nuova» (философія исторіи), между прочимъ, говоритъ, что одни и тѣже факты въ исторіи народовъ, чрезъ извѣстное пространство времени, какъ-бы круговращаясь, повторяются, въ соотвѣтствующихъ только своему времени формахъ.» Эпиграмма «Нѣвоему Пинтѣ» напечатана выше, стр. 304; — «Напутствіе нѣвоему кивточію» (см. выше, стр. 299); — 10. «Ему-же» 1857 г. см. «Кто онъ?» (стр. 311); — 11. «Тмутараканскому критику», 1857 г. (см. стр. 309); — 12. «Нѣмцамъ-Славянофиламъ», 1858 г. (см. стр. 312); — 13. «Двойное горе», 1852 г. (см. стр. 293); — 14. «Современная поэзія», 1850 г. (см. выше, стр. 292); — 15. «Астрономическая Проблемма» (см. выше, стр. 306 — 308). — 16. «Фигура Поправленія или Конокрадъ Луговой». Спб. 1859 г. (см. выше, стр. 315); — 17. «Ужасающая догадка», 1859 г. (см. выше, стр. 318); — 18. Доморощенный либерализмъ», (см. стр. 318); — 19. «Любовная пѣсня», 1859 г. (см. стр. 319 — 320); — 20. «Эпитафія купцу», 1851 г. (см. стр. 292); — 21. «Отвѣтъ Грека на эпиграмму Татаръ», 1859 г. Отвѣтъ этотъ напечатанъ выше, на стр. 321; но вотъ эпиграмма, которая его вызвала:

Полу-хохолъ и полу-гревъ,
 Но Нѣжинской, а не Милетской,
 Сважи: къ чему ти въ алобѣ дѣтской,
 Свой жалкій короташъ вѣкъ?

22. «Литературный Вѣстовщикъ»:

Всякій слухъ меня тревожить
 И тяжолъ душѣ моей:

Въ горлѣ мнѣ першить и гложеть, —
И оно сдержать не можетъ
Ни одной изъ новостей.

1857.

23. «Невозможность эпиграммы: издателю журнала для малютокъ-идіотовъ», 1858 г. (см. выше, стр. 313); — 24. «Самое точное философическое опредѣленіе», (см. выше, стр. 344 — 346); — 25. Гегелическая «Призрачность», 1859 г. (см. выше, стр. 346—350); — 26. Автору всевозможныхъ «Пустячвовъ», 1853 г. (см. выше, стр. 302); — 27. Четверостишіе, сказанное близорукой Завистью, 1853 г. (см. стр. 302); — 28. Послѣ чтенія одной критической статьи, 1854 г. (см. выше «Новое Слово», стр. 310) и 29. «Штукаревскій либерализмъ» (см. выше, стр. 318).

Имена собственные въ эпиграммахъ передѣланы, на-
примѣръ: Кульковъ, Жалковъ, Тупцовъ, Торцовскій, За-
горьевъ и т. п.

Рукопись процензорована и разрѣшена къ печати
цензоромъ Д. Мацневимъ.

Вотъ еще эпиграмма Щербины, найденная въ одномъ
изъ списковъ и не попавшая въ изданіе, такъ-какъ не
имѣется въ его бумагахъ:

Въ нашъ вѣкъ въ фидлярствѣ самоу быстрой
Увы, не иного барыша:
За что Державинъ былъ министрой, —
Не видить.....въ и гроша!

IV.

Письма Н. О. Щербины къ О. Б. Миллеру.

1859 г.

(Дополненіе къ народіа на стр. 317).

1.

ПАТОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКТЪ.

(Изъ письма въ редакцію).

Я ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ пересталъ писать стихи, даже и успѣлъ позабыть, какъ они пишутся, словомъ, я оставилъ-было „это малодушество“....

Но какова сила изящнаго, какъ могущественны, какъ заразительны свойства истинной поэзіи!

Вотъ примѣръ.

Въ ХН-ой книжкѣ «*Современника*», за декабрь мѣсяцъ прошлаго 1858 года, я прочиталъ замѣчательнѣйшую поэму г. Аполлона Григорьева, подъ вавваніемъ:

„*Vesperia la Bella*.“

«*Дневникъ странствующаю Романтика*».

Читая это стихотвореніе, я слышалъ то будто стукъ топора, то стукъ и грохотъ пустой бочки, катящейся по кочкамъ, то, наконецъ, мнѣ казалось, что выступаетъ и заливаешь меня вода со всѣхъ венеціанскихъ лагувъ и *canaletti*.

Мнѣ чрезвычайно понравились и особенно поразили меня эти стихи г. Аполлона Григорьева въ его превосходной поэмѣ:

«Изъ тѣхъ ночей особенно одна
Мнѣ памятна дождливая.—Проклятыя
Достаточныя отъ меня она
Терпѣла. Въ этотъ вечеръ увидать я

Тебя не могъ,—была увезена
 Куда-то ты,—но дверь отворена
 Въ твой уголокъ, дышавшій благодатью,
 Въ пріютъ твой дѣвственный была, и платье
 Забытое, или брошенное тамъ
 Лежало на диванѣ... Съ замираньемъ
 Сердечнымъ, съ грустью, съ тайнымъ содроганьемъ
 Я прижималъ его къ своимъ устамъ,—
 И ночь, потомъ,—сколь это необходимо—
 Я самъ, какъ пѣсь, вылъ *глухо и безстыдно*.

(стр. 379).

Еще и прежде и послѣ этой строфы г. Григорьевъ частенько прибѣгаетъ ко псу, такъ, напримѣръ говоря:

«То пса тоска, то мука злыхъ духовъ!»

(стр. 390).

и потомъ въ слѣдующей строфѣ подтверждаетъ это, восклицая:

«Да! пса тоска.....» и проч.

Или, на той-же страницѣ онъ опять говоритъ о своемъ таинственномъ, неизбѣжномъ *псѣ*:

«Глядишь какъ сычъ, бывало, сердце поеть.

А пѣсь такъ *глухо, дико, жалко воеть*».

(стр. 390).

Въ концѣ своего произведенія, что весьма замѣчательно, нашъ глубокомысленный поэтъ выразилъ слѣдующую, какъ видно, субъективную истину:

«Глушь иногда бываетъ человѣкъ».

(стр. 395).

Читая эту поэму, я, послѣ каждой строфы ея, ощущалъ въ себѣ что-то похожее на *водобоязнь* (гидрофобію), а по прочтеніи всей поэмы почувствовалъ, что во мнѣ тотъ-часъ возобновился старый болѣзненный припадокъ, называемый у недиковъ—*spasmus scriptatoria*,

и я невольно принялся писать поему, и думаю что „пѣсень въ двадцать-пять.“

Вотъ ея начало:

Вотъ l'Antica.

(Однѣея колѣдника оумасброда).

Я милую мою въ античный Римъ привѣзъ:
 Дремала при лунѣ всемірная столица,
 И я исполненъ былъ какихъ-то дивныхъ грѣзъ
 И глупыхъ, и больныхъ, дождемъ вропящихъ слѣзъ,
 Мнѣ видѣлись вездѣ трагичесвія лица, —
 И я завидь тогда, какъ нѣкій ярый пѣсь,
 А милая моя завyla, будто псаца, —
 И въ вѣчномъ городѣ такой поднялся вой,
 Что заревѣли вдругъ козелъ, ослица
 И крикнулъ «*караулъ*» французскій часовой.

Пользуясь благодѣтельной гласностью, такъ широко развитой въ наше время, сообщаю это, какъ *патологическій фактъ* для свѣдѣнія людямъ, специально занимающимся Психіатріею.... Но признаться — боюсь *протеста нападокъ*... хоть со стороны здраваго смысла положимъ.

Николаіки Омега.

1859 года, Января 14.

С.-Петербургъ.

2.

Сдѣлайте милость не печатайте моего „патологическаго факта“. Этимъ вы меня лично обяжете. Онъ написанъ въ минуту ипохондрии, и, можетъ быть, по мимо меня, вышелъ злымъ, — между тѣмъ какъ я люблю А. А. Григорьева сердечно, а эта статейка будетъ клеветою на мое нормальное чувство, тѣмъ болѣе, сколько я сознаю теперь, въ ней есть обидныя выраженія и намеки, и даже дерзаія, какъ на-примѣръ:

субъективная (!!) истина

«Глупъ иногда бываетъ человѣвъ».

Поспѣшите велѣть вынуть ивъ формы въ типографіи, если она набрана и замѣните это мѣсто какимъ либо стихотвореніемъ, а я вамъ за это одолженіе для меня пришлю серьезнаго содержанія стихотвореніе...

Постарайтесь, поспѣшите устроить это дѣло, чѣмъ много меня обяжете.

Весь Вашъ

Щербина.

PS Да и притомъ эта породія явилась уже въ «Искрѣ».

27 января, 1859 г.

Петербургъ.

3.

С.-Петербургъ января 20 дня 1859 г.

Пріятнѣйшее письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить, и не могу не высказать вамъ при этомъ случаѣ всю полноту моей искренней признательности за дружеское вниманіе ваше и сочувствіе ко мнѣ.

Намѣреніе ваше предложить меня на выборахъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества любителей Русской Словесности я принимаю, какъ особенную честь для себя, обязывающую меня впредь своими трудами сдѣлаться болѣе достойнымъ этого почетнаго и снисходительнаго выбора, дающаго мнѣ поощрительную возможность быть въ числѣ тѣхъ лицъ, которыхъ я привыкъ уважать и которые, въ настоящее время, составляютъ лучшихъ людей нашего отечества. Это общество основано въ *Москвѣ*, и потому оно многозначительно для Руси.

Только живя въ Петербургѣ, можно вполнѣ оцѣнить что такое Москва, по отношенію къ отечественной мысли и слову, да и вообще въ настоящему и будущему Россіи.

Еще разъ признательно благодарю васъ за лестное для меня предложеніе ваше, на которое я изъвляю полное мое согласіе.

Вотъ уже 6 лѣтъ какъ я занимаюсь изученіемъ *рускаго быта, исторіи, народной словесности* и вообще великороссійской народности. Каждый годъ четыре лѣтнихъ мѣсяца разъѣзжаю по деревнямъ для изученія народной словесности, народнаго быта и характера. Живя же въ Петербургѣ, я все это изучаю по нисъменнымъ памятникамъ, и по опыту знаю, что наша Русь—неисходимое море для изученія. Вотъ почему я много учусь и почти пока еще ничего не пишу.

По этой причинѣ, я теперь ничего *пока* не могу доставить для вашего журнала, но надѣюсь къ осени прислать вамъ что нибудь, чѣмъ исполню свой долгъ въ отношеніи къ вамъ.

На счетъ моего сатирическаго альбома я скажу вамъ, что, по нѣкоторымъ причинамъ, я не могу имъ распорядиться, какъ бы хотѣлъ, ибо далъ обѣщаніе относительно его „Искрѣ“. Впрочемъ, что не могло бы войдти въ нее, я современемъ, когда буду имѣть право, доставлю вамъ.

Попросите отъ меня князю Н. П. Шаликову о доставленіи мнѣ альбома съ оказіей.

Вашъ весь Н. Щербина.

V.

Списокъ эпиграммъ Щербовны не вошедшихъ въ полное избраніе его оочиненій.

- 1) Хвалебная пѣсня Евдокіи Гливиѣ..... (1862 г.).
- 2) Русская эпиграмма (1854 г.) «Правой мысли цвѣтъ и сила»...
- 3) Онъ Буларинъ въ «Арлекинъ»....
- 4) Онъ въ «Арлекинъ» воспѣвалъ..... (1854 г.).
- 5) «Въ Россіи странный вѣкъ насталъ».... (1857 г.).
- 6) Вопросы: Кто ходъ людей сдержалъ отъ ешка.... (1859 г.).
- 7) Жалки намъ твои творенья... (1859 г.).
- 8) Загадка.—Подражаніе Пушкину. (1862 г.).
- 9) * * Значенье недорослямъ придалъ... (9 апрѣля 1862 г.).
- 10) Ты тупоумно, непристойно..... (11 апрѣля 1862 г.).
- 11) Русская современность (1862 г.).
- 12) * * Онъ Пилать студентской дружбы... (1 іюня 1862 г.).
- 13) Политическій уніяъ Петербурга. (25 октября 1862 г.).
- 14) Алексѣевскій равелинъ въ 1862 г. (7 декабря 1862 г.).
- 15) На тупоумія маистра.... (6 апрѣля 1863 г.)
- 16) * * Тупоумнымъ для забавы... (23 мая 1863 г.)
- 17) На Руси—на все есть мода.... (8 мая 1864 г.)
- 18) * * (28 сентября 1864 г.).
- 19) * * Идемъ съ формой... (12 января 1866 г.)
- 20) * * Не сердителъ.. Пришлось къ слову... (21 января 1865 г.)
- 21) * * Онъ доказалъ... (24 января 1865 г.)
- 22) Вопросы Спиритовъ. (7 октября 1865 г.)
- 23) * * Алъ, какая онъ.... (26 апрѣля 1866 г.)
- 24) Эпциклика. (іюнь, 1866 г. Старая Русса.)
- 25) Совѣтъ. (іюль, 1866 г. Старая Русса.)
- 26) Смерть С. С. Дудышкина. (На мотивъ изъ Шиллера; 17 сентября 1866 г.)
- 27) * * и * * Квтикофъ лордъ да емердъ Иванецъ... (16 января 1867 г.)
- 28) Повсюду печать крестинизма... (7 іюня 1837 г.).
- 29) Палину, (экспромтъ 28 октября 1867 г.)
- 30) Зараза. (24 октября 1867 г.)
- 31) «Marquis de N. N.» (4 декабря 1867 г.)
- 32) Русская серія. (4 декабря 1867 г.)

- 33) XIX вѣкѣ. (9 декабря 1867 г.)
 34) Я на исторію сошлюся... (10 декабря 1867 г.)
 35) По нашей логикѣ. (Дилемма, 10 декабря 1867 г.)
 36) Дополненіе къ «Русскому Толковому Словарю» В. И. Даля.
 Когда въ Россіи многопьющей!... (1868 г.)
 37) Трущобнымъ зомланъ, (3 января 1869 г.)
 38) * * Я изъ міра сего мнооумнаю.... (30 марта 1869 г.)

Опечатки.

Стр.	Острога.	Напечатано:	Читай:
15	стихъ 4	сверху: И люблюсь	И люблюсь
47	— 10	снизу: Бѣдна ты душой	Вижу бѣдва ты душой
69	— 1	сверху: Орицавьемъ	Отрицаньемъ
74	— 3	— душа волненье	душа твоя волненье
108	— 5	снизу: рацвѣта	расцвѣта
152	— 5	— круками	криками
153	— 5	сверху: яты	ядра
207	— 3	снизу: За что и какъ	За что, какъ
211	— 8	— о чемъ ты во- пишь, могила?	о чемъ вопишь могила?
241	— 14	сверху: Провидѣнья	Провидѣнья
302		1854 г.	1853 г.
306		1856 г.	1855 г.
309	— 6	снизу: Успѣнье	успенье,
310		• 17 мая 1857 г. •	«1854 г.»
341	строка 3	снизу: (soleorega)	(soleoretega)
345	— 5	сверху: философскомъ	философскомъ
546		Гегелическая	Гегелическая «Призрач- ность» (1859 г.)
355	— 3	снизу: ботаническіе виды	описаны ботаническіе виды.

